

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОКСИД ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2025

Приокские зори

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2025—1(76)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«Двадцать лет спустя». К Юбилею Всероссийского ордена Г. Р. Державина
литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 18

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантазмагория..... 40

Евгений Асташкин. Главки из романа «Мертвый город»..... 55

Максим Ершов. Кукша Печерский (историческая повесть)..... 66

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Анастасия Васильева. Вера, Надежда, Любовь..... 82

Валерий Румянцев. Голос прошедших лет..... 89

Александр Александров. Мефодий..... 95

Геннадий Опарин. Персона нон грата..... 101

Илья Чесноков. Заикание..... 107

Людмила Брагина. Исцеляющая сила..... 113

Олег Роменко. Пример для подражания..... 120

Юрий Жекотов. Потерянное чудо..... 130

Никита Николаенко. Проказница Майла..... 134

Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон»..... 140

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Нат Весенин. Круговорот любви..... 168

Юлия Зимина-Кондакова. Вокзалы..... 170

Вероника Габард. Ноев ковчег..... 173

Елена Колесникова. Первый снег..... 176

Маргарита Графова. Ноябрь..... 178

Кристина Денисенко. Напиши, поэт..... 181

Анатолий Ливри. Утро Немезиды..... 186

Николай Тимохин. Новое и лучшее..... 188

Игорь Отчик. Уходит время.....	190
Яков Шафран. О главном.....	194
Егор Козлов. «1820».....	198
Сергей Лушан. Родные просторы.....	204
Владислав Терентьев. Когда душа не хочет танцевать.....	208
Валерий Демидов. Поэма о матери.....	212
Сражающееся слово (предисл. и сост. Владимир Алешин).....	225
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Алла Новикова-Строганова. Победить черта: художественное поучение Н. С. Лескова.....	230
Николай Макаров. Врачи 106-й в Афганистане.....	237
Евгений Трещев. «Не нужно мне солнце чужое».....	244
Вадимир Трусов. «В ожидании последней битвы?» (о романе Алексея Яшина «Пир в Валгалле»).....	248
Владислава Васильева. Воспоминания о Полярном.....	250
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	253

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) —
 зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) —
 зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Шекино)
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) —
 председатель Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
 Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) —
 зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) —
 Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)
 — журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского государственного университета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):

<http://www.pz.tula.ru>

<http://www.tro-spr.ru>

Портал «Журнальный зал»:

<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

К Юбилею Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

В начавшийся, юбилейный для журнала, 2025-й год руководитель творческого совета журнала **Геннадий Маркин** взял интервью у литературного шеф-редактора (главного редактора) «Приокских зорь» **Алексея Яшина**.

Г. М. Алексей Афанасьевич, в наступившем 2025 году литературно-художественному и публицистическому журналу «Приокские зори» исполняется двадцать лет. Это тот, хотя бы и скромный, юбилей, когда можно подвести определенные итоги. Скажите, с каким багажом пришел журнал к своему юбилею?

А. Я. С обширным, Геннадий Николаевич. Это всероссийский его статус, о чем говорит издание под эгидой Союза писателей России, который включил журнал в список изданий, публикации в которых засчитываются при приеме их авторов в члены Союза писателей России, и одновременно Академии российской литературы; известность не только в нашей стране, но и среди русскоязычных его авторов и читателей в Ближнем и Дальнем Зарубежье; наконец, «Приокские зори» являются несомненным лидером среди российских и зарубежных русскоязычных журналов по обширности своей инфраструктуры. Под его патронажем выходят альманахи журнала «Приокские зори»: ежегодник «Ковчег» — главный редактор Яков Наумович Шафран, ежегодный же литературный и публицистический альманах «На крыльях Пегаса» — главный редактор Эдуард Павлович Георгиевский, а Сергей Владимирович Сенин редактирует и издает музыкально-поэтические альманахи «На лирической волне» и «Тульская сторонка», выходящие по несколько раз в год.

К таковой же инфраструктуре относим серии авторских книг «Библиотека журнала «Приокские зори», вышло порядка 80 книг, и «Приложение к журналу «Приокские зори», вышло около полусотни книг. Упомянем в данном качестве и ежегодную Всероссийскую литературную премию «Левша» имени Николая Семеновича Лескова, вручаемую за лучшие публикации в журнале, учрежденную пятнадцать лет назад. К настоящему времени лауреатами «Левши» стали шестьдесят авторов «Приокских зорь» в номинациях художественной прозы, поэзии, литературоведения и литературной критики, литературной публицистики. Среди лауреатов — хорошо известные в России писатели: Владимир Бояринов, Игорь Нехамес, Александр Субетто, Виктор Буланичев, Леонид Иванов, Владимир Федоров, Владимир Корнилов, Николай Еремин, Александр Балтин, Эдуард Побужанский. И русское литературное Зарубежье имеет своих лауреатов: Игорь Карлов, на тот момент — Монголия, Наум Ципис — Германия, Игорь Герасимов — Донецкая Народная Республика, 2013-й год, Анатолий Аврутин — Белоруссия, Тимур Зулфикаров — Таджикистан, 2016-й год, Ефим Гаммер — Израиль, Людмила Воробьева — Белоруссия. Награждено лауреатством и юридическое лицо: Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», с которым наш журнал связывают долголетние братские отношения, в частности, выпуск трех «белорусских» номеров «Приокских зорь».

Понятное дело, не обижены и тульские авторы: «награды нашли своих героев», хотя мы и не страдаем местничеством: журнал издается в Туле, но он — *всероссийский*! Кстати, первым Почетным лауреатом стала старейшая на тот 2008-й год советская и российская писательница Наталья Деомидовна Парыгина, одна из основателей Тульской писательской организации Союза писателей СССР.

...Но все же главное содержание нашего «багажа» — это, вне всякого сомнения, та роль, которую исполняет наш журнал на сегодняшний день: его признанные роль и место во всероссийском литературном процессе, свое литературное «лицо» и фактор консолидирующего печатного органа для тульских литераторов.

Г. М. *Давайте обратимся к двадцатилетней давности. На дворе 2005-й год. Вы — набирающий известность советский, а затем и российский писатель, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды доктор наук, дважды профессор, автор нескольких десятков художественных и научных книг, вдруг решили создать «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал. Или все же не вдруг? Как все начиналось?*

А. Я. Как говорится, нам чужого не надо — своего хватает. Это к тому, что идея создания выходящего в Туле литературного, тогда межрегионального — с авторами из соседних «по Оке» областей, — журнала и начальный старт его «материализации» принадлежит Николаю Николаевичу Минакову, известному в нашем городе подвижнику литературного просвещения, талантливому писателю-публицисту и поэту, умелому движителю литературного процесса. Окончив Ленинградскую высшую партийную школу по специальности организации печати, с соответствующим литературно-издательским образованием — «конек» Ленинградской высшей партийной школы! — он долгое время, до разрушения мировым империализмом сверхдержавы СССР, работал в Тульском обкоме КПСС завсектором печати. И не просто руководил, но, что называется не в службу, а по своей приязни к русской словесности, всячески поддерживал тульских писателей, Тульскую писательскую организацию Союза писателей СССР, которая после хамски обставленного бегства в 1969-м году в Англию Анатолия Кузнецова, «прописанного» в Туле, члена редколлегии «Юности», «травмированного ранней славой» — определение одного его коллеги, оказалась под пристальным надзором и ограничениями «сверху». Честь и хвала за то Николаю Николаевичу!

...Другое дело, что бережно опекаемые им тульские писатели весьма холодно отнеслись к нему в «новые времена». Меня он сразу выделил из их среды, стал мне старшим другом. И как-то во время прогулки по Центральному тульскому парку огорошил меня, предложив возглавить давно задуманный им «толстый» литературный журнал. Пояснил: уже является главным редактором издаваемой им тульской литературной газеты; дескать, уверен в моих организаторских и творческих способностях... опять же выпускник Литературного института имени Алексея Максимовича Горького Союза писателей СССР — таково было официальное название. Согласился, особо не раздумывая, памятуя слова Пушкина о ведущей роли журналов в литературном процессе.

На следующую встречу я принес лист бумаги, исписанный где-то тремя десятками возможных названий планируемого журнала. Николай Николаевич пару десятков вычеркнул, а из оставшихся предложил выбрать «автору» — с соответствующим обоснованием.

«Приокские зори» обосновал следующими соображениями. Ока — самая русская река. Почти вся русская классическая литература вышла из окрестностей ее верхнего течения. Тула стоит не на Оке, а на ее притоке Упе. Но граница нашей области наполовину очерчена Окой. Весь запад области от Белева до Алексина, с небольшим «мыском» на Калугу, идет по Оке — это историческая «страна князей», где за два века проходила граница между двумя русскими государствами — Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским, — в их противоборстве за право

стать новой, после Киевской, Великороссией. А от Алексина до Серпухова Ока — северная сторона Тульской области. Да и на востоке, от Коломны до Рязани, река течет не так уж далеко от нас...

Таким образом, мы живем *при Оке*, туляки есть жители *приокские*. И зори мы видим утренние и вечерние за Окой.

...Бесконечно благодарен Николаю Николаевичу за воспитательный урок по образу: хочешь кого научить плавать — забрось его в воду, дескать, плыви, малец, иначе и не научишься. Сформировав и сдав в издательство первый, пробный номер, сказал он мне: «С меня все. Дальше делай журнал сам и находи все нужное для этого сам. Да-а, и не забудь заплатить в издательстве за пробный номер!»

Так и появились «Приокские зори».

Г. М. *С какими трудностями столкнулись при создании журнала, его оформлении и регистрации, кто Вас поддержал, и были ли такие люди, которые, скажем так, вставляли палки в колеса?*

А. Я. Из пространного ответа на Ваш предыдущий вопрос понятна стремительность создания и начала выпуска журнала. Как ни странно, но трудностей не оказалось. За пробный номер, то есть его тираж в 100 экземпляров, заплатил из своего кармана. Благо трудился тогда первым заместителем, замом по науке директора государственного научно-исследовательского института... даже с припиской «...и зам. главного врача», при техническом образовании! Мог себе позволить. Дальше еще проще. И в Тульском госуниверситете не последним человеком был, все же единственный в нем по совместительству двойной доктор наук, двойной же профессор, заслуженный и почетный, и так далее. Опять же председатель сразу двух диссертационных советов — все «дважды», только оклад не двойной, а половинный.

Но — не имей сто рублей... Идею издавать свой литературный журнал горячо поддержал хорошо знавший меня проректор ТулГУ по финансам Самуил Давидович Фейгин, душевнейший человек! И ректор Эдуард Михайлович Соколов благословил на доброе дело. Без малого десятилетие не знали мы забот и хлопот: типография Издательства ТулГУ исправно, в срок выдавала на-гора тираж в 200, потом и в 250 экземпляров, это когда столичные «мастодонты» едва за тысячу-другую переваливали...

С официальной регистрацией и вовсе без хлопот: соответствующая служба в пяти минутах ходьбы от нашего учебного корпуса — минимум нужных бумаг и никаких проволочек; пишу с оговоркой: так было двадцать лет тому назад.

Самое длительное, но во многом и привлекательное — это формирование работающих: не *honoris causa**! редколлегии и редакции — это различные журнальные органы. Отчасти метод «проб и ошибок» имел место быть. Так, введенный в редколлегию достаточно известный писатель из «русских американцев», профессор, вскоре и покинул ее: не устроило упоминание имени Сталина... Но все же основной подход, длящийся уже два десятилетия, — это постепенный отбор кандидатур. То есть попала на глаза добротная публикация — запомнил фамилию автора. Далее уловил его интерес к журналу — поощрил добрым словом — материально нечем... Через год — другой — третий уже свой человек в журнале. А то и вовсе удостоен «Левши» за свои опубликованные у нас произведения. Наконец, предложение войти в редколлегию или в редакцию. Отказов не припомню.

Полагаю, что к настоящему времени эти органы журнала — фамилии не перечисляю — возьмите любой свежий номер, сформированные указанным образом, суть работоспособны, профессиональны и искренне преданны «Приокским зорям» с их идеологией классической русской направленности, истинного патриотизма, устремления к высокой образности, художественности печатного слова.

Особая признательность членам редколлегии — заведующим отделами, на плечи,

* Почета ради, почетный (лат.). — Прим. А. Я.

головы, разумеется, которых взвален огромный объем работы по знакомству с вновь поступающими материалами. Исполать им! И, конечно, техническим работникам редакции, обеспечивающим высокопрофессиональную редактуру, корректуру, обработку заказов на номера журналов. Опять же — низкий поклон Издательству Тульского государственного университета, печатающему журнал. Сам себя не похвалишь, но похвалу высшей степени отнесу к ответственному редактору-секретарю Якову Наумовичу Шафрану, к которому сходятся все нити и рычаги механизма под гордым названием «Приокские зори».

«Палки в колеса», как вы, Геннадий Николаевич, говорите, нам никто не вставляет: поискать еще надо такие палки! А иным и дела нет до литературы. Но администрации всех уровней к нам равнодушны. Особый вопрос о наших взаимоотношениях с Тульской писательской организацией Союза писателей России. Возможно мы далее в интервью и вернемся к этому... а может и нет. Ибо тулякам и так все известно, а не-тулякам малоинтересно...

Г. М. *Да, многим тулякам известно взаимоотношение между нашим журналом и Тульской писательской организацией. Мы обязательно поговорим об этом, а пока мне хочется спросить Вас вот о чем. Помню, в Год литературы, в 2015 году, тульская писательская организация пережила два неприятных момента. Первый из них — это потеря своего исторического здания на улице Каминского в Туле, и второй — журнал «Приокские зори» оказался без государственной финансовой поддержки. Расскажите об этом периоде жизни журнала. Как вышли из положения?*

А. Я. «Как мужик двух генералов прокормил», — сразу вспомнился Михаил Евграфович. Кстати, поруководивший в Туле Казенной палатой, то есть губернским бюджетом, и много взявшего из той жизни города для своих сатирических произведений. Вот и мы, безлошадные, «кормим» если не генералов, то уж точно хиреющий литературный процесс: области, страны? — это неважно, все мы в одной лодке плывем...

Конечно, потеря «Дома Каминского», маленького дворца в самом центре города, бывшая городская усадьба, сильно ударила по писательской организации. Как ни сражался за это здание Валерий Яковлевич Маслов, ранее и создавший здесь «Дом творчества», но — против лома нет приема. Нет, мол, такой профессии — писатель! Не забываяте, что в свое время и Литературный институт им. А. М. Горького, мою *alma mater*, всерьез собирались прихлопнуть, как «экономически нерентабельный»... или что-то в этом роде. С потерей же «Дома Каминского» прекратилось и живое, творческое общение тульских писателей. Все перешло в холостую виртуальность и редкие, раз в год, дежурные «общие собрания». В данную взамен, словно в насмешку, берлогу в разваливающемся рабочем бараке первых послевоенных лет постройки, сами ноги не несут...

Геннадий Николаевич! Употребленные Вами слова «государственная финансовая поддержка», к сожалению, к нашему журналу даже отдаленного, символического отношения не имеют. Отвечая на Ваш предыдущий вопрос, я уже пояснил: издание тиража журнала в первые десять лет его существования — это не госфинансирование, а добрая воля руководства Тульского госуниверситета. А тот момент, что прекращение такого печатания пришлось по времени на смену этого руководства, вовсе не означает чью-то «злую волю», те же, уже упоминавшиеся, «палки в колеса». Тем более, что и при новом ректоре добрый гений нашего журнала Самуил Давидович остался советником по финансовой части. Как он мне сам объяснил причину прекращения печатания, все дело в наступившем устроении в части контроля за расходованием бюджетных средств в стране... напомним, ТулГУ является «федеральным государственным бюджетным учреждением высшего образования».

Расходы же таких учреждений полагаются оправданными и целесообразными, если они соответствуют *профилю* подготовки специалистов. Увы, литераторов-писателей-поэтов ТулГУ не взращивает. А вот журналистов, будущих «акул пера»,

наш университет готовит; имеется соответствующая кафедра. Потому-то ей и разрешили издавать в нужном числе экземпляров свой журнал, весьма полиграфически скромный, тетрадного образца. Мы же не вошли, понятно с чем, в калашный ряд.

...И вот уже десять лет, как «Приокские зори», и раньше-то не имевшие ни копейки, даже гроша и полушки, чьей-либо поддержки, не позволяют роскоши бесплатной — для журнала — печати сколь-либо крохотного тиража.

Г. М. *Как-то в Ясной Поляне я познакомился с ректором Литературного института имени А.М. Горького Варламовым, и в разговоре Алексей Николаевич посетовал, что журнал «Литературная учеба», в котором он был главным редактором, перестал существовать после того, как лишился государственной финансовой поддержки. Наш журнал «Приокские зори», оказавшись в таком же положении, хотя и в электронной форме, но все же продолжает жить. Скажите, как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?*

А. Я. Позвольте Вас поправить, Геннадий Николаевич. «Приокские зори» уже двадцать лет как выходят в двойной форме: «бумажной» и электронной, размещаемой на сайтах журнала и Тульской писательской организации Союза писателей России, а также на всероссийском портале «Журнальный зал». Просто первое десятилетие, как выше говорилось, ТулГУ печатал за свой счет тираж в 200—250 экземпляров, а сейчас, уже десять лет, экземпляры выходящих номеров «Приокских зорь» печатает по индивидуальным заказам авторов и читателей Издательство ТулГУ, за что наша глубокая признательность директору Издательства, члену редколлегии журнала Олегу Викторовичу Пантюхину. Понятно, что заказчики оплачивают работу по печатанию номеров.

...«Америки-европы», конечно, нам не указ, но такая гибкая форма издания литературных, научных и иных журналов давно принята в мире. В наше время полномасштабного «оцифровывания» всего и вся, а наряду с этим и предельного сужения круга читателей, особенно в части литературно-художественной, это является наиболее оптимальным: как с позиции издающих журналы, так и их авторов и читателей. Действительно, подумайте безэмоционально и взвешенно: стоит ли ломать копыя, ходить по инстанциям, тратить уйму времени и нервов, годами сочинять «просьбенные» письма, идти на нежелательные компромиссы, наконец, заранее обрекать свое издание под навязчивый административно-бюрократический контроль... и все это только для возможности печатания тиража в сто — сто пятьдесят и уж совсем немислимо — в двести экземпляров! Которые к тому же осядут мертвым, ни разу не прочитанным грузом в учреждениях по предписанию административных субсидаторов...

И кто возразит? Действительно, получается горькая пародия на прежние времена, когда журналы издавались тиражами, начиная от сотни тысяч, и по отлаженной подписной сети доставлялись — за неполный рубль стоимости! — этим же сотням тысяч жаждущих читателей, а у тех еще родственники, соседи и коллеги по работе и учебе в очередь на прочтение становились...

Итак, в наших реалиях: читай повсеместно на экранах, а если эстет книжный — заказывай бумажный вариант вновь выходящего номера журнала. На том и стоим. Надеемся, не безосновательно.

Другой момент в Вашем, Геннадий Николаевич, вопросе: почему так быстро «сдался» Литинститут? Кстати заметим, что его «Литературная учеба» как раз являлась изданием, стопроцентно отвечающим профилю института литературного! То есть никакие бюджетно-финансовые устрожения здесь не висели дамокловым мечом. Или бритвой Оккама в философической образной терминологии. А уж как было не поддержать электронное издание «Литературной учебы»?

Скорее всего, дело здесь в особом «столичном менталитете», сложившемся в советские времена... а что говорить про нынешнюю Москву с ее социальной, финансо-

вой и прочей обособленностью? Таковой «менталитет», в кавычки заключаю из-за своей неприязни к порче русского языка потоком «импортных» словечек, включает в себя определенные «потребительские» настроения: дали что-то — замечательно, не дали — не огорчимся особенно, биться и добиваться себе дороже. И так хорошо живем. Надеемся, не обидное для своей *alma mater* сказал...

Другое дело советская периферия или нынешняя провинция — как язык-то изменился! — где люди привыкли с упорством держаться, в том числе и в части издания литературных журналов.

...Все же, Геннадий Николаевич, возвращаясь к ранее сказанному, не удастся избежать щекотливой темы истории и нынешнего взаимоотношения «Приокских зорь» с Тульским региональным отделением Союза писателей России. Но и здесь следует расставить все *point sur les «i»*, коль скоро наше с Вами интервью хотя и юбилейное, но вовсе не «парадно-показательное». Опять же сложное мое воспитание — военноморское за Полярным кругом в потомственной старообрядческой семье — располагает к полной искренности и вдумчивому анализу.

Все же многоопытный в административном и литературном политесе Николай Николаевич Минаков, основывая «Приокские зори», совершил непоправимую ошибку стратегической значимости: сам не будучи тогда членом Союза писателей России, принципиально не ввел в состав руководства и редколлегию журнала никого из мэтров Тульской писательской организации, даже тогдашнего ее председателя Виктора Пахомова. Дескать, будем, Алексей, выпускать журнал высокопрофессиональным и не зависимым ни от кого!

И хотя вскоре, «взяв в свои руки» «Приокские зори», исправил эту ошибку, а с позапрошлого года и вовсе, сохранив ранг всероссийского, обозначил журнал как печатный орган Тульского регионального отделения Союза писателей России, но — все тщетно, «проклятие рода Баскервильей» осталось. К сожалению, действие психологического закона сдвига мотива на цель обратной силы не имеет...

Г. М. Алексей Афанасьевич! В чем же и как проявляется упомянутый Вами «холодок» в отношениях между «Приокскими зорями» и Тульской писательской организацией?

А. Я. А это вроде как воздействие конспирологического «Тайного мирового правительства» на все дела и события нынешнего, «успешно» глобализующегося мира — при всех его противоречиях и взаимной нетерпимости. Здравым умом ясно понимая, что «вживую» такого сверхоргана управления миром нет и не может быть, тем не менее таковая направляющая рука очень даже чувствуется. Так и в мельчайшей песчинке мира, то есть в отношении тульского писательского объединения Союза писателей России к нашему журналу, такое виртуальное целеуказание мы, «приокскозоревцы», не менее явно ощущаем... хотя бы, как уже сказал, журнал де-юре орган Тульской писательской организации Союза писателей России, чуть менее четверти состава организации — члены редколлегии и редакции журнала, таковые же составляют половину Правления Тульской писательской организации... А при всем при этом, если поприсутствовать на нашем писательском собрании, словно «Приокских зорь» и в природе не существует. Если ваш покорный слуга не напомнит собравшимся о журнале, то никто и слова не скажет! Прекрасный сюжет для гофманияды...

За двадцать лет сменилось все руководство писательской организации, на три четверти состав ее, но... печать отчуждения все так же лежит на ее отношении к журналу. Мистика? — можно и на этом успокоиться. Ведь два десятилетия обходились без опеки славного Тульского писательского отделения Союза писателей России и далее прекрасно обойдемся. Так что, Геннадий Николаевич, вопрос «как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?» — заданный Вами чуть ранее, оставим по разряду риторических. Все сохранилось усилиями членов наших

редколлегии и редакции и высоким литературным уровнем «Приокских зорь», а это тот самый «магнит», что сохраняет прежних авторов и читателей и притягивает все новых и новых.

Итак, журнал живет и крепнет его высоким литературным реноме и трудами той «великолепной десятки», не «семерки», как в японской, советской и американской киноклассике, что на профессиональном уровне, но сугубо на общественных началах делают наш журнал. И еще один маленький штришок: все двадцать лет и все необходимые финансовые издержки — платная верстка, оргтехника, почтовая рассылка и прочее — несет ваш покорный слуга... с более чем мизерными доходами — где-то под десять тысяч на каждый номер. Ну-у, это, как говорится, назвался груздем... Вроде как вся историческая картина с положением журнальным делом обрисована. Пора перейти к делам на злобу дня.

Г. М. Ну что же, Алексей Афанасьевич, давайте поговорим на злобу дня. Когда в 2014 году на Украине начался вооруженный конфликт между киевской властью и жителями Донбасса, журнал продолжал публиковать авторов, находящихся по разные стороны баррикад. Помню, Вы потребовали от нас, членов редколлегии журнала, при отборе произведений для публикаций, усилить контроль и не принимать к публикации те произведения, в которых разжигался бы конфликт, либо же высказывались неодобрения сомнительного характера. И постоянные наши авторы, как жители центральных регионов Украины, так и Донбасса, еще ни один год продолжали мирно сосуществовать на страницах журнала. Сегодня ситуация совершенно иная: Донбасс и ядро Новороссии стали частью России, а на Украине наша страна проводит Специальную военную операцию. В этих условиях продолжает ли журнал быть открытым для украинских авторов?

А. Я. Геннадий Николаевич! Хотя скоро минет три года военным действиям, а само с нашей стороны ее название СВО, то есть без всеобщей мобилизации и других мер, подпадает под принятую терминологию «военная кампания», но сам затяжной характер военных действий, их ожесточенность, а главное — это военное противостояние со всем НАТО во главе с США: с их оружием и руками, головами обреченными, правильное, украинцев — свидетельствует: на фоне многочисленных гибридных войн современности противостояние России и Запада на полях и в степях Украины самое ожесточенное. А если учесть, в чем-то ведь можно и СМИ доверять, хотя бы они ангажированы и политизированы — так во всех войнах бывает, обусловлено госинтересами, сегодняшнее внутреннее положение на Украине, крайнюю запуганность населения, то какое же может быть участие украинских авторов в российских журналах? Нет, с начала СВО мы не получаем предложений таких авторов. Перефразируем известные слова: когда говорят пушки, то и музы становятся участниками войны. Так говорит опыт всех предшествующих войн, тем более двадцатого и начала нынешнего столетия. Слишком многое поставлено на карту...

Г. М. Алексей Афанасьевич, раз уж мы коснулись такой горячей темы, как СВО, не могу не продолжить этот разговор. Сегодня на наших южнорусских землях идет смертельная схватка со странами НАТО. Естественно, что победа будет за нами, за Россией, я в этом даже не сомневаюсь. Как Вы считаете, Россия и Украина смогут прийти к каким-то мирным соглашениям?

А. Я. Геннадий Николаевич! Мы несколько выходим за рамки нашего разговора, посвященного делам литературным. Но ведь тема действительно горячая, де-факто касающаяся каждого из нас, граждан нашей страны. Понятно, что сам журнал, в том, уже далеком, 2005-м году, в первом пробном номере сформулировавшем идейную свою направленность — художественное отображение прошлого, настоящего и будущего Русского Мира с позиций истинного, не «квасного» патриотизма, ни в коем случае не остается в стороне от главного события последних трех лет: СВО — следствие втянутости натовцами, «глобальным Западом» России в противостояние с ним,

как все большего развертывания глобального, гибридного военного конфликта... да что там осторожничать в терминологии — очередной по счету мировой войны. Россия во всей своей истории была страной обороняющейся. Поэтому ее втягивание в войны «за Европу» в XIX и XX веках — Наполеоновские войны, «Священный союз», многие русско-турецкие войны, наконец, Первая мировая, империалистическая — дело рук «англичанки» — стал отработанным ходом. Но сегодня, как и в Великую Отечественную войну, Россия воюет за себя. А ее победа — это сохранение самой страны, русской цивилизации в ее самостности. Наше дело правое, и вклад журнала — это публикации, отражающие военную тему, что мы из номера в номер и делаем.

А мирные соглашения? — но ведь они могут иметь место не собственно же с Украиной, страной, ныне управляемой Западом?

Г. М. *После захвата киевской хунтой части территории Курской области, многие наши сограждане, в том числе и некоторые политики, в порыве ярости стали призывать сбросить на Киев ядерную бомбу. Ну, тут чувства людей понятны. Вы как считаете, смогут ли сегодня правители великих мировых держав, играющие важную роль в системе международных отношений, спасти человечество от ядерной катастрофы?*

А. Я. С институтских лекций по политэкономии запали крепко в голову слова Карла Маркса из «Капитала», том первый, что специализация человека в его занятиях и мышлении началась: в науках — со времен первых, в Италии, университетов, а в ремесле — с возникновением мануфактур. Так и по сей день. Однако с практической обязательностью среднего образования, расширением сферы высшего, а главное — с мощнейшим информационным шумом, производимым СМИ, особенно телевидением и интернетом, вдруг объявились отрасли знания и <словесного> их практического применения, в части которых все полагают себя специалистами. Это медицина, школьное образование, внешняя политика и военная стратегия — не тактика и оперативное искусство! В части последнего круглосуточно вещает телевидение, часами показывая многословные беседы групп — на каждом канале своя! — «ведущих политологов, выдающихся аналитиков» и прочих высокоученных людей. Это их профессия, в чем-то и полезная в наши дни.

Так я отвечаю, Геннадий Николаевич, на репризу в части «порыва ярости». Опять же не литературно-журнальная это тема. Но бомба — слишком серьезное дело, чтобы поддаваться эмоциям, тем более на всю страну. Один такой политик, «волюнтарист и пробобелист», едва не довел дело до ее применения. Но вот Сталин, наоборот, после взрыва бомбы на Семипалатинском полигоне, своей выдержанностью не дал США осуществить план «Немыслимое». Выдержка и умелое военно-политическое руководство позволят избежать ядерного катаклизма. Однако, пора и к делам журнальным вернуться?

Г. М. *Разумеется, Алексей Афанасьевич, политика, СВО — это темы для отдельного разговора и давайте об этом подробнее поговорим в следующий раз. Сегодня же разговор о журнале «Приокские зори», который, напомним нашим читателям, в нынешнем 2025-м году отмечает свой двадцатилетний юбилей. Алексей Афанасьевич, в середине 2000-х годов между журналом «Приокские зори» и Литературным институтом имени Горького существовало определенное творческое соглашение. Журнал предоставлял свои страницы студентам института; была даже постоянная рубрика «Тверской бульвар, 25», а институт, в свою очередь, на факультативных занятиях со студентами — в институте имел место быть «Клуб прозаиков» — изучали произведения, опубликованные в «Приокских зорях», даже устраивали критические разборы по ним. Расскажите об этом содружестве, почему сейчас такое не практикуется?*

А. Я. Я сам выпускник Литинститута советских времен, когда горьковские традиции, авторитет этого учебного заведения, его мировая «единичность», качество

обучения, первоочередно творческого на семинарах выдающихся и видных писателей-прозаиков, поэтов, драматургов и критиков,— полностью оправдывали его принятое поименование: кузница писательских кадров. Поэтому и гадать не надо: почему, став «у руля» «Приокских зорь», я незамедлительно начал налаживать творческие связи со своей *alma mater*. То есть, несмотря на младенчество журнала, пошли вопреки пословице: «Звонок бубен, да страшен игумен». Но пошли «окольным путем», который тотчас вывел на торную дорогу.

Дело в том, что с самого начала издания «Приокских зорей» мы начали тесное сотрудничество с Академией российской литературы и издаваемым ею альманахом «Московский Парнас», возглавляемыми известнейшим в литературных кругах Леонидом Васильевичем Ханбековым. С ним мы так сдружились, что с десяток моих книг прозы предварены его пространными предисловиями... А я был избран членом Правления академии.

Понятно, что члены Академии потянулись к нашему журналу, активно публикуясь в нем. Среди авторов была и Галина Николаевна Дубинина, член академии и редсовета «Московского Парнаса», а главное — работавшая помощником ректора Литинститута.

Дальше все просто. В рамках своих полномочий и заинтересованности тогдашнего ректора, она активно взялась за практику дела налаживания творческих связей между Литинститутом и «Приокскими зорями». Отсюда и появление многолетней, действовавшей из номера в номер рубрики «Тверской бульвар, 25», по адресу института — с памятником Александру Ивановичу Герцену и наименованием главного корпуса «Домом Герцена»... хотя бы тот только родился в этом доме, но никогда там не проживал. И в каждом номере под этой рубрикой помещались 2—3, иногда и более, публикаций студентов Литинститута. А его «Клуб прозаиков», в котором Галина Дубинина исполняла роль организатора, и видный советский и российский поэт Валентин Сорокин, в то время проректор Литинститута по Высшим литературным курсам, окончательно закрепили наше творческое содружество. Оба они вошли в редколлегию «Приокских зорь». А рекомендованные ими для публикации в журнале авторы — студенты и слушатели Высших литературных курсов — не пропали в дальнейшем с литературного горизонта. Просматривая литературные журналы и газеты, нет-нет, но натыкаюсь на знакомые имена: из тех же авторов рубрики «Тверской бульвар, 25».

А почему такие славные творческие связи распались? — Это не в нас причина. Менялись в Литинституте ректора, проректора, их помощники... Я не совсем его себе представляю — когда на смене эпох он перешел из структуры Союза писателей СССР под юрисдикцию Минвуза... или как там оно сейчас именуется?

...Как память о тех годах сотрудничества с Литинститутом, продолжаю посылать в его библиотеку все вновь выходящие номера «Приокских зорь». А когда беру в руки медаль «К 75-летию Литературного института», которой был награжден, то живо вспоминаю ту самую рубрику журнала.

Г. М. Но, тем не менее, журнал идет в ногу со временем. Сегодня в нашей стране на различных уровнях много говорят о развитии творческой личности в среде подрастающего поколения, и «Приокские зори» в этом направлении не остаются в стороне. В августе 2023 года Вы меня, уже как руководителя творческого совета журнала, откомандировали для работы с молодежью в Ясную Поляну, где в то время в рамках Международного проекта «Территория успеха: Пегас» проходило мероприятие под названием «Литературная смена». По итогам работы данного международного мероприятия в журнале были опубликованы произведения победительниц литературных конкурсов: Милены Боровцовой и Светланы Жмуровой. Это две школьницы-старшеклассницы из города Зеленогорска Красноярского края. Пожалуй, это самые молодые авторы нашего журнала за всю его двадцатилетнюю историю. Скажите, пожалуйста, будет ли продолжена работа в данном направлении?

А. Я. Замечу вначале, что не эти школьницы самые молодые авторы журнала. Недавно мы опубликовали рассказ мальчика, по возрасту еще меньшего, из Средней Азии, сейчас ее «по-западному» переименовали в наших СМИ в Центральную, судя по фотографии и имени — киргиза или узбека, но пишущего на русском языке. Но — это к слову. Что же касается нашей установки на всемерное поощрение, в смысле первоочередную публикацию юных и молодых авторов, то это одна из прерогатив «Приокских зорь». Ведь начинающие, юные и молодые литераторы — единственное будущее этого вида творчества. А без какой-либо надежды на такое будущее весь нынешний литературный процесс обречен.

Иначе пропадет предмет литературы

И будут изучать ее как лигатуру —

Отжившее старье — предбывшие таланты...

— так говорит самостоятельный учрежденческий поэт — персонаж нашего первого романа «В канцелярии», вышедшего в окончании советской эпохи, то есть еще подпавшего под ностальгические времена гонимых и всесоюзного распространения по книготорговой сети 1/6 части земной суши...

И когда для меня раз в квартал наступают дни священнодействия — окончательного формирования очередного номера журнала, то первым делом, что называется начерно, по каждому журнальному разделу — прозы, поэзии, публицистики — в отдельную стопочку — интернетом-уманетом не пользуюсь, к «компу» ближе полутора метров не подхожу — укладываю материалы молодых авторов — по их данным в творческо-биографических справках.

Понимая, что обычно путь в литературу молодых авторов лежит через неформальные, местные творческие литобъединения, в первое десятилетие нашего журнала мы из номера в номер публиковали в специально созданной рубрике подборки материалов таких литературных объединений. Начали с тульских — города и области — объединений, охватив почти полтора десятка таковых. А продолжили литературные объединения других городов и областей России: Москва, Кострома, Красноярск и другие. Здесь нам большую помощь оказали тогдашние члены редколлегии «Приокских зорь»: Людмила Авдеева, руководительница двух столичных литобъединений; Сергей Прохоров из Красноярского края — зав. отделом литературы Сибири; Сергей Лебедев из Тольятти — зав. отделом литературы Поволжья. Большое число авторов из Израиля представил для публикации в журнале Ефим Гаммер из Иерусалима.

«Улов» наш оказался удачным: некоторые молодые ЛИТОВцы теперь постоянные авторы нашего журнала; другие, по мере литературного «взросления», стали членами писательских союзов, в том числе Тульского писательского отделения Союза писателей России, а иные удостоились звания лауреата «Левши». Есть и входящие ныне в состав редколлегии и редакции журнала. Так что, Геннадий Николаевич, не только «коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым». Литература — вечная молодость!

Г. М. *Сегодня у нас в стране не так, как хотелось бы, обстоят дела во многих сферах государственного управления и развития. Это, на мой взгляд, и неумелая миграционная политика, приводящая к росту преступности в стране, и коррупционная составляющая; в критическом положении находятся наше образование, здравоохранение, культура. Какие пути выхода из создавшегося положения видите Вы?*

А. Я. Коснусь только литературы, как предмета нашего интервью. И отвечу словами моего любимого после Игоря Северянина поэта Серебряного века Максимилиана Волошина:

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...

Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,

Но чья для нас не умерла химера,

И бьется сердце, взятое в их плен...

*Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканистики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им...*

Здесь ключевые слова: «Я верен им...», — как выражающие само существо творческого феномена художественной литературы. Могут сказать: толстовство! Дескать, начини с самого себя, а сумма таких «себя» даст всемирность... Но рассудите здраво: в век торжествующей глобализации, всеохватывающей гибридности, угнетающей разум цифрофрени и прочее и прочее, только личность, осознавшая себя творческой, в частности литературно-творческой, может быть двигателем изящной, как некогда говорили, словесности.

И поверьте, совсем не та эпоха «на дворе», чтобы циркулярно создать новый «золотой» или «серебряный» век в русской литературе. Хотя и нельзя не приветствовать определенный позитив в этом отношении в последние годы...

Г. М. Любые культурные явления всегда отражала литература, а потому она всегда была и остается частью культуры любого государства, тем более России. А вот писатели, создающие эту самую литературу, их творческие сообщества, у нас в России к «культуре не относятся», они сегодня при Минцифре. Какие, на Ваш взгляд, нужно принять меры, решения, чтобы писатели вновь стали частью российской культуры?

А. Я. Меня в восторг приводит термин «Минцифра»! Здесь, в части словотворчества, нас обогнало только... скажем так — сопредельное государство, имеющее «Министерство цифровой трансформации»... Но — к существу вопроса.

Русские литераторы XIX — начала XX века не состояли при департаментах, комитетах и министерствах. У них наличествовали только неформальные объединения. Как у нас сейчас упомянутые выше литературные объединения. Начиная с новиковских группировок при российском масонстве XVIII века, далее «Арзамаса» пушкинских времен, расширенных редакций-кружков Некрасовских «Современника» и «Отечественных записок», знаменитых «Сред» Николая Дмитриевича Телешова 1880—1900-х годов, объединений горьковского «Знания» и московского «Книгоиздательства писателей», а еще далее «Серапионовых братьев», университета Шанявского и завершая Пролеткультом.

Но вот Горький создал — «с подсказки товарища Сталина» — Союз писателей СССР, который, вместе с его членами-писателями, тоже не подчинялся департаментам, народным комиссариатам и министерствам. Признаться, Ваш вопрос о нынешней подчиненности писателей какому-то министерству несколько озадачил меня. Дело в том, рассуждая логически, всякая подчиненность кому-то или чему-то всегда имеет два взаимокомпенсирующих фактора: неприятный — «служебность» с ее администрированием и бюрократией; приятный — минимально-достаточное финансовое обеспечение подчиненных. Увы, у нашего брата даже намека на это нет. Значит и нет подчинения. Как мы распевали в хулиганском детстве: «Гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке».

Г. М. Турецкий писатель Орхан Памук в одном из интервью сказал: «Не верьте людям, которые говорят: человечество в упадке. Человечность человечества сохраняется, люди будут хотеть писать и продолжают писать, независимо от технологической революции. Так мы выражаем себя. Человечество продолжает существовать потому, что есть тексты, и это так просто — бумага и ручка, чтобы выразить себя. И есть желающие, которые никогда не перестанут это читать». Ваша статья «Горькое послевкусие культуры», опубликованная в «Приокских зорях» и на

ряде интернетсайтов, вызвала заинтересованную дискуссию среди людей пишущих, думающих, людей неравнодушных к происходящим в стране и мире событиям. Статья страшная по сути своей, но в то же время актуальная как никогда, предупреждающая об опасности глобализации, перешедшей в стадию расчеловечивания и обезкультуривания народонаселения земли. Но в то же время в этой статье Вы пишете: «но ведь пока держимся, ребята». Орхан Памук считает, что человечность человечества сохранится, а Вы как считаете: технологическая революция и глобализация победят, или все же мы удержимся?»

А. Я. Спасибо, Геннадий Николаевич, за внимание к статье, она же «Колонка главного редактора» в № 3-м, 2024 года «Приокских зорь»... кстати говоря, это одна из существенных специфик нашего журнала: предварять каждый его номер обстоятельным очерком на злободневную — или вечно живую? — литературную тему. Так и это, наше с Вами, Геннадий Николаевич, интервью открывает первый номер журнала за 2025-й год. И этот очерк очередной в их серии, что уже который год публикуется в «Приокских зорях» в разделе «Колонка...»

Самое существенное, что тема расчеловечивания — раскультуривания — «умозамещения» — наш термин, и ее раскрытие в литературно-философских очерках, что называется, «не с кондачка взяты». Будучи «двуликим Янусом», то есть профессионально — надеемся на это! — совмещая в себе занятия литературой и естественно-научными исследованиями, естественно, не могу не переносить в сферу литературы, в ее публицистическом ареале, свои же системные научные воззрения. На протяжении полутора десятков лет развиваю в самосогласованную теорию концепцию нашего великого ученого, академика Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ее новое биогеохимическое — термин Вернадского, качество — ноосферу, «мыслящую» земную оболочку. Наше видение такого перехода в итоге вылилось в основание научной школы «Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которой нами задумана и осуществляется, издается продолжающаяся серия монографий с тем же общим названием*.

Данный труд получил признание научной и литературно-философской общест-венности, отдельные тома удостоены научных и литературных премий. А в 2022-м году за двухтомник «Универсальная эволюционная регуляция» — в составе «Феноменологии ноосферы», посвященный созданию обобщенной теории вирусов, биологических, технических, социальных и прочих, автор был удостоен старейшей в Рос-сии — с 1880-х годов — престижной Макариевской премии — вручали в Президиуме Российской академии наук Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, президент Российской академии наук Геннадий Яковлевич Красников и мэр Москвы Сергей Семенович Собянин в номинации «Научные исследования в области естественных и точных наук, имеющие высокое общественное и гражданское значение».

...Сказанное «не корысти для», говоря языком одесских классиков, но чтобы под-черкнуть: с естественно-научных позиций развиваемая нами теория биосферно-ноосферного перехода, участниками которого население Земли сейчас и является, возражений научного и социального характеров не имеет — только признание и по-нимание.

Поэтому питаем надежду, что и готовящийся сейчас к изданию очередной, два-дцать третий по счету, том серии с подзаголовком «Глобальное расчеловечивание» не вызовет каких-либо возражений научного, социального и иного характеров.

Расчеловечивание следует понимать как резкое снижение традиционных гумани-тарных черт характера и мышления человека. Это не чья-то «злонамеренная па-

* На сегодняшний день издано 22 тома, опубликованных в различных издательствах Москвы («Московский Парнас»), СПб («Астерион» и «ЦСЛК на Васильевском»), Твери («Триада»), Тулы (Изд-во ТулГУ, «Тульский полиграфист») и др. В электронной форме размещены на ведущих научных сайтах России (см. по поисковику: ФИО автора и название серии).— Прим. А. Я. для печати.

кость», но сугубое требование императива эволюции человека: перехода биосферной сущности человека разумного биологического в ноосферную сущность человека биотехнического информационного. Надеемся, общий посыл ясен, а заинтересовавшиеся могут обратиться ко многим томам указанной выше серии книг.

Обнуление художественного мышления есть одно из стратегических направлений расчеловечивания. И тот обвал нашей литературы в 90-х годах, что мы с изумлением и непониманием восприняли как гуманитарную катастрофу — есть всего лишь *status quo* действия разрушившего СССР западного империализма — глобализма. Ведь на Западе литература, как наиболее препятствующая целям расчеловечивания, уже в 60—70-е годы потеряла свои прежние позиции. У нас же она традиционно поддерживалась и развивалась.

Потому-то в «лихие девяностые» империализм Запада «до основания разрушил» не только основу современной технической мысли — вычислительную электронику и тонкую химию*, но и «упразднил» массовость литературного процесса, заменив его переводом интересов на злободневную публицистику, а сейчас и вовсе перелистывания «фоток» на экранах смартфонов... Это и есть умозамещение в действии.

Синтоистская, то есть японская, мудрость гласит: прошлого уже нет, а будущего может и не быть — живите настоящим. Против действия законов эволюции, в том числе эволюции человека, увы, кто-либо что-либо ничего сделать не может. Но не следует особо огорчаться за будущее — которое может и будет — человечества. Ибо человек есть самый адаптивный животный вид в эволюции по Дарвину и Ламарку, тем более — разумный вид. Посмотрите на своих детей, внуков — огорчает ли их нынешняя жизнь? Вряд ли, а ведь они, представители молодых генераций, уже в значительной степени продвинулись в тот самый ноосферный, информационно-биотехнический мир.

Вот Вы, Геннадий Николаевич, упомянули мои завершающиеся слова в очерке «Горькое послекусие культуры»: *«Но ведь пока держимся, ребята»*. А это ведь легкая степень оптимизма: нас позже всех европ-америк, тем более насильно, начали расчеловечивать, поэтому и посейчас литературный наш процесс не остановлен. Это значит, что и окончательно Великий глобализатор доберется до нас тоже в последнюю очередь. Нет худа без добра, но и нынешний разрыв с Западом — хотя бы и по его инициативе — поможет еще более оттянуть наше расчеловечивание. Вот на чем рекомендовал бы сосредоточиться писателям, нашим авторам в особенности.

Г. М. Алексей Афанасьевич, Вы ученый биофизик с широкой известностью, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеете два ученых звания профессора, Почетный радист России, много других отличий имеете. А еще Вы автор 38 книг великолепной художественной прозы. В связи с этим у меня к вам два вопроса. Первый: как Вы совмещаете научную работу и литературное творчество? И второй: кто же Вы в большей степени в душе — физик или лирик, ученый или писатель?

А. Я. ...Словом, в поле жнец и на дуде игрец. Или как в эпоху Пролеткульта говорили: попашешь, попашешь, попишешь стихи. А если серьезно, то таковое двуединство научных и художественных устремлений в одном человеке вовсе не редкое сочетание. Во! и новый термин сразу в голову пришел: *леонардизм*... таким был Леонардо да Винчи: великий ученый-изобретатель и не менее значимый художник. А Гете? — наиболее выдающийся немецкий поэт и ученый-натурофилософ. Его «Мор-

* Тулякам это хорошо известно — по стремительному и полному уничтожению ВНИПИМ'а — Всесоюзного научного и проектного института мономеров, а мономеры — это основа всей высокомолекулярной (пластмассы и пр.) химии. Доселе во всем мире имелись только два научных центра данного направления: ВНИПИМ и профильный институт во Франции. И еще в Румынии велись такие же исследования под руководством известного ученого-химика Елены Чаушеску, супруги руководителя Румынии. ... Потому ее и убили вместе с Николае Чаушеску.— Прим. А. Я.

фология» и «Учение о цветах» опередили естествоиспытательскую мысль его современности более чем на век, а с анализа «Учения...» и по сей день начинаются все исследования по биофизике и психологии зрительного цветовосприятия. Впридачу Гете и веймарским премьер-министром служил...

А наш академик Обручев, выдающийся ученый-палеонтолог и автор высокохудожественной «Земли Санникова»? Еще более яркий пример — Иван Ефремов. Классик литературы XX века, русско-американский писатель Владимир Набоков не только автор «Дара», «Ады», «Лолиты», «Камеры обскуры», «Короля, дамы, валета» и других значимых произведений, но и энтомолог-систематик практически профессионального уровня. Если же брать почти «родственные» совмещения, как-то историк и писатель, путешественник и писатель и так далее, то впору энциклопедический том составлять... Так что, Геннадий Николаевич, есть у кого учиться!

Вот и общий ответ на Ваши вопросы: совмещаю с удовольствием, а в душе — равностепенность того и другого занятия.

Г. М. У Вашего постоянного литературного персонажа Николая Андреяновича есть хобби: в свободное от работы время он мастерит передатчики, транзисторные приемники и электронные телеграфные ключи. Он радиолобитель и связист. Вы — Почетный радист России. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: цикл Ваших книг «Рассказы Николая Андреяновича» в какой-то степени автобиографичен. Скажите, пожалуйста, а есть ли хобби у Вас, в свободное от научной работы и литературного творчества время? И есть ли у Вас оно — это свободное время?

А. Я. В чем-то этот вопрос созвучен с предыдущим, если «импортное» слово хобби однозначно перевести на русский язык: увлечение. Попробую развить возникшую — в ответ на Ваш вопрос, вернее на этот и предыдущий вопросы — мысль.

Само понятие увлечения, увлеченности принято понимать как нечто дополняющее основное, базовое так сказать, занятие конкретного человека. Только сразу исключим из ареала рассмотрения спорт с физкультурой, увлеченность «злодейкой с зеленой наклейкой» и «шерше ля фам». — Это все по части оздоровления организма, физиологического и психологического. То есть жизненная необходимость — кому какая по вкусу.

Приведенное выше пролеткультовское «попашешь, попашешь...» наиболее четко дает обоснование увлеченности на фоне базового занятия человека. И другое известное утверждение: лучший вид отдыха — смена рода занятий.

Принято считать, что такая смена предполагает переход от умственной деятельности к физическому труду. Намного реже — наоборот. В пример обычно приводят Менделеева; мол, Дмитрий Иванович, приустав от химических опытов, вывода закона Клайперона — Менделеева, написания диссертации на тему разведения спирта водой — $C_2H_5OH + H_2O$ — и обоснования 40-градусной крепости пищевой или питьевой? водки, обдумывания периодической таблицы химических элементов своего имени, написания докладной записки царю о росте народонаселения России и много чего другого, переключался на любительское выделывание кожаных чемоданов...

А вот пример из категории «наоборот»: Иосиф Дицген, современник Карла Маркса, немецкий ремесленник-кожевник — снова кожа? — чем-то она привлекает, затем перебравшийся в Петербург, а после в Америку, по вечерам, отдыхая от тяжелого труда по обработке телячьих шкур, совершенно самостоятельно, не ведая о «Капитале» Маркса, «Диалектике природы» и «Антидюринге» Энгельса, которые были еще «в работе», создал основы диамата и истмата — параллельно с Марксом—Энгельсом. Оба они, а далее и Владимир Ильич Ленин, очень хвалили Дицгена...

Конечно, у вашего покорного слуги были увлечения: от традиционного во времена оно коллекционирования марок и монет, радиолобительства «высшего полета», изучения самостоятельно латыни и даже начатков французского — в школе и да-

лее — немецкий, и даже изрядное освоение переплетного книжного мастерства — причем уже в инженерные годы.

Но вот, пройдя «мои университеты», то есть радиотехнический факультет Тульского политеха, матмех ЛГУ и Литинститут, попал в третий разряд «леонардистов»: сочетание, причем профессионального уровня, научных исследований и литературного творчества. И смысла здесь нет разбираться: что базовое и что увлечение? А таковая «разнорядка» выпадает человеку, у которого — от природы разумеется — в равной степени развит творческий потенциал обоих полушарий головного мозга: левого, ответственного за логику мышления, и правого, генерирующего стимулы художественного творчества. Наука психология, в частности французская школа Пиаже, даже указывает на внешний признак такого «равноправия»: у ребенка до начала школьных упражнений в письме нет отличий в функционировании правой и левой рук. Новейшие же исследования, в том числе и наши, добавляют стойкое отвращение к цифрофрении и интернету-уманету...

Свободного же времени у меня предостаточно, ибо что-то делаю почти на автомате — сама голова выдает, поскольку в это самое свободное время обдумывает то, над чем затем работаю.

Сказанное — совершенно серьезно и, опять же, обдуманно.

Г. М. Спасибо Вам, Алексей Афанасьевич, что нашли время и ответили на мои вопросы. Я желаю нашему журналу и Вам — бессменному главному редактору журнала — идти уже проверенным курсом. В заключение нашего интервью задам Вам традиционный вопрос: что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?

А. Я. Отвечу столь же традиционно: не подведем, курс не изменим, оправдаем доверие читателей, а авторов журнала и без того полагаем равноправными участниками нашего общепольного дела: поддержания всероссийского литературного процесса. Согласитесь, насколько скучна и тосклива была бы жизнь без художественного слова? Тем более в нашей стране, достаточно поздно — по европейским меркам с их античной предтечей — пришедшей к массовой словесности и познавшей восторг творческого самовыражения: как стороны творческой, писательской, так — и во многом особенно! — стороны воспринимающей, читательской. Но особенно писателям, нашим авторам, пожелаем неиссякаемого вдохновения и того постоянного одушевления творчеством, о котором гениально сказал Федор Михайлович Достоевский в своей повести «Хозяйка» — на то он и всемирный гений: *«Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»*

...Для надежно построенного корабля двадцать лет — не срок! Особенно при подборе славной команды и верно взятом курсе. Было бы куда идти этому кораблю в нынешнем океане неизведанных доселе бурь и волнений.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ Главы из романа

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

14. Песчаная буря

Мы шли еще час, пока в стороне от предполагаемого пути кто-то не углядел наконец темное пятнышко на желтом песке. Старик лежал без сознания.

Ригас дал ему пригубить воды. Тот был совсем плох.

— Зачем ты ушел? В одиночку не выживешь, — тихо произнес Ардан.

— Мне незачем жить. Я спустился ради Айир. Она все надеялась, что разыщет нашего сына... Более тридцати лет назад мы поднялись на Второй ярус. Мечтали заработать денег, не быть нищими. А сына побоялись взять. Оставили с моей сестрой. А потом жизнь так закрутила... А сейчас... простит ли он меня?

Стемнело быстро. И как по команде поднялся ветер. Песок попадал в глаза и рот. Проникал под одежду, больно обжигая, словно иглами.

Все укутались чем могли. Сели спиной к ветру, пригнув головы. Предстояла долгая мучительная ночь. Старик лежал, тяжело вздыхая, бормотал что-то бессвязное. Вдруг позвал дребезжащим голосом:

— Эй!

Ригас подошел, присел рядом.

— Буря мешает увидеть звезды, — произнес он, — хотел показать...

Не договорив, надолго замолчал.

Ардан дал ему еще глоток воды.

— Звезда есть. Глаз неба. Она самая яркая тут, — вновь проговорил старик. — Держите ее по левую руку. Она приведет... Сына моего Малард зовут. Малард Авекот Альерд. Может, найдете.

Он вновь замолчал, закрыл глаза. Еще долго что-то говорил Ригасу.

В течение ночи я пытался смотреть на небо, но буря разыгралась не на шутку. Я прижимал к себе Ивею, укрыв ее голову жилетом, сам же поддерживал рукой капюшон. Но для песка это не было препятствием.

К утру буря стихла, но, прежде чем песок улегся, небо посветлело, скрыв в своей голубизне звезды. Нам предстоял долгий день под палящим солнцем, без капли воды. Фляга Ригаса опустела за один круг.

15. Глаз неба

Ивея сидела рядом со стариком. Он говорил ей что-то и благодарно гладил слабеющей рукой. Ригас подошел ко мне. Он молча смотрел вдаль. На его смуглом лице была спокойная улыбка. Мне хотелось спросить его о многом, но я не решался. Наконец он заговорил сам.

— Ты вернул мне имя. Столько лет я не слышал его.

— Я не был уверен, что это ты. Но мне хотелось в это верить. В одном далеком мире я оставил свой цифропакет, где хранил тексты твоих песен. Они часто спасали меня.

— Они и меня часто спасают. Если бы не это, жить мне до сих пор на Четвертом ярусе и быть послушным рабом системы.

— Многие именно в этом и видят спасение,— сказал я.

— Поэтому Эвкаиф все быстрее приближается к гибели. А что же тебя сдвинуло с места?

Я вкратце рассказал о событиях моей жизни.

Старик, кажется, уснул. Ивея отошла от него и присела рядом.

— В горле песок. Сколько мы сможем продержаться без воды? — спросила она.

— Дня три,— ответил Ригас.

Ивея тоскливо посмотрела на пронзительно-синее небо.

— Как вы угадали очередь?

Ардан усмехнулся.

— Угадал?.. — полувопросительно произнес он. — Все гораздо проще. Душой я всегда тянулся за пределы Конуса. И когда меня «спустили» в первый раз, родилась призрачная надежда, что мне удастся достигнуть настоящей земли. Семь лет на Третьем и двенадцать на Втором. Мне уже казалось, что в Ибани и умереть придется. Но удача улыбнулась. Пару лет назад стала приходить на площадь одна из дочерей Банов. Ей нравились мои песни. Она подолгу могла их слушать, просила петь. С каждым приходом что-то менялось в ее глазах. Вроде как свет рождался. Она стала худеть, осунулась. Никогда не заговаривала со мной. Лишь просила петь. Так мы и общались — через песни. А однажды я перестал видеть ее. Привык к ней, ждал, что придет. Но ее не было... Зато приехал ее папаша — сам Бан. Он был вежлив. Предлагал большие деньги. Умолял не петь, а еще лучше — покинуть каскад. Мол, из-за моих песен он дочь теряет. Сказал, что в этом мире нельзя жить с такими мыслями. Сказал: «Я бы мог тебя просто убить. Приказал бы, и тебя бы не стало. Но я слишком люблю свою дочь. Она не простит мне твоей смерти. Я поклялся, что не коснусь тебя пальцем. Но я хочу, чтобы ты исчез».

Тогда-то и родилась у меня мысль, что, пожалуй, это хороший шанс спуститься вниз. Я сказал, что мне нужно знать номер кассы. На том и порешили. Перед самыми воротами мне указали номер. Так что теперь я свободен. И это то, о чем я мечтал всю жизнь. Хоть и к старости, но мечта нашла меня.

Солнце клонилось за горизонт. Но мы вновь не смогли увидеть звезды. Буря закрыла небо. Ивея, обессиленная, спала, уткнувшись в мое плечо. Я тоже то и дело проваливался в сон. Тут вдруг мы услышали слабый голос старика.

— Глаз неба! — воскликнул он, указывая трясущейся рукой вверх.

Мы увидели, как в просвете между тучами блеснула звезда. Большая и ясная. Как чей-то глаз, наблюдающий за кучкой людей, затерянных в песках.

Старик спас наши жизни, но умер сам. И расчистилось небо, и буря улеглась. И казалось, что смерть старика утормила стихию, и она позволила нам двигаться дальше.

Мужчины сгребали песок руками, чтобы хоть как-то прикрыть изможденное тело. А потом мы двинулись прочь от видневшегося вдали Конуса, стараясь держать Глаз неба по левую руку, как советовал старик. Мы не знали, сколько времени займет путь. Старались идти быстро и держаться вместе. Но двигаться могли только в ночное время, пока звезда указывала путь.

16. Мираж

На исходе третьего дня люди стали падать без сил. Ивея крепилась, старалась улыбаться мне потрескавшимися губами. Но это причиняло ей невероятную боль. Трещинки кровили.

На привалах Ригас часто уходил. Бродил по округе, словно выискивая что-то.

К вечеру мы услышали его ободряющий голос.

— Завтра у нас будет вода!

Люди оживились, принялись спрашивать, где он нашел воду. Ригас показал несколько мясистых листов какого-то растения.

— Там, впереди, целый куст. Мне нужна материя, не пропускающая воздух.

Наши капюшоны подошли вполне. Ригас соорудил из них нечто вроде купола над кустом. Я помог ему выстрогать из ветки желобок, в который он уложил жгут из материи и опустил конец во флягу.

— Листья испаряют влагу. За ночь может набраться немного воды.

Это приободрило нас. Мы пожертвовали ночным переходом. Все расположились вокруг куста в надежде завтра сделать хотя бы по глотку живительной влаги.

Наутро напоили женщин. Хотя слово «напоили» не совсем верно. Каждая сделала по три глотка. Мужчины по одному. На дне оставалось еще немного.

— За день наберется еще фляга, а ночью продолжим путь,— сказал Ригас.

— Раз встретился один куст, вполне возможно, увидим еще,— предположил Ракен.

— Мне снился город,— сказала его девушка, Лита,— такой красивый! Он словно парил над пустыней. И я точно знала — там наш дом.

Ее глаза лихорадочно горели, устремленные в воображаемую даль.

— Мне хочется плакать, но внутри меня так же сухо, как в этой пустыне,— произнесла одна из женщин.

Они принялись вздыхать, их голоса были полны невидимого плача. Солнце нещадно жгло наши едва прикрытые головы. Сознание мутилось. Единственный глоток воды распалил еще большую жажду.

— Город! Там город! — послышался возглас.

Кричавший указал рукой в направлении нашего пути. И мы увидели. Сквозь марево жара, исходившего от песка, виднелись смутные, полупрозрачные очертания зданий. Мы побежали в ту сторону.

— Стойте! — крикнул Ригас. — Это мираж!

Кто-то крикнул ему в ответ:

— Ты же слепой!

Глаза застилал едкий пот. Мы бежали с Ивеей, тяжело дыша, отирая лица, стараясь разглядеть дома. Но они не становились ближе, расплывались, исчезая в жарком мареве. И, наконец, пропали вовсе.

— Мираж... Это мираж,— охрипшим голосом, падая на песок, обреченно прошептала Ивея.

17. Значит, нам по пути...

Вновь все собрались у куста, который, увы, не давал желанной тени. Ригас проверил флягу и позволил каждому сделать по маленькому глотку.

— Берегите силы. Сейчас лучше не делать лишних движений,— говорил он.

— Почему ты так спокоен, Слепой Ардан? Или тебе все равно, где умирать? — с неприкрытым вызовом спросил один из мужчин.

Ригас не ответил. Лишь слабо улыбнулся и погладил того по плечу. Сам он не выпил ни капли. Мое сердце сжалось от необъяснимой боли. До захода солнца оставалось несколько часов. Я лег, прикрыл лицо жилетом, сделалось еще жарче. Пришлось сесть, а из жилета соорудить подобие навеса над головой. Полусон сковал меня. Я слышал, как Ивея о чем-то говорит с Ригасом, но не улавливал нити разговора. Мне снилось озерцо, то самое, где я впервые встретил Тайру. Я черпал ладонями прохладную, прозрачную воду, подносил к губам и жадно пил. Но вода, стоило ей коснуться моих губ, превращалась в песок, жгла и царапала губы.

— Адан, Адан!..

Ивея растолкала меня. Мои ладони сжимали песок. Но он, неуловимый, словно вода, струился тонкой струйкой между пальцев. На зубах неприятно хрустели песчинки. Кажется, я действительно наглотался песку.

— Неужели весь Первый ярус — это пустыня?

Я ни к кому конкретно не обращался. Да и вопрос этот просто вырвался из меня от отчаяния, которое я пытался скрыть от самого себя.

— Старик рассказал мне, что Ард находится на самом краю яруса,— откликнулась Ивея.— Первый ярус — самый широкий из всех. Здесь почти нет плодородной почвы. Но у самого края встречаются даже леса. Те, что идут с самой земли.

— С настоящей земли? Той, что ведет к горам? — спросил Ригас.

— Да. Мы идем туда и даже дальше,— сказала Ивея.

— Значит, нам по пути,— задумчиво произнес Ригас.

— Мы должны отыскать сына старика,— сказала Ивея.— Он просил передать ему визальбом.

Она достала из кармана небольшой потрепанный временем планшет. Слабый перелив цвета едва оживил обложку. Этим визонам, если их не *перелить*, осталось жить от силы месяц.

— Как мы найдем его? — спросил я.

— По имени. Его зовут Авекот Альер.

18. Железная змея

Под утро, прошагав немалый отрезок пути, мы вновь были вынуждены остановиться. Из фляги Ригаса каждый выпил по глотку. Лита выглядела неважно. На бледном лице горели щеки, взгляд беспокойно блуждал по нам, словно не узнавая. Юноша, шедший с ней, был растерян. Он понимал, что она больна, но помочь был не в силах. И только неуверенно касался ее локтя.

Ивея села на корточки, прикрыв голову капюшоном, и опустила голову.

— Она умрет. Мне кажется, я чувствую близость смерти. Эта старуха ходит за нами по пятам,— тихо произнесла Ивея.

Мне не хотелось думать об этом. Нельзя впускать в себя отчаяние.

— Мы доберемся до гор. Ты слышала, что сказал Ригас? Нам по пути. Втроем мы не пропадем.

— Если бы не мама, вряд ли у меня хватило бы духу на этот путь.

— Ты сильная, Ивея. Ты даже не догадываешься о своей силе,— сказал я.

— Не смейся. Сейчас я кажусь себе настолько слабой, что готова лечь и умереть.

— Эта пустыня не бесконечна.

— Иногда мне кажется, что весь Эвкаиф бесконечен. Он вцепился в меня мертвой хваткой. Словно я должна ему что-то. Может, свою жизнь?

Ивея горько улыбалась. Прикрыв глаза ладонью, смотрела на меня снизу. Солнце обожгло ее лицо, выбелило губы. Я присел рядом на корточки, коснулся ее лица. Тихо шепнул:

— Я с тобой. Ты же знаешь.

Она ничего не ответила. Лишь затеплилось что-то в глазах.

— Мне снился сон...

Слабый голос Литы был похож на шуршание песка.

— Угомони свою девку! — грубо крикнул тот самый мужчина, что придирался к Ригасу.

— Она не делает ничего плохого, — ответил юноша.

— Она действует мне на нервы. Не прекратит болтать, придушу ее.

Юноша вскочил и кинулся на обидчика. Завязалась драка. Нам с Ригасом пришлось растаскивать их. Между тем Лита продолжала ходить среди нас и твердить о своем сне.

— Я видела железную змею. Она привела нас в город.

— Остынь, Абард!

— Он всегда был таким. По любому поводу вскипал, — слышалось вокруг.

Абард оказался очень сильным. Бил жестоко. Я получил удар в пах и, согнувшись пополам, упал на колени. На мгновение я перестал понимать, что происходит.

Послышался крик. Женщины заголосили, потом завывли. Я не сразу сообразил, что произошло. Неподалеку, широко раскинув руки, лежал Абард. На песке вокруг головы чернело пятно. Ригас наклонился к нему, пощупал пульс на шее.

— Он мертв, — тихо произнес Слепой Ардан.

— Это юнец толкнул его, я видела! — закричала одна из женщин.

— Я не толкал, — растерянно повторял юноша, — не толкал...

— Откуда столько крови? Ведь он упал на песок, — спросил я.

Ригас, нашупав что-то в песке, сказал:

— Кажется, здесь рельсы.

Может, юноша и толкнул Абарда, но драка есть драка. Никто не мог предположить, что под песком окажутся давно заброшенные рельсы. Угадывая их в песке, мы пошли по ним. Но прежде похоронили Абарда...

Ракен, так звали юношу, был бледен и молчалив. Он выкапывал яму в песке, и руки его тряслись. Он соприкоснулся с тем, что в его жизни просто не должно было случиться. Не тот он был человек, чтобы причинять зло, а тем более — убивать. Он был нежен и слаб. Он был еще почти ребенок. Но жизнь сыграла с ним в жестокую игру. Может, потому, что он выбрал не ту дорогу, что была предназначена ему от начала. Но кто из нас знает, какая дорога верна?..

19. «Там красиво и очень много воды...»

Мы увидели Ард на рассвете. Рельсы (может, их Лита называла «железной змеей»?) все же вывели нас из пустыни. Поначалу Ард казался миражом. Но чем ближе мы подходили, тем больше убеждались в его реальности. Город в лучах рассвета, в размытой дымке невысоких зданий казался прекрасной сказкой. Высоко над ним яркой синевой вставали далекие горы. Здесь они были видны так явственно, что казалось — до них рукой подать.

Лита уже не могла идти, и мы по очереди несли ее на руках. Жар сжигал ее тело изнутри. Ракен не скрывал слез. Он и прежде старался держаться нас. А сейчас, needing в нашей поддержке, не отставал ни на шаг.

— Мы поженились и целый год набирали деньги на билеты. Мы мечтали попасть в Ард, на родину родителей. Моя Лита, самая чудесная... Моя Лита...

Ивея взяла Ракена под руку.

— Мы найдем доктора,— утешала она.

— Спасибо вам, спасибо, что вы рядом,— не переставал твердить растерянный юноша.

Остальные, не прощаясь, ушли вперед. Мы остались одни. Ригас остатками воды протер лицо Литы. Она очнулась, раскрыла глаза.

— Вы наверняка считаете, что я сумасшедшая,— горько улыбаясь, произнесла она.— Многие так считают... Я уже свыклась. Лишь Ракен всегда понимал меня. Он любит меня. Мы с детства вместе. Выросли, держась за руки.

— Лита, мы почти дошли. Найдем доктора, он поможет тебе,— говорил Ракен.

— Я не знаю, что будет со мной и Ракемом. Я не вижу этого. Но я вижу вас. Там красиво и много, очень много воды кругом. Там никогда не будет жажды...

Лита прикрыла глаза. Я поднял ее на руки. Такую легкую, почти невесомую.

— Я не дам тебе умереть! — тихо произнес я.

Во мне родилась какая-то сила. Упрямая, необъяснимая. Я зашагал вперед.

Стали появляться чахлые кусты, трава и, наконец, какие-то строения. Мое сознание мутилось. Я видел, как Ригас уже входит в чей-то дом, говорит с людьми. Нам навстречу бегут двое мужчин. Высоких и полных сил. Они подхватывают Литу, а я падаю в темноту.

20. Терад и Аран

Я раскрыл глаза. Меня пробудили звуки ситры. Тихая мелодия доносилась со двора. Я услышал песню и узнал голос Ригаса. Он пел свою старую песню. О пути, об одиночестве и о надежде найти в конце пути место, где тебя любят и ждут. Я помнил эту песню. По обожженным щекам текли слезы, и мне не хотелось сдерживать их. Сейчас все равно никто не видит. Сейчас я один. И слова и звуки ситры, проникая в меня, наполняли меня новой жизнью.

Сквозь занавешенный проход была видна золотистая полоска заката. Она манила меня, и я, собрав все силы, встал и вышел наружу. Посередине двора увидел кострище. На перекладине между двумя рогатинами висел большой котел, в котором булькало что-то аппетитное. Мне очень хотелось есть.

Люди, сидевшие вокруг костра, слушали Ригаса. Ивея, завидев меня, подбежала, обняла. Я увидел счастье на ее лице.

— Мы живы,— шептала она.

— Живы,— повторял я, целуя ее в губы.

По глубоким мискам уже разлили густую похлебку, и мы, обжигаясь, стали есть.

— Не торопитесь только,— сказал один из мужчин,— сколько дней без еды!

Я с трудом сдержал себя.

— Давно через нас никто не проходил. Года три никого не встречали сверху.

— Вы всегда здесь живете? — спросила Ивея.

— Да, уже семь лет. Как спустились, так здесь и обосновались. В самом городе работы не найти. А тут за *гонами* охотимся. Их хребетики хорошо на рынке идут.

Один из мужчин достал из кармана короткую трубку, зажег ее от костра и с наслаждением втянул ароматный дым. Я вспомнил, как это делала Дана.

— Я вот и сам сверху сошел. Свезло, как говорят. Верную очередь выбрал. Но все равно не понимаю, что людей тянет вниз? Все ж знают — тут не жизнь, а выживание. Ни работы, ни денег. Что вам наверху-то не сидится?

— Заладил, Терад! Это его любимая тема,— добродушно сказал его товарищ.

— А что? Вот хочу людей понять. Всем было понятно, когда из Арда бежали. Счастливой жизни искали. Думали разбогатеть. А вот на тебе! Возвращаться стали.

— А ты, Терад, зачем спустился? — спросил Ригас.

— Я-то? Со мной история такая... Я человека убил...

Терад помолчал. Пыхнул пару раз трубкой. Но даже сквозь дым глаза его сияли. Словно жили отдельной жизнью.

— Было за что. Недолгожданный он. Да... что вспоминать! Заросло уже. Поймать не успели. А тут искать никто не будет. Живем вот с Араном. Уж и братьями стали.

— Здесь мы действительно никому не нужны. Тем более Второму ярусу, — подтвердил Аран.

Из дома вышел Ракен.

— Лита спит. И жар спал.

Он выглядел уставшим, но уже не было вчерашнего отчаяния в глазах.

— Асария кого хочешь на ноги поставит, — сказал Терад, — я и вам в чай добавил. Завтра наутро как новые будете.

Мы поели и, выпив ароматного чаю с лечебной травой, отправились спать. Ивея вжалась в меня, расцеловала мой лоб, щеки, глаза. Устало улыбаясь, повторяла:

— Живы, живы, живы...

Заснула с улыбкой.

Живы...

21. Охота на гонов

Проснулся я рано. И действительно почувствовал прилив сил. Прав оказался Терад, его чай поднял на ноги. Ивея еще спала. Я вышел во двор. У кострища сидели Терад, Аран и Ригас. Дымили трубками, пили чай и мирно беседовали.

— Терад с Араном предлагают на охоту сходить, — завидев меня, сказал Ригас.

Я удивился. До охоты ли нам сейчас? Надо двигаться в Ард.

— Гонов наловите, вот вам и деньги, — подхватил Терад.

Предложение казалось дельным, хотя я не представлял, кто такие гоны и как на них охотятся. Выпил чаю, съел большой кусок чего-то плотного, белого и очень вкусного, и мы отправились на охоту.

Охотники несли большой мешок. Судя по тому, как он подпрыгивал при ходьбе, тяжелым не был. Тревога охватила меня, когда я понял, что мы вновь углубляемся в пустыню.

— Кто такие гоны? — спросил Ригас.

— Понятия не имею. Я в своей жизни, кроме козы Тайры, никого близко не видел.

— Мне доводилось встречать совершенно странных существ. Огромных и наводящих страх. Они одним своим видом говорили, что лучше к ним не приближаться.

— Ты был в Диких местах?

Ригас улыбнулся:

— Ты имеешь в виду межкаскадные заросли?

— Конечно. Когда проезжаешь мимо, кажется, там ступить негде, так все заросло.

— Мне довелось побывать и меж ярусами. Вот где все заросло.

— Между ярусами? — услышав наш разговор, удивленно переспросил Терад.

— Как ты попал туда, друг? — воскликнул Аран. — Неужто это возможно?

— Я был вынужден.

Мы углублялись в пустыню. У каждого из нас была полная фляга свежей воды, головы прикрыты платками, обернутыми таким способом, что пот со лба не застилал глаза, и поход наш сейчас мне не казался мучительным. Ригас удивлял меня все больше. Выходит, не только нам с Ивеей выпала судьба увидеть Эвкаи́ф с разных сторон.

— На Третьем ярусе я пришелся не по вкусу властям. Мои песни показались опасными. Сначала просто гоняли, потом объявили охоту. Тогда-то и пришлось спасаться. Перебрался к южникам. Но там...

Ригас улыбался и рассказывал с какой-то легкостью, словно это было веселое приключение. Но я-то знал. И уже имел дело с южниками.

— Как ты ушел от них? — спросил я.

— Туннель для меня был закрыт. А вот край яруса никто не перекрывал. Я запасся необходимым. Раздобыл крепкий канат и начал спускаться вниз.

— Не могу даже представить себе подобное! — воскликнул Терад. — Ты хочешь сказать, что решился спуститься с Третьего яруса на Второй?

— Когда тебе грозит самонаводящаяся стрела, на размышления времени не остается. Она потеряла меня, как только я спустился на пару километров.

— Что там, между ярусами? — спросил я.

— Густые заросли, только растут почти отвесно. Но спускаться там было не так сложно. Корни и ветки крепкие. Через несколько дней добрался до поддерживающих желобов. Наверное, только здесь осознал, насколько все серьезно. Но назад пути не было.

— Что еще за желоба? — спросил Аран.

— Ярусы поддерживать. Их множество. И тянутся они под очень крутым углом вниз, к центру зеркальной поверхности Конуса. Сам желоб широкий. Ну, как внешняя платформа приблизительно. А внутри целая сеть стальных переплетений. По сети удобно спускаться было. Не будь этого, мой путь закончился бы прямо там.

Сложность оказалась в другом. Слишком большой путь в каменном пространстве без возможности пополнять запасы воды и пищи. Я, сколько мог, набрал брикетов. За еду не переживал. Одним брикетом в двое суток обходился. Но вот без воды пришлось туго. Много на себе не унести...

— И как долго ты шел? — спросил я.

— Скорее — полз, — улыбнулся Ригас. — Дней пятьдесят, может, чуть меньше. Поначалу считал ночи и дни, потом сбился...

Теперь я понял, почему он так стойко перенес поход по пустыне и почти всю воду отдавал другим. В его жизни было нечто посерьезнее.

Терад и Аран смотрели на Ригаса серьезно, в глазах их читалось и удивление, и уважение.

— Пришли мы, друзья, — словно нехотя произнес Аран, — вон, видите, как песок отличается? Кругом легкие волны, почти гладкие. А там вон целый квадрат словно рябью покрыт.

Я присмотрелся и с трудом сумел различить разницу в сплошном песчаном ковре.

— Вот там и прячутся гоны, — сказал Терад.

Братья принялись развязывать мешок. Распустив веревки, выпустили наружу тонкую сеть, свернутую в длинный, плотный рулон.

— Дело это нехитрое. Но желающих углубляться в пустыню мало. Таких, как мы, охотников, человек десять, не больше. Поэтому гоны и пользуются спросом, — заметил Терад.

Захватив один конец рулона, он пошел вперед.

Аран развязал второй, подал Ригасу.

— А ты, Адан, иди за Терадом, он тебе объяснит, что делать.

В моей руке конец сети, я осторожно, чтобы не запуталась, разматываю потихоньку, как научил Терад.

— Тяни вдоль участка с рябью, только осторожней, на рябь не наступи. А то спугнешь, и вся охота насмарку, — руководит Терад моими действиями.

Различить рябь и гладь было совсем непросто. И я, перестраховавшись, кажется, сильно отклонился влево. Терад махнул рукой:

— Не бойсь! Туда вон встань.

Я пошел в указанном направлении.

Аран с Ригасом уже разматывали свою сторону. Наконец и я, дернув посильнее, су-

мел растянуть угол сети над песком. Большой квадрат темно-зеленой пелены лежал на белесом песке.

— А теперь только свистнуть,— смеясь, крикнул Аран и действительно звонко свистнул.

Сеть в мгновение ока вздыбилась. Раздался знакомый треск множества насекомых. Из-под моего угла, который я не удосужился закрепить как следует, вылетели тысячи серо-желтых существ.

— Сядь на нее! — крикнул Терад.

Я бросился на колени. Тяжелые края сети перекрыли путь насекомым. Аран со своей стороны начал тянуть веревку, тем самым стягивая сеть. Получался мешок, в котором копошилась добыча. Вскоре перед нами громоздился шар. Выше нас в полтора раза. Он висел над нашими головами, подрагивая, издавая громкое гудение.

— Теперь только подталкивай, и вся работа,— усмехаясь, сказал довольный Терад.

Мы возвращались с охоты на гонов.

— А вчетвером-то ловчее,— заметил Аран.

— Может, останетесь? — предложил Терад с надеждой в голосе.

— Нет, Терад, наш путь еще не завершен,— произнес Ригас.

Его ответ согрел мое сердце. Теперь я понял окончательно — мы вместе. Его спокойствие и сила придавали мне уверенности.

22. Чужая сила

Еще пару дней мы набирались сил у гостеприимных братьев. Лита окончательно поправилась, и Ракен, счастливый и влюбленный, радовал ее как мог. Таскал с поля цветы охупками, был весел и разговорчив. Попросил Ригаса научить его играть на ситре. Это была ситра Арана, но владел он ею плохо и почти не брал в руки.

На прощание подарил инструмент Ригасу.

— Кто знает, может, доведется еще услышать твои песни.

Ивею и Литу братья научили высушивать гонов в специально для этого устроенной печи. После сушки остались только хребтики не больше пальца. Хотя и маленькие, но сытные и вкусные.

Мы расфасовали их в небольшие чистые мешочки.

— За один такой мешочек смело два ара берите,— учил Терад.

— Все продадите, и вам этих денег месяца на два хватит,— заметил Аран.

Нам оставалось только благодарить.

На следующий день, едва рассвело, мы, попрощавшись, двинулись в путь. Вперед, в Ард.

За домами братьев сразу же начиналось поле, усеянное бледно-розовыми цветками. К полудню узкая тропа привела нас в лес. Сквозь него вела широкая дорога, и вскоре мы подошли к каменному мосту, проложенному через реку. За рекой возвышались стены города. Каменные исполины поддерживали огромные арочные ворота. Их головы терялись в вышине, ноги и торсы прятались за деревьями. Судя по возрасту этих деревьев, успевших вырасти у ворот, их открыли многие сотни лет назад. Мы вошли в город.

Каменные здания были огромны. Мы стояли на мощенной плитами площади. На одной плите свободно стояли впятером! Гулкая тишина давила на уши. Я казался себе маленьким и беззащитным. Каждая ступень, ведущая к зданию, в высоту была по пояс. Чтобы подняться на три ступени, необходимо было карабкаться вверх, поддерживая друг друга. Я вспомнил исполинские кресла на Гипополам Лунус. Была ли тут какая-то связь? Вряд ли кто сможет ответить на этот вопрос. Судя по замшелым, обветренным до рытвин камням, история этого города давно забыта.

Кто мог жить в этих исполинских домах, подниматься по этим ступеням, входить в теряющиеся в вышине арки?

Мы молча стояли, не решаясь двинуться дальше. Вдруг Лита пошатнулась, и Ракен едва успел подхватить ее. Она потеряла сознание. Ивея, села, положила голову Литы себе на колени. Ракен поднес флягу к ее бледным губам. Лита очнулась, едва сделала глоток.

— Мне хочется уйти отсюда. Ракен, я не смогу жить здесь. Это чужая сила...

Ракен растерянно посмотрел на нас.

— Может, вам стоит вернуться к братьям? — предложила Ивея. — Они будут только рады.

— Да, там мне было хорошо, — тихо произнесла Лита. — Я видела сон. Там, на лугу, среди цветов бегал наш сын. Ракен, я беременна.

У Ракена засияли глаза, он улыбнулся.

— Мы вернемся. Кто знает, может, там и начнется наша настоящая жизнь.

Лита села, обняла Ивею.

— Так тяжело расставаться с тобой. Мне казалось, мы смогли бы стать сестрами, — сказала она. — Был еще сон. Вернее, даже не сон, а чувство. Такое сильное. Ивея, тебе надо торопиться. Только я не знаю, куда и зачем...

Мы попрощались. Лита с Ракеном пошли обратно, через арку, поддерживаемую исполинами, к мосту и дальше в лес. Терад и Аран будут рады им.

А мы, взобравшись на три ступени и пройдя одну из арок, углубились в город.

23. Предгород

И он был по-прежнему пустынен и глух. Лишь ветер хозяйничал на широких и длинных улицах. Так мы бродили до вечера. И, вконец утомившись, расположились у постаментов огромного памятника. Женщина-великан, преклонив одно колено и коснувшись рукой земли, словно приглашала взобраться по ее каменным пальцам в раскрытую ладонь. Каждый палец послужил нам удобным сиденьем. Мы расположились в ладони и поужинали гонами. Ригас настроил ситру и тихо запел. Голос разносился по площади, превращаясь в эхо. И тут я заметил людей. Они осторожно выглядывали из-за колонн, появлялись в окнах и темных проходах. Медленно подходили к нам, с интересом прислушиваясь к голосу Ригаса. Людей становилось все больше. Многие были с детьми. Песня стихла. Люди заговорили. Кто-то попросил спеть еще.

И Ригас пел еще и еще. И многие песни я открывал для себя заново. С мелодией Ригаса они не только звучали иначе, но и вызывали новые чувства.

Потом люди разошлись. Так же тихо, как и появились. А мы легли прямо на каменной ладони, подложив под голову мешки с гонами.

— Станный город. И люди тоже странные, — сказала Ивея.

— Заметили, как они слушали песни? — спросил я.

— Кажется, подпевали, — улыбнулся Ригас.

— И тебя это не удивляет?

— Видимо, кто-то спустился с песнями сверху. Меня больше удивил Третий ярус. Там песни уже пели до моего прихода.

— Но как такое возможно?

— Значит, не только мы с тобой путешествуем в туннеле, — засыпая, откликнулась Ивея.

Утром мы снова не встретили ни одного человека. Откуда вчера появились люди, так и осталось загадкой. Неужели они все прячутся? Но зачем?

Мы шли дальше, теряясь среди зданий-исполинов, в надежде найти хоть какую-то городскую жизнь. Но, пройдя несколько часов, уперлись в глухую стену, возведенную из громадных блоков и уходящую в высоту на десятки метров.

Ивея устало опустила на корточки.

— Чтобы не сойти с ума, я давно стараюсь не размышлять. Просто иду, чтобы однажды прийти. А там... может, снова начну думать.

— Ты правильно делаешь, Ивея,— сказал Ригас, присаживаясь рядом.— Люди часто приходят к неверным выводам. Выводы кажутся разумными и останавливают человека. Заставляют примиряться с тем, что ему ненавистно. Эти выводы лишают возможности найти свое счастье.

— Не знаю, сдвинулся бы я с места, если бы не прогнали с работы,— усмехнулся я.

— А я так и жила бы на Седьмом ярусе, если бы не отец.

— Иногда от жизни нужен хороший пинок, чтобы что-то изменить,— сказал Ригас.

— А сейчас кто даст нам пинка, чтобы перемахнуть через стену? — шутя спросил я.

— Вы хотите, чтобы там вас убили? — вдруг раздался чей-то голос.

Из густой тени, падающей от стены, вышел мальчишка. Черные густые волосы, смуглая кожа, высокий рост. Еще немного, и он станет юношей.

— Я заметил вас на мосту. Значит, вы сверху. Те, что перед вами шли, свернули левее. Там надземный туннель. Он их сразу в Ард доставил. А вас зачем-то в Предгород потянуло.

— Предгород? — переспросила Ивея.

— Ну да, это древний Ард. Здесь жили кровные арды. Те, что возводили Эвкаиф.

Парень присел рядом.

— А ты живешь здесь? — спросил я.

— Все, кто поет песни Ригаса, теперь живут здесь. И вы пели песни Ригаса. Так зачем же вам Ард? Вас там убьют.

— Мы действительно спустились сверху, сынок,— сказал Ригас,— и ничего не знаем о вашей жизни. Может, расскажешь?

— Ты хорошо пел песни Ригаса. Поэтому люди и вышли послушать. Ты даже спел несколько новых песен. Научишь меня?

— Научу.

— Хорошо, я расскажу вам нашу историю. В Арде нормальной жизни не стало задолго до моего рождения. Сейчас всякие легенды ходят. Люди были богаты, имели все, что хотели. Богатые дома, еды вдосталь. У всех работа была или свое дело. А потом пришли вершники. Стали торговать «расширителем». Он-то всех и стубил. Самых красивых женщин они себе забирали. А мужчины безвольными сделались. За капсулу с «расширителем» жену и детей готовы были отдать.

В общем, вершники быстро своего добились. Ард обессилел и вскоре стал нищим. Ни работы, ни денег. Многие наверх стали уходить. А лет десять назад объявился Стремительный. Он пел песни Ригаса. И нашлось немало людей, разделявших мысли этого певца. О свободе, силе, справедливости... Только благодаря этим песням Стремительному удалось поднять людей. И все, кто еще не столкнулся с «расширителем», восстали против тех, кто держал их в рабстве. И целых семь лет шла борьба. Моих родителей замучили на каторге. Сейчас мне семнадцать, а тогда я совсем еще маленький был.

В один из дней все, кто мог ходить, вышли на улицы и двинулись к стенам Делиона. Это место, где пишут законы. И все готовы были погибнуть, но добиться смены власти. И даже детей с собой на руках несли. Потому что лучше пусть и детей убьют, чем оставлять их на рабскую жизнь до конца дней. Вот как народ довели! Но тогда случилась странная вещь. Никто не ожидал такого. На стену Делиона вышли законотворцы и объявили, что добровольно складывают с себя полномочия. Что готовы принять все требования, с которыми пришли к ним жители Арда. Что они против насилия и убийств. И да не прольется кровь ни одного арданца. И так это звучало честно и благородно, и казалось людям, что слова шли от чистого сердца. И народ

поверил. Тогда Стремительному предложили взойти на стену и официально объявили его правителем и исполнителем законов народа. Вот так, без единой капли крови, люди добились своего. Так всем казалось...

И начались праздники. Песни Ригаса слышались со всех сторон. Никто никогда не видел его. Но все художники писали его образ. И людям казалось, что началась новая жизнь. Объявили, что теперь все свободны и могут выбирать себе дело и зарабатывать деньги. И теперь никому не будет никаких препятствий. И кто взялся за торговлю, кто за ремесло, кто в фермеры пошел. Год целый людям казалось, что жизнь налаживается. Стремительный поначалу часто выходил на стену Делиона. Разговаривал с людьми, отвечал на вопросы, выполнял просьбы. А потом стал делать это все реже и реже и вовсе перестал выходить. Вместо него установили визон. Огромный, на полстены. Там показывали новости. Из новостей люди узнавали, что экономика налаживается и жизнь становится лучше день ото дня. Так говорили! И люди старались верить и работали все усерднее. Но непомерные налоги не давали свободы. А в новостях говорили, что повышение налогов — вынужденный шаг. Потому как необходимо укреплять Ард, чтобы полностью освободиться от влияния вершников.

А потом вдруг появилась передача, в которой людям начали прививать «настоящий вкус к жизни». Учили быть радостными, гнать от себя плохие мысли, любить друг друга. Пойте радостные песни, говорили, думайте о хорошем, и жизнь наладится. Всякая негативная мысль разрушает. Измените прежде всего себя. И жизнь станет лучше.

Потом стали критиковать песни Ригаса. Говорили, что его тексты несут в себе тоску и боль. И с подобными мыслями человеку лишь в петлю лезть. Сначала люди возмущались, а потом... У всех заботы, свое дело... Веселиться лучше, чем грустить. С этим не поспоришь. Но... Все те, кто живет сейчас в Арде, считает, что жизнь наладилась. Зарабатывать деньги непросто, но они есть. Никто не голодает. Сверху стали возвращаться. Вот только никто из них не понимает, что они вновь, теперь уже добровольно, накинута на себя ярмо. И власть, по сути, не сменилась. И пройдет десяток лет, и все вновь станут послушными рабами.

А тех, кто не смог принять новую жизнь, ловят и сбрасывают с Южного Делиона. Стена Законов построена так, что весь северный Делион занимает правительство, а Южный ограждает город от внешнземья. Там крутой обрыв. А дальше идут лишь земли диких ардов.

Многих уже скинули. А кому-то удалось сбежать сюда, в Предгород. Это место арданцы считают нечистым и боятся его. Все, кто из любопытства попадал сюда, непременно погибали или сходили с ума. Поэтому сюда даже презренцы не сунутся. А мы живем. И принимаем всех с радостью. В этом гигантском городе есть места, которые не разыщет ни одна поисковая система. Говорят, будто некий невидимый купол защищает город.

— Но чем вы живете? Кругом камень,— спросила Ивея.

— Тут есть целые кварталы с *парополями*. Там мы выращиваем и овощи, и фрукты. Есть и живность. И самое удивительное, что урожай всегда большой. Ни одного голодного года не было. Говорят, все это благодаря той силе, что оставили после себя древние Арды.

24. Среди древних исполинов

— Друзья называют меня Дард.

Так мы и познакомились. Дард уговорил нас погостить, как он выразился, «среди своих».

— А там уж, раз вас нужда тянет, покажу путь к арданцам.

— Почему ты так смело рассказываешь все? Не боишься? Вдруг мы вершники? — спросил Ригас.

Дард добродушно улыбнулся.

— Предгород под защитой. Я же вам говорил — никакой злыдень и пяти часов тут не протянет. Если вовремя не унесет ноги, позеленеет и окочурится.

Ивея посмотрела на него серьезно.

— Наши друзья не смогли перейти даже мост. Вернулись к пустыне. Но невиннее людей я не встречала. Лита почувствовала чужую силу.

— Правильно. Она же Лита. Разве вы не знаете, что этим именем арды нарекают только Предназначенных. Предназначенные рождаются в особый день и час. Говорят, даже секунда в секунду. Им не позавидуешь.

— Все, что ты говоришь похоже на сказки, — улыбаясь, сказал я.

— Так пожалуйста! Если вы хотите называть это сказками, называйте. Ученые, насколько я знаю, талдычат о чужеродном разуме из космоса. И якобы под всем Предгородом в фундаменте скрыта некая установка. Она-то и не подпускает людей с какими-то не теми хромосомами. Я-то не ученый и не сказочник. Я тут живу. И радуюсь, что Предгород признал меня своим.

Беседуя, мы углублялись в город. Громады плит в человеческий рост, пригнанные друг к другу с идеальной точностью, поражали. Чтобы подняться на тротуар, нам необходимо было подтянуться на руках. Дард проделал это ловко, протянул руки Ивее, я подсадил ее. Ригас, несмотря на возраст, был очень силен. Он взобрался быстрее меня и подал руку.

Здания были украшены скульптурами. Исполины поддерживали дома и выглядели весьма грозно. Мы уже не раз встретили похожие памятники — преклоненная женщина с раскрытой ладонью, касавшейся земли.

— Кто она? — спросил я Дарда.

— Мать всех ардов.

Ее черты мне напомнили Дану. Красивое, спокойное лицо святой. Здесь она сидела на прозрачной капле. Как и из чего была выполнена капля, мы не брались предполагать. Казалось, что камень прозрачный. Да оно так и было. Сквозь него проникали солнечные лучи, а блики сияли, ослепляя.

— Интересно, знал ли Маду об этом городе? — ни к кому не обращаясь, произнес я.

— Почему Предназначенным не позавидуешь? — вновь обратилась Ивея к Дарду.

— Ну, я про них мало знаю. Вроде как они видят иначе. У нас, обычных, вот, два глаза, а у них еще внутри глаза есть. Невидимые. Говорят, они даже мысли читать умеют. А еще им нельзя без воды. Нам-то тоже без воды никак, но им особенно. Она им жизненную энергию дает. И они с помощью воды могут и прошлое, и будущее видеть.

— Значит, Мать всех ардов тоже Предназначенная? — спросил я.

— Ну да, она самая главная, что ли. Вроде того. Говорю же, я в этих делах не очень. Да и не сказочник, — явно намекая на предыдущий разговор, весело сказал Дард.

Наконец мы добрались до очередной площади. Если представить тех древних исполинов, что населяли город, можно сказать, что все эти широченные улицы и необъятные площади для них были не так уж велики. Это нам приходилось пересекать площадь быстрым шагом, чтобы добраться до следующего квартала. Им же, с их ростом, достаточно было сделать сотню шагов. А вот мы изрядно вымотались. Да и запутались вконец. Если бы не Дард, все эти закоулки, арки и туннели заставили бы нас бродить неделями.

День клонился к закату. Хотелось есть и спать.

— Вон, видите свет? Пришли мы, — сказал Дард.

Черный силуэт здания был прорезан квадратами света. Широкая арка по центру мерцала живым огнем. Я вспомнил костер Даны. Но, войдя внутрь, костра мы не

увидели. В центре площади лежал огромный шар. Он-то и светился. Только свет в нем был не мертвым, не искусственным. Внутри словно переливался живой огонь солнца. Этот свет еще и грел. Прохлада вечера отступила.

Мы устало осмотрелись и заметили людей, выходивших из каменных ниш здания.

— Мы выбрали это здание. Здесь удобно устраивать жилье. Да и шар спасает,— сказал Дард.

— И что это за чудо такое? — спросил я, разглядывая шар и удивляясь, что его свет не бьет в глаза.

— У древних ардов их были тысячи. Нам повезло найти один. Говорят, раньше эти шары служили двигателями, чтобы подниматься аж до звезд. Но все это сказки,— махнул рукой Дард,— давайте я лучше вас познакомлю.

Высокий широкоплечий мужчина, по-доброму улыбаясь, протянул руку сначала Ригасу, потом мне.

— Вовремя мы услышали ваши песни,— произнес он,— они поднимают дух и дают новые силы. Мы рады, что вы теперь с нами.

— Они только погостят,— сказал Дард,— им зачем-то к арданам непременно надо.

— Но это опасно!

— Да говорил я!

— Ну, дело ваше. Мы никого насильно не уговариваем. Меня Силан зовут. Вот жена моя, Полия, дети спят уже. Ну, и все наши тут.

Он указал на подошедших мужчин и женщин.

Наконец мы смогли скинуть мешки с гонами на землю и расправить плечи.

— Берите-ка гонов, друзья,— предложил Ригас,— очень уж мучительно тащить их на себе.

Все обрадовались неожиданному угощению и повели нас в ниши, где было устроено жилье.

25. И путь есть жизнь...

Нас накормили. Стол ломился от фруктов и овощей, сыра, молока. Чего тут только не было! Судя по всему, нужды тут не испытывали. Мы по сравнению с этими людьми были изможденными, тощими и бесконечно уставшими.

— Не возьму в толк, что вам нужно у арданов! — воскликнул Силан, подливая нам крепких напитков.— Здесь все есть. Живи не хочу! Да еще защита города. И вас он принял. Друзья, оставайтесь!

Силан уже опьянел и осоловел от съеденного. На красном лице блестели пьяные глаза. Его жена и другие женщины устроили для нас комнаты. И мне хотелось только одного. Спать!

— Спой песню Ригаса, добрый друг! — просил Силан.

И Ригас запел.

И это была новая песня. Мне еще не доводилось слышать ее. И пел он о конце пути. О том, какая опасность поджидает путника, добравшегося до цели. Все просто. Если ты теряешь цель, останавливаешься, ты можешь попасть в ловушку смерти. Та скует твой дух и поработит душу и сделает тебя безвольным. И лучше бы ты умер на дороге, но сохранил живым свой дух.

— Все правда! Все! — пьяным голосом твердил Силан,— ты душу мне порвал, добрый друг.

Он стукнул себя кулаком в грудь и принялся вновь наполнять кружки вином. Жена остановила его.

— Довольно, Силан. Ты пьян уже,— тихо сказала она.

— Да, я пьян! Я пьян... А что еще мне остается? Что? Моя цель достигнута. И ты

рада, женщина. Ты потираешь руки втихомолку и радуешься. Что еще нужно тебе, женщина? Я! Я! Такой большой и сильный и... мертвый...

Он с силой грохнул кружкой по столу. Та, расколовшись на куски, залила стол темно-красным вином. Двое мужчин подхватили Силана под руки и повели в одну из дальних комнат. Полия, сжав губы в тонкую нить, не сказала ни слова. Она встала и взглядом дала нам понять, чтобы мы следовали за ней.

Нас расположили в двух смежных комнатах.

— Завтра встанем на рассвете. Дард проведет нас. Он обещал,— сказал Ригас, аккуратно ставя у стены сиденье.

— Почему ты не хочешь сказать им, что ты и есть Ригас? — спросил я.

— Они давно уже похоронили Ригаса. А мертвым не пристало воскресать. Слишком много мороки,— грустно улыбнувшись, произнес он и прикрыл за собой дверь.

И мы остались одни. Как давно мы не были вместе!

Кровать оказалась слишком мягкой, и мы, скинув одеяло на пол, легли на него. Наши тела давно отвыкли от комфорта. Я обнял Ивею, она вжалась в меня. И мы просто лежали и смотрели друг другу в глаза, читая в них все то, что не требовало слов.

— Меня беспокоят слова Литы,— призналась Ивея.— Она сказала, что мне надо торопиться. А нам так долго еще идти...

26. Привал

Когда рассвело, Дард ждал нас на улице. Шар медленно угасал. Видимо, он зависел от дневного света и разгорался только в темноте.

— Далеко до Арда? — спросил Ригас.

— К вечеру подойдем к смежной стене. Там есть лаз.

Дард был хмурым сегодня. Улыбка не сияла на его лице. Он шел чуть впереди. Мы за ним. Прощаться ни с кем не стали. Выходя из арки, я заметил Полию. Та стояла в проеме ниши, скрестив руки на груди. На ее лице читалось облегчение. Похоже, для нее мы оказались нежеланными гостями.

Мы шли молча. На пустынных улицах звучало лишь эхо наших шагов. Ни одного дерева. Ни травинки. Я понял, что при всем желании не смог бы оставаться в этом странном городе. Можно сказать, что камнем я был сыт по горло еще со времен Ги-полама Лупус.

Солнце поднялось высоко, отразившись в далеком, укрытом сизой дымкой зеркальном Конусе. Я посмотрел на него, и в сердце кольнула неведомая тоска. Все же, что ни говори, там был мой дом и друзья... Сможет ли утихнуть боль потери?

Впереди что-то сверкнуло. На площади высилась необычная конструкция. Мы подошли ближе. Над квадратным постаментом парили огромные капли, размером с наши головы. Их было много, и они возвышались над нами кубом высотой в несколько метров.

Каждая капля висела в воздухе, едва подрагивая. Солнце играло бликами на гладкой поверхности.

— Что это? — спросила Ивея.

— Вот тут на древнем написано,— Дард указал рукой на постамент.

Витиеватая резьба, по всей видимости, и была надписью.

— Ты сможешь прочесть? — попросил я.

— Ну... что-то про время, про будущее и прошлое. Не! Смысла не уловлю. Слишком уж сложный язык,— улыбнувшись произнес Дард.

Мы расположились у постамента и решили подкрепиться. Дард достал из заплечной сумки еду и щедро разделил между нами.

— Никогда не женюсь,— отламывая ломоть белого сыра, сказал он. Видимо, наболело. Вот и решил поделиться.

— У меня будет много женщин, но ни одной жены. Ни одна не возьмет надо мной верх.

— И чем ты займешься, когда станешь взрослым? — спросил Ригас.

— Соберу мужчин и пойду на арданов. Здесь, конечно, безопасно и все такое, но... Тоска! Для меня еще живы песни Ригаса, — уже тише и словно самому себе произнес Дард.

Потом мы отдыхали. Ивея заснула у меня на плече, а Ригас тихо наигрывал на ситре, показывая Дарду новые аккорды.

27. Делион

Когда стемнело, мы вновь стояли у стены. Высоту ее определить было невозможно. Казалось, что она бесконечно тянется ввысь.

— По ту сторону арданы, — несколько презрительно сказал Дард.

Я заметил, что он ни разу не назвал город Ардом. Наверное, считал, что жители не заслужили это древнее гордое название.

— Ни один из них не догадывается, где мы сделали проход в Древний город.

Он криво усмехнулся, вытащил из-за пазухи железный крюк с короткой ручкой. Поддел крюком камень на уровне груди и потянул на себя. Тот выдвинулся прямо-угольным блоком, словно лежал на невидимых рельсах. Дард, подтянувшись, забрался на него, как на ступень. То же самое проделал со вторым и с третьим. Таким образом он поднялся метра на три. Последний камень оказался самым мощным и широким. Мы посадили Ивею и последовали за ней. На третьем камне мы могли стоять свободно, не боясь упасть вниз. В стене зиял черный проход.

— Это туннель сквозь стену. На той стороне увидите крепежи. Это городской визон. Он по ночам не вещает. Разве что по большим праздникам. По крепежам спуститься просто. Ну, а там... Положитесь на удачу.

Мы поблагодарили Дарда.

— Жаль, что уходите, — с грустью в голосе произнес он.

Я вошел первым и, привыкнув к темноте, взял Ивею за руку. Мы медленно, на ощупь, двинулись вперед. Я вновь услышал голос Дарда. Он прощался со Слепым Арданом.

— Ты ведь Ригас?

Мы остановились. Оглянулись. Ригас ничего не ответил, лишь крепко обнял мальчишку и поспешил за нами.

Шли мы недолго. Глухая стена преградила путь. Стоя в узком коридоре, мы не знали, что делать дальше.

— Пощупай стену, — предложил Ригас.

Я коснулся холодной поверхности.

— Гладкая.

— Попробуй толкнуть.

Надавив руками, я почувствовал, как она медленно подается.

Ивея и Ригас налегли. И под нашим напором тяжело, с трудом камень стал двигаться. Показалась щель. Она становилась все больше. Струя воздуха и тусклый свет. Наконец мы выдвинули камень настолько, что смогли, подтянувшись на руках, взобраться на него сверху. Увидели огромную плоскую панель, оплетенную крепежами. По этим крепежам было легко спуститься вниз.

И вот мы на пустынной площади, освещенной лишь бледными лучами луны. Площадь казалась маленькой. Но это было обманчивое впечатление. После масштабов Древнего города теперь все казалось маленьким и ничтожным.

Нам некуда было идти, тем более ночью. Мы устроились на длинных скамьях, расположенных на площади рядами. Видимо, скамьи были предназначены для зрителей визона.

В мешке, который оставил нам Дард, была еда. Мы поужинали и попытались расположиться на жестких сиденьях. Ивея подложила под голову свой мешок, легла, но вскоре села.

— Не могу уснуть,— вздохнула она,— иногда в голове будто вспыхивает что-то, и я вижу все и сразу. И осознаю весь абсурд того, что случилось со мной. Сначала отец... А может...

Она задумалась. Я присел рядом, взял ее за руку. Ригас лежал на спине на соседней лавке и, казалось, спал.

— Сначала мама. Если бы не ее... теперь я уже и не знаю, как сказать,— Ивея горько усмехнулась, взглянула на меня.

— Адап, но ведь мы долгие годы жили с осознанием ее смерти! А отец до сих пор в этом убежден! Зачем она так?

— Люди склонны к необдуманным поступкам,— откликнулся Ригас.

— Это из-за нее отец тронулся умом. Иногда мне хочется на нее кричать. Да, я узнала, что она жива. Моя мамочка жива! Но иногда мне кажется, я ее ненавижу... и все равно ищу ее. И найду! Не представляю как, но найду. Если бы не вы, я не знаю, что бы делала.

— Помнишь, Дард рассказывал о Предназначенных? — вспомнил я.— Может, мы тоже Предназначенные? Только друг для друга.

Я не то чтобы шутил сейчас. Какие тут могут быть шутки! Но и серьезно не воспринимал свои слова. Хотя повидал уже так много необъяснимого. И все же я верил лишь тому, что можно видеть и логически объяснить.

— Ты даже не представляешь, как близок к истине,— Ригас сел.

И, хотя он был в черных очках, был почти слеп, мне казалось, он пристально смотрит на меня. Сейчас я вдруг подумал: даже для человека со слабым зрением он неплохо ориентируется в пространстве. Его походка уверенна, и часто он был нашим проводником. Особенно в пустыне.

— Ты хочешь сказать, что мы не случайно узнали друг друга? — спросила Ивея.

— Мне хочется в это верить.

Мы уснули. Нам необходимо было набраться сил для завтрашнего дня. Предстояло выяснять, как выбраться из этого города и спуститься вниз, к самому основанию Эвкаифа.

А утром нас разбудили грубыми тычками и, не дав прийти в себя, заковали руки и куда-то поволокли. Я видел, как впереди ведут Ригаса, я слышал за спиной крики Ивеи, но мне не давали повернуть головы и грубо тащили. Потом втолкнули во что-то узкое, освещенное красным светом. Окон здесь не было. Низкая скамья. Наши колени упирались в противоположную стену. Я видел, как в проеме мелькают люди в форме. На них светились лишь шлемы и перчатки. Все остальное было черным.

На улице стали появляться жители. Кто-то шел по делам, кто-то раскрывал окна магазинчиков. Начинался обычный рабочий день. Никто не смотрел на нас. Лишь какой-то нищий, бесцельно шатаясь у стены, с жалостью поглядывал в нашу сторону. Он был еще не стар. Одежда грязная и изношенная. Наверное, он выпрашивал здесь деньги или еду.

Меня и Ригаса сковали сзади. У Ивеи же руки были свободны. Видимо решили, что она не представляет опасности. Ивея долгим задумчивым взглядом смотрела на нищего. Он, заметив это, тоже глядел на нее. Ивея достала из-за пазухи визальбом старика и кинула нищему. Тот ловко подхватил.

— Я уже не смогу выполнить просьбу старика. Пусть хоть так...— тихо произнесла она.

Нищий сел на колени, раскрыл альбом и долго листал, рассматривая визоны чьей-то давно исчезнувшей жизни. Выражение на лице менялось. Печаль, потом улыбка, потом вдруг выступили слезы. Они текли по лицу, оставляя белые полосы на

грязных щеках. Что он мог там видеть? Скорее всего, то, что обычно оставляют в семейных альбомах. Маленькие мгновения счастья. Я видел, как затряслись его плечи, голова. Он беззвучно зарыдал. Потом вдруг вскочил на ноги и, указывая рукой на людей в форме, закричал:

— Это все вы! Вы виноваты! Вы служите тем, кто отнял у нас счастье! Ненавижу вас! Скоты! Подлые нелюди! Вот и этих людей вы сбросите с Делиона. Если бы у меня были силы, я сделал бы то же и с вами. Знайте, я не боюсь вас! Мне нечего терять!

Люди в форме подошли к нищему и принялись бить его. Лениво и методично.

— Ивея,— услышал я голос Ригаса,— у тебя руки свободны. Сними с меня очки, дочка. Простите меня, друзья, сейчас по-другому нельзя.

Я не понял, за что извинялся Ригас. Я лишь увидел, как Ивея, приподнявшись, сняла с него очки. Потом увидел вспышку и... Меня не стало...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ПРИБЛИЖЕНИЕ К ОСТРОВУ

1. Среди звезд

Я видел звезды, черное небо. Звезды были повсюду. Но я не видел себя. Не видел ни Ивеи, ни Ригаса, но четко ощущал их присутствие. Было легко и нестрашно. Я словно летел или, вернее, плавал в пространстве космоса. И мне было хорошо сейчас. Я почти физически ощущал, какой тяжкий груз сознания остался где-то далеко, внизу ли, сверху, справа или слева. Я не знал. Но он покинул меня и сделал невесомым. И мне хотелось остаться в этой легкости, если уж не навсегда, то как можно дольше. Еще одно желание не давало мне покоя. Я хотел увидеть свои руки и хотел коснуться Ивеи. Мне не хватало моего тела и тела Ивеи. Наши тела были еще важны для меня.

Голос Ригаса не раздался, и я его не услышал в привычном понимании. Да и голоса не было. Я просто понял, что Ригас передает нам знание происходящего. И видение это было скорее подобно сну. Но картинки были четкими и, в отличие от сна, полными смысла и логически выстроенными.

Слепой Ардан поведал нам, что он на самом деле Ригасом не является. Настоящий Ригас погиб много лет назад. Как раз там, между ярусами, в каменном желобе. Я понял, что нынешний Ригас не человек в нашем понимании. Он другой. И рожден он не на Земле. Он не могущественнее нас и не всесильнее. Но его способности отличны от наших, и, может, в чем-то он превосходит нас, людей. Черные очки ему необходимы, так как взгляд его глаз опасен для человека. Иная энергия, которая способна поглощать нашу. Поэтому, когда Ивея сняла очки с Ригаса, с нами произошло то, что нынешний Ригас назвал *Проникновением*.

Нашу энергию словно всосало в закрученную воронку его сущности. И это необходимо было сделать, так как нынешний Ригас потерял контроль над ситуацией. Таким способом он нас спас, вырвав на время из нашей реальности. Этот способ был крайней мерой, и воспользоваться им можно было только один раз. Второй раз будет смертелен для нашей энергии, она поглотится окончательно. Будут разрушены не только тела, но и наши сущности, которые составляют часть Вселенной.

Наши тела находятся в безопасности. Для обычных людей, а именно для военных в форме, мы просто исчезли, растворились в пространстве.

Я чувствовал тревогу. Не свою и даже не Ригаса. Это была чья-то чужая тревога за нас, людей, и за нашу Землю. Это была какая-то огромная, неземная тревога. И она невольно передалась мне. Но я, словно несмышленный ребенок, стоящий перед матерью, ощущал лишь отголоски этой тревоги. Однако причины я не понимал и не осознавал следствия.

Дядя Ивеи отыскал древние труды карлицы Иды. Она долгие годы работала над

созданием Установки памяти. Но разработала только теорию. Ему же, по всей видимости, удалось воплотить идею на практике. Есть вероятность, что эта установка создана. Но в неумелых руках она способна натворить немалых бед. Ее необходимо уничтожить.

Нынешний Ригас уже несколько земных лет находится в Эвкаифе. Немалых усилий ему стоило напасть на след дяди Ивеи. Теперь необходимо найти саму установку. И есть большая вероятность, что она находится на том самом острове, куда мы направляемся.

Я понял, что нам предстоит долгое время восстанавливаться. Это последствия Проникновения. И больше всего пострадало тело самого Ригаса. Слепой Ардан использовал тело настоящего Ригаса, а тот уже не был молод.

2. Мир света

Долгое время (дни или недели) я только чувствовал, как время от времени мне дают пить какую-то жидкость. Потом стал видеть. Значит, я был слеп? Теперь я видел свет. Он не мучил меня. Был приглушен и мягок. Потом с большим трудом я смог открыть глаза. Надо мной склонилось прекрасное лицо женщины. Рыжие волосы обрамляли его огненным облаком. Дана?

— Дана!

Мне казалось, я произнес ее имя. На самом деле промычал что-то невразумительное. Губы и язык не слушались меня. Женщина ушла, а я лежал, и мой мозг лихорадочно работал, вспоминал, восстанавливал события прошлого.

На следующий день она пришла вновь. И я уже мог четко произнести ее имя. Но... это была не Дана. Еще ночью я вспомнил все. Распростертое тело любимой в крови.

— Где Ивея? — было первое, что я спросил.

Женщина улыбнулась, протерла мне лицо влажным теплым полотенцем.

— Она уже выходит в парк.

Женщина коснулась панели на боковом столике, и изголовье кровати приподняло меня. Закружилась голова, и я невольно прикрыл глаза. Но теперь я мог сидеть. Наконец, почувствовав себя лучше, осмотрелся. Большая комната. Уютный полусвет. То ли стены светились, то ли свет падал сквозь шторы, скрывающие огромные окна. На полу мягкий ковер, на стенах картины. Сюжеты картин показались мне знакомыми. Пейзажи, обнаженные фигуры. Неужели это Кох'от? Я узнал его руку.

Выходит, мы снова на Третьем ярусе. Но как мы смогли попасть сюда?

— Вам нравятся картины? — спросила женщина с рыжими волосами.

— Они кажутся мне знакомыми.

— О, так вы знаток живописи! Это тот самый Кох'от. Здесь все подлинники. У меня по всему дому его полотна. Я не жалею средств на их приобретение.

— Как мы оказались здесь?

— Мой друг прислал сообщение с просьбой позаботиться о вас. И я с радостью делаю это. Вы и ваша подруга оказались очень истощены. Когда вас доставили, специалисты по восстановлению не верили, что могут спасти вас. Но сделали все, что возможно. А теперь вы уже сидите и говорите со мной. Ваша подруга уже может гулять по парку.

— Я хочу видеть ее.

— Не все сразу, — рыжая женщина улыбнулась, — но с каждым днем вам будет становиться лучше. Вот увидите. Наш Пятый ярус самый благоприятный для жизни на всем Эвкаифе.

Пятый ярус?! Я вновь почувствовал приступ головокружения. Рыжая женщина коснулась панели, и изголовье плавно опустилось.

3. Пятый ярус

Прошло еще немало времени, прежде чем я смог самостоятельно садиться в постели. Ноги же были так слабы, что я не решался вставать.

Рыжая женщина, которую звали Анифа, постоянно заботилась обо мне. Мы много говорили. Я, коротая часы вынужденного безделья, просил рассказывать о жизни Пятого яруса.

— Нашим предкам пришлось много работать, прежде чем жизнь на Пятом достигла нынешнего совершенства.

— Мне довелось бывать здесь однажды. Но у меня не было возможности увидеть Пятый ярус по-настоящему. Впечатление чего-то огромного. Строения видел лишь сверху, с крестоверта. Мне казалось, у них нет дна. Сам город так и не разглядел.

— О, так вы были на правой части яруса. Это промышленно-коммерческая часть. Там, можно сказать, средоточие силы, обеспечивающей жизнь левой части. Той, где сейчас находитесь вы.

— И чем отличаются эти части? — спросил я.

— Всем, друг мой. Наша левая часть составляет, как вы поняли, половину яруса. Но живут на ней всего десять семей. Каждая семья владеет доставшимися ей от предков землями. И уже никто, при всем своем желании, поселиться здесь не может. Только по праву рождения. Мы в прекрасных отношениях и часто устраиваем совместные встречи, праздники, вечера искусств, проводим ежегодные открытия талантов. У нас весьма насыщенная жизнь.

— Что значит — открытие талантов?

— О, я обожаю это! В течение года мы разыскиваем по всему Эвкаифу талантливых музыкантов, художников, скульпторов. В общем, всех, кто посвятил свою жизнь искусству. Мы доставляем их к нам, предоставляем самые лучшие условия. Потом проводим торжественную феерию. Представьте, друг мой, открытые парки, в которых звучит великолепная музыка, фантастические визоны способны свести с ума своей красотой, повсюду скульптуры, фонтаны. Это настоящее эстетическое наслаждение. Мы купаемся в любви к красоте. Это ли не цель всей жизни — достигнуть апогея красоты!

На следующий день Анифа принесла мне одежду. Такого великолепия я не видел даже на Шестом, в Подмире. Тончайшая, расшитая причудливыми узорами материя, словно газовое облако, окутала мое тело. Я чувствовал приятное тепло от прикосновения.

— Какое-то время вам нужно носить вот это.

Она протянула мне широкий, светящийся золотом пояс.

— Зачем? — спросил я.

— Сейчас поймете, друг мой.

Анифа улыбнулась и, присев рядом, обернула пояс вокруг меня.

— Попробуйте встать.

Я смело поднялся, но ноги тут же предательски подогнулись, и я вновь почти рухнул на кровать.

— Видите, вы все еще слабы. А теперь коснитесь пояса вот здесь, у пупка.

Я коснулся и увидел, как пояс засиял приглушенным золотым светом.

— Встаньте еще раз. Не бойтесь.

Я встал и почувствовал, что ноги держат меня. Сделав пару неуверенных шагов и убедившись, что могу ходить, я пошел смелее.

— Он будет помогать вам ходить, пока ваши ноги не окрепнут.

4. Лерак

Я начал выходить в сад. Но, даже несмотря на поддерживающий мое тело пояс, чувствовал себя скверно. Словно энергия, которая давала мне силы, улетучивалась, стоило мне пройти несколько метров. Приходилось садиться и отдыхать. Я хотел видеть Ивею, но Анифа просила не торопиться. Вам нужен эмоциональный покой, говорила она. Гуляйте, знакомьтесь, любуйтесь красотой. И я гулял и любовался. Здесь действительно было очень красиво. Мягкий ковер из трав и цветов благоухал тончайшими ароматами. Солнце никогда не закрывали тучи. Оно было ласковым, теплым. Легкий ветерок приятно касался лица. Я дышал свежим воздухом и только сейчас понял, как мне его недоставало на первых двух ярусах.

Мне встречались люди. Обычно они стояли на специальных летонах, паривших в нескольких сантиметрах над землей. Благодаря этому трава оставалась непомятой. Люди, так же как и я, прогуливались, наслаждаясь красивыми видами. У фонтана сидели музыканты. Слышалась приятная мелодия. Я мог бы воспользоваться летоном, но решил, что должен ходить. Чем быстрее восстановлюсь, тем быстрее мы продолжим свой путь. Я вдруг понял, что даже эта райская красота не остановит меня. Я хотел быть с Ивеей, хотел помочь ей добраться до острова.

Я в очередной раз присел на скамейку. Она пряталась среди кустов, усыпанных гроздьями алых ягод и роскошных цветов. Со стороны дома в мою сторону шла Анифа под руку с незнакомой мне женщиной. Приближаясь, они приветливо помахали. Женщина, идущая с Анифой, была высокой, стройной и красивой. Черные волосы ниспадали на плечи тяжелыми прядями, взгляд ярко-синих глаз поражал глубиной.

— Чтобы вам не было скучно, я решила вас познакомить,— сказала Анифа.— Это Лерак. Мой верный друг. Он гений *визарда*.

Я встал и только сейчас понял, что передо мной не женщина, а мужчина. Но грань между двумя полами была так тонка, что я не сразу осознал это.

Лерак протянул мне руку. Длинная узкая кисть, тонкие пальцы с бриллиантовыми ногтями. Он улыбался приветливо и с некоторым лукавством. Видимо, мой слегка озадаченный вид позабавил его. Анифа тоже улыбалась и явно наслаждалась тем, что привела меня в замешательство. Сейчас я увидел ее в несколько ином свете. Там, в спальне, когда она ухаживала за мной, я видел милую, нежную женщину. Здесь же передо мной стояла женщина, чарующая своими скрытыми желаниями. Ее взгляд был весьма красноречив, впрочем, как и взгляд Лерака. Они оба (или обе?) затеяли некую игру, принимать участие в которой у меня не было желания.

С Анифой кто-то связался по воздушке, и она, извинившись, покинула нас. Лерак предложил пройтись, и его уже окончательно выдал низкий мужской голос.

— Вижу, я шокировал тебя,— он улыбнулся.

Я ничего не ответил. Мы продолжали идти.

— Анифа сказала, ты с Четвертого.

— Откуда она знает? Я вроде не говорил.

Меня очень удивила эта новость.

— Ну, так тебя проверяли. Сетчатку не обманешь.

И тут до меня дошло. Конечно же, когда меня восстанавливали после Проникновения, меня обследовали. А в этом случае в первую очередь сканируют сетчатку глаз. Там хранится вся информация о человеке. И еще я подумал об Ивее. Неужели теперь и о ней известно все?

— Я рад встретить одноярусника,— Лерак протянул руку совершенно по-мужски.

И пожатие на этот раз было крепким.

— Расскажешь, как там вообще? Двенадцать лет уже не был.

И тут я понял, что рассказывать особенно не о чем. За двенадцать лет там ничего не изменилось. Да и что у меня была за жизнь? Работа, дом, вот, собственно, и все. Это я и сказал.

— Понятно, друг. Ты из этих — системников,— он слегка усмехнулся.

— Впервые слышу.

— Не удивлюсь, что вы и не знаете, что вас так называют. Системники — это те, кто, окончив учебу, сразу же идут работать. Могу себе представить, какая серая у тебя была жизнь. Я бы чокнулся, честно скажу.

— А ты кем был?

— О призрачных молекулах слышал?

Я вспомнил разговоры, что на одном из каскадов живут очень богатые. Те, которые и правят всем ярусом. Говорили, что там молекулы с прозрачными стенами и теряются среди зелени садов. Оттого и называются призрачными. Живут там весьма свободно. Не нужно работать, чтобы обеспечивать себя.

— Я всего лишь сын своего отца. Мог бы вообще ничем не заниматься и жить в свое удовольствие. Но с детства интересовался *визардом*. У меня были самые лучшие учителя. А когда выучился, начал создавать собственные *проходы*.

Я честно признался, что не понимаю, о чем он. Лерак рассмеялся, но как-то по-доброму. Хлопнул меня по плечу, но потом, взяв себя в руки, вновь начал вести себя больше как женщина, а не мужчина.

— Иногда я тоскую по себе прежнему,— признался он.— Но здесь таким я не нужен. Не интересен. Здесь я должен быть *двуликим*. Внешне я больше женщина. А в остальном... немного артистизма — и никто не догадается.

— Не догадается о чем?

Он долго задумчиво смотрел на меня, но так ничего и не сказал.

— Неужели ни разу не видел визарда?

— Это что-то наподобие визионов?

Лерак любил играть взглядом. Мне еще не доводилось общаться с двуликими. Я лишь слышал о них.

— Это что-то наподобие жизни, друг.

Он достал из сумочки маленький играющий на солнце драгоценными гранями диск. Щелкнул по нему ногтем и раскрыл. Внутри оказалась прозрачная фиолетовая пленка. Она легко колыхалась, то ли от ветерка, то ли оттого, что была живой.

— Вдохни ее. Не бойся.

Я вспомнил, как нечто подобное давала мне Ивея перед тем, как выйти на Шестом ярусе.

Последнее, что я увидел — глаза Лерака. Синие, словно жаркое южное небо. Потом увидел совершенно незнакомую комнату. Почувствовал чье-то прикосновение, услышал музыку. Мелодия захватила меня своим ритмом. Мои руки обнимали кого-то. Я видел много тел. Я был среди них и чувствовал дикое желание. Единственное желание обладать этими телами. Я сплетался с кем-то, ласкал, грубо проникал в чью-то плоть. Мелодия держала меня в ритме. Мне нравилось это безумие. Оно продолжалось и продолжалось...

Я услышал напуганный голос Лерака. Он грязно ругнулся и с силой нажал мне на переносицу. Фиолетовая пленка выпала из моей ноздри.

— Ты же еще не совсем восстановился. Анифа предупреждала. Но ничего, я помогу тебе добраться до твоей комнаты. Отоспишься и завтра будешь как новенький.

Я не помню, как мы добрались до спальни. Я рухнул на постель и отключился.

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН!

Арктическая фантазмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Консул Еремкин ходил по консульству гоголем и потирал руки.

Информация об истинном положении в поселке, наконец, попала в руки норвежцев — об этом позаботились вездесущие дети Кирпичева. Скоро Москва и все прогрессивное человечество узнает об антиконституционном акте украинских националистов и придет дипломатам на выручку. Начальство на Смоленской площади получит представление об испытаниях, выпавших на долю сотрудников за полярным кругом, и по достоинству оценит их непоколебимую стойкость и верность стране.

В консульстве скопились российские беженцы — это тоже пойдет в зачет дальновидному и политически грамотному консулу. Беженцы — это фактор огромной политической силы, который всколыхнет мир и сподвигнет Совет Европы, ООН и Совет Безопасности на принятие адекватных мер. Беженцы — это лакмусовая бумажка для проверки совести и жалости по отношению к униженным и оскорбленным и средство для достижения целей для бессовестных. Впереди Еремкина ждали фанфары, всемирная известность, купание в лучах славы и повышение по службе. Уж следующую командировку он проведет либо на Елисейских полях, либо неподалеку от Трафальгарской площади. Дальше Гринвича он ехать ни за что не согласится!

А режим Кравчени долго не продержится. До консула стали доходить слухи о том, что среди населения Баренцбурга зреет недовольство действиями новых властей. Добыча угля снизилась чуть ли не до нуля, дисциплина упала, поддержка от батьки Чорновила из матери русских городов задерживалась, склады постепенно пустели. Одним словом, суверенитет ни Роману Кравчене, ни остальным украинским громодянам на пользу не пошел.

Кравченя и его окружение занимаются лишь выяснением отношений между собой и расправой с неугодными и недовольными. Уже почти половина шахтеров посажена за решетку, а другая половина занимается их охраной. Националистическо-демагогический режим ШУРы превратился в деспотическое ярмо для народа. Время работает на консула Еремкина — вот только бы хватило на всех продуктов. С притоком беженцев проблемы питания в консульстве резко обострились, и если в ближайшее время не предпринять каких-либо решительных действий по пополнению съестных припасов, консульство столкнется с проблемой голода.

Руслан Балакирев из каких-то подсобных радиодеталей смастерил приемник, и теперь сотрудники консульства регулярно слушали в каминном зале обрывки между-

народных новостей пополам с треском. Большинство сообщений Москвы, Парижа и Лондона не касались насущных забот дипломатов, но благодаря невидимым волнам эфира они испытывали хоть какое-то присутствие цивилизации и тем самым продолжали ощущать себя частичкой международного сообщества.

Пока они сидели под домашним арестом, распалась Югославия, и на ее территории возникло несколько новых стран. Шестого марта, в день рождения Микеланджело, в Европе неожиданно активизировался компьютерный вирус. Во главе капиталистического правительства в Москве встал внук известного детского писателя, пламенного борца за коммунизм, и россияне открыли для себя новую главу увлекательного ваучерного детектива под названием «Чубайс и его команда». В Париже на девяносто первом году жизни умерла Марлен Дитрих. Крым объявил о своей государственной самостоятельности, но через две недели киевские демократы этого статуса его лишили.

Однажды Руслану Балакиреву удалось поймать Би-Би-Си на русском языке. Это была удача — британская радиотелекорпорация сообщала новость, от которой все подпрыгнули. Наконец-то о них вспомнили!

— ...Из достоверных источников, близких к норвежскому правительству, стало известно, что на Шпицбергене, на территории, принадлежащей Российской Федерации, произошел антиконституционный переворот, — сообщил безразличным эмигрантским голосом диктор. — Власть в Баренцбурге взяли украинские националисты во главе с неким Романом Краученей. Руководство треста «Арктикугля», на протяжении тридцати лет осуществлявшего на Шпицбергене хозяйственную деятельность, интернировано. Деятельность русского консульства парализована. Новый режим требует международного признания и до тех пор отказывается подчиняться норвежским властям, которым принадлежит суверенитет над архипелагом. О политической ориентации Краучени и его сторонников мало что известно, однако норвежские власти склоняются к мнению, что так называемая ШУРа — Шпицбергенская Украинская Рада — настроена сугубо антироссийски и хочет перейти под суверенитет Киева.

— Вот так! Согласно теории Вегенера! — прокомментировал сообщение Балакирев.

— Да потише, ты! Дай дослушать! — зашикали на шифровальщика остальные слушатели.

— ...Сложившуюся ситуацию в Баренцбурге официальные лица в Москве и Киеве комментировать отказываются, — продолжал бубнить нанятый Би-Би-Си русскоязычный эмигрант. — Напоминаем, что напряженность в отношениях между Россией и Украиной и без того достигла своего апогея из-за спора о Черноморском флоте. Источники в Осло сообщают, что правительство Норвегии, поставленное в щекотливое положение, не торопится вмешиваться в события в Баренцбурге, опасаясь подлить масла в огонь и усугубить и без того обострившееся российско-украинское противостояние. Тем не менее, Осло будет скоро вынужден принять какие-то меры по восстановлению статус-кво в Баренцбурге, если не хочет лишиться контроля над архипелагом, полученного в 1920 году из рук международного сообщества. Источники, близкие к госдепартаменту США, сообщили из Вашингтона, что на территории так называемой ШУРы возможно находятся двое американских граждан, направленных для сбора научных сведений журналом «Нэшнэл Джоигрэфикс».

Диктор перешел к событиям в Италии, а дипломаты все молчали и чего-то ждали. Наконец они поняли, что ждать больше нечего, и наперебой стали комментировать услышанные новости. Все сошлись на мнении, что дни Шпицбергенщины сочтены и вот-вот в события вмешаются либо норвежцы, либо международные силы под эгидой ООН.

— А я полагаю, никакой эгиды не будет. Американцы не зря тут оказались, —

сказал Еремкин.— Братцы, ждите американцев. Под предлогом спасения своих соотечественников...

— По теории Вегенера,— вставил некстати Балакирев.

— Нет, по теории Бжезинского и Киссинджера. Это — классика! — поправил его консул.

Сотрудники озадаченно чесали в затылках и пытались сообразить, чем может обернуться американский десант в Баренцбурге. И как они ни прикидывали и ни гадали, выходило, что хорошего ждать не приходится. Утешало только одно: на Большой Земле наконец-то обо всем узнали, так что в скором времени или чуть попозже Москва среагирует. Эх, вот только бы продуктов хватило до этого момента!

И они живо переключили свое внимание на продуктовую проблему. Использовать Венскую конвенцию для борьбы с этой угрозой никак не представлялось возможным.

* * *

Зимовье или заимка для одиноких путников — это не ахти какой дворец, но жить в нем было можно. Правда, для этого нужно было желание. Желание у беглецов было и даже очень большое, тем более что другого выбора у них пока не было. Так что под руководством все того же энергичного Коршунова путники довольно сносно устроились за пиршественным столом, то бишь грубо сколоченным щитом на металлических ножках, и приготовились к употреблению внутрь того, что Бог послал.

Гвоздем программы была, конечно, же дичь, приготовленная главным церемониймейстером и шеф-поваром Петрухой, который ловко ощипал убитых шефом уток, смочил их в уксусе, посолил-поперчил и насадил на самодельный вертел. Он быстро запалил костер, утки стали вращаться и источать одурманивающий запах. Даже у Джека пропали все сомнения относительно съедобности этого блюда.

Пока Петруха готовил жаркое, остальные пели пиратские и хулиганские песни. Впрочем, пел практически один Коршунов, Трегубенко только шевелил губами, а Джим с Джеком завывали без всяких слов, тщетно стараясь поспеть за капризным рисунком русского песенного фольклора.

Бог послал к столу также бутылку «армянского», две «столичной» и две шампанского. Такому джентльменскому набору могло бы позавидовать любое питейное заведение Большой Земли.

— Ну, будем жить! — произнес первый тост Коршунов и пригласил всех выпить по первой.

Все единодушно поддержали своего предводителя — в оптимизме коршуновского тоста никто из присутствующих не сомневался (американцы хором повторили «Будем!») — и дружно навалились пока на холодную закуску. После морской прогулки и переживаний у всех разыгрался аппетит, и страдающий расстройством желудка Джек поглощал рыбные и мясные консервы, не отставая от других.

— Клин по клину! — сказал он, запихивая в рот кусок леща в томате.

— Чего-чего? — не понял Александр Сергеевич.

— Это нас научал мистер Кручения,— объяснил Джим.— Джек получил плохой пища и испортить поджелудок. А мистер Краучения...

— Какой к черту мистер! — перебил его Коршунов.— Тамбовский волк ему мистер!

— То бишь? — переспросил Джим.

— Что — то, бишь? Гад он и прохвост, твой Кравчя! Заладил: «мистер, мистер»!

— Ах, это! — заулыбался Джим.— У нас так есть принято, даже очень плохой джентльмен называться мистером.

— Ну и зря! — не согласился Коршунов. — Надо называть вещи своими именами. Всякое говно мистером называть — это, знаете...

— Да, да! — подтвердил Джим. — Мы говорим пословица: «Зови лопату лопатой».

— Лопата! Ну и люди! — опять возмутился Коршунов. — Лопате — ей все по хрену, она — предмет неодушевленный. А я говорю о людях. Понятно?

Джим не понял, но счел за лучшее кивнуть головой. Однако Коршунов на этом не успокоился.

— Бай зе уэй*, — щегольнул он английским, — а с какой целью вы, братцы-американцы, оказались в Баренцбурге?

— Ми есть американски джиографы, — начал осторожно Джим, — наш заданий — изучать флора и фауна Шпицбергена. Ми — представители журнал «Нэшнэл Джиогрэфикс».

— Ага, понятно, — с явным подозрением произнес предводитель. — С визитом дружбы по заданию ЦЭРЭУ.

Американцы при этих словах поперхнулись.

— Ноу, ноу! Нет! — поспешил заверить Джим. — Ми понять не имеем, что такой Си-Ай-Эй.

— Вот-вот, понятия не имеете, а аббревиатурой владеете. Ну, хорошо, разбираться с вами будем потом. Но как же вы, извиняюсь, попали под арест?

— Оу, это был недоразумений. Мистер Краучения, то бишь, мистер Говно, подумать, что ми украл важный документ.

— Так оно и есть, — вставил молчавший до сих пор Петруха. — Их ребятишки из консульства застучали, когда открывали сейф товарища Трегубенко.

— Мой сейф? — встрепнулся Степан Никифорович. Он встал во весь свой могучий рост и навис над американскими географами. — Это правда?

Джек перед лицом неминуемой расправы сжался в комок, Джим заерзал на табуретке задом, а Коршунов пронзил обоих американцев взглядом строгого учителя, ожидавшего от провинившегося ученика ответа на поставленный вопрос.

— Нет-нет, — поспешил заверить Джим. — Ми проходить мимо кабинет и увидеть открытый сейф. Ми хотеть его закрывать, но противный малтшишки стали кричать. Потом приходите мистер... ну вы понимаете... Он стал спросить эта малтшишка, а нам не поверить...

— Так где же сейчас документы? — спросил Коршунов.

— Ми думать, чито у мистер... ну вы понимаете...

— У Ромки Кравчени?

— Йес, йес! У Ромки.

— Да-а-а, дела! Нехорошонушки вы себя повели, ребяташки, ой как нехорошонушки! Придется мне вас сдать ближайшему оперуполномоченному. Знаете, что такое опер?

— Опер? Йес-йес, — вдруг влез в дискуссию молчавший до сих пор Джек. — Фигаро, Верди, Чайковски...

— Мерси за глубокую эрудицию, мистер джентльмен! — с издевкой ответил Коршунов. — Опер, братцы мои, он и на северном полюсе опер. Вот вернемся в Портленд, то есть Баренцбург, я вас познакомлю с ним поближе. Гут? Океюшки, значит. А пока, согласно теории гостеприимства, давайте приступим к горячему.

Горячее удалось на славу, и россияне насладились вволю свежезажаренной утиной — чего нельзя было сказать об американской стороне. Кусок не лез им в рот. Медовый час единения и причастности к одной команде, с честью вышедшей из большой беды, миновал, и атмосферу на заимке ежеминутно отравлял яд недоверия и взаимных подозрений.

* Кстати.

Насытившись, русские залегли спать на один из широких топчанов, предложив американцам другой, поуже.

— Всем спать! — приказал Коршунов и тут же захрапел.

Американцы не могли похвастать таким запасом психической прочности и заснуть не могли. Впрочем, они и не торопились отдаться в объятия Морфею — им одновременно пришла в голову одна и та же мысль о том, что засиживаться в этой теплой компании больше не имело смысла. Нужно было как-то от этой «оперной» компании избавляться. Когда кому-то не нравится компания, то из нее уходят. Лучше уходить по-английски, не попрощавшись с хозяевами дома.

Так они и поступили. Когда к храпу Коршунова добавилось тоненькое посапывание Петрухи и ровное, умиротворенное дыхание Трегубенко, Джим и Джек встали с нар, осторожно открыли дверь заимки и на цыпочках выбрались наружу. Время было полуночное, но солнце светило как днем — от неожиданности они даже зажмурили глаза. Слева от них голубело продолговатое пятно озера Линнея, справа шумело Гренландское море, сзади мелькала полоска Грен-фьорда, откуда им грозила опасность водворения в партийный кабинет.

— Май гуднесс! — воскликнул Джим. — Как тут могут размножаться люди, если от солнца нельзя никуда спрятаться.

— Поэтому, вероятно, тут никогда и не было коренного населения, — глубоко-мысленно изрек «географ» Джек. — Нужно полгода искать друг друга, а потом — полгода искать место уединения.

Впрочем, Джека волновал куда более прозаический вопрос:

— Джим, как ты думаешь, где мне сходить в туалет?

— Что — опять расстройство желудка? Клин не подошел?

— Эти клинья не для наших желудков, изнеженных кентукскими цыплятами. Подожди меня, я сейчас. Мне совсем плохо.

Джек трусцой побежал за бугор, на ходу расстегивая брюки, а Джим тем временем попытался сориентироваться на местности. Его занимал вопрос, который в первый раз за их путешествие действительно имел отношение к журналу «Нэшнэл Джи-огрэфикс»: в каких географических отношениях находится заимка Старостина с расположенной где-то поблизости норвежской радиостанцией «Ис-фиорден»? Он вспомнил, чему его учили в спецшколе, но был вынужден скоро признать, что учителя из «инкубатора»* вряд ли рассчитывали, что их питомцы окажутся в таких широких и в условиях семимесячного дня.

— Джек, ты где? — спросил Джим, обеспокоенный долгим отсутствием коллеги.

Джек не отвечал.

— Джек? Ты слышишь меня?

— ...шишь меня! — отозвалось эхо со стороны замершей поверхности озера.

— Что за черт! — удивился Джим. — Почему он молчит?

Он взобрался на бугор и заглянул вниз. Метрах в двадцати он увидел Джека — потрошителя сейфов с государственными секретами. Потрошитель со спущенными штанами сидел на корточках, и Джиму показалось, что тот заснул. Этого еще не хватало! Он набрал воздух в легкие и хотел уже окликнуть коллегу, но сразу же осекся. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть и замереть на месте, как в известной детской игре. Сердце остановилось, по спине пробежала дрожь, в коленях появилась слабость, и он медленно опустился на мох. Неподалеку от Джека стоял здоровенный зверюга, напоминавший подаренную в детстве мягкую игрушку, только оригинал оказался раз в сто-двести крупнее и страшнее.

Это был белый медведь.

— Эй, — захрипел Джим, — оглянись!

* Так на жаргоне сотрудников ЦРУ называется их школа спецподготовки.

Но Джек уже обнаружил пришельца и от страха не мог пошевелиться. Медведь застал его в самой неприглядной для сотрудника ЦРУ позе и решил понаблюдать за двуногим существом, чтобы убедиться, опасно оно или нет. Зверь услышал голос Джима и повернул теперь свою морду в его сторону. Ага, значит двуногих двое. Ну что ж, посмотрим, что они будут делать. Огненной палки у них вроде с собой нет, и это уже хорошо, но медведь был опытным зверем и знал, что от этих тварей можно ожидать всякого. Поэтому он решил пока оставаться на месте и контролировать сразу обе особи.

Один из них издавал неприятный запах. Медведю этот запах был знаком — он часто рядом с жилищем двуногих и находил маленькие, но зловонные кучки, которые и были источником вони. Фу, ну надо же быть такому: такие маленькие, а такие вонючие! Хорошо еще, что от второго пока ничем таким не пахло!

Прошло минут пять, а вся троица находилась все в тех же позах: присевший на обвислый зад белый медведь, метрах в пятнадцати от него — Джек, а еще чуть подалее — Джим. Наконец Джим пришел в себя и встал на ноги. Медведь настороженно, всем туловищем повернулся в его сторону и вперил в него черные пуговиц-глазки.

— Джим, сделай что-нибудь! Отвлеки его! — услышал он снизу умоляющий голос.

Медведь привстал и вытянул шею в сторону ожившего человечка внизу. Шея оказалась неожиданно длинной, в какой-то момент Джеку показалось, что медведь, не сходя с места, достанет его своей пастью. А медведь начал шумно втягивать ноздрями воздух, пытаясь понять, чего хотят эти двое.

— Эй, ты, косолапый! — задиристо крикнул сверху Джим. — Пошел прочь!

Он поднял с земли камень и бросил его в зверя. Бросок оказался метким, камень попал в пушистый бок и, конечно, не причинил медведю никакого вреда. Но сам факт наглого посягательства на Властелина Шпицбергена со стороны какого-то плюгавого и вонючего двуногого сильно его разозлил. Медведь поднялся на задние лапы, издал грозный предупредительный рык и медленно пошел на обидчика. Джим попятился назад, но зверь, еле перебиравший, казалось, своими пушистыми белыми лапами, двигался намного быстрее, чем можно было подумать.

— Джек, вставай и рви когти в противоположную сторону! — крикнул Джим и исчез за бугром.

Джек не заставил себя долго упрашивать. Он мгновенно вскочил и, застегивая на ходу брюки, зайцем запрыгал по тундре. Медведь в недоумении остановился и заревел еще громче: эти двуногие твари его перехитрили, бросившись в разные стороны. Пока он размышлял, в какую сторону податься, и какая жертва может оказаться вкусней, беглецы удалились от него на достаточно безопасное расстояние. Они инстинктивно неслись по большому эллипсу навстречу друг другу, да так быстро, что через пару часов могли бы добежать до ближайшего американского консульства, если бы на их пути не встретилась широкая водная преграда в виде озера Линнея и полоскавшего за ним Гренландского моря. Чуть не столкнув друг друга в воду, они резко притормозили и упали друг другу в объятия. Так стояли они минут пять, подпирая друг друга, тяжело и часто дыша перегаром «столичной» и «армянского» и радуясь очередному спасению.

— Да, тут не... не соску... скучишься! — произнес, наконец, Джим, отталкивая от себя обвисшее тело Джека.

— Веселень... веселую прогулку придумал нам Центр, — поддержал это мнение Джек.

— Ага, просто обхохочешься. За эту неделю чего только нам не пришлось пережить: слежку КГБ, организованную самым нетрадиционным способом с привлечением несовершеннолетнего оперативного состава (кстати, нам следовало бы тоже взять

его на вооружение), приобретение и нелепую потерю документов, арест под надуманным предлогом, побег, аварию на море, чудесное спасение, угрозу нового ареста, новый побег и вот — встречу с белым медведем и, надеюсь, опять чудесное спасение. Не много ли за такой короткий срок на двоих?

— Много, но хочется еще, — застонал Джек.

— Что? Тебе мало приключений? — подпрыгнул от неожиданности Джим.

— Да нет, Джимми, я все о том же. Мне... мне надо опять в туалет.

— Тьфу! Как ты мне надоел, Джеки! Вечно с тобой что-то не так! Иди вон туда сходи и...

— Я бою-у-сь, — захныкал совсем по-детски Джек. — А вдруг там опять кто-то?

— Но не держать же мне тебя за руку! — возмутился Джим.

— Держа-а-ать! — капризно заревел Джек и схватился за живот.

— А-а-ать! — откликнулось эхо.

Джим возвел глаза к небу, призывая Всевышнего и Милосердного в свидетели того, с какими кадрами приходится ходить в разведку порядочным людям, и попросил Его не лишать этих порядочных американцев долготерпения, так необходимого в обращении со всякими недоумками, навязанными начальством в Лэнгли. Джим не услышал и не увидел, выступил ли Всевышний в роли свидетеля последующей сцены, но терпением Господь его явно снабдил, потому что, в конце концов, он все-таки уступил просьбе недоумка Джека, взял его за руку и повел в укромное местечко.

Когда Джек, наконец, облегчился, можно было подумать и о том, как добраться до ближайшего норвежского жилья. Свидания с подводной лодкой или вертолетом в точке «Х», как это обычно принято при засылке лазутчиков, в данной местности, к сожалению, не предусматривалось, так что Джиму с Джеком нужно было рассчитывать пока только на свои силы.

— Где-то к югу от озера находится водонасосная станция русских, которая из ледникового озера снабжает водой Баренцбург, — вспомнил Джек. — Судя по расположению солнца, это должно быть вон там, — махнул он рукой в противоположную сторону.

— Как бы не так, — не согласился Джим. — Сейчас три часа ночи, так что от солнца нужно танцевать совсем по-другому.

— Как?

— А я почему знаю! — рассердился Джим. — Ориентировка на местности входила, как мне помнится, в твою функцию.

— Я запросто могу ориентироваться в местности, где наше светило ведет себя подобающим образом, а не висит месяцами над головой.

— Привыкай! А то вас, технарей, совсем испортила кабинетная работа. Вот и раскинь теперь мозгами, куда нам идти. Это вам не сейфы вскрывать!

Джек стал вертеться по сторонам, бросать взгляд на солнце, шевелить губами и снова вертеться.

— Да, был бы сейчас у меня хоть какой бы паршивенький компас! — сказал он, опускаясь в беспомощности на землю.

— Был бы компас, я бы и без тебя обошелся, — отрезал Джим и уселся рядом. Спорить с дураком было бесполезно — могут и самого за такового принять!

Прошло минут десять, прежде чем Джеку пришла в голову мысль вернуться к избушке и «танцевать» от нее. Если бы от избушки спуститься к морю и пройти по берегу километр три-четыре, то они как раз могли бы выйти на мыс Линнея, где должен быть маяк и «Радио Исфьорд».

— Ага, иди один этим маршрутом, а я не пойду, — возразил Джим. — У меня нет ни малейшего желания попадаться на глаза этому ...как его...

— Алексу, — напомнил Джек.

— Алексу, черт бы его побрал! Придется огибать озеро с другой стороны!

— Ты что — с ума сошел? — взвился Джек. — Там тоже наткнемся на русских — ведь ты сам сказал, что там у них насосная станция. Да и крюк этот выйдет на километров десять-двенадцать.

— Джекки, — примирительно сказал Джим. — На насосной станции нас не знают. Факт? Факт. Одеты мы как все русские. Факт? Факт. Если мы сейчас выйдем в путь, то успеем прошмыгнуть мимо станции в тот момент, когда они, может быть, еще спят. Факт?

— Не факт, — сказал Джек, — но идти надо. О-хо-хо-хо-хо! Мама, я хочу домой!

— Домой нам, дорогой коллега, рано. Как мы вернемся без документов? Надо просить помощи норвежских друзей. Без них теперь выполнить задание будет трудно, если вообще возможно. Ничего, возьми себя в руки. Твердость, терпение и выдержка помогут нам преодолеть все трудности. Пошли.

И Джим громко запел:

— *We shall overcome,
We shall overcome.*

И Джек взял себя в руки и подтянул:

— *We shall overcome someday...**

Они хорошо знали слова и музыку этой когда-то антиправительственной песни, взятой на вооружение сторонниками антивоенного и антиядерного движения. Как все благопристойные американцы, в молодости и они были не безгрешны и принимали в этом движении посильное участие, а потом остепенились и присоединились к не менее мощному и авторитетному клану правительственных чиновников. Как говорится, кто в молодости не был либералом, у того нет сердца, а кто в более зрелые годы не стал консерватором, у того просто нет головы.

Когда путешественники достигли самой южной точки берега, чтобы потом взять опять на север, за спиной раздался грубый и хриплый голос:

— Стой, кто идет?

От неожиданности Джек присел на землю, а Джим уронил шапку. Он оглянулся, и сердце у него екнуло: пройти мимо насосной станции незамеченными не удалось. К нему шел бородатый детина с ружьем наизготовку, и надо было что-то отвечать. Он лихорадочно соображал, кем лучше представиться: местным шахтером или сказать, как есть?

— Ну, говори, язык что ли отсох! А то я сейчас всажу в жопу заряд дроби, сразу заговоришь! — Детина и вправду взвел курки и направил дуло именно в то место, куда пообещал.

— Вы... ты не иметь права! — закричал Джек, вскакивая на ноги. — Ми есть гражданин США ...

— Ах, СэШэА-а-а! — удовлетворенно хмыкнул детина. — Вот вы-то нам и нужны. Валера! Иди сюда! Это как раз те, о которых нам батько звонил по телефону. Идите сюда, миленькие!

Подошел Валера — такой же заросший бородой крупный неопрятный мужчина, про которого, вероятно, и сочинил своего «Мойдодыра» Корней Иванович Чуковский.

— Вот они какие! Ишь, переоделись, чтоб не узнали. У, шпионы проклятые! Повались лазить в чужой огород. А ну заворачивай! Вас уже давно ждет-не дождется наше правосудие.

— Это — ошибка, — пытался исправить положение Джим. — Мой товарищ шуткует. Мы свои, русские!

— Москали, значит? А что вы тут делаете? — спросил Валера.

— Мы это... ловить рыбу...

* Мы победим, мы однажды все преодолеем (англ.)

— Браконьерствуете, значит? Рыбку можно ловить только с августа. Вы что — не слышали распоряжений сюссельмана?

— Нет-нет, мы не браконьерствуем... У нас и браконьера нет.

— Какого браконьера?

— Ну, это... чем ловить.

— А, сетей, значит,— сообразил первый.

— Ага,— подтвердил Джим.

— Тогда чем же вы ловить собрались?

— Крючками. Ми их оставить там, займка! — пришел на помощь другу сообразительный Джек.

— Моя твоя не понимай! — Валера засмеялся, но смех получился не добрый.— Ну, вот что: хватит комедию валять. Москальской мовой вы владеете, как наш бык Директор. Гена, заворачивай их справа, а я — слева. Пошли! Вперед! Запева-ай! Какую вы там песню орали? Ля-ля-ля! — напомнил он им мелодию и дал Джеку под зад коленкой.

— Мы все равно победим! — запальчиво крикнул Джек и не заметил, что первый раз сказал по-русски без ошибок.— We shall overcome,— начал он слабым дрожащим голосом. По щекам у него катились слезы. Он их не вытирал, потому что одной рукой он держался за руку Джима, а второй — за ушибленное заднее место. Ничего, придет время, американский народ отомстит этим мужланам за грубое обращение со свободными гражданами Америки!

— We shall overcome,— неуверенно поддержал его Джим.

Распеться как следует не удалось, потому что их перебил звонкий голос Гены:

— Броня крепка, и танки наши быстры.

— И наши люди мужеством полны,— решительно вступил в дуэт Валера.

Они отчаянно фальшивили, но это не вызвало со стороны задержанных никаких эмоций. Эту мелодию они все равно слышали впервые.

В МИРЕ ФАНТАЗИИ

Но где ж, натура, твой закон?

М. В. Ломоносов

У народа бытует расхожее мнение, что все правители — подлецы, обманщики, воры, взяточники и казнокрады. На самом деле, это не совсем так. В мире нет таких руководителей, которые бы не хотели добра своим подданным или гражданам — они все хотят людям счастья, они все хотят как лучше. Другое дело, что любой руководитель, справедливо полагая свое пребывание на Олимпе временным, естественно причисляет и себя к числу граждан, подлежащих благодетельствованию. Ну а поскольку благодетель находится ближе всех к источнику благоденствия, то в процессе «раздачи слонов» возникает вполне объяснимый перекося.

Трагедии тут никакой нет — это закон природы.

Ведь никто же не возмущается неравномерным распределением солнечных лучей, и все в этой Поднебесной довольствуются тем теплом, которое получают. Ни чукча за полярным кругом, ни узбек из Ферганской долины, ни папуас из Новой Гвинеи, ни вятич из Рязани не ропщут на Солнце. В таком случае, почему же люди проявляют вопиющую неблагодарность по отношению к своим правителям? Ответ прост и очевиден: потому что люди завистливы и недалеки.

Не надо далеко ходить за примером. Возьмем для наглядности хотя бы президента ШУРЫ Романа Кравченко. Ну, чем же он не угодил своим громодянам? И вышел он прямо из народа, и всего в жизни добился сам, и принципиален, и честен, и за народ стоит горой, патриот и истинный украинец, прост в обращении и одежде, да и

вообще мужик хоть куда! Так нет, кто-то пустил подленький слушок, что батько, мол, запустил лапу в рудничную казну, что окружил себя холоуями и подхалимами, что довел экономику до ручки — все заботы приходят в упадок, народ слоняется без дела и ничего не зарабатывает.

Но ведь это все трудности временные, связанные все с той же проклятой зависимостью от москалей! Во всем всегда виноваты москальи. Зарботки шахтеров до утверждения украинского суверенитета в Баренцбурге формировались в Москве, а теперь, естественно, Москва этот порядок приостановила. Незалежность и демократия — оно, конечно, хорошо, но если бы к ним приложить карбованцы или, на худой случай, гривны, то цены бы им не было. Но в том-то и заковыка, что «грошами в Баренцбурге воняло не дюже». То есть, воняло, но не ото всех, а «тильки от виэбранников народа».

Ну, что на эти слухи можно сказать? Гнилая философия, возникшая на пережитках великодержавной политики все той же Москвы.

Дальше в народе стали говорить, что батько, мол, захватил слишком много полномочий. Надо же быть такими глупыми! А как же иначе защитить демократию, спрашивается? Особенно на переходном этапе, когда ей со всех сторон угрожают? Естественно, исполнительная власть временно присваивает себе некоторые функции, которые... Одним словом, все это от недоумия и зависти. Ведь тот, кто сидит у власти или рядом с ней, не жалуется? Так как же в таком случае можно верить слухам?

А батько, между тем, с утра до вечера только тем и занимался, чтобы найти способ сделать людям приятное. Он принимал энергичные меры по созданию в республике благоприятных условий для иностранных инвестиций и для получения кредитов. Первые шаги в этом направлении были уже сделаны и некоторые кредиты были даже получены (смотри отчет автора о встречах президента Кравчени с американскими «географами»). Или взять, хотя бы, к примеру, сегодняшнее заседание Рады, которое было посвящено вопросам сексуального выживания командированных одиночек в условиях Заполярья. Разве это не свидетельство искренней заботы ШУРы о насущных нуждах заполярного трудящегося населения?

Проблема ведь назрела давно — еще в застойные советские времена, и вот только теперь в Баренцбурге приступали к ее решению. Это большая заслуга новой власти во главе с президентом Кравченей.

В основе проблемы лежала человеческая физиология.

Большинство шахтеров командировались на Шпицберген без жен, а тонкая прослойка свободных женщин из «Дома, где разбиваются сердца» только в очень ограниченной степени могла соответствовать чаяниям трудящегося сильного пола. Все предыдущие администрации следили лишь за тем, чтобы нравы в поселке не выходили за рамки хотя бы буквы Кодекса поведения советских граждан за границей — Кодекса, выработанного на Старой площади старательными сотрудниками ЦК, как известно, не страдавшими отсутствием женского внимания. А чтобы реально помочь полярникам, ни у кого руки не доходили. И вот батько Кравченя решил исправить создавшееся положение и раз и навсегда решить перезревшую, как полтавская дуля, проблему.

Батько испытал на собственной шкуре, как плохо переносится «полярка» без женской ласки. Шахтеры были совсем еще не старыми людьми, и, наряду с выработкой нормы и «заколачиванием бабок», у них оставались еще и другие интересы, которые в условиях шпицбергенского дефицита удовлетворить возможным до сих пор не представлялось. ШУРа решила, наконец, смело пойти навстречу пожеланиям трудящихся. Кто-то из ближайшего окружения батьки Кравчени — то ли Перетятко, то ли Василенко — предложил ввести в республике институт временного, но вполне законного брака:

— Нам нужно стимулировать рост населения Шпицбергенщины, — заявил то ли

Перетятко, то ли Василенко.— Следовательно, нужно узаконить отношения, складывающиеся между неженатой мужской и незамужней женской частью и разрешить им заключать браки. Поскольку женщин у нас намного меньше, чем мужчин, браки эти надо ограничить по срокам, с тем чтобы все желающие до конца командировки успели пройти эту процедуру.

Идея батьке понравилась, все дружно проголосовали «за» и в Баренцбурге по ускоренной методике начала осуществляться программа «Матримониал». Она нашла своих восторженных поклонников не только у мужской половины, но и у женской тоже. В Доме культуры, при стечении всего населения Баренцбурга, президент ШУРы Роман Кравченя благословлял первых молодоженов на дружную и продуктивную совместную жизнь и выдавал на руки брачующимся ксивы установленного им образца:

Справка № 1/199...

Настоящая дана заведующему складом № 3 Заколядязному Тарасу Григорьевичу в том, что ему разрешается вступить во временный брак сроком на 3 месяца с раздатчицей вторых блюд столовой Опанасенко Оксаною Осиповной. Супруги обязуются в пределах указанного срока исполнять все супружеские обязанности, включая зачатие детей и последующее их совместное воспитание вплоть до достижения ими, детьми, совершеннолетия, независимо от складывающихся после настоящего брака отношений. Поводом к досрочному расторжению брака может послужить только появление в г. Баренцбурге жены Заколядязного Т. Г., проживающей в г. Сумы Украинской республики.

Президент Шницбергенской Украинской Рады Роман Кравченя.

Секретарь комиссии «Матримониал»

Остан Василенко.

(Печать ШУРы).

Молодоженам на весь срок семейного союза выделялся номер в пустующей гостинице, администрация организовывала праздничный стол и выдавала кое-какой скарб на обзаведение совместного хозяйства.

Нужно признать, что кампания «Матримониал» взбудоражила сознательное население Баренцбурга и позволила на какое-то время отвлечь его внимание от других наболевших проблем. Что характерно: комиссия не возражала против смешанных браков между русскими и украинцами, но дети от этих браков, естественно, считались гражданами Украины. Кривая популярности батьки Кравчени снова резко поползла вверх. Оставшиеся холостыми громодяне, не захотевшие ждать, когда и для них освободятся партнерши для брака, предложили узаконить многомужество, но Кравченя был не готов к таким радикальным шагам и предложил подождать.

Вообще ШУРа трудилась, не покладая рук, у нее не было ни одного дня свободного времени, потому что жизнь неумоимо подбрасывала ей то одну проблему, то другую. В разгар брачной кампании пришлось срочно заниматься в высшей степени деликатной дипломатической проблемой. Проблема носила животноводческий уклон, и к ее решению был привлечен Аполлон Волколупов, который незамедлительно был вызван на совещание Рады.

— Ну, Аполлоша, выручай! — обратился к нему батько Кравченя.— Как там Директор?

— Это вам лучше знать,— угрюмо ответил ветеринар, с недоверием воспринимая любой контакт с бывшим начальником порта.— Вы его содержите, кормите.

Ветеринар уже давно жил отшельником на своем Скотланд-Ярде, и с тех пор как к власти пришел насмешник и пустомеля Кравченя, старался в поселке вообще не появляться. С работниками столовой, регулярно забиравшими мясомолочные про-

дукты, он никаких разговоров на посторонние темы не вел, а потому и не ведал, что директор рудника Коршунов из-под ареста уже сбежал.

— Это все так, но ты же все-таки непосредственно... Одним словом, к Директору едет невеста. Шо будем робить?

— Какая невеста! — удивился ветеринар. — Ведь он вроде был женат!

— Это не считается. То была наша, украинская, жинка, а теперь едет краля из Норвегии.

— Из Норвегии! И что ж — она согласна?

— Еще как! Сам сюссельман звонил и просил помочь свести их вместе, так сказать, спарить. Это по твоей части.

— Какой из меня сват! — взмолился Волколупов. — Я и сам ни разу не был женат, а тут такое дело — сватовство!

— Ну, то, что ты холост, мы это дело быстро исправим! — Кравченя заговорщицки подмигнул секретарю «Матримониала». — Галинка, небось, уж все гляделки по тебе проплакала. Ну да ладно, твоею персоной мы займемся особо. Давай готовь Директора к бою.

— К бою? К какому?

— Тьфу ты, дуралей! — разозлился президент, — не разучился же, в конце концов, твой Директор залезать на коров!

— Александра Сергеевича? На коров?

Раздался грохот — вся Рада чуть не попадала со смеха со стульев.

— Ой, уморил, Волколупов! Директор — на коров! Ха-ха-ха!

До Аполлона Митрофановича только теперь дошло, о каком директоре шла речь, и он тоже сделал попытку улыбнуться.

— Ну вот, — продолжал Кравченя, вынимая из кармана платок, — теперь, когда ты понял, кого мы имеем в виду, ответь мне на вопрос: сколько, ты думаешь, треба взять с норвежской коровы за полученное ею удовольствие?

— За удовольствие? — Волколупов почесал в затылке и пожал плечами.

— Понятия не имею. У нас всегда это делалось бесплатно.

— Нет, бесплатно тут не пойдет, — сказал президент, — мы суверенная республика и запросто так растранижировать наш племенной фонд не позволим. Пять тысяч долларов мало? Ты подумай, ведь Директор даст новое племя в Норвегии — это не шуточное дело.

— Оно конечно так, — подтвердил ветеринар. — Это большое дело.

— Ну, раз большое, то и гроши должны быть большими. Запросим тысяч... тысяч пятнадцать. А, громодяне?

— Будет в самый раз! Конечно! Дешевле невозможно! — загудели одобрительные голоса членов ШУРы, уже прикидывавших в уме, сколько «зелененьких» достанется каждому из них.

— Ну, раз так, гражданин Волколупов, то готовь быка. Завтра к нам пожалует делегация из министерства сельского хозяйства Норвегии. Заодно установим и дипломатические отношения, — заключил Кравченя и отпустил Аполлона Митрофановича домой.

* * *

Прибытие представителя министерства сельского хозяйства в Лонгйербюен, да еще с коровой, Юнглинг воспринял чуть ли не как личное оскорбление. Он только что проинформировал Осло о возникших в отношениях с Баренцбургом сложностях и с нетерпением ждал хоть какого-нибудь вразумительного ответа на свой запрос, а тут — здравствуйте, вам корова не нужна? Только коровы и проблемы ее спаривания с баренцбургским быком ему сейчас не хватало! Идти на поклон к какому-то самодуру Кравчене!

— Вы что же, не могли меня заранее предупредить, что выезжаете? — встретил он прибывшего сразу в штyki.

— Так поездка нашей рекордсменки была запланирована и согласована с вами давно. Вы подтвердили, что мы можем выезжать в любое время. Мы зафрахтовали место на пароходе, понесли затраты из государственной казны, и вот теперь вы говорите нам: «Зачем приехали?». Это, по крайней мере, не тактично,— возмутился председатель Агросовета Норвегии оказанным ему на Шпицбергене приемом.

— Так вам, надеюсь, известно, что происходит в Баренцбурге? — кричал сюзсельман.— У меня в здании старой больницы накопилось уже двадцать пять русских беженцев. Вам это о чем-то говорит?

— А что там происходит? Неужели Директор заболел и подох?

— Тьфу! — плевался губернатор и убежал в другой конец кабинета, чтобы не наброситься на этот аграрный тюфяк с кулаками.— В Баренцбурге переворот. Я же проинформировал Осло. У нас сейчас нет никаких отношений с новым режимом.

— А мне и не нужны контакты с режимом,— бубнил председатель.— Мне достаточно встретиться с херром Волколуп. Нам больше никто не нужен.

— Да кто нас пустит на ферму к Волколупову? Мне что, брать с собой взвод солдат? Что же вы их с собой в таком случае не прихватили? А кормов для коровы вы привезли, надеюсь? — продолжал он допрос с пристрастием.

— Конечно.

— А на сколько их хватит?

— На неделю пребывания и три дня обратного плавания до Тромсе,— подтвердил аграрий.

— Да-а-а... А если вы тут зависнете на неопределенное время — тогда что?

— Я не знаю, вы же сами писали...— признался вконец сбитый с толку посланец норвежских фермеров. Он несколько месяцев планировал эту поездку, выбивал средства, с большим трудом — по конкурсу! — отобрали кандидату для заграникомандировки, а теперь, когда он с животным был уже практически у цели, появились какие-то политические, видите ли, осложнения. Он всю жизнь занимался разведением крупного рогатого скота, и политика совершенно не вмещалась в его профессиональный и жизненный багаж. Он вместе с коровой был просто на грани нервного срыва.

— Писали! — смягчил тон уличенный Юнглинг.— Мы много что писали, да только теперь это можно засунуть вашей корове под хвост!

— Моей корове это не надо! — сухо возразил аграрий.— Ей требуется что-нибудь... что-нибудь повкуснее!

Губернатор в ответ на эту тираду неожиданно рассмеялся. Такого «веселого» делегата он видел здесь в первый раз. Он вызвал к себе вице-губернатора, советника по экологии, старшего полицейского и долго обсуждал с ними, как можно выполнить заявку министерства сельского хозяйства и кого, кроме коровы Бэтси, следует послать в Баренцбург для выполнения запланированного мероприятия. Потом Сверре Бустад звонил в Баренцбург и долго о чем-то с кем-то договаривался. Уж только после этого Юнглинг приказал готовить в поход свой «вездеходный» корабль и грузить на него полицейский эскорт, корову и аграриев.

* * *

Несложно научиться говорить на иностранном языке. Гораздо сложнее научить иностранцев понимать тебя, когда ты говоришь на их языке.

Когда первый и последний президент Советского Союза (ПИППСС) вел как-то переговоры с западниками, произошла досадная накладка: вроде бы договаривались, что с роспуском Варшавского Договора прекратит свое существование и НАТО. Но

то ли партнеры ПИПССа не поняли, что он «доводил» им через переводчика, то ли переводчик не «довел» ему то, что вещали партнеры, — сказать трудно, но вышло все как всегда: Варшавский блок «накрылся медным тазом», а Североатлантический — наоборот, стал наращивать мускулы и набирать к себе новых членов, причем, в основном из бывших наших, из славян.

После этого «джентльменского» инцидента в мире стало круто меняться понятие о справедливости. Потому что не могли же вооруженные «до зубов и ниже» джентльмены из Брюсселя по-прежнему признавать за оставшимся без штанов ПИПССом право на паритет. Справедливость — это честное распределение чего-либо между кем либо. Раньше, когда был паритет, вопросов о распределении не возникало — каждый получал половину. Теперь весь паритет остался за сильным. И это, конечно, справедливо — надо было об этом думать раньше.

Правда, в стране, оставшейся без паритета, сразу после указанных событий начались махания кулаками и крики типа:

— Пацаны! Разве так руководят страной?

Но потом и эти крики улеглись, потому что «пацаны» увлеклись конверсионными программами с перековкой мечей на кастрюли, либерализацией экономики, ее вконец угробившей, монетаризмом, кампаниями «прихватизации», ваучеризации, мавродизации и увлекли за собой всех остальных.

Но не в этом суть.

Суть в том, что вести о недемократичном поведении президента ШУРЫ Романа Кравчени легли, наконец, на стол джентльменов из НАТО. В интернетовских мозгах брюссельских и вашингтонских стратегов возникло короткое замыкание, и дисплеи выбросили им в лицо целую кучу вопиющих и далеко не виртуальных фактов, но главным фактом в Вашингтоне сочли посягательство властей этой республики на свободу двух мирных американских географов.

Джентльмены только что отбомбились на Ближнем Востоке, сбросив «гуманные демократические» бомбы на одну арабскую страну за то, что тамошний народ поставил у власти не того президента, и приступили, было, к составлению планов наказания еще одного президента — теперь уже на Балканах, как СМИ принесли им сводку свежих новостей из далекого Шпицбергена.

Интер-Натовский Миргород, подталкиваемый вашингтонским обкомом, тут же запустил кампанию по формированию дымовой завесы, то бишь, общественного мнения в пользу следующей «гуманной» акции, а генералы немедленно сели за карту северного полушария и стали мерить расстояния, чертить и проводить линии, обводить кружочками и ставить кресты для обозначения дальнейших своих действий. Особенность подготовки операции НАТО под кодовым названием «Буря в тундре» заключалась в том, что член альянса Норвегия в известность о ней поставлена не была. По причинам конспирации. Осло не справился со своими обязанностями администратора на Шпицбергене, следовательно, администрацию можно было в расчет не принимать. Точка.

Пока Роман Кравченя проводил кампанию «Матримониал» и готовил процесс века над двумя американскими шпионами, пока губернатор Юнглинг ждал указаний из Центра, а корова Бэтси поднималась на борт сюссельмановского судна, чтобы отправиться в свадебное путешествие в Грен-фиорд, на секретных базах штата Колорадо заканчивалась подготовка к высадке «миротворческого» спецназа в Баренцбурге. Западное общественное мнение уже кипело от негодования при одном только упоминании имени батеньки Кравчени и единогласно высказывалось в пользу ликвидации его преступного режима на архипелаге. Так тогда еще относился Запад к независимости Украины.

А что же Москва? Москве, после того как новость попала на страницы западных газет, молчать стало уже неудобно. И она сказала свое веское слово. О, Москва сделала очень сильный шаг. Очень.

По всем программам телевидения выступил Гарант Конституции (ГК) и с присущей ему многозначительностью заявил:

— Крым, то бишь, Шпицберген, был, есть и, понимаешь, всегда будет российским!

Россияне своего гаранта поняли, потому что ГК общался с ними все-таки на родном языке. А в Брюсселе стали гадать, что бы это могло значить в военных терминах, но скоро, однако, пришли к выводу, что кроме акустического эффекта заявление ГК по Шпицбергену никаких последствий иметь не будет — ведь русские на архипелаге были всего-навсего арендаторами клочка земли, а хозяевами там все-таки были норвежцы. И спокойно продолжали готовиться к спецоперации.

Но эксперты из НАТО на сей раз просчитались: полувиртуальный Шпицберген неожиданно оказался для ГК роднее реального Дальнего Востока, Камчатки и даже Крыма. Элитное подразделение «Смерч» получило от ГК секретный приказ готовиться к высадке на Шпицбергене, чтобы «восстановить там конституционный порядок».

Киев страдал изжогой, с трудом переваривая Крым вместе с Черноморским флотом, и молчал. Батько Чорновил сделал запрос президенту Кравчуку, что тот собирается делать с Баренцбургом, но президент уклончиво ответил, что «проблема изучается». Расчеты батьки Кравчени на помощь Украины пока не оправдывались.

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ГЛАВКИ ИЗ РОМАНА «МЕРТВЫЙ ГОРОД»

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Петровской академии наук и искусств.

СЛУЧАЙ С МОТОЦИКЛОМ

Генка очень сдружился с Никитой, общаться с ним ему оказалось гораздо интересней, чем даже с двоюродными братьями. Новый сосед все-таки на год старше их, перешел в десятый.

Вешкин класс уже наполовину разъехался по другим местам. У него самого по поводу окончания беззаботной школьной поры не было ни малейшего сожаления, просто закончилась обобществленная пора его жизни, когда ты не мог ни на один день изменить школярский уклад: надо ходить и ходить в этот надоевший кабинет на втором этаже с источающим запах хлорки линолеумом, во многих местах потрескавшемся и посилено залатанным. Надо выполнять комсомольские поручения, порой бессмысленные, ради галочки. Кому-то комфортней, что за него все решают, каждый его шаг регламентирован. Но Генку больше привлекала полная свобода действий.

Теперь Генка мог сколько угодно заниматься, чем вздумается. Почти каждый день он виделся с Никитой. Кондратовский двор так и не привели в порядок, он постоянно был захламлен, а на этот раз у забора появилась какая-то крупная вещь, тщательно закрытая брезентом.

— Знаешь, что это такое? Отгадай,— с лукавинкой в зеленоватых глазах спросил Никита и торжественно задрал ближний край полога. Под ним фигурился функциональными примочками, голубел корпусом и просторной люлькой трехколесный мотоцикл.— Мамаша выписала недавно с завода. Ижак. То есть, Иж-планета-три.

— Ты тоже будешь гонять на нем, когда обзаведешься правами?

— Можно и без прав,— опять с фирменной лукавинкой улыбнулся Никита.— На окраине гаишники не водятся. Можно гонять по степям, сколько душе влезет, лишь бы на мосту не попасться дяденьке с жезлом. Иногда там дежурят.

— И ты смог бы на нем проехаться?

— Да хоть сейчас! Что тут сложного? Мы моцик еще не заводили, мать собирается на днях его опробовать. Вообще-то сегодня она повезла груз в соседний район, вернется поздно. Можно потихоньку сделать пару кругов на этом дружке, пока никто не видит.

— Правда?

Видимо, Никите хотелось немного выпендриться перед более старшим товарищем и продемонстрировать свою удаль. Он взял в веранде канистру бензина и вынес на улицу.

— Надо в бензин добавить масла, чтобы мотор не сгорел.

Ливанул из баночки коричневую тянущуюся жидкость и веточкой помешал в канистре. Все это вылил в бензобак. Подкачал карбюратор, нажимая пальцем на какую-то пипку. Ну, прямо мастак, технику знает, раз мама такая автомобилированная.

— Давай-ка развернем Ижак и выведем его на улицу...

Отбросили в сторону брезентовый полог, выкатили технику за ворота.

— Пока не пройдет обкатку, сильно нагружать его нельзя, а то будет потом плохо тянуть.

Паренек ногой, обутой в свои фирменные замусоленные ботинки со страшно стоптанными задниками, как у тапочек, даванул ногой на рычаг кикстатера, и мотоцикл сразу ожил, заурчал.

— Садись сзади, на сиденье! — скомандовал Никита. — Поколесим вдоль Ишима.

Мотоцикл затрясся амортизаторами на полевых неровностях. Никита направил его прямоком на берег реки, он на ходу сориентировался, как правым ботинком переключать скорости с помощью рычажка. Генка изо всех сил сжимал ноги и держался за кожаную ручку на седле, чтобы сохранять равновесие, но все равно его болтало из стороны в сторону.

Вдоль реки тянулась полевая дорога, помчались по ней на средней скорости. Мимо по правую сторону проносились тальниковые заросли. Через какое-то время проехали мимо старого понтонного моста, теперь там на пригорке ржавели никому ненужные баржицы. Эти места Вешка вдоль и поперек изъездил на велосипеде, знал, где он юзит на песчаных местах. Но этой технике море было по колено. Вешка заметил, что налево поворачивать удобно на любой скорости, а вот направо сложнее — люлька начинает задираться, того и гляди перевернешься. Никита в такие моменты притормаживал, ударяя левой ногой о землю, чтобы выпрямить наклонившийся мотоцикл.

Пронеслись мимо вытянутого озерца, что рядом с недавно закрытым кладбищем, и Никита заглушил мотор. В полукилометре от путников высился на трех бетонных опорах новенький капитальный мост. Он далеко вдавался в оба берега, где были сделаны крутые насыпи из глины. Никита внимательно осмотрел всю бетонную конструкцию, по которой пролетали редкие легковушки. Генка думал, что сейчас они вернутся домой, но Никита сказал:

— Гаишников не видать. Можно прокатиться по мосту. Я там еще не был.

Приятель прямо по захламленному строительным мусором полю проехал к основанию моста. Преодолев метровый скос насыпи, выбрался на тщательно заасфальтированную трассу, смыкающуюся с мостом. Крутанул газульку — и только полетела под колеса ровнехонькая бетонная полоса, окантованная перилами.

От скорости захватывало дух. За мостом остановились, разглядев свежую земляную насыпь, стремящуюся вдаль по прямой. Она обрывалась метрах в трехстах отсюда. Вдали землеройная машина сгребала с поля грунт для дальнейшего возвышения полотна — чтобы зимой не переметало снегом. Понемногу протягивают трассу до Братолюбовки. Проезд закрыт.

— Да, развернулись. Будет легче шоферам, — рассуждал Никита. — Раньше туда ездили только полевой дороге, а скоро все будет вполне цивилизно.

Вообще он умел говорить экономно — всегда коротко, по существу, избегая малейшей лирики.

Вешка опять подумал, что сейчас они развернутся и поедут назад. Но Никита рванул по ответвлению в сторону бойни. Этот участок был хорошо накатан, и Никита сразу перешел на четвертую скорость.

— Куда ты так гонишь? — осаживал его Генка.

Но на друга, видно, нашла лихость, он чувствовал себя укротителем железного коня, только что не гойкал. Пронеслись мимо бойни, вдали вычертилась на горизонте глинобитная стена мусульманского кладбища. Видно, Никите понравилось проглатывать километры, и он вошел в раж.

Впереди Вешка разглядел глубокую поперечную полосу наискосок, он здесь всегда осторожничал, будучи за рулем велосипеда. Полоса быстро приближалась, а Никита почему-то не реагировал.

— Тормози! — закричал Генка.

Но было уже поздно. У самой борозды неведомая сила подбросила мотоцикл вверх кувырком, и Генка почувствовал себя парящим в воздухе. Открыл зажмуренные глаза — он уже падает вниз, а над ним нависает люлька.

У самой земли он сгруппировался, совершенно не почувствовав удара, и только отталкивался подальше от падающего на него мотоцикла. Это длилось какое-то мгновение, за которое Вешка с неожиданным для себя хладнокровием делал единственно правильные движения, чтобы уцелеть.

Едва он отодвинул свое тело к краю дороги, как мотоцикл тяжело шмякнулся на то место, где минуту назад находился Генка. Он быстро вскочил на ноги и увидел, что Никита тоже на ногах, только с другой стороны железяки, которая теперь вверх колесами, перед глазами торчат в резиновой орнаментированности слегка запыленные покрышки.

Из люльки что-то вытекало.

— А! — спохватился Никита. Перебежал на другую сторону и стал за люльку переворачивать технику. Генка тоже поднатужился. Оказалось, из люльки вывалился аккумулятор, он болтался на кабелях и из него вытекала щелочь.

Никита осмотрел со всех сторон аккумулятор, насколько позволяли путы, и успокоился:

— Нет, не треснул...

Уложил коробок на место под сиденьем. Теперь вдвоем осматривали повреждения: разбита фара, раскрошился крайний поворотный фонарь из светло-коричневого плексигласа. На бензобаке крупные царапины и большущая вмятина.

И только после этого стали изучать свои конечности. У обоих на локтях побитости и ссадины. Удивительно легко отделались. Самое главное, ни у кого не пострадала голова, хотя оба были без шлемов.

— Когда ты закричал «тормози», я от растерянности нажал на передний тормоз,— признался Никита, потрогав левый рычаг на руле.— А задний я толком не нащупал ногой, по ошибке давил на трубку. Поэтому и кувыркнулись...

Не было и речи, чтобы снова заводить мотоцикл.

— Хорошо, что еще не привинтили ветрозащитные стекла на люльке и руле, а то бы они сейчас вздрыг,— отметил Никита.

Он нажал на рычаг сцепления, и вдвоем стали толкать технику в сторону моста. Колеса проворачивались тяжело, это вам не велосипед, который многим хотя бы однажды случалось под дождем на себе нести до дома. Тут придется больше попотеть.

Так и дотолкали мотоцикл до самого дома.

В Кондратовом дворе стали прикидывать: как хотя бы немного замаскировать следы аварии. Конечно, это в первую очередь волновало хозяина.

— Надо попробовать выровнять бачок, а то сильно заметно,— призадумался Никита.

Открыл черную капроновую крышку и попробовал засунуть внутрь штaketину. Однако она проходила мимо вмятины.

— Нужна кривая палка,— подсказал Генка.

— У нас же есть спиленные деревья,— обрадовался Никита.

Вдвоем зашли за сарай и стали перетаскивать с места на место спиленные клены. Нашли ствол с нужным изгибом. Никита принес ножовку и выпилил нужный кусок. В руках оказалась загогулина.

Просунули ее в бензобак и стали надавливать изнутри. Вмятина немного уменьшилась, а дальше никак.

— Надо постучать кувалдой,— опять подсказал Генка.

Нашли кувалдочку и стали постукивать в торец загогулины. Еще немного подрихтовали бак, и это все, что оказалось возможным.

— Хорошо хоть эту штуку не оторвало,— Никита указал на пластмассовую эмблему-нашлепку с надписью «ИЖ».— А что делать с фарой? В магазине не купишь, только в областном центре можно найти такую. Ладно, скручу у кого-нибудь...

Снова накрыли мотоцикл брезентом.

— Хоть бы мать не сразу заметила...

Тетя Рая вернулась из поездки поздно и сразу стала доить корову, по привычке поругивая бессловесное создание, которое вечно не может угодить человеку. Обошлось пока...

НОЧНАЯ АВАНТЮРА.

В семнадцать лет после школы Никита получил водительские права — он проходил два года «Автодело». Теперь уже без оглядки можно мотаться на своем мотоцикле.

На заречном поле близ совхоза «Пригородный» стали выращивать арбузы и, хотя они были тоже крохотными, вполне объяснимо спровоцировался настоящий ажиотаж среди городского молодняка. Многие юнцы стали делать велосипедные вылазки на бахчи. Бригадиры не успевали прогонять с плантаций непрошенных гостей. Когда стали приезжать и на машинах, бахчи окопали по периметру арыками, через которые не проехать.

Но предприимчивый Никита нашел лазейку и в разгар сезона, когда с машин везде продавали местные арбузики, пришел вечером к Вешке.

— Я собираюсь этой ночью за арбузами. Поедешь со мной? Я уже разведал одно место, где можно перебраться через канаву.

За охрану бахчей уже взялись всерьез. В районной газете стали публиковать фамилии пойманных воришек, чтобы припозорить.

— Я слышал, что теперь и милиция будет нести дежурство на бахчах, пока не соберут весь урожай.

— Да нет там никаких ментов! — горячо заспорил Никита.— Я сегодня там мотался в отдалении, наблюдал.

— Вдруг будут ночью подкарауливать...

— Да ну, ты всегда перестраховываешься. Там в одном месте уже прикатали колесами бугор. Можно свободно перетащить мотоцикл через канаву. Я возьму с собой две широкие доски, чтобы удобней было проезжать и быстро смыться, если что...

Вешка томительно взвешивал все «за» и «против», но Никита резво закруглил тему:

— Не бойсь! В общем, в час ночи я к тебе заеду, готовь мешок...

Вешке очень не хотелось ввязываться в явную авантюру, но Никита один раз уже угощал его совхозным арбузиком, который он стащил прямо днем, пока бригадир был в отдалении и все равно не успел бы добежать до него. Действительно вкусные получаются арбузики, тонкокорые, рассыпчатые. Мать много раз пыталась их сажать на огороде, но они никогда толком не вызревали и были всего с кулачок. С другой стороны по молодости тянуло на приключения, хотелось иногда пощекотать нервишки. Тем более, что Никита проворный и удачливый. Куда попало на рожон не полезет.

Никита устроился после школы на ремзавод, пока ходил в учениках токаря. Генкина мать, чаще всего критически настроенная ко всему на свете, однажды со смехом рассказала дома:

— Никита крепыш, но перетруждаться не любит. Мне вчера одна знакомая с ремзавода рассказала про него. Зайдет мастер в токарный цех, а Никита спит себе под станком — прямо сидя...

Вешка тоже заметил: не успел Никита устроиться на завод, как у него во дворе стали валяться под ногами огромные токарные резцы. В хозяйстве такое никогда в жизни не пригодится, это просто повальная болезнь несунув. Вешка даже не удержался тогда поддеть друга:

— Я смотрю, и ты включился в процесс разграбления страны. Ну, объясни мне, неразумному, зачем тебе понадобились такие большущие резцы?

Конечно, некоторые в поселке заимели списанные школьные станочки, которые используются на уроках труда. Их переделывают на 220 вольт. Но там же совсем маленькие резцы.

— А вот,— не растерялся от наезда Никита и поднял с земли резец, начинающий покрываться легкой ржавчиной, за исключением нашлепки из более плотного металла черного цвета.— Здесь приварены победитовые наконечники.

— И что с ними можно делать?

— Что? Сейчас покажу.

Никита безжалостно отбил молотком инородную полоску с наконечника своеобразно изогнутого резца. Она не отлетела полностью, а раскрошилась на чешуйки. Взял одну в руку и стал проводить полосы на обломке стекла. Стекло хорошо резалось, с шипением, на нем оставались глубокие белесые полосы.

— Можно использовать как стеклорез.

— Но это же неудобно — держать в руке такие осколки. Можно только царапать стекла. Будешь на чьих-то окнах выводить нехорошие надписи?..

Никита только усмехнулся в ответ. Вешка понял, что эти несуразные резцы будут бесполезно валяться во дворе до скончания века...

И на работе, и дома Никита всегда в брезентовых штанах. Всем видно, что они замызганные, но парню все равно. Генка даже подшучивал над ним. «Смотри!» Пройдется щелбаном по его штанине возле колена — поднимается целое облачко пыли. Но и такая наглядность не помогла — лишь многозначная ухмылка в ответ...

Нехотя Вешка уселся на заднее сиденье мотоцикла, когда ночью подъехал к его калитке Никита — в защитного цвета рубашке с закатанными рукавами, те же несменяемые брезентовые штаны. На этот раз не стали углубляться в темное поле, а поехали в окружную — по улице мимо ремзавода. Не пришлось заезжать на мост сбоку по насыпи, а ввинтились в него напрямик. Миновали бойню с лимонадным цехом, затем обогнули глинобитную стену кладбища с полумесяцами на могилах. Дальше двинулись не слишком знакомой дорогой вдоль длинной дугообразной старицы. За ней луч фары выхватывал сплошные пахотные поля. Неизвестно, как Никита ориентировался в этих полевых дорогах, Генка никогда бы не запомнил, в каком месте переходить на другую стезю, тем более в такой темноте.

Наконец добрались до упоминаемой Никитой канавы, вдоль которой тянулась бровка вынутой земли. Вот они, бахчевые владения. Генка действительно разглядел прикатанное место канавы, которую овощеводы пытались углубить лопатами — кругом следы от штыкового острия. Не выключая фар, Никита вынул из люльки доски, уложил в канаве по ширине колес. По ним без проблем проехали и стали продвигаться по межклеточной дороге среди арбузных плетей со специфическими фигуристыми листьями.

Зря они радовались безлюдью. Не проехали и ста метров, как фара выхватила из черноты милицейский «Урал» — только у них такая примечательная окраска желтого цвета. Чуть не наскочили на засаду!

Ни сколь не растерявшись, Никита резко развернулся и по газам. Сзади закричали, засвистели. От волнения ездоки не попали колесами по центру досок и провалились в яму. Мотоцикл заглох.

— Давай, помогай! — Никита соскочил с седла и стал выкатывать технику из канавы. Вешка приподнял задок мотоцикла — как только сил хватило.

Вдали раздался треск заводимого мотора, и за ними погнался милицейский наряд. Никита рванул напрямик по степи, некогда было присматриваться к этим петлям дорог. Погоня не отставала, позади в хорошем рывке от них зловеще тархтел более мощный «Урал».

Никита предусмотрительно выключил фару, понеслись по степи наугад. Преследователи на какое-то мгновение отстали, остановились и стали шарить по окрестностям фарой, отыскивая их. Теперь степь пошла под уклон, незадачливые воришки словно куда-то проваливались. Генка всеми фибрами души почувствовал, что если сейчас срочно не остановятся, случится катастрофа.

— Ну-ка остановись!..

Соскочили с мотоцикла, чтобы опознаться на местности. Пошли машинально под уклон — и вдруг буквально в трех метрах от них заблестало внизу зеркало старицы среди камышей. Сейчас бы на всей скорости влетели в воду и утопили мотоцикл. А потом попробуй достать его с глубины.

— Понял! — отрывисто бросил Никита и снова завел мотоцикл.

Теперь помчались вдоль старицы — дорога более знакомая. Милицейский мотоцикл обнаружил их по звуку и снова «сел на хвост». Беглецы тряско домахали по кочкам до Первой переправы и остановились передним колесом в воде.

— Давай толкай! — снова скомандовал Никита.

Со страшными усилиями, до рези в животе двое, по колено в холодной воде, вертели мотоцикл туда-сюда мимо скользких приплюснутых валунов, стараясь преодолеть переправу до приезда милиции. «Урал» показался на пригорке, когда друзья были уже на гальке противоположного берега. Служаки не собирались отставать от них и тоже принялись перетаскивать свою технику через переправу.

— Эх! — в досаде оглянулся Никита, осознавая, что на крутой берег Ишима могут не успеть забраться, если вдруг мотоцикл заглохнет и покатится назад, как у него уже случилось.

Завел мотор и направил «ИЖ» среди кустов в сторону Второй переправы. Здесь была самая гуща тальника, а дальше начнется открытый прогал между Ишимом и ближней старицей. Здесь никуда не скроешься, придется огибать старицу, а за ней начнется пустое поле, на котором тоже все далеко видно.

Надо отдать должное, соображение у Никиты в экстремальных условиях сработало четко. Он не стал вырываться из зарослей, заглушил мотор и принялся заталкивать мотоцикл в прореху между двух веерообразно разросшихся тальников.

— Помогай!..

Неведомо какими усилиями передвинули, почти перекинули мотоцикл через старые сучья под ногами. Никита стал лихорадочно рвать полынь и забрасывать ею технику. Вешка тоже подключился — и действительно им удалось неплохо замаскировать железного друга.

По характеру долетающих отдаленных звуков стало понятно, что служивым удалось перетащить через эти скользкие камни «Урал». Он снова затрещал и стал ломиться через кусты, где недавно проезжали друзья. Беглецы нырнули в самую гущу и распластались на земле. Брюки, мокрые до колен, сильно холодили.

«Урал» остановился буквально в пяти метрах от них. Было слышно, как переговариваются два милиционера.

— Ничего не видно...

— Наверно, рванули на Вторую переправу...

Преследователи не хотели терять ни минуты и помчались дальше сквозь кустарник. Фу, пронесло! Когда стрекот удалился на безопасное расстояние, Никита показал жестом, что пора вызывать из древесного плена мотор. Стали выкатывать мотоцикл, но дело почти не двигалось. Сначала у них от страха удесятерились силы, поэтому так далеко запихали технику. А назад — никак. Из последних сил выдернули такую родную железяку-спасительницу из цепких зарослей.

— Ну, с богом, как говорил мой любимый дедушка, которого я в глаза не видел!..

Никита снова даванул на кикстатер, и они с разгона стали забираться на берег в более пологом месте. Погоня поняла свою оплошность, и стрекот «Урала» стал нарастать. Но дело было сделано — друзьям осталось преодолеть по полю какие-то двести метров. И вот они в Кондратовском дворе. Быстро накрыли горячий «ИЖ» брезентом.

Милицейский «Урал» так и не появился на берегу, догонялы, наверно, решили вернуться на свое дежурство и поехали вдоль реки в сторону моста, чтобы не лезть в холодную воду и опять перетаскивать мотоцикл на ту сторону. И без этого замочились. Теперь до утра будут мерзнуть в мокрых штанах.

«А пока, а пока

Обманули дурака!» —

удовлетворенно пропел Никита, приставив к носу большой палец и мельтеша другими перед глазами. Хотя вернулись не солоно хлебавши, зато не попались с поличным.

И все-таки они сильно рисковали. Если бы у Вешки не сработала в последние секунды интуиция, они бы прямо с метрового берега старицы бултыхнулись в воду. А там сразу начинается глубина в два-три метра. Никита бы, без сомнения, выплыл, а вот Генка — под вопросом. Он толком и не научился плавать, поэтому всегда таскал с собой на Ишим ласты. Лишь в них он мог переплыть с Островка на тот берег. А возвращаться оттуда еще трудней — течение так сносит в сторону, что будешь долго барахтаться, пока не окажешься вдали на самой мели. А потом придется опять плестись на Островок под саркастическими взглядами знакомых.

ПРОВОДЫ НИКИТЫ

Вешка по привычке продолжал считать Никиту почти школьником, а тот оповестил его в своем захламленном дворе, дожидаясь первого снегопада, что через два дня его загребут в армию.

— Проводы будешь делать? — с сомнением поинтересовался Генка, предвидя, что его сверхэкономная мамаша вряд ли снизойдет до полагающегося в этом случае застолья.

Никита искренне пожал плечами.

— Это не есть хорошо, как говорят прибалты, — сжалился над другом сердобольный Вешка. — Мы все равно придем проводить тебя. Стол накрывать не придется, мы сами что-нибудь прихватим с собой. Так когда к тебе заявиться без приглашения?..

— Ладно, завтра в семь вечера приходите, — в голосе соседа не хватало уверенности.

Дома младшая сестра Рита, которой было до всего на свете дело, спросила:

— А мне можно с вами?

Генка набычился и принялся обстоятельно разжевывать ситуацию: эта завзятая шоферка не празднует гостей и даже в такой важный момент не пожелает сделать исключения для единственного сына. Так что никакого особого веселья не предполагается...

— Поразительно! — закачала сложной завивкой старшая сестра Изольда, успешная перенять несколько менторский тон, на котором изъяснялись ее коллеги из самого главного здания райцентра — райкома партии. — Все нормальные люди устраивают проводы, а эта словно боится разориться. Никаких приличий...

— Да ну ее, эту Чайку! — махнула рукой Генкина мать. — У нее все не людски. Работает на самосвале, такое не каждый мужик сдюжит...

Птичьим прозвищем мамашу Никиты наградили не случайно. Однажды соседка справа — апайка Кумаш пришла к Вешкиным в гости и рассказала:

— Рая хочет купить такая машина — Брежнев ездит...

— Брежнев? Такую же «Чайку», что ли? — не поняла Генкина мать.

— Да, такой-такой. Гаварит, любой денга есть...

— Да кто ж ей продаст правительственную машину, хотя бы и списанную? Вот замашки у человека!..

Никита и после школы оставался верен своей Олечке Емелиной. Не придавал значения, что ее родители принадлежали к местному бомонду и прекрасно знали, что представляет собой его мамаша, гоняющая на громыхающем самосвале. Они, естественно, не потерпят такого родства и сделают все возможное, чтобы Никита выбросил из головы бредовые матримониальные идеи по отношению к их красавице, у которой всегда были словно слезными васильковые глазки.

Неизвестно, сложится ли у них переписка во время службы Никиты. На адрес глазастенькой дивы слать эпистолы бесполезно — родители все равно будут перехватывать их, на «до востребования» тоже — на почте об этом ее начальник, Олечкин папаша, будет узнавать раньше всех.

Назавтра Генка прошел через огород к родственникам, чтобы захватить с собой на проводы Никиты двоюродных братьев, но вмешалась тетя Маня, которая недолюбливала мужланистую соседку, вечно в замасленных брюках.

— Нечего там делать, у этой Чайки!..

Пришлось Вешке идти к Никите одному. Он запрятал на дне наплечной сумки «огнетушитель» с вермутом и сверху положил батон. В доме соседей он обнаружил троих одноклассников Никиты, которых немного знал по школе: только лица, а не имена.

Тети Раи не было дома, она повезла на велосипеде сметану постоянной заказчице. Дружбаны Никиты вольготно слонялись по комнатам, видимо, отыскивая, где их дожидается щедро накрытый стол, но ничего подобного не обнаружили. Тогда они от нечего делать сгрудились у пианино, которое их скорее смешило, чем вызывало должное почтение. Среди одноклассников выделялся совершенно рыжий востряк, который так и зыркал вокруг глазами, хлопая такими же оранжевыми ресницами. Он приподнял крышку инструмента и стал наугад тыкать пальцем по клавишам, порождая что-то нестройное, какофоническое.

— Ну-ка сбациай что-нибудь! — попросил он Никиту. — Ты же немного ходил в музыкальную школу, помним — вместе с девчонками...

Все слаженно хихикнули.

— Да я только одну песенку выучил, — оправдательно ответил Никита, и чтобы от него отстали, начал наяривать «Собачий вальс».

— Ну вот, а ты скромничал!..

Потом рыжий спросил с подковыркой:

— А фигами ты сумел бы сыграть?..

Тут же кто-то отодвинул говоруна и, скрутив сразу два кукиша, принялся утапливать ими клавиши, попадая сразу на несколько подряд. Подключились и другие, дурно регоча.

За окном промелькнул силуэт с велосипедом. Никита быстро захлопнул инструмент, угодив тяжелой крышкой кому-то по пальцу, о чем поведал чей-то вскрик, и подался из зала. Остальные следом. Переместились, не сговариваясь, в крохотную кочегарку, лишь здесь чувствуя свою уместность. На топчане у стены все не уместились, Вешке пришлось усесться на корточках возле железной печки, которую еще не начали топить. На коленях он примостил свою сумку.

Тетя Рая заглянула в кочегарку и после тяжелого раздумья, во время которого беззвучно жевала сухими губами, предложила сыну:

— Можешь принести из сарая ту трехлитровую банку обрат для своих друзей...

Все почти возмущенно загалдели, безглаголиво пересматриваясь, что не надо, не надо, не надо...

— Тогда, может, поставить музыку,— настроился Никита. Он пошел в зал, повозился там и поставил на проигрыватель Яноша Кооша. Зазвучала песня «Хенки-пенки».

— Я же говорила, что разобью эту пластинку,— несдержанно взорвалась хозяйка, видимо, опасаясь, что гости вдруг начнут топтать под эти импортные буги-вуги в кочегарке, поднимут пыль. Пришлось Никите выключать музон.

Тетя Рая вышла на улицу по другим неотложным делам, и гости несколько ожились:

— Что, так и будем скучать?..

Никто не ожидал столь «теплого» приема, хотя чего еще ждать от такой мамочки, можно только посочувствовать Никите.

Вдруг кто-то зорко уставился на сумку Вешки.

— Там у тебя что-то есть?

Генка вынул батон и показал на дне сумки стеклянный бок «огнетушителя».

— А ты молчал, нехороший человек! — выплеснулось обрадованно.— Давайте по глотку, пока завуч не видит...

Никита принес с кухни граненый стакан. Мгновенно распечатали емкость и стали набрызгивать в стакан по чуть-чуть. Никита отказался от своей доли, остальные в пять минут расправились с вермутом, отламывая куски от батона для закуси. Получилось, Вешка несколько исправил положение. Он сам лишь недавно впервые попробовал вина на одном дне рождения. Правда, потом болела голова.

Тетя Рая скрипнула входной дверью, и Никита испуганно сунул пустую бутылку в руки Генке, сделав движение бровями, мол, спрячь подальше. Пришлось возвращать стеклотару на свое законное место в сумке.

— Так! — чутко повела носом тетя Рая, прислонившись к дверной коробке.— Запахло вином. Все-таки алкашите? Я же запрещала спиртное!..

— Мы понемножку,— оправдывались разнородные голоса.

— Небось, и Никите наливали?

— Нет, что вы!..

— Нельзя и на шаг отойти,— бормотала хозяйка. Она так и застыла среди дверных косяков, приняв диагональное положение. Сверлила всех неподкупным взглядом — на всякий случай.

Пламенно рыжий вынул из нагрудного кармана курточки пачку «Примы», но хозяйка незамедлительно отреагировала:

— И курить у нас здесь никто не курит. Только на улице...

Нарушитель устоявшихся норм этого дома снова упрятал пачку в карман, слегка пристукнув по ней сложенными пальцами.

Так и сидели под присмотром хозяйки, изредка перебрасываясь словечками, пока всем дружно не захотелось убираться восвояси. Нашелся тут надсмотрщик над душами!..

Таковыми оригинальными оказались провода Никиты, слишком короткими...

НА СТРЕЛЬБИЩЕ

В это утро Вешка, который устроился во вневедомственную охрану электриком по сигнализации, застал в кабинете начальника кучу милиционеров райотдела. Из своих были только двое — Балберин и Дудкин, который восседал за столом начальника с глумливым выражением лица. Его считали чуть-чуть придурковатым из-за не совсем пристойного поведения. Он ни с кем не церемонился, обращался к сослуживцам не по форме, а Генку вообще окликал по-дворовому — «Эй, ты!»

В последнее время Дудкин стал достопримечательностью местного танцпола, который открывался по выходным и средам. Если на эти дни выпадало дежурство, Дудкин непременно заглядывал в Дом культуры, якобы для проверки, не разыгралась

ли там опять «махаловка», когда непонятно кто кого и за что лупцует. Правда, с основными зачинщиками давно разобрались, и стало потише. А Дудкин неожиданно для всех приуныл к тому, что явно не входило в его обязанности. При его появлении в зале все уже знали, что сейчас начнется. После очередного танца он прямо в сапогах забирается на узкую площадку сбоку двери и оказывается возле микрофона, который ему охотно уступали эстрадники. Они как по команде начинали наяривать свежий шлягер «Песняров», а Дудкин с чувством запевал:

Где ты, моя черноглазая, где?

В Вологде-где-где-где, в Вологде-где.

В доме, где резной нарисад...

Выводил он это почти любовно, нигде не делал помарок. Видно, песня так зацепила его, что он самовольно вдвинул ее в репертуар местного танцевального ВИА, и она стала можно сказать закоренелой. Молодежь потешалась над самым действием — человек в серой мышиной форме стоит на сцене и всю распекает.

В охране это знали и тоже посмеивались.

По разговорам в кабинете начальника охраны Генка понял, что сейчас все отправится на стрельбище. Во дворе стояла машина с тентом. С нее было снято одно пробитое колесо, камеру срочно вулканизировали.

Седов с опозданием приехал на своем крохотном «Запорожце», где открывались лишь передние двери. Зайдя в кабинет, он увидел Дудкина на своем законном месте. А тот даже не пытался ретироваться, наоборот, стал киношно возвышать голос:

— Вы, гражданин Седов, с сегодняшнего дня уволены...

Седов нетерпеливо махнул рукой, мол, кончай дурачиться. А тот гнет свое:

— Теперь меня здесь поставили начальником. К вашему сведению...

Седов даже растерялся от такой борзовитости, а райотделовские милиционеры похотывали на своих боковых стульях. Кино да и только. Дудкин и не думал осваивать начальственное кресло. Его, смеясь, схватили за руки и потащили из-за стола. И лишь тогда он прекратил паясничать.

Раздосадованный Седов даже передумал садиться на свой стул, словно он был оскорблен. Несколько сконфуженно произнес:

— Сейчас будем по очереди накачивать колесо. Скоро ехать на стрельбище.

Все вышли во двор. Шофер уже орудовал насосом.

Многие знали, что для такого газоновского колеса потребуется около четырехсот качков. Скоро насос перехватил Балберин. Все стали дружно отсчитывать. Когда выкрикнулось «Сто», Генка приблизился к лежащему на земле колесу:

— Давайте я теперь побалуюсь...

Ему охотно уступили место — пусть надрыается, и так не перерабатывает, зато другим будет облегчение. К своей сотне Вешка немного запыхался, но Дудкин, который был следующим по указке Седова, бросил небрежно:

— Пусть качает дальше — не облезет...

Но Седов встал на защиту паренька:

— Сказали же, каждому по сто качков. Давай теперь ты, Дудкин. Побыл пять минут в начальниках и хватит с тебя...

Дудкин нехотя стал делать качки, придерживая сапогом выступ у основания насоса. По завершению счета попинали колесо — гудит, как положено, есть давление. Быстро прикрутили футорки, и стали рассаживаться по местам, кто в кабину, кто под тент кузова.

В легковушке Седова осталось свободное место. Начальник глянул на Вешку:

— Поедешь с нами? Тогда полезай.

И он отогнул переднее сиденье, чтобы Вешка смог пролезть назад, где рядом с Дудкиным пустовало место.

Обе машины поехали по Габдуллина в сторону моста. Переехав реку, повернули

направо и по извилистой грунтовке двинулись мимо бойни и лимонадного цеха, а потом запетляли среди степных взгорбий. Эти места были знакомы Генке, он их объездил на велосипеде. Получалось, что едут к заброшенному песчаному карьеру. И действительно, вскоре остановились у въезда в карьер, где уже стояли другие милицйские машины.

Стали пешком спускаться по песчаной дороге вглубь. Так вот как теперь используют закрытый карьер! Удобнее этого места не сыщешь для полигона. Полная безопасность, никто не попадет под шальную пулю, здесь посторонних нет.

У дальней стены карьера, где виднелась надпись СИНИЛЬГА, установили мишени. Отмерили дистанцию в пятьдесят метров. В карьере скопилось около сорока человек, среди которых начальник райотдела с замполитом. Стрелять выходили по два человека, остальные стояли позади. Стрелки ложились на песок. Генке было видно, как тряско вжимается приклад в плечо при очередном нажатии на спусковой крючок. Треск стоял приличный. После каждой пары осматривали мишени и меняли их.

Забавно было видеть, как и мешковатый начальник охраны пластается на земле, сотрясаясь от отдачи оружия. Генку лишь брала грусть, что ему не дозволено участвовать в стрельбе. Он бы хоть попрактиковался малость.

Отстрелявшись, участники немного потолкались, пока замполит заполнял бумаги с результатами стрельб, а потом расселись по машинам и запылили в сторону поселка. Осталась лишь вневедомственная охрана. Но домой никто не собирался. Начальник с обоими дежурными служаками направился к дальней стене. Значит, заранее условились, подумал Вешка, шагая следом за ними. Вон Дудкин уже пристраивает на песчаном выступе пустую бутылку. Значит, решили отдельно пострелять из пистолета, потом спишут патроны под эту тренировку.

Седов взял наизготовку пистолет Макарова. Все остальные встали позади него. Начальник сделал три глухих выстрела с расстояния не более пяти метров — мимо. Следующим взял в руки игрушку Балберин. Трижды с усердием нажимал на курок, но бутылка не треснула, лишь упала набок. Пришлось ее снова ставить «на попа».

Седов дозарядил пистолет и протянул его Генке:

— Бахни пару раз.

Генка ни разу не держал в руках пистолета. Прицелился, пистолет два раза дернулся дулом вверх — тоже промах. Повернулся, чтобы вернуть оружие, и увидел, как нескладно стал подпрыгивать тучный начальник.

— Ты хоть на меня не наставляй!..

Испугался, что нечаянно попадут ему в ногу. Дудкин бесцеремонно выхватил у Генки пистолет и стал азартно палить по бутылке, приговаривая:

— Н-на тебе! Н-на тебе!..

Патроны кончились, а бутылка продолжала стоять по стойке смирно, как заговоренная. Тогда Дудкин с показной удалейю замахнулся и швырнул по бутылке сам пистолет. Но он тоже пролетел мимо, не поразил цель.

Вот это да! Никто не попал в бутылку — почти в упор.

Патронов больше не было, стали с неудовлетворенным видом выбиратьсь наверх по вязкому песку. Расселись по местам. Седов поехал по полевой ухабистой дороге как-то слишком медленно, оберегая собственное транспортное средство. Дудкин и тут не мог уговориться, постоянно подгонял осторожничающего шефа:

— Что мы так медленно ползем? Беременная гусеница и то проворнее...

— Я тебе поговорю,— начал выходить из себя Седов, истратив свой лимит терпения.

Генке показалось, что после этого Седов просто уволит надоедливого дежурного. Но назавтра все быстро забылось...

Максим Ершов
(г. Москва)

КУКША ПЕЧЕРСКИЙ

Историческая повесть

С 2015 г. состоит в Российском союзе писателей. Публиковался в журналах: «Всемирный путешественник», «Наш современник», «Подъем», «Север», в альманахе «Родина», в «Независимой газете», в изданиях РСП и др. Лауреат литературной премии «Наследие» 2020 г. В 2024 году в номинации «Историческое наследие» стал лауреатом Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Глава 1. ПОХОД МОНОМАХА

Наступила зима 6591 года от сотворения мира. Как только Десна покрылась льдом, черниговский князь со своей дружиной выступил в поход. Первый снег, охваченный морозом, рвался под конскими копытами и взвизгивал под полозьями. По Десне дошли до Сейма, повернули в Свапу, миновали замерзшее озеро Самодур и по заснеженному волоку направились к Оке.

В прежние времена на купцов во время волока нападали разбойники. Когда случался неурожай, либо зверь обходил силки стороной, вятичи группировались в ватаги и караулили купцов. Со временем осознав, что зарабатывать выгодней разбоя, стали образовывать селения, обслуживавшие волок.

Владимир спешил, желая застать врасплох вятичей, но, переходя из хутора в хутор, быстро понял, что подобное не получится.

— Владимир!..— Черниговский Владимир идет!..— Они вернулись, вернулись! — известие черным вороном разносилось по селениям.

Старосты наказывали лихим молодцам, седлать коней, скакать в Корьдно и оповестить князя Ходоту; после, когда подходили черниговцы, с улыбкой открывали ворота. Долгое время вятичи, пользуясь лесами, не подчинялись Киеву. И вот теперь, в следующую зиму после первого похода, внук Ярослава Мудрого, сын Всеволода Ярославича — Владимир Всеволодович Мономах — вновь отправился учить людей леса.

Знатные дружинники не пожелали расстаться с лошадьми. Кольчугу, латы и шлем запрятали в мешок, а сами, утеплившись в шубы, конями натапывали путь. За всадниками скользили сани с ратниками. Крепкие ребята, накрывшись от ветра, обсуждали черниговских девок и будущую баталию. Прошлый год главный город вятичей взять не удалось. Теперь, сделав выводы, подготовились лучше.

Князь, вместе с воеводой Данилой, передвигался в теплом возке, который тащили два резвых жеребца, окутанных снежной пылью. Хотя князь и приказал не вешать бубенцов, о приближающемся отряде слышно было за несколько верст. Через слюдяное окошко Владимир смотрел за дружиной и за обозом. Когда требовалось остановить, стучали вознице.

Княжью голову покрывала шапка из черного соболя, тело согревал короткий полушубок, а ноги оленьи унты. Внешне его можно было принять за боярина, и лишь

холеная, аккуратно подстриженная бородка, пронзительный взгляд и повелительные нотки голоса знающему человеку подсказывали, что перед ним не просто боярин.

После смерти Ярослава Мудрого южнорусскими княжествами правили три старших сына. За соседние земли они вели борьбу с другими Рюриковичами. В 1073 г. триумvirат братьев распался и усилилась междоусобица, по итогам которой Всеволоду Ярославичу через пять лет удалось занять киевский престол. Когда отец сидел в Чернигове, Владимир Всеволодович правил в Ростове и Смоленске, закрепившись в Киеве, Всеволод Ярославич уступил Владимиру Мономаху Чернигов.

Первым браком отец был женат на дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Мать умерла, когда Владимиру исполнилось четырнадцать лет. Однако, благодаря матери, за ним закрепилось прозвище — Мономах.

Сына отец не баловал. Почти все детство Владимира прошло в походах против половцев. К княжичу был приставлен дядька Данила, прошедший множество войн и баталий. Он научил умирять неукротимых коней, метать копье, владеть мечом и щитом, из лука бить белку, и, самое главное, — тактике боя, устройению и вождению полков. Когда Владимир сел в Чернигове, Данилу поставил воеводой.

Уже через два года это дало результат. Мономах, при содействии Данилы, отбил набег половцев на Чернигов и разгромил их союзников торков. Когда подступили кочевники, вновь заявили о себе вятичи. Лесные люди перебили княжьих сборщиков и утерли проповедников, стремившихся донести до них Слово Божье.

На момент второго похода Владимиру еще не исполнилось тридцати лет. Он многое знал благодаря обучению и книгам, при этом полностью доверял воеводе и почитал его как второго отца.

— Очень надеюсь, что на этот раз метель и тепло не остановят. Если будут сопротивляться, Корьдно огню предадим. Это летом они в леса прячутся, зимой никуда не денутся, — вглядываясь в окошко, размышлял Владимир.

Справа и слева тянулись сосны и ели, покрытые снегом. По расчетам Мономаха, отряд уже давно должен был достичь Оки, но река пряталась, не желая показываться.

— Княже, я никак не разумею, поляне, древляне, северяне, кривичи, радимичи... Все крестились, киевского князя признали и капища пожгли, а эти Христа отвергают. Как можно без креста на груди спать ложиться? Из церкви выйдешь с причастием, так это счастье настоящее! Душа птиц в полет рвется. Над нами Вера Христова воссияла, которую прадед твой на Русь принес! А эти, нет, идолам поклоняются, жертвы им приносят и деревянным истуканам рты кровью мажут, — негодовал воевода.

Когда Данила возмущался, мощные брови сдвигались домиком, а шрам на щеке, оставленный половецкой саблей, краснел, придавая и без того суровому лицу воинственный вид.

— Все так, Данила. На вятичей еще отец моего прадеда, Святослав, до крещения Руси дважды ходил. Они хазарам по серебряной монете с сохи платили. Святослав сказал: «Не давайте хазарам, платите мне». Так и было, но после они восстали. Не хотят ни Веры Христовой принимать, ни княжьими людьми становиться. Прадеду моему Владимиру тоже дважды умирять Лес пришлось. Вот и мы во второй раз идем, — откинувшись затылком на сафьянную стенку возка ответил князь.

— А если Ходоту и сына его старшего вместе с ним на дереве вздернуть? А что, пусть знают!

— Не поможет, Данила. У вятичей главного князя нет и Ходота всеми не управляет. У них знатные люди собираются и решение сообща принимают. Не будет Ходоты, другого изберут. Зато если детей его в Чернигов привезти, он покладистей станет.

В этот момент послышались радостные крики. Желая понять, в чем дело, Владимир приоткрыл дверку. Впереди проглядывались очертания деревни. Топившиеся по черному избы, среди монотонного леса казались полноценным городом, где можно согреться, поесть и истопить баню.

Приказав возничему остановиться, воевода с князем вылезли из кибитки. Место оказалось знакомым. В прошлом году они здесь останавливались. Дома и землянки, огражденных забором, расположились на краю леса. Дальше дорога шла на понижение и упиралась в ровную заснеженную полосу, не имевшую деревьев. Это была Ока. В верхнем течении ширина реки достигала не более сотни шагов.

Взглянув на реку, князь еще раз убедился в правильности зимнего похода. Лошадей приходится кормить, однако летом с ладьями и челноками по узкой реке они могли вообще не пройти, либо, после половодья, дорога могла сделаться путем в один конец.

«Да, угораздило этих вятичей забраться в самые дебри», — в очередной раз подумал Владимир.

От мыслей отвлекли задорные воины, с которыми ни Степь, ни Лес не пугали. Сумерки огласились веселым смехом и прибаутками дружинников. Воители спешили, выгрузили мешки, и приступили к обустройству лагеря. Каждый свое дело знал. Одни рубили дрова, другие расстилали войлоки, расправляли просмоленные палатки. Повара расчехляли котелки, наполняли снегом и пристраивали на треногах к костру. Верховые холили своих лошадей: вычищали ноздри и круп от катышков льда, насыпали овса, накрывали попоной.

Из ворот вышел старик с окладистой бородой, за ним плохенько одетые бабы. Они дружно приветствовали князя, дополнив поклон низким взмахом правой руки. Владимир хозяев поблагодарил и попросил затопить баньку, те мигом растворились в ночи.

Судя по следам, в Корьдно ушло пять-шесть конных, либо один-два всадника увели лошадей. Ни князь, ни воевода выяснять детали не стали — все было понятно. Вятичи тряслись от страха не просто так. Формально они подчинялись Чернигову, на деле в лесах правил Ходота.

Данила и Владимир отклонили предложение старика, решив ночевать в княжеской палатке. Воевода прошел по лагерю, выставил дозорных, и вслед за Мономахом отправился в баню.

Дел в тот вечер не обсуждали. Хотелось попариться и расслабиться. Когда вышли, ночь обжала раскрасневшиеся лица холодом, снег хрустел под ногами, ветер, вместе со словами, уносил в сторону вылетавший изо рта пар.

Баня помогла снять усталость. Привыкшие к походной жизни Владимир и Данила откинули полог палатки, где уже теплилась собранная печка и ждал ужин из холодной телятины и квашенной капусты. Не желая утруждать ратников, распределили дежурство. Когда свеча прогорела, Мономах лег спать, уступив воеводе дрова и печку.

После князя в баню пошли дружинники. Потные и засаленные тела блаженствовали, каждый раз с удовольствием опрокидывая новую шайку воды. Обсохнув и угостившись медовухой, витязи распределились по домам и палаткам, после чего лагерь огласился богатырским храпом.

Из Чернигова вышли три недели назад. Более одной ночи дружина нигде не останавливалась. По вытянутому руслу Оки до главного города вятичей оставалось пять дней хода. Мономаху хотелось, чтобы люди набрались сил. Ко всеобщей радости следующий день он объявил днем отдыха.

Глава 2. ШТУРМ КОРЬДНО

Корьдно казался спящим. Падавший снег покрывал крыши, дорожки и капище, где застыли вырезанные из дуба идолы. Кто-то из них улыбался, но большинство злобно скалилось. Уже в который раз Хартан обходил богов с ритуальным танцем, пытаясь задобрить, мазал рты кровью, но все было тщетно.

Боги, старые боги леса, не единожды спасавшие, не отвечали. В пустых глазни-

цах читалась тревога. От обиды они готовы были заплакать, а от злости укусить. Что-то их беспокоило и причину жрец знал. Он вновь кудахтал курицей, притворялся оленем и рыбой. Отдышавшись и немного передохнув, Хартан в очередной раз придумывал новый образ, но боги его не замечали.

Свои городища и селища вятичи обустраивали по берегам озер и рек. Корьдно исключением не являлся. Кто и когда основал город в верхнем течении Оки, Ходота не знал. Письменности у вятичей не было, а зазывать киевлян, чтобы они выведали секреты, не хотелось.

Сруб Ходоты соседствовал с капищем. Рядом с землянками простолюдинов дом князя выглядел как сказочный терем. Он состоял из нескольких комнат. Главный зал, куда на совет приходили знатные люди, украшали медвежьи шкуры, рогатые головы оленей, изюбрей, лосей. Княжьи доспехи висели у входа. Посреди зала царствовал обложенный камнями очаг. Для советов и важных встреч собирались возле огня, дым от которого уходил через маленькие окошки.

Помимо зала имелось еще две комнаты, куда гостей не пускали. В первой хранились сбережения княжества и личные вещи князя. Вторую занимала старшая жена. Три других обитали неподалеку. Ходота еще не достиг старости, и потому каждую навещал. Его толстые опущенные вниз усы напоминали рога тура, что придавало мужчине вид быка, готового бодаться за самок.

Впрочем, теперь было не до утех. Несколько дней назад в Корьдно прибыл первый гонец, рассказав про черниговцев. Следующие неприятную весть подтвердили. Мономах вновь выступил походом. Чтобы противостоять, требовались воины. Ходота отправил посыльных по селениям, при этом хорошо понимал, что помощь не придет.

Зимой мужчины уходили на промысел. Собрать их по лесам не представлялось возможным, а про другие города речь не шла вообще. Князя вятичей постоянно клялись друг другу в верности, а как доходило до дела, на помощь никто не приходил.

Самое главное, в открытом бою с ратниками Мономаха вятичи тягаться не могли. Их вооружение составляли плетеные из ивовых прутьев щиты, деревянные палицы, топоры на длинной рукоятке, копья и луки. По сравнению с Киевом и Черниговом кузнечный промысел вятичей был не столь развит. Кольчугу и меч имел только князь или знатный боярин. С крепостных стен жители леса могли послать в сторону неприятеля тучу стрел, но те не причиняли вреда, не пробивая ни щитов, ни кольчуг, ни шлемов.

Корьдно обустроился на берегу Оки. Река в этом месте выгибалась петлей, отчего мыс с трех сторон защищался холмом. С четвертой дед нынешнего князя вырыл ров, а землю использовал в качестве вала. По всему периметру городок оберегался дубовыми стенами и четырьмя башнями.

В прошлом году Ходота приказал по склонам лить воду, чтобы наморозить лед. Мономах подступил, постоял, но взять городка не сумел, убедившись в неприступности. Его ратники, гарцуя на лошадях, высмеивали вятичей, желая выманить для открытого боя, но те не поддались, и даже одиночного поединщика не выставили. Решив сжечь Корьдно, черниговцы усыпали его стрелами с горящей паклей. Заснеженным крышам это не принесло урона, а если где-то загоралось, огонь сразу тушили. Мономах пытался пригласить Ходоту для переговоров. Князь вятичей черниговскому правителю годился в отцы и потому раскусил хитрость.

Под стенами непокорного городка дружина Мономаха простояла четыре недели. Солнце и ветер обещали раннюю весну. Из-за вскрытия рек временем осаждавшие не располагали. Пришлось снимать осаду и возвращаться в Чернигов.

Теперь же что-то было не так. Не могли черниговцы столь быстро вернуться, не имея хитрой задумки. Ходота это чувствовал и оттого беспокоился. Подбрасывая хворост, он просил у огня защиты, тот равнодушно зажигал сухие ветки, слегка потрескивал угольками, но на вопрос не отвечал.

Дверь отворилась, в зал вошел жрец, принес с собой ветер, попытавшийся задуть пламя. Не отрывая взгляда от огня, Ходота спросил.

— Хартан, что сказали боги? Помогут?

— Они не хотят ни коровы, ни свиньи. Боги молчат,— ответил жрец.

— Так предложи им десять быков. В прошлый год, когда Мономах отступил, мы двух принесли в жертву, пообещай десять.

Ходота поднял глаза и посмотрел на собеседника. Жрец, этот плотный и сильный мужчина, за прошедшие дни состарился. В отблесках огня на лице Хартана плясало множество морщин, которых он не замечал раньше. Распущенные по плечам волосы, перемешавшись со снегом, казались совсем седыми. Своим длинным носом жрец ранее напоминал хищную птицу, теперь же походил на старого ворона, который не мог сам добывать пищу.

— Хартан, им нужен человек. Пообещай человека и лучше младенца. У моего Полеско жена родить должна. Ради Корьдно мне ничего не жалко. Иди.

Когда жрец закрыл дверь, Ходота с места не сдвинулся. После сказанного угли костра стали звонко потрескивать, подтверждая решение.

Через три дня городок огласился истошным криком. У впервые рожавшей Силги, отстранив повитуху, жрец забрал младенца, вынес из землянки и по морозу понес жалобно пищавшее дитя в сторону капища.

Человеческих жертвоприношений не проводили давно. Это вызывало ужас и интерес. Жители Корьдно, образовав полукруг, наблюдали за происходящим. Поверх головных уборов женщины демонстрировали подвешенные на лентах височные кольца. Мужчины в меховых шапках переминались с валенка на валенок. Мономаха вятичи боялись, но пусть лучше боги заберут одного, нежели погибать всем.

Ничего не понимавшая мать истошно голосила. Ей начали вторить другие женщины. Ужас охватил сердца, когда жрец большим тесаком срубил голову. Крохотное тельце полетело в костер. Держа голову в левой руке, правой жрец обмакивал тесак кровью и мазал рты идолов. На лице Хартана сияла злая улыбка, обезумевшие глаза сверкали радостью.

— Боги приняли жертву! Люди леса, теперь не бойтесь. Боги помогут. Мономаху не взять город.

Подношение почиталось как праздник. Горожане пришли, одев самое лучшее, полагая, что после богов их тоже помажут кровью, но к подобному оказались не готовы. Коров, быков и гусей жертвовали часто, но младенца впервые.

Когда жрец замахнулся, Усоль прикрыла глаза Кукше, чтобы отрок не смотрел. Старшая жена князя подарила ему пять девок и двух сыновей. Двадцатипятилетний Полеско был первенцем, девки наследниками не считались, свою родительскую любовь князь и княгиня обрушили на младшего Кукшу.

И вот теперь в жертву приносили первого внука. Она едва стояла на ногах. Сердце в груди скакало зайцем, когтями кошки царапаясь наружу. Однако Усоль верила — так нужно для пользы дела, чтобы спасти себя, мужа, город и любимого Кукшу.

После сказанного жрец упал возле костра и начал биться в конвульсиях. Чтобы он не стал следующей жертвой, крепким ребятам пришлось его поднимать и оттащить в сторону. Хартан бился всеми частями тела, выгибаясь и скрючиваясь, после затишья обессиленный.

— Полеско, этого хотят боги,— положив руку на плечо сына, молвил князь. Сын ничего не ответил. Он бывал в разных передрягах и протыкал копьем живую плоть. Но то были люди взрослые и помимо этого — враги. Душа наполнилась печалью, но с богами не поспоришь.

На следующий день, когда дозорный оповестил о черниговцах, вятичи поднялись на стены. Впереди, натаптывая путь, шли всадники в серебристых доспехах. Левая рука со щитом держала удила. Правой, устроясь, ратоборцы показывали, как будут с

легкостью рубить головы. За конными следовали кибитки и ошетилившиеся копьями сани. Поворот реки не давал полного обзора. Казалось, сейчас армия Мономаха закончится, но дружинники все прибывали и прибывали. При виде столь мощного войска бабы начали охать. Мужчины их осекали, напоминая про принятую богами жертву.

Черниговцы шли молча. Никто не пытался утратить криком, или зацепить прибауткой. На расстоянии полета стрелы отряд остановился. Из кибитки вылезли уже знакомые вятичам Мономах и Данила. Князь и воевода пересели на коней, после чего, объезжая, принялись изучать крепость. С Оки, как и прежде, она оставалась неприступной.

Ведомые Мономахом два десятка всадников галопом взлетели на бугор и оказались перед воротами. Громкий смех огласил городок, когда по ледяной горке заскользили первые сани. Кучер разогнал лошадь, та с наскока попыталась преодолеть препятствие, но сани потянули назад. Коняга упала и ударилась о ледяную горку головой.

— Не зря мы спуск поливали... Подняться не смогут,— разносилось по крепостной стене.

Дружинники топорами принялись рубить лед. Сняв тулупы, работали долго. К вечеру черниговцы взобрались в горку и развернули лагерь на прошлогоднем месте. Более всего удивляло, что они не пытались подойти к воротам, чтобы поставить условия.

В наступившей темноте лес осветился факелами и кострами. Кашевары готовили еду, разворачивались палатки, кто-то занимался лошадьми. Все казалось знакомым, кроме непонятного скрипа. В стане неприятеля происходили какие-то приготовления. Глядя на черниговцев, Ходота тревожился, однако жрец его успокаивал.

— Если боги приняли жертву, значит — помогут. Мономаху не взять город!

Ночь прошла спокойно. Наступившее утро явило следующую картину: ратники Мономаха собрали загадочную установку, спилили старые дубы и нарезали на чурбаны. После запалили костер, куда поместили бревна.

— Княже, дела плохи. Они порок собирают. Сейчас деревяшки подожгут и метать будут,— предупредил Ходоту престарелый Васюта.

Вятичи часто нанимались в самые разные дружины, заработав деньгу, возвращались обратно. Васюте довелось участвовать в походах Ярослава Мудрого. Среди воинов Ходоты он один из немногих имел длинный меч и кольчугу. Про порок, который мог метать камни, либо горящие бревна, Васюта знал. Не верить ему оснований не было.

— Лучники! Лучники к воротам! — скомандовал Ходота.

Через пару мгновений по высокой дуге в небо устремилось множество стрел, часть не долетело, другие хаотично легли на позиции черниговцев. К всеобщей радости двоих зацепило. Обрадованные, они обрушили на врага тучи стрел, но успеха уже не имели. Выстроившись в линию, черниговцы закрылись щитами, продолжая готовить порок.

К середине дня установка была собрана, в сторону Корьдно полетел первый чурбан. Горящая деревяшка, оставляя в воздухе огненный след, просквозила мимо крепости, угодив в овраг. Следующий выстрел пришелся в ворота. После, приноровившись, черниговцы запульнули через стены и начали уверенно метать объятые пламенем чурбаки на территорию городка.

Один из снарядов попал в конюшню, о чем болезненным ржанием оповестили лошади. Другой пробил крышу княжьего дома, устроив пожар, третий срубил сразу двух богов на капище. Совсем скоро в разных частях городка начались пожары. Мужчины пытались отвечать выстрелами из лука, женщины тушили пламя. У тех и у других мало что получалось. Старухи и девки тяжелых чурбанов оттащить не могли.

Не щадя шуб, сбивали пламя на месте, однако огонь перекидывался дальше. Мужчины стреляли отчаянно, но цели своей не достигали и только зря тратили стрелы.

Со всех сторон слышался плач и крики. Почти у каждого на одежде появились прожженные отметины, по почерневшим от сажи лицам скользили слезы. С надвратной башни Ходота смотрел на гибель родного Корьдно, не понимая происходящего. Как так, они принесли жертву, и боги обещали победу? Может это дурной сон? Увы, нет, это была реальность.

— Милости просить нужно, княже. Они сожгут город и нас погубят. Да что мы?... Дети погибнут и оборвется наш род,— толкая князя в плечо, молвил Васюта.

Князь это понимал. Поднявшись над стеной, он замахал в сторону осаждавших щитом и демонстративно сбросил его к воротам. За щитом вниз полетели меч и кольчуга.

— Мы сдаемся! Сдаемся! — заорал Ходота.

Черниговцы Ходоту заметили. Очередное огненное бревно, предназначенное для вятичей, оказалось переложено в снег. К воротам приблизились переговорщики.

— Ходота, спасти город хочешь? Выходи и отправляйся к нашему князю Владимиру. В этот раз разозлил ты нас всерьез,— прокричал воевода.

— Мы завтра откроем ворота и встретим вас с дарами. Мы не обманем и не сбежим. Некуда нам бежать,— ответил Даниле Ходота.

— Ладно, готовьтесь. Но если опять обманите, пощады не ждите,— прозвучало в ответ.

Главный князь вятичей спустился со стены и приказал разбирать заблокированные ворота. После, найдя городского сироту, доверил ему отвести черниговцам двух бычков. Ходота не оставлял надежды выведать секреты и слабые места осаждавших, но просчитался. Враг из своего лагеря парня не выпустил и громкой попойки не устроил. Более того, Мономах усилил дозоры. Со всех сторон городок патрулировали конники.

Корьдно удалось спасти от полного выгорания. В этом была заслуга всех жителей. Княжий дом оказался пробит горящим чурбаном в том месте, где находились личные покои Ходоты. Бревно убрали, однако теперь из своей светелки князь видел звездное небо, посчитав это знаком свыше.

Не единожды ему приходилось слышать, что боги леса — это всего лишь идолы, вырезанные из дерева. А он ради этих деревяшек принес в жертву внука. Это был удар!

Достав сокровенную шкатулку, стал рассматривать содержимое. Руку серебрили болгарские, киевские, византийские и арабские монеты. Князь стянул со стены половецкую саблю, золоченый кинжал прадеда и его серебряный щит. Позвал жену, та сняла и кинула в шкатулку жемчужные бусы, серьги и кольца. Вместе они вытащили из закровов меха и положили в телегу. После этого, совместно с Полеско, Ходота пошел по домам.

Сбор откупа продолжался всю ночь. Помимо князя и нескольких купцов жители Корьдно ценностями не располагали. Ходота об этом знал и потому каждому назначал выплату по возможностям.

Утром ворота открылись, в лагерь победителей направились сани с дарами. Шествие возглавлял Ходота с двумя большими шкатулками. За ним следовали державшие под уздцы лошадей возничие. Строй замыкали молодые парни, которым доверили породистых жеребцов.

Мономах поверх кольчуги накинул красный плащ, перепоясавшись кожаным ремнем. На голове его, подобно короне, переливался серебром изящный шлем. Кисти рук покоились на рукоятке меча. Казалось, что цепкие и хваткие глаза Мономаха способны видеть человека насквозь. Жизнь города зависела от его милости, точнее — от взмаха руки.

Подойдя к черниговцам, Ходота пал на колени и, не поднимая головы, произнес:

— Мы виновны перед тобой, Государь! Но мы не вступали в сговор с половцами, как о том говорят в Киеве. Поганные приходили, просили союза, но мы согласиём не ответили. Купцов степных обижать не стали, отпустив восвояси.

— А проповедников кто побил? А людей моих, за данью посланных? — рыкнул Мономах.

Среди черниговских воинов, обступивших князя, послышался одобрителный ропот. Отряд ушел и обратно не вернулся, и монахи тоже пропали. Обычно, если что-то случалось, на территории общины спрашивали со старосты, а если в княжестве — отвечал князь.

— Мы дань собрали, и на озере, как лед встал, твоих людей с месяц прождали. Они не явились, наши в Корьдно вернулись. А прошлый год, когда ты с войском подступил, каюсь, дурость нашла. Вспомнилось, как старики учили отдельным княжеством жить. Теперь же, великий государь, крепкий урок ты нам преподнес. Самые малые из нас всю оставшуюся жизнь помнить будут, — Ходота говорил с такой искренностью, что не поверить ему было сложно.

В этот момент послышался шум шагов, перемешанный с тяжелым дыханием. Ходота, не поднимаясь с колен, повернул голову и увидел Хартана. Готовясь умереть, он пришел на суд босой, в ночной рубахе. Распущенные по плечам волосы тербил легкий ветер. Лицо жреца от мороза покраснело, а седые усы сделались совсем белыми.

— Позволь, Великий государь, слово молвить! Что со сборщиками дани случилось, про то не ведаем. Может, лихие люди на пути встретились, или с дороги сбились и в лесу замерзли, а монахов я убил и готов к наказанию.

Куда делись проповедники веры Христовой, в Корьдно действительно не знали. Сюда они не приходили, однако жрец, не пережив позора, решил пожертвовать собой. На колени он не упал, всем своим видом показывая безразличие к будущему.

— Говоришь, ты убил? А ты понимаешь, что с тобой будет? — закричал Данила.

— Понимаю. Убил я и мне никто не помогал, — промолвил жрец.

Обычно, когда послухов и видок не находилось, и выяснить истину не удавалось, судившиеся сходились в поединке. Кто сильнее — за тем и правда. Если одна из сторон не могла драться, поединщик нанимался. Когда судились старики и женщины, кулачный бой заменялся испытанием. Спорщиков ставили напротив друг друга, предлагая держать сложенные в ладони руки к небу. Кто первый опускал, тот проигрывал.

По пути в Корьдно по хуторам и селениям Мономах опрашивал вятичей про монахов и про сборщиков дани. Следы тех и других терялись сразу за Десной.

Впрочем, мертвых не вернешь, а разбираться в деталях время не позволяло. Казнить Ходоту — это значит еще на несколько лет остаться не пойми с чем. Существовала вероятность, что вятичи снимутся с места и запрячутся с новым князем в еще большие дебри. Теперь же Ходота на коленях стоял, следовательно, урок получил.

— Я вот что решил, города не тронем, кроме злодея, никого жизни лишать не станем. А вот дани в полтора раза больше платить будете! И теперь еще дадите! А чтобы дурость искоренить, беру с собой семерых детей боярских, в том числе твоего сына. И не Полеско, а младшего. Тихо жить будете, детей вернем. Опять за старое — отрокам головы срубим, — чеканя каждое слово, провозгласил Владимир Мономах.

Почти все его воины верили в Христа. Лишний грех на душу брать никому не хотелось. Услышав княжью волю, они одобрително закивали головами, а воевода радостно улыбнулся.

— Ходота, все понял? Иди. Завтра к утру лошадей еще приведешь и отроков.

Князь вятичей в родной город вернулся мрачней самой черной тучи. Когда объ-

являл народу решение Мономаха, заплакал. За свою дурость, за извечное желание жить обособленно, приходилось расплачиваться дорогой ценой. Внука он уже потерял, теперь предстояло расстаться с сыном. Усоль выла белугой. Ей вторили другие женщины.

Нож! Каждой матери булатный нож вонзили под сердце. Юношей оплакивали как убитых.

Чернобровый и синеокий Кукша, звонкоголосый мальчуган, лицом походивший на мать, был всеобщим любимцем. Он с легкостью переплывал Оку, обставлял сверстников в беге и из лука бил белку.

Ходота вспомнил, как повитуха оповестила его о сыне. После этого на крышу дома села кукша. Оглядевшись, птица убедилась, что опасность не угрожает, и начала чистить перышки. Принарядившись, вспорхнула, распушив хвост веером, и была такова.

Кукша внешне походила на сойку, но повадками отличалась. Даже когда спиливали елку, серая и неприглядная птичка не покидала гнезда и за птенцов могла броситься в бой.

Визит птицы Хартан объявил добрым знаком. Мальчика назвали Кукшей.

И вот теперь мать рыдала в своей светелке и не участвовала в сборах. Отец выделил лошадь и сани. Со своего плеча отдал сыну шубу, в которой невозможно замерзнуть. Зерна лошадям тоже должно было хватить, как и еды детям.

Мономах слово сдержал. Ни один из ратников на территорию Корьдно не зашел. Помимо назначенного, грабежей и поборов не было.

Утром, под очередной горестный плач, из ворот вышел поезд. Собранные по городку ребята друг друга знали по играм. Они не понимали, куда предстоит отправиться и потому не печалились.

В двух первых санях сидели дети, еще три оказались наполнены шкурами и фуражом. Строй замыкали породистые жеребцы, которым в качестве дополнительной дани за двоих раненых стрелами предстояло стать частью черниговской конницы.

Победители собирали лагерь. Мономах и Данила еще раз заверили Ходоту, что с детьми худого не сделают — такой цели у них нет. Вятичам ничего не оставалось, кроме как поверить Мономаху.

Хмурое небо так и не прояснилось. Ветерок играл верхушками, сбрасывая с веток налипший снег. Ели и сосны, слегка покачиваясь, обсуждали произошедшее. Пытаясь их опередить, сороки, на своем трескучем языке, спешили рассказать всему лесу про обгоревшие постройки, про разбитое капище и кострища, про спиленные деревья и про торчащий возле ворот шест с отрубленной головой Хартана.

Глава 3. УЧЕБА В ЧЕРНИГОВЕ

Когда Корьдно скрылся за косогором, Мономах остановил обоз, приказав пересадить детей. Теперь каждый отрок находился в санях вместе с ратниками. Пятерка отвечала за подопечного, чтобы не сбежал. Впрочем, чем дальше они отъезжали, тем сложнее выглядел замысел. Вокруг чернел лес, где не проглядывалось ни малейшего намека на жилье.

Обратный путь войска занял около трех недель. Ребята ночевали вместе с дружинниками в палатках, их кормили из общего котла и не обижали. На подъезде к Чернигову Кукша слегка приподнялся в санях, начав с интересом изучать неведомое. Детей леса, ничего, кроме Корьдно, не видевших, Чернигов поразил размерами.

Горожане приветствовали князя и его дружину. Со всех сторон слышались восторженные возгласы. Такого большого количества людей Кукша и его товарищи никогда ранее не встречали. На них же все тыкали пальцем, повторяя: «Вятичей привезли. Детей вятичей привезли».

Мономах со своим обозом на княжий двор сразу заезжать не стал, приказав войску объехать город по кругу, чтобы каждый увидел победителей.

Черниговская твердыня оказалась на порядок мощней Корьдно. Воспаривший над местностью город обустроился на месте впадения реки Стрижень в Десну. Две другие стороны защищали рвы и валы. В окольном граде теплились дома простолюдинов, а за стенами жила знать.

Крепостной частокол состоял из дубовых стволов, тщательно подогнанных друг к другу и не уступающих в твердости камню. Трое ворот, через которые заезжали и заходили внутрь, были оформлены в виде башен — грозных и неприступных. Княжий двор располагался на территории крепости. Белокаменный и трехэтажный, с бляхинами и крылечками, украшенный разноцветным орнаментом и вставками, он был попросту не сравним с жилищем Ходоты.

Кукшу и его товарищей определили в гостевые кельи Елецкого монастыря, накормили и отправили в баню. Испуганные дети, переговариваясь, все как один отметили, что черниговцы в землянках не живут, дома у них крепкие, и что народ злобы к ним не проявляет. Более того, в отцовской шубе Кукша вызывал смех. Сшитая из разных шкурок доха была на порядок больше его самого. Во время представлений в такие малахалы наряжались скоморохи, что и вызывало веселье.

На следующий день по приезду бородатый старец Никифор, которому князь поручил детей, провел по территории крепости и рассказал ее историю. Более ста лет назад здесь тоже было капище, где почитали Перуна и других богов. Но далее всех идолов скинули с горы и пустили по Десне.

Никифор провел ребят по церквям, где они, задрав головы, с восторгом изучали золоченый алтарь, люстры со множеством свечей и фрески. После посетили службу, где никто никого не приносил в жертву. Одетый во все черное жрец что-то читал, а люди ему подпевали. В конце церемонии он обходил собравшихся и окуривал ароматным дымом.

Впечатлений на ребят обрушивалось много и причем самых разных. Никифор провел по слободе, где показал, как работает кузнец, как из его заготовок оружейник доводит до ума меч, как шьет обувь сапожник и лудит посуду медник. Они впервые увидели себя в зеркале, попробовали неведомые блюда.

В этом плане особенно впечатлил княжий пир, устроенный Мономахом по случаю победы над вятичами. На торжество позвали дружинников, бояр, духовенство. В качестве трофея гостям показали привезенных из похода детей.

Внутренние стены и своды княжьего дома оказались расписаны рисунком и фресками, обделаны зеркальным камнем и узорчатым плетением. В каждой из палат красный угол украшался двухъярусным иконостасом с лампадками.

Столы устанавливались так, чтобы княжий стоял в красном углу. Мономах царственно восседал на престоле из черного дерева, украшенного орнаментом. Его парчовый кафтан переливался расписным шитьем, а нечесаная борода говорила о том, что князь сегодня имеет право позволить лишнего...

Чем ближе к государю, тем почетней считалось место. Кому-куда — усаживали дворецкие. Ребят они определили в самый конец.

Перед каждым гостем находился рог тура, куда из кувшинов наливали вино. Византийский фарфор вперемежку с хрусталем и большими серебряными блюдами оказались наполнены щучьей, красной и черной икрой, рыбьим балыком, мясом вепря и лебедями. Гуси, зайцы, тетерева, баранина, говядина, рябчики, утки, куропатки, осетрина, белуга, стерлядь, грибы, орехи... Количество яств, подаваемых на пиру, невозможно было запомнить. Гости пили вино, в том числе белое, неустанно восхваляя князя и его дружину.

Когда отроки насытились, захмелевший Мономах повторил еще раз, что в Чернигове их никто не обидит, а домой они вернутся, когда изучат грамматику и другие науки.

Со следующего дня началось обучение. Ученый дьяк Никифор в первую очередь поведал про основы христианства, объяснив, что землю, воду и небо создал Бог, который людей любит, и, дабы вывести из тьмы, послал им своего Сына. Тот мог за грехи людей наказывать, но стерпел обиду, собственной смертью доказав вечную жизнь души.

Науки и Святые писания на Русь пришли от греков, вобравших премудрости арабских математиков, римских географов и египетских медиков. Ребята с интересом слушали отчего ночь сменяет день, почему льет дождь, как образуется гроза. Изучали буквы, из которых состояли слова. Макая гусиное перо в чернильницу, выводили на листе: Аз, Буки, Веди, Глаголь...

Наступила весна, плавно перешедшая в лето. Кукша и его товарищи затосковали по дому. По большой воде в Чернигов стали приходить гости с товаром. На пристани звучала разнообразная речь. На базаре продавались ковры из Персии, китайский шелк, Дамасские клинки, Византийские ткани, инструменты, вина... Купцы могли удовлетворить любую потребность. Общаюсь с гостями, ребята находили тех, кто идет на Оку, поручая передать весточку и узнать новости.

Свой поход на вятичей Мономах начал после того как пропали монахи и сборщики дани. Если про первых считали, что их убил жрец, то судьба вторых со временем проявилась конкретно. На одном из болот обнаружилась торчащая из воды оглобля с привязанной сверху тряпкой. Лесные жители установили: под водой сани, лошадь и людские тела. Когда несчастных подняли, те оказались ратниками.

Получалась следующая картина: витязи отправились за данью, попали в метель и сбились с пути. Перевернули сани, подняли оглоблю с тряпкой, но их никто и не заметил. Так они и замерзли. По весне, когда растаял лед, сани провалились в болото, и если бы не оглобля, их тела никто бы не обнаружил.

За вычетом печальной новости, ребята от купцов узнали, что родной городок живет обычной жизнью. Родители передали чадам гостинцы и новую одежду, которая пришлась кстати, ибо отроки подросли и порядком поизносились.

В Чернигове к ним привыкли. Никто более не смеялся над Кукшей и его товарищами. Помимо обучения, в монастыре для каждого находилась работа: приходилось конюхам помогать, постигать плотницкое и гончарное дело. Распознав грамоту, Кукша с удовольствием брал у монастырского писаря книги и погружался в неизведанное, более всего нравилось про походы Александра Македонского.

Как-то раз, гуляя по посаду, Кукша остановил на скаку обезумевшую лошадь, которая могла затоптать ребенка, чем заслужил всеобщее уважение. Размышляя о случившемся, вернулся в монастырь и начал пытаться Никифора.

— Если Бог создал небо, воду и землю, как он мог недоглядеть лошадь, и мне пришлось ее смягчить?

— Молодец! Хороший вопрос. Хвалю,— отвечал дьяк.— Бог дал нам волю и разум. Мы не являемся глупыми ледышками, которые тают по весне, при первом морозе вновь превращаясь в лед. Мы совершаем поступки, согласно разуму. Вот ты, Кукша, вцепился в лошадь, которая могла тебя погубить. Думал ли ты о гибели? Нет! Ты, жертвуя собой, ребенка спасал, значит, поступил по-христиански.

— Но ведь жрец, про которого я тебе рассказывал, он тоже пожертвовал собой.

— Вашему жрецу после злого кровопролития в глаза людям смотреть стыдно было. А бросился бы он вот так как ты лошадь останавливать, вот в чем вопрос? Христос к земной власти над людьми не стремился и других этому наставлял. А Иуда после своего предательства повесился.

Никифор рассказал Кукше притчу о Тесных воротах, как Господь учил входить узкими воротами, ибо просторные ведут к гибели. На первых порах мальчишка не понял смысла. Дьяк пояснил.

— Тесные врата и узкий путь направляют к жизни, однако их находят немногие. Самое опасное — это лжепророки.

Размышляя о вечном, Кукша все чаще посещал монастырские службы. Ему нравилось, как нараспев звучат молитвы, как горят Верой глаза, как священник окропляет водой и обкуривает ладаном. После службы душа наполнялась спокойствием, не сравнимым с кружевной одеждой, и еда тоже отступала на задний план.

Зима, весна, лето и зима меняли друг друга. Подраставшие ребята из мальчишек оформились в крепких парней. Кукше представлялось, как он, обучившись наукам и грамоте, вернется в родной город, однако новое известие изменило планы.

Со своего высокого берега жители Корьдно каждую весну смотрели за ледоходом. Лыдины попирали друг друга, устраивая затор. После Ока поднималась, затапливая противоположный берег. Каждый год в половодье она отщипывала кусочек берега, но чтобы весь мыс вместе с городком обрушился, такого никто предположить не мог. Это случилось ночью, когда все спали. Уцелели только те, кто жил поблизости от ворот.

Земля предала реке значительную часть крепостных стен, капище, дома знатных горожан и терем Ходоты. Кто остался в живых, было непонятно, при этом купцы заверяли, что княжеская семья погибла. Уцелевшие решили не обустраивать прежнего места, ушли в леса и на реке Снежеть основали Карачев.

Для Кукши и его товарищей это был страшный удар. Как дальше жить и что делать, никто не понимал. Никифор пытался успокоить, рассказывал о земной жизни Спасителя, читал Евангелие, вспоминал христианские притчи.

Кукша мучительно думал, отчего подобное случилось? Если мир создал добрый Бог, почему он жестоко наказывает? Никифор поведал про Содом и Гоммору, города, уничтоженные за грехи.

— А что было бы, останься ты в Корьдно? Ты бы погиб. А так Бог тебя спас. Князь Мономах оказался тем же ангелом, что вывел семью Лота из Содома,— заверял Никифор.

Через год пришли новые известия, у Зыряна, Дусян и Василько нашлись родители. Они перебрались в Карачев и, как только смогли, передали о себе весточку. У Храбра, Бажена и Велимира семьи погибли. Если первые планировали вернуться, то вторые решили остаться в Чернигове.

Церковные службы успокаивали. Бесконечно богатые по своему содержанию, они помогали осознать, что храмом Божьим является не только церковь, но и весь мир. Уподобление Христу может быть большим и меньшим, но пределов этому нет. В один из вечеров, беседуя с Никифором, Кукша объявил, что желает креститься и посвятить свою дальнейшую жизнь Богу и монастырю. На следующий день, во время церковного таинства, троекратно отрекся от сатаны. Священник трижды окунул его в воду и совершил миропомазание. Они три раза обошли купель, поп прочитал нужные молитвы, стер со лба масло, выстриг клочок волос, надел на шею крест и подарил длинную белую рубаху. Так Кукша стал рабом Божиим Иоанном.

Глава 4. КИЕВ И ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

Пасха 1114 г. пришлась на первые числа апреля. На Днепре еще стоял лед, а под деревьями лежал снег, но одинокая звонкая птичка уже протаптывала весне тропинку. Простуженный и промерзший Киев готовился к теплу.

Отслужив полунощницу, отец Иоанн прочитал пастве Апостольские деяния, после вместе с настоятелем три раза обошел Успенский храм Крестным ходом. Сердце наполнилось радостью, когда началась заутренняя. Вершиной пасхального богослужения стало христосование. Нарядные женщины в длинных платьях и белых платках, мужчины в кафтанах из сермяги, купцы и посадские, ратники и хлебопашцы, все пришедшие в монастырь обнимались, по традиции трижды целуя друг друга.

— Христос воскрес! Христос воскрес! Воистину воскрес! — разносилось по обители, эхом повторяясь в Киеве.

Радостно звонили колокола, разрывая темноту известием. Казалось, что город никогда раньше не оглашался таким чудесным пением, выходившим из церквей. Ночь дрожала, принимая святыя слова молитв. Киевляне поздравляли друг друга, предвкушая, как соберутся вместе, после долгого воздержания разговятся красным яичком, отведают творожную пасху и мясо.

В 1096 г. половцы подступили к Киеву, пожгли посад, разорили Печерский монастырь и едва не ворвались в город. Монастырь, основанный великими подвижниками веры Антонием и Феодосием, запылал с келий, где жили праведники. Басурмане про подземные катакомбы не знали, и святых мощей не тронули. Все остальное оказалось сожжено и разграблено.

Более десяти лет понадобилось на восстановление. В возрождение никто не верил, однако новому настоятелю удалось невозможное. Чтобы заменить погибших, игумен из Чернигова пригласил монахов. Совместными усилиями отремонтировали поруганную церковь, обитель обнесли стеной, возвели каменную трапезу, гостевой дом и приют для нищих. Божьим промыслом вновь зажурчал родник.

Игумен светился улыбкой, на распев пытался читать молитву, но голос подводил. Годы давали о себе знать. Он с трудом отстоял службу. Направленный в Киев Константинопольским патриархом, грек Феоктист искренне полюбил русских людей, всячески помогая осмыслить Веру Христову, при этом стал задаваться вопросом, если он стар и здоровье подводит, кого назначить преемником?

Более других на роль настоятеля подходил иеромонах Иоанн. Ради восстановления обители он оставил Елецкий монастырь в Чернигове, продолжив служение в Киеве. Гордость и тщеславие были ему неведомы. Скромный и чуткий к чужой боли, наставляя паству, он находил нужные слова для каждого.

Утром, когда заря победила тьму, настоятель отправился в свои покои. Иоанн, помогая идти, придерживал его под локоть.

— Сын мой, если свеча теплится, от нее зажигаются еще и еще свечи. Чтобы она не упала, нужно правильно установить в подсвечнике. От кривой зажигать не хочется. Вот так и Вера Христова свече подобна. Сам видишь, здоровье подводит, но я уверен, что именно ты мое пастырское служение продолжить сможешь. Я хочу, чтобы после меня настоятелем стал ты. Люди к тебе тянутся, и я это вижу.

Игумен говорил не спеша, давая осмыслить каждое слово. Для иеромонаха его слова открытием не стали. Клобук игумена ему пророчили многие.

Зашли в келью, иеромонах помог настоятелю снять одежду и стащить сапоги. Служка уже приготовил постель, перед иконами углового кивота зажег лампадки. Отблеск рассвета играл на ликах, отчего казалось, будто Богородица и Святитель Пантелеймон тоже ждут ответа.

— Благодарю тебя, отче, что веришь в меня. Зажечь свечу возле подсвечника просто. Куда сложнее донести Слово Божие до язычников, чтобы Веру приняли. Наверняка знаешь, я родом из вятичей. До крещения звался Кукшей. В Чернигов попал после второго похода Мономаха. Давно хотел просить, отче, благослови на Оку отправиться. Сердце у меня за народ мой болит. Каждый день молюсь за них. Грешники! Во тьме живут и чураются Христа, ибо проповедников чужаками считают. Я свой, меня послушают. Отче, благослови!

— Сын мой, это очень опасно! Одно дело, купцы вятичей в Киеве, и совсем другое в лесах с ними встретиться. Безбожники. Десяти половцам смысл Писания растолковать проще, нежели с одним вятичем беседовать. Чадо мое, я тебя всем сердцем люблю! У тебя в монастыре прекрасное будущее. После меня игуменом станешь. Забудь про вятичей.

Волнуясь, Феоктист путал русские слова и говорил с греческим акцентом. Вот и

теперь ответ подобрал с трудом. Глядя на настоятеля, иеромонах видел, как нелегко даются ему фразы, но это был именно тот случай, когда представилась возможность поговорить.

— Отче, меня из дома юнцом забрали. Я счастлив, что познал Спасителя, и народ мой тоже Христа узнать должен. Отче, благослови!

— Сегодня праздник, но ты меня расстроил. Совсем не такого разговора я хотел. Сейчас иди, я должен подумать.

За время совместного служения оба хорошо узнали друг друга. Если игумен решения сразу не принимал, повторными просьбами лучше не беспокоить. Иоанн перекрестился, поклонился и закрыл за собой дверь.

Взошедшее солнце протиснулось среди туч и его первые косые лучи поцеловали кресты Успенского храма. День обещал быть погожим.

Иоанн направился в келью, помолившись, прилег отдохнуть. Вспомнилось детство, как с друзьями поймал в лесу совенка, как плавали наперегонки, как ласкала мать. Дальше, подобно запруде на реке, через которую невозможно перескочить, в очередной раз вспомнилось убийство новорожденного.

Когда такое снилось, он всегда просыпался. Себя, забранного из семьи, было не жалко. Страшило безбожие, процветавшее в душах. Всякий раз хотелось кричать: «Люди, остановитесь! Вы не ведаете, что творите! В этот мир, чтобы нас всех спасти, пришел Христос!»

В пасхальное воскресенье в монастыре угощали разносолами. На территории расставили столы с яствами, куда сесть позволялось каждому. Еда была простой, но сытной. Городская беднота весь год ждала праздника, чтобы наесться до отвала.

В один из дней Светлой седмицы в монастырь прибыл Владимир Мономах. Под колокольный звон князь пел песнопения, отстояв службу, вместе с народом обошел церковь крестным ходом, после чего отец Иоанн окропил паству святой водой.

На князе был распашной зипун с узкими рукавами и кафтан из дорогих тканей с петлицами, пуговицами и тесьмой. Ноги согревали сапоги из сафьяна и бархата. Зайдя в монастырь, Мономах снял с головы и держал в руках невысокую шапку с бобровым околышем и верхом из котика.

За прошедшие годы Владимир Всеволодович постарел. От великих дум на лбу проступили морщины. Поседевшие волосы разводились по бокам прямым пробором. Аккуратно подстриженную бороду седина тоже не обошла стороной, при этом взгляд оставался таким же цепким и внимательным.

Во время службы в Чернигове Иоанн видел князя по большей части издали. Монаха на пиры не приглашали и в походах он не участвовал, и тем не менее Владимир Всеволодович бывшего Кукшу узнал и поприветствовал поклоном.

— Христос Воскрес, батюшка! Как вам служится в Киеве? — по окончании церемонии спросил князь.

— Воистину Воскрес, государь! Слава Богу, все хорошо.

— Государь, отец Иоанн, мое любимое чадо! Я стар, замену себе приглядываю, хочу, чтобы он обитель принял, — подключился игумен.

— Отца Иоанна еще отроком знаю. Годов тридцать назад познакомились. На ту пору он Кукшей именовался. Отче, твое решение всецело поддерживаю, — ответил князь.

За прошедшие годы на Руси произошло множество событий. В 1093 г. преставился Всеволод Ярославич. После смерти отца Мономах мог занять киевский престол, но уступил двоюродному брату Святополку, сохранив за собой Ростов, Смоленск, Новгород. Стараясь избежать междоусобиц, Мономах не хотел ссориться с другими князьями. Они же, алчущие власти, прибегали к помощи половцев. Так, в 1094 г. после восьмидневной осады ему пришлось уступить Чернигов. Олег Святославович городом владел два года, но удержать не смог. Черниговцы вернули Моно-

маха. По его инициативе князья собирались, пытались договориться, но возмутитель спокойствия всегда находился.

Одной из главных проблем оставались половцы. Русские князья с 1103 г. изменили тактику. Если раньше они встречали врага у стен города, то теперь решили воевать на его территории, для чего организовывали походы. Под предводительством Мономаха русские полки одержали целую серию побед.

В 1113 г. в Киеве скончался непопулярный Святополк Изяславович. Не желая другого князя, киевляне взбунтовались, требуя на престол Мономаха.

Шестидесятилетний Владимир Всеволодович, не тщеславный, равнодушный к власти и почестям, прибыл после повторного приглашения. Остановив бунт и погромы, провел реформы, запретив рабство за долги, а сам долг ограничил тремя годами. В его княжение налог стал платиться по дыму, а не по количеству мужей.

Понимая, что игумен наверняка не захочет благословить, иеромонах решил действовать.

— Государь, я многим тебе обязан. Если бы ты не забрал нас, мы бы наверняка погибли при обрушении Корьдно. Ты помнишь нашу ватагу. Зырян, Дусян, Василько в лес вернулись, теперь они среди вятичей знатные бояре. В Чернигов и в Киев приезжают вместе с купцами. Храбра, став ратником, с воеводой Данилой в походе погиб. Бажен торговым человеком сделался, и в Византию ходит, и к варягам. Велимир в Чернигове думный дяк. Я же всецело Господу себя посвятил. Как и ты, к земным почестям равнодушен, свою миссию вижу в проповедничестве. Очень хочу на Оку отправиться, чтобы народу моему учение Христа принести. О желании своем я объявил и надеюсь на благословение игумена.

Мономах оценивающе посмотрел на Феоктиста. После его походов вятичи угомонились, дань платили исправно, на купцов почти не нападали, но веру Христа по-прежнему отвергали. Проповедники, кто уходил к вятичам, назад не возвращались, что с ними случалось, никто не знал.

— Государь, твое слово для всех важно. Мне бы не хотелось, но, если будет твоя воля, благословение дам,— ответил Феоктист.

— Я вот что думаю, соберем его в дорогу, провизии и монет дадим. С первыми купцами пускай идет. Реки по весне должны быть ладными. До Оки недели за три дойдут,— подытожил князь.

Грек Феофан проявлял явное недовольство, но противиться княжеской воле не решился. На Антипасху, когда воскресший Христос явился Фоме, игумен благословил Иоанна, повелев с собой взять Никона. Высокий, с тонкими правильными чертами лица, еще не достигший двадцати лет Никон в монастырь попал после смерти родителей. Сперва числился трудником, углублял ходы в пещерах. Получив благословение на подрясник и скуфейку, стал послушником при отце Иоанне. Иоанн не хотел его брать, однако Никон и игумен оказались настойчивы.

Выбрав день, Иоанн решил попрощаться с Киевом и вместе с Никоном отправился на прогулку. Многолюдный город шумел базарами, скрипел телегами и цокал конскими подковами, которым молотками с окраины отвечали кузнецы. Их работа была связана с огнем, отчего случались пожары. Чтобы огонь не пожег город, кузнечную слободу перевели на всполье.

Иоанн с радостью отметил, что при Мономахе посад начал отстраиваться. Опасаясь половцев, киевляне не спешили возрождать пригород. Его бутафорские рвы и хлипкие стены не внушали доверия. Теперь же, после походов Мономаха, люди поверили, что князь это не просто сборщик налогов — государь защитит от любого врага.

Монах и послушник прошли плотницкий, съестной и соляной квартал. В мастеровом приобрели топор и кованый нож с широким лезвием. Для детей набрали сладостей и глиняных свистулков в виде лебедя, утки, медведя.

Посад основательно преобразился, и Иоанн среди лавок заблудился. Люди его узнавали, здоровались, интересуясь, что они ищут. Узнав про сапоги, порекомендовали Никифора. Юркий мальчонка, услышав про своего отца, оставив сверстников и лапту, сопроводил в лавку, где Никон, сняв лапти, начал примерять обувь. Выбрав на низком каблуке из овечьей кожи, указал на них хозяину. Никогда до этого не носивший сапог, в новой обуви он чувствовал неудобство. У хитрого купца, не в первый раз переобувавшего из лаптей в сапоги, по такому случаю был наработан проверенный метод. Он предложил Никону подпрыгнуть, и тот в полной мере ощутил достоинства подметки и каблука.

После настал черед Иоанна. Его поршни порядком поизносились. По совету Никифора, он выбрал сапоги с высоким голенищем из коровьей кожи. Узнав, что чернецы идут к вятичам, купец уступил свой товар за три серебряника.

Кожаные сапоги мог позволить себе только человек знатный. Однако игумен специально выделил серебряников, чтобы проповедники не ходили по болотам в лаптях. Своим видом они должны были наглядным образом показать преимущества христианской веры.

Довольные, вернувшись на главную дорогу, Иоанн и Никон оказались перед Софийскими воротами. Кто впервые попадал в Киев, всегда поражался этому чуду. Ворота были возведены в форме надвратной башни, чтобы осмотреть их, приходилось заирать голову. Своими мощными стенами, высокими валами и глубокими рвами Киев казался неприступной твердыней. Укреплять его начали задолго до Святослава. Большая часть сражений проходила именно здесь, под городскими стенами.

В детинце деревянных строений насчитывалось по минимуму, что отличало его от посада. Практичные греки даже мостовые выкладывали из камня. Уже более ста лет застройка детинца происходила под их руководством.

Иоанн и Никон дошли до Десятинной церкви, где когда-то стоял дом русских первомучеников Федора Варяга и его сына Иоанна, зарубленных язычниками. По легенде, именно их крепость и убежденность подвигла Владимира к принятию христианства.

Из города вышли через Северные ворота. Иеромонах показал бывшее капище, где стоял Перун, рассказал, как Креститель Руси сперва установил идола, а после повелел сечь его плетьюми и сбросить в бирюзовые воды. Прошли мимо палат боярина Данислава, который отстроился на том самом месте, куда княгиня Ольга повелела скинуть ладью с послами древлян и закопать живыми. Спустились до бережины, где в Днепровской воде крестились киевляне, затем вновь поднялись в гору. Сев на краю обрыва, прижались плечо к плечу, молча наблюдая, как к пристани, расправив парус, спешит первая ладья.

— Все, лед сошел. Скоро купцы вверх по Днепру пойдут. Нужно узнать, кто куда направляется, и с купцами договариваться,— сказал Иоанн.

Наполняя сердца радостью, зазвучал колокол Софийского собора. В чистом весеннем воздухе ему вторили собраты. Киев наполнился радостным перезвоном.

«Матерь городов русских собрал в единое полян, древлян, северян, радимичей и множество других племен, сделав их православным, и только родные вятичи, в самом сердце Руси, остаются язычниками»,— думалось монаху.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Анастасия Васильева
(г. Москва)

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Выпускница Высших литературных курсов (ВЛК) Литературного института им. А. М. Горького. Публикации в журнале «Наши Современники», альманахе «Царицын», журналах «Огни Кузбасса» и «Бельские просторы».

Тридцать первое декабря, морозное утро. Мелкими хлопьями кружит снег. Вера любила этот праздник с детства. Самый лучший праздник в году, но только не в этот раз.

Осенив себя трижды крестом и нырнув в арку Покровского женского монастыря, она прошла в конец очереди, той, что выстроилась к уличной иконе Матушки Матронушки. Сегодня людей немного — на часок. В такой день приходят либо самые счастливые с благодарностью, либо самые несчастные — с просьбами о помощи. В руках мерзли три белые розы. Она была из числа вторых — пришла от отчаяния.

Холодок пробирался внутрь пальто, она переминалась с ноги на ногу и, запустив левую руку в карман, чтобы погреть побелевшие на морозе пальцы, нащупала обручальное кольцо. Ее самое любимое кольцо из белого золота с десятью мелкими бриллиантами по кругу. Рука крепко сжала его. Из глаз брызнули слезы. Шел семьсот двадцать первый день. Расставание было мучительное. Вера шмыгнула носом и, застыв взглядом на куполах собора, шагнула в пропасть воспоминаний.

Такой же морозный, зимний день, вот только сумерки уже окутали Москву своим покрывалом. В Большом театре давали ее любимую «Пиковую даму». Вера слишком поздно спохватилась — билетов было не достать. С надеждой она бросилась в кассу, затем к одной паре, к другой и к шумной стайке старушек, спешивших скорее попасть внутрь, но в ответ везде слышала — лишнего билетика нет. И тут из-за угла вынырнул высокий молодой человек в дутой куртке с широким меховым воротником и вязанной шапочке, натянутой до бровей.

— Девушка, у меня как раз есть то, что вы ищете, если только вас не смущает перспектива провести по соседству со мной больше трех часов.

Вера онемела от неожиданности и только хлопала глазами.

— Ну что ж вы так растерялись-то? — улыбнулся он, — бежим, уже первый звонок! И он, схватив ее за руку, потащил к центральному входу.

Алексей был так элегантен в белой рубашке и темно-синем костюме. Все в нем было так, как ей мечталось.

— Вера, я ведь на самом деле оперу-то не очень люблю, если не сказать — терпеть не могу!

Она прыснула со смеху и, глотнув шампанского в антракте, спросила:

— Так что же вы тогда тут делаете?

— Все очень просто — обещал маме сходить вместе, а у нее давление подскочило. Ну не пропадать же билетам? Да еще таким шикарным — первый ярус, по соседству с царской ложей.

— Да, места у вас и вправду шикарные. А я вот, наоборот, обожаю, особенно «Пиковую даму». Вступление.

— Ну, а я если только единственную знакомую партию, которую Киса Воробьянинов напевал в фильме «Двенадцать стульев», помните? «Если б милые девицы, так могли летать, как птицы, никогда б я не сгибался, вечно ими любовался!»

Он производил впечатление тихого, воспитанного человека, с мягким характером, а иногда даже детской беззащитностью.

Вере нравились его шутки, знание советских комедий, о которых большинство современных мужчин даже не слышали, образованность, отсутствие хвастовства — с Алексеем было о чем поговорить.

Следующая встреча прошла в кино. Алексей позвонил в пятницу, пригласив Веру на мультфильм. Она, конечно, удивилась такому выбору репертуара, но все же согласилась. После сеанса они брели по старому Арбату к метро, он по-хозяйски взял ее руку. По коже побежали мурашки — так приятно было утонуть ее маленькой, холодной ручке в его теплой, большой руке. Волшебный вечер!

Леша пропал больше чем на месяц — не звонил, не писал. Вера терялась в догадках, что же она сделала не так? Но ответ не находился. Алексей вынырнул из ниоткуда, пригласив ее поужинать. Веру бросало из крайности в крайность. То она радовалась, как ребенок, чувствуя интерес Лешки, то съедала себя изнутри сомнениями, когда он вдруг пропадал. Она была влюблена в него с того самого вечера в опере. В Вериной светлой головке никак не складывался пазл — ведь если один человек любит другого, как же он может так надолго пропадать? Он же дышать не может без своей второй половинки.

«Глупенькая, Вера! Да ведь он прекрасно дышит без тебя.

Нет, нет. Я слишком себя накручиваю. Просто мне не очень везет в отношениях, я ведь уже не раз обжигалась, вот и дую на воду. Алексей не такой, нет. Алексей замечательный!

Конечно замечательный! Месяц не появлялся, тобой не интересовался.

Может он в больнице лежал и просто не хотел меня расстраивать! А может с мамой что-то! Не накручивай! Тем более, что мы не так близко знакомы — всего-то пару раз встречались», — убеждала себя Вера.

Ужин был прекрасен. Дальневосточные устрицы с шампанским, морские ежи с перепелиными яйцами, фуагра на тоненьких хрустящих кусочках багета с черничным джемом, воздушное безе со свежей малиной и сногсшибательный вид с шестьдесят пятого этажа высотки Москва-Сити. Ее ручка в его руке и он, зарывшись в Верины длинные, рыжие волосы, шепчет, как безумно скучал по ней все это время. Работа, работа, командировки — бизнес! Все так сложно! Да еще и мама, после кончины отца, никак не может прийти в себя и требует постоянно внимания!

«Бедняжка — думала Вера. — Ему так тяжело! А я тут со своими глупостями и дурацкими мыслями, пытаюсь его постоянно в чем-то уличить. Стыдно, Вера! Тебе должно быть очень стыдно!»

Она дала себе зарок — не цепляться к каждой мелочи, сконцентрироваться на позитивных моментах.

«Ох, Вера, Вера! Какой же бардак творится в твоей голове! Глупенькая девочка, выросшая в теплице, когда же ты только научишься разбираться в людях? Не все

тебе желают добра, не все искренне заботятся о тебе! Научись ценить себя! Ставить свои цели в приоритет!

Отстань! Не хочу слушать!

Ну не слушай, только потом не плачь!»

Алексей то окружал Веру невероятной заботой, вниманием и нежностью. Водил в театры, на выставки. То пропадал на неопределенный срок, не давая о себе знать, односложно отвечая на ее смс. Казалось странным и то, что у Алексея совсем не было друзей или, может быть, Вера просто не входила в этот круг. Он изводил ее дикой ревностью, заставив удалить все фото не только бывших мужчин, но и друзей, бывших одноклассников и однокурсников. Под его чутким руководством Вера рвала в клочья напечатанные фото с ее первой любовью, десятилетней давности, которое Алексей нашел в ворохе бумаг. Где-то в глубине души она понимала, что это какой-то абсурд, так не должно быть, это неправильно. Но тут же находила ему оправдание: ревнует — значит любит! Ведь и я не идеальна. Это еще счастье, что он вообще обратил на меня внимание.

«Что же ты творишь со своей жизнью, Вера? Очнись! Девочка, беги, не оглядываясь! У тебя еще все впереди, но не с этим человеком и не в этот раз! Не хочу слушать! Леша замечательный!

Ну не слушай, только потом не плачь!

А я и не плачу!

Кого ты обманываешь, глупенькая?

Отстань! Замолчи! Не хочу ничего знать!»

В конце марта Алексей повез Веру знакомиться с мамой. Вера тряслась мелкой дрожью, о крутом нраве Ольги Викторовны она была уже наслышана. Властная, холодная женщина с седыми пышными волосами, не выпускавшая длинную ментоловую сигарету из тонких губ, сверлила Веру тяжелым взглядом с головы до ног. За столом она тщательно расспрашивала ее о родителях, образовании, прописке, квартире, машине, умении готовить и вести домашнее хозяйство. Убедившись в том, что сын привел скромную, коренную Москвичку из хорошей семьи, которую при умелом воздействии можно с легкостью свернуть в «бараний рог», Ольга Викторовна слегка подобрела и, скрепя сердце, все же дала Леше согласие на свадьбу, но только в ресторане, который она выберет сама. И вообще, свадьбой будет заниматься только она! Ну, а с Веры половина суммы на все расходы и плюс за каждого гостя, если их будет больше, чем со стороны жениха.

«Вера, беги! Не оглядываясь, беги! Там не одно чудовище! Их там два! Ты падаешь в неравном бою. Они сломают тебя, глупая ты девочка!

Леша любит и уважает свою маму! Что в этом плохого? Ведь, недаром говорят, что в первую очередь надо смотреть на отношение к родителям!

Ты ошибаешься, Вера! Неужели ты не видишь, в какую выгребную яму затягивает тебя эта семья?

Не хочу слушать! Отстань!»

В выходной они отправились выбирать обручальные кольца. Себе он взял самое простое — золотое, гладкое, тонкое. Вера выбрала из белого золота с россыпью бриллиантов, оно понравилось ей с первого взгляда. Ей хотелось, чтоб все было идеально, ведь она собиралась пронести этот символ любви и верности через всю жизнь.

— Покупай, раз нравится! — бросил равнодушно Леша.

И Вера, давась неприятным слезами, полезла в кошелек.

«Какие еще тебе нужны доказательства? — кричало сознание, пока Леша мчал ее обратно домой.

У него сейчас, наверное, трудности с деньгами. Такое бывает — это нормально.

У него трудности с психикой. Очнись! Он ломает тебе жизнь! Это не твой мужчина! Знаешь почему?

Ну, почему?

Потому что твой мужчина так никогда бы не поступил! Он бы из кожи вон лез, но не сделал бы тебе больно, не заставил бы тебя плакать и давиться слезами. Это не он! Одумайся, Вера!

Он изменится. Обязательно, изменится. Как только мы поженимся — все будет по-другому.

Глупая, наивная Вера! Ну, пусть будет по-твоему...»

После свадьбы Алексей переехал к Вере. Его многочисленные вещи заняли лучшие полки ее немногочисленных шкафов. В ванной все было заставлено Лешиними шампунями, гелями для укладки волос, лосьонами, маникюрными принадлежностями, щетками, мочалками. Вера с ужасом взирала на то, как ее квартира, словно теремок, начинает трещать по швам. Алексей каждый день непременно принимал ванну с пахучей морской солью, прижигал прыщи маслом чайного дерева и вообще, регулярно и придиричиво оглядывал себя. Он очень переживал за свою внешность и свое здоровье.

На содержание дома он выделял прожиточный минимум, установленный государством, а если Вера в эту сумму не укладывалась — это были ее проблемы, ведь она тоже работала и обязана была вносить свой вклад в семейный бюджет.

Все Верины друзья и подруги были беспощадно истреблены. Им запрещалось звонить, когда Алексей отдыхал дома после работы.

Вера всегда чувствовала себя виноватой, даже едва проснувшись с утра и открыв глаза, ее уже давил непосильный груз вины. Что бы она ни делала, как не старалась угодить Алексею и его маме — все было тщетно. Они оттяпывали по кускам от нее все, что могли, и им всегда было мало. Высасывали радость и счастье из ее уставшей, измученной души.

Внутренний голос, затаившись, молчал. А о чем тут можно было еще говорить? Непослушная Вера пусть учится на своих ошибках.

— Леша, я беременна! — радостно прокричала она в трубку, — две полоски! У нас будет ребенок!

В ответ повисло молчание.

— Леша, разве ты не рад? Ну что ты молчишь?

— Рад, но мне казалось, что вначале надо пожить для себя, поездить, встать на ноги, я, вообще-то, хотел пойти учиться, мне надо развиваться. А уж потом заводить детей. Мы ведь не планировали...

— Ну не все можно спланировать, — прошептала она, — а потом, тебе ведь уже тридцать два, вполне подходящий возраст, чтоб стать отцом.

— Давай я сам буду решать, какой возраст для моего отцовства наиболее подходящий! — рявкнул Леша и бросил трубку.

На УЗИ она ходила одна. Всего лишь раз Вере удалось затащить Алексея в перинатальный центр, когда уже можно было определить пол ребенка. Он опоздал на полчаса — заблудился.

— У вас будет девочка, — улыбнулась медсестра.

Вера радостно засияла — маленькая крошка, которую можно будет наряжать в красивые, бархатные платьица.

Леша молчал.

«Надежда, дочка будет Надеждой!» — подумала Вера.

Внутренний голос молчал. А что тут скажешь?

— Я начинаю учиться по вечерам, — бросил Алексей за ужином. — Это нужно для моей карьеры. Денег буду давать меньше, часть расходов на институт придется оплачивать самому. Плюс часть коммуналки за мамину квартиру, я ведь там все-таки прописан, а она не справляется.

— Леша, а как же кровать, коляска? Ребенку нужны вещи.
— Ты ведь тоже работаешь. Пусть твои родители подарят. Их же внучка!
— Да, но ведь это твоя дочка!
— Ты меня обманула! Ты специально все это подстроила! Воспользовалась мною в то время, когда мне надо развиваться, двигаться вперед! Ты тянешь меня на дно!

В первый раз в Вериной голове вдруг промелькнула мысль: «Как же я могла полюбить такого человека? А любит ли он вообще кого-нибудь, кроме самого себя?».

Ей стало страшно!

«Ну что? Здоровые мысли наконец-то замелькали в твоей голове, Вера. Лучшие поздно, чем никогда!»

Слишком поздно — ребенку нужен отец.

Ребенку, Вера, нужна крепкая и любящая семья!

Замолчи! Сейчас не время!

А я никуда и не тороплюсь. Это же твоя жизнь, Вера!»

Леша встречал ее из роддома дождливым осенним днем. На переднем сидении автомобиля царствовала Ольга Викторовна. Вера с малышкой Надюшей ехали на заднем.

— Ой, Лешенька, а малышка-то вылетая баба Нюра! Прямо лицо один в один, и глаза такие же, и нос, и даже волосики! Наша порода, Стрючковская!

Вере было неприятно до глубины души. Жуткое осознание того, что она больше не хочет иметь ничего общего с этой семьей, обожгло ее изнутри. Но она молчала, переводя взгляд со сладко посапывающей в кульке Надежды в окно — на грязную, уставшую осень.

Ольга Викторовна никак не хотела уходить, то давала измученной Вере бесконечные советы, как надо правильно ухаживать за новорожденными, при этом Надежда надрывалась у Веры на руках, то пила десятую чашку кофе с конфетами, то прыскала по квартире святой водой — изгоняя злых духов, видимо оставшихся от Вериных родителей, которые поспешили прочь, чтоб дать возможность молодой маме освоиться с новой ролью.

— Леша, ты можешь встать ночью к Надюше, я просто не чувствую ног! Такой тяжелый день.

— Вера, ты соображаешь, что говоришь? Мне завтра рано утром вставать на работу, вечером я учусь. Ты хочешь, чтоб я еще и ночью дежурил у детской кровати, пока ты дрыхнешь?

— Леша, я прошу всего один раз, только сегодня.

— Завтра днем отоспишься. Чем тебе еще заниматься? Ты же в декрете! Встала раз в три часа — покормила ребенка и опять спи, сколько твоей душе угодно! Мне б твои проблемы!

«Это гормоны, послеродовая депрессия. Надо просто немного потерпеть.

Давай, давай, обманывай себя и дальше, глупая Вера!

Что ты хочешь от меня?

Неужели не понятно? Чтoб ты, наконец, встала с колен, подняла высоко голову, взяла себя в руки и пошла вперед вместе со своим ребенком в новую и счастливую жизнь! Разве это так сложно понять?

Моя жизнь — Леша и Надя!

Твоя жизнь — это твоя жизнь и Надя! Запомни, настоящий мужчина сделает все, чтоб его женищине и ребенку было спокойно и комфортно. Ты встретила не того мужчину. Он просто не твой. Расценивай это как жизненный опыт, который преподнес тебе самый важный подарок в твоей жизни — твою дочь Надежду!»

— Давай поживем отдельно. Я устала, я не справляюсь, я больше не могу так жить.

— Ты что, с ума сошла? Это все от безделья! Может, тебе лучше выйти на работу? Пусть твоя мама занимается внучкой, а ты будешь помогать мне зарабатывать деньги. Может тогда твои мозги встанут на место!

— Нет, я хочу, чтобы ты ушел! Я больше не могу находиться с тобой в одном помещении.

— Я сделаю вид, что этого бреда не слышал. Даю тебе время до выходных, подумать о своем поведении и извиниться передо мной!

Наступила суббота. Вера лежала в постели, разглядывая витиеватый узор на обоях, сердце ее бешено колотилось в груди. Леша обнял ее сзади и, нежно целуя в шею, стал шептать, как сильно любит ее и Надюшу, как не представляет своей жизни без них. Ведь они семья и должны вместе преодолевать все трудности. Вера не двигалась, она давилась слезами, ее тело было натянуто, как струна. Она по-прежнему любила Лешу, но теперь четко понимала, что этот человек никогда не любил ее.

— Я хочу, чтобы ты ушел! — процедила она сквозь зубы.

«Браво, Вера! Браво, девочка! Наконец-то твоя голова повернулась в нужном направлении! Не сдавайся! Не сворачивай с намеченного пути. Он будет труден, тернист, но ты справишься, я в тебя верю, Вера!».

Когда она вернулась с Наденькой, квартира была пуста. Она села на банкетку в прихожей и в первый раз за последние несколько месяцев удовлетворенно выдохнула.

Жизнь потекла своим спокойным чередом, нарушаемым лишь редкими визитами Алексея к дочке. Неизменные белые рубашки, иногда с красными отметинами помады на воротнике, дорогие костюмы, шлейф духов, горящие глаза — все в его внешнем виде кричало Вере: «Ты еще пожалеешь! Локти будешь кусать! Посмотри на себя! Кому ты вообще нужна? Кто на тебя позарится, да еще с «прицепом»?»

Вера молча взирала на весь этот театр абсурда, который она вынуждена была смотреть по выходным. Алексей то кричал о своих успехах, то умолял Веру одуматься и разрешить ему вернуться обратно. Душа ее мучилась, металась, сознание путалось.

«Я не знаю этого человека! — думала Вера. — Это какой-то совсем чужой, неизвестный мне мужчина, в нем нет ничего от того Алексея, которого я встретила тем далеким, зимним вечером.»

Может, ты и не хотела узнавать такого человека, Вера? Вспомни, как ты знала от себя прочь все «звоночки», которые сознание посылало тебе с самой первой минуты вашей встречи?

Может быть...

Никогда не поздно, Вера, помни это! Твоя жизнь в твоих руках, и только в твоей власти сделать себя счастливой или оставаться несчастной!

Проходит время, многое исчезает из нашей памяти, такие уж у нее защитные свойства. Простить можно все, особенно если любишь. Забыть — вряд ли».

Всю осень шел бракоразводный процесс. Алексей не явился ни на одно слушание. Он хранил молчание, не звонил, не писал, просто — пропал. В суде его интересы представляла мама. Она только разводила руками и говорила Вере:

— Нужно быть уступчивее, видимо, твоя мама ничему тебя не научила. Развалила семью — пеняй на себя!..

Вера смотрела на лик Матронушки, в изумрудном саване и простой белой косынке на голове. Пахучие еловые ветки с шишками украшали икону. Даже на расстоянии от образа исходила такая благодать, что вера укреплялась в сознании стоящих, а надежда проникала в душу, вытесняя все тревожное. Вера поднялась по ступенькам и, осенив себя крестом, прикоснулась лбом к холодному стеклу. Она закрыла глаза, и какая-то неведомая сила унесла вдруг все ее печали и тревоги. Будто невесомость подхватила ее уставшее тело и наполнило его силами, вдохнула веру, надежду и любовь в ее истерзанную душу, укутала теплом и спокойствием.

Любовь! Матушка Матронушка, пошли мне любовь! — молила про себя Вера, — взаимную, честную, настоящую, родственную душу!

Вере казалось, что она могла стоять вот так с закрытыми глазами вечность, пока смотритель не погладил ее легонько по руке. Она очнулась, словно возвращаясь из открытого космоса снова на бrenную землю. Достала из кармана обручальное кольцо, свое любимое, из белого золота с десятью бриллиантами и опустила его в ящик для пожертвований. Перекрестившись трижды и еще раз поблагодарив Матронушку за все, она выплыла из арки Покровского женского монастыря, расправила плечи и с умиротворенной улыбкой побежала скорее в метро.

Дома ее ждала Надежда!

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

ГОЛОС ПРОШЕДШИХ ЛЕТ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Шел тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Этот год запомнился празднованием 50-летия Октябрьской революции, открытием в Волгограде монумента «Родина-мать». В этом же году в Ленинграде изготовили первую партию цветных телевизоров «Радуга», вышло Постановление Правительства о переходе с шестидневной на пятидневную рабочую неделю, впервые в нашей стране был опубликован роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Об этих и других значимых событиях старшеклассник Борис Воронцов хорошо знал, так как был склонен к познанию мира. И этот мир задавал ему все больше и больше вопросов, на которые нужно было находить ответы. Именно в это время Борис столкнулся и с тем, что называется любовью.

Воронцов влюбился в свою одноклассницу Галю Кузьмину. Сейчас они уже заканчивали девятый класс, быстро выросли, а Кузьмина не испытывала к Борису сердечных чувств. Хотя по общему признанию, он был симпатичный парень, высокого роста, учился почти на «отлично», и второй год подряд его избирали комсоргом класса.

Тяга к знаниям усилилась у Бориса два года назад. На летних каникулах он перечитал все учебники пятого-седьмого классов по ботанике, географии, биологии и истории, так как убедился, что почти ничего не помнит из их содержания. Кроме того, он завел тетрадь, в которую записывал незнакомые слова, значения которых не знал. И после этого рылся в словарях. А чтение художественной литературы стало одним из его любимых занятий.

Воронцов периодически проявлял знаки внимания к Галине, но ответной реакции не последовало. Нельзя сказать, что это задевало самолюбие Воронцова — такого чувства он не испытывал. Просто его сердце жаждало взаимности, а Кузьмина отталкивала его. Девушки — уникальные создания: они способны притягивать парней, отталкивая.

Как и многие школьники, попавшие в плен первого любовного, еще только платонического, чувства, он начал писать стихи. И когда их накопилось несколько десятков, прочитал их старшему брату Алексею — студенту филологического факультета университета. И очень огорчился, когда тот сказал:

— Очень слабые вирши. Все в корзину, а вот это оставь.— И, взяв в руки тетрадь, сам прочитал вслух одно стихотворение:

*Четыре строчки за день стихов.
Четыре ночи бессонных снов.
Четыре капли, выпавших из глаз.
Четыре сабли прокололи враз.
Четыре чувства захватили власть.
Четыре буйства не хотят пропасть.
Четыре, четыре, четыре, четыре —
Шестнадцать бросков к окну твоему.
И, как удар по голове гирей,
Четыре пощечины. Мне. Одному.*

Затем Алексей еще раз прочитал это стихотворение уже про себя и спросил:

— Ты влюбился, дружок?

— Да, — признался Николай. — Но она...

— Не отвечает взаимностью. Это, брат, в жизни часто бывает. Любовь — это своего рода налог, который мы вынуждены платить за то, что у нас есть сердце...

Эти слова брата Воронцов запомнил на всю жизнь.

Все мы закованы в кандалы обстоятельств. Вскоре Борису предстояло расставание со своей школьной любовью. И это его мучило больше всего.

Семья Воронцова переезжала из поселка городского типа Куйбышевской области в Сочи. Дом на курорте был куплен недавно, мать и отец Бориса находились уже там.

В начале июня Воронцов получил в школе табель об окончании девятого класса и на следующий день сел в электричку. Ему предстояло доехать до Куйбышева и оттуда самолетом вылететь в Сочи.

Зайдя в вагон, Борис положил на верхнюю полку чемодан и стал внимательно смотреть в окно. Он мысленно прощался с местами, ставшими для него родными. Здесь прошло его детство, началась юность. Он смотрел на знакомые улицы, испытывая противоречивые чувства. Жалко покидать друзей детства, школьных товарищей и особенно дорогую его сердцу Галину Кузьмину. Неужели он никогда ее больше не увидит? От этой мысли ему сделалось не по себе, и он стал еще внимательнее всматриваться в окно.

На краю поселка стоял небольшой частный домик, в котором жила Кузьмина. И Борис хотел еще раз посмотреть на этот домик. Электричка набирала скорость, дома мелькали... И что это?! Воронцов неожиданно увидел Галину перед соседским домом, где был колодец. Из колодца она набирала воду. В душе Бориса что-то мгновенно оборвалось. Когда чувства взрывают сердце, взрывная волна доходит до разума. Борис вскочил, почувствовав, как будто кто-то толкает его к выходу из электрички. У него появилось только одно желание: выпрыгнуть из вагона, чтобы навсегда остаться там, рядом с ней...

Электричка вырвалась из объятий поселка и уже неслась, как угорелая, по степи. Воронцов пришел в себя — и сел на место. Так паршиво он себя давно не чувствовал...

И только в самолете Воронцов окончательно успокоился. «Не все так плохо, — подумал он. — В Сочи я увижу много для себя нового, наверняка встречу немало интересных людей...»

2

В городе-курорте все было по-другому: люди, архитектура, рынки, пляжи... Больше всего Бориса поразила природа. Море и горы, кипарисы и пальмы, горные речки, цветы магнолии — на это можно было смотреть часами.

Однако более существенным было другое. В этом мире Воронцова многое не устраивало. Он где-то прочитал: чтобы изменить этот мир к лучшему, нужно изменить людей. А чтобы изменить людей, думал он, нужно изучать их: и мужчин, и

женщин. И в Сочи он стремился к общению с новыми людьми. Ему нравилось посещать рынки, вокзалы и другие места скопления местных и приезжих; наблюдать за ними: о чем они говорят, что делают в той или иной ситуации.

Каждый день Борис не только читал новые книги, но и посещал пляж. У него появились новые приятели. Он заметил, что психологически ему было трудно завязать знакомства с женщинами, которые старше него. Этот недостаток он решил исправить и начал знакомиться с этой категорией прекрасного пола, выбирая тех из них, кто ему понравился. Но чаще всего это ему не удавалось, и он предпринимал все новые и новые попытки.

В конце июня в жаркий полдень, покинув пляж, он возвращался домой.

Обгоняя на крутой бетонной лестнице двух молодых женщин, Воронцов услышал:

— Как тяжело подниматься,— пожаловалась брюнетка.

— Ничего, потихоньку дойдем,— успокаивала ее блондинка.

— Кто бы подал руку? — сказала брюнетка, увидев Бориса, обгоняющего их.

Поведение женщины подсказывает лучший способ знакомства с ней, и Воронцов воскликнул:

— Я! — и подал руку незнакомке.

Брюнетка протянула свою миниатюрную ручку и, улыбаясь, изрекла:

— Спасибо. Меня зовут Светлана. А вас?

— А меня Борис,— ответил Воронцов и ощутил в своих пальцах нежную кожу незнакомки.

На следующий день они, как и договорились, встретились вдвоем на диком малолудном пляже. Морская вода здесь была чище, чем на пляже городском.

В ходе разговора Светлана сообщила, что приехала отдыхать из Красноярска и работает переводчиком в Интуристе.

Потом они бултыхались в воде, как дети, смеялись, обдавали друг друга теплой морской водой и, стоя на месте, опускались в воду с головой и затем пружинкой выпрыгивали из нее.

Когда Борис в очередной раз вынырнул из воды, то увидел: бюстгальтер у Светланы сполз вниз. Первый раз в жизни он смотрел на обнаженную женскую грудь. Испытав обжигающее чувство любопытства и испуга одновременно, он нырнул, и уже проплывая под водой, подумал: «Наверно, она, прыгая в воде, не почувствовала, что лифчик сполз вниз». Еще проплыв несколько секунд, чтобы женщина успела привести себя в порядок, он вынырнул и увидел, что чепчик для близнецов был на месте. Они продолжили смеяться, ладонями обрызгивать друг друга и погружаться в воду. И вскоре Борис, высунув в очередной раз голову из воды, второй раз увидел обнаженную грудь. Он сразу же нырнул. «Это уже не случайность»,— решил он и отплыл подальше.

Любовь рождается там, где рождается восхищение. Однако восхищения эта женщина у Воронцова не вызывала.

Это было их единственное свидание, которое закончилось взаимной неудовлетворенностью.

За летние каникулы еще две зрелые женщины пытались соблазнить его, но он уклонился. И правильно сделал: в бесстыдстве гибнет душа и рано стареет тело.

Первого сентября Воронцов появился в новой для себя школе. Когда он зашел в кабинет десятого класса, к нему приблизилась уверенная в себе красивая девушка и сказала:

— Я Жанна Лепешинская, староста класса. Сидеть будешь здесь, - и показала пальцем на парту.

— Хорошо,— машинально промолвил Борис.

Он смотрел в голубые глаза Жанны и больше ничего не видел. Ничего! В этот

миг она действительно была невероятной красоты, излучавшей совершенство женских форм.

Это была любовь с первого взгляда. Такого в жизни Воронцова никогда не было, даже с Галей Кузьминой.

Лепешинская, по мнению большинства учителей и учеников, считалась первой школьной красавицей. К тому же она всегда была красиво и модно одета, в ушах золотые сережки, на пальце — дорогой перстень.

Школа, в которую пришел Воронцов, во многом отличалась от той, в которой он учился раньше. Многие старшеклассники имели дорогую одежду, носили импортную обувь, на их пальцах и ушах поблескивали золотые украшения. Почти у всех учеников были зонты от дождя, чего не было в предыдущей школе.

Субботними вечерами многие одноклассники Бориса собирались и, выпив вина, шли на танцы. В предыдущей школе ничего подобного Воронцов не наблюдал. А когда он пришел на первый школьный вечер, увидел, что только у него одного хлопчатобумажная белая рубашка. У всех остальных ребят белые рубашки были нейлоновые. Нейлон тогда только начинал входить в моду.

С первых же дней Воронцов начал получать сплошные «пятерки» по всем предметам. Еще год назад, кроме тетради для незнакомых слов, Борис выделил и тетрадку, в которую заносил наиболее понравившиеся ему крылатые слова. Была там и такая запись: «Капли знания точат глыбу невежества». Хозяин тетради не забывал эту мысль.

В коллективе всегда есть место для лидера. И это место, как сразу понял Борис, занимала Жанна.

Первое впечатление — это всего лишь оболочка восприятия. Чувство — материя хрупкая, оно может затвердеть только с помощью разума.

В последующие дни Борис стал замечать в поведении Лепешинской то, что ему очень сильно не понравилось. Она бесцеремонно отдавала распоряжения всем без исключения одноклассникам — и те спешили выполнить ее команды по подготовке к уроку, уборке класса или проведению каких-либо мероприятий. Временами ветер высокомерия сдувал у Жанны остатки ума.

Она так часто выходила из себя, что протоптала тропу. Ее голос был слышен каждый день, и в нем нередко звучали оскорбительные выпады в адрес школьников. Одноклассники видели несправедливость Лепешинской, но активно не протестовали. Чувство справедливости есть у всех, но многие с ним успешно борются.

И у Воронцова началось меняться отношение к Жанне. А еще через неделю он удивился: как он мог вообще влюбиться в эту куклу? У Бориса уже появились первые ростки неприязни к ней.

Прошла еще одна неделя. В воскресный сентябрьский день на диком пляже собралась примерно половина класса — отметить день рождения Жанны Лепешинской.

Присутствовала там и Валя Смирнова. Она была из бедной семьи и несколько лет мечтала приобрести надувной матрас. Прошедшим летом она подрабатывала в столовой и купила наконец-то эту вещь. Борис ртом надул этот новый матрас и передал хозяйке. Но Вале не удалось им воспользоваться.

Временами волна самолюбия накрывала Лепешинскую с головой. Так случилось и сегодня: весь день она сидела или лежала на этом матрасе. А Вале пришлось сиротливо ютиться на камнях.

В конце мероприятия Воронцов не выдержал и взорвался. Он подошел к Лепешинской и в присутствии одноклассников решительно заявил:

— Так с товарищами не поступают. Принесла бы свой матрас и валялась на нем...

— Не лезь не в свои дела, — огрызнулась Жанна. — Только пришел в наш класс — и уже пытаешься командовать. — И с нескрываемой злостью добавила. — Никогда не забывай: для нас ты всегда будешь чужаком.

— А ты останешься в памяти одноклассников как глупое и наглое существо, достойное презрения и забвения,— отрубил Воронцов и отошел в сторону.

Таких слов никто из учеников никогда Лепешинской не говорил. И чтобы как-то отомстить, на следующий день Жанна во всеуслышание заявила:

— Воронцов влюбился в Смирнову — вот и заступает за нее...

Это еще больше разозлило Бориса: Валя Смирнова была невзрачной девочкой маленького роста.

Конфликт между Воронцовым и Лепешинской шел по нарастающей — и стена неприязни росла между ними каждый день.

Так и не помирившись, они и дожили до выпускного вечера.

3

Прошло пятьдесят три года. За это время Борис Петрович Воронцов успел окончить военное училище, академию, прослужить в армии почти сорок лет и затем поработать на гражданке. Во время отпусков со своей семьей периодически приезжал к родителям в Сочи. Три раза случайно встречал Жанну Лепешинскую. Первый раз она отвернулась от него и сделала вид, что не заметила одноклассника. Еще два раза они без энтузиазма поздоровались — и на этом неполноценное общение завершалось. Судя по выражению лица Жанны, эти встречи не вызывали у нее положительных эмоций. Юность не уходит, она остается в душе и периодически напоминает о себе.

Воронцов служил под диктовку времени, хотя текст далеко не всегда был ему по душе. В отставку вышел в звании полковника. На постоянное жительство в Сочи вернулся пять лет назад, когда отец и мать покинули этот мир. Квартиру в Волгограде оставил уже взрослому сыну. Сейчас проживает с супругой в родительском доме.

Супруга для Бориса Петровича была не просто женой, а главным счастьем в его жизни. Трудно приобрести счастье, еще труднее сохранить его. Но Воронцову посчастливилось достичь и первого, и второго. Супружество — это двое в одной упряжке, но хомут нередко у одного. К счастью, в его семье такого не наблюдалось. Общение с другими людьми требует одаренности, для общения супругов нужен талант, ибо бытовые и иные проблемы не покидают семейные пары и душат своим постоянством. Более красивой (каждый молится на свою икону красоты) и порядочной женщины он в своей жизни не встречал.

Жена Воронцова понимала, что семейный очаг — это не помещение, а тепло, которое царит в нем. Поэтому Борис Петрович и продолжал любить ее.

Трудно забыть то, что легко вспомнить. Вспоминая женщин, с которыми у него были близкие или не очень отношения, Воронцов пришел к выводу, что в любви всегда есть что-то необыкновенное, но истинное чудо — это супружеская любовь.

Не зря говорят: когда виски покрываются серебром, в голову приходят золотые мысли.

И вот как-то неожиданно к Воронцову в январе этого года подкралось семидесятилетие, которое он собрался скромно отметить у себя дома в кругу своей супруги и двух приятелей с их женами. Еще обещали прилететь из Волгограда сын и дочь, а также старый армейский товарищ.

Получив от супруги список продуктов, Воронцов сел в свою Ладу-гранту и поехал в «Магнит» за покупками. Там он заполнил коляску многочисленными бутылками, мясными, молочными и прочими запасами. Подкатив коляску к кассе, он начал выкладывать на прилавок купленное. Перед ним расплачивалась пожилая женщина, одетая в изрядно поношенную куртку; на голове у нее был какой-то уж совсем неприлично старый платок. Борис мельком увидел только профиль этой женщины.

— С вас триста семнадцать рублей,— сказала кассирша покупательнице.

— Ой, а у меня только триста рублей,— испуганно ответила, как показалось Воронцову, старушка.

— Семнадцать рублей возьмете с меня,— машинально предложил Воронцов кассирше, продолжая выкладывать на прилавок набранные продукты.

— Спасибо, Боречка,— услышал Воронцов и, взглянув на лицо покупательницы, опешил. Это была Жанна Лепешинская.

Борис Петрович так растерялся от неожиданного оборота событий, что не смог вымолвить ни слова.

Когда сел в машину, подумал, что зря он не сказал Жанне хороших слов на склоне лет. Ведь угли в затухающем костре напоминают нам, что и в конце жизни можно дарить людям тепло.

Александр Александров
(г. Санкт-Петербург)

МЕФОДИЙ

Александр Григорьевич Александров (Каськинский) родился в 1938 году в Татарстане, деревня Каськи, в большой крестьянской семье. Закончив экстерном школу, поступил в Саратовский политехнический институт, после окончания которого долгое время работал на севере Тюменской области в крупном проектно-институте главным инженером проектов. Позднее закончил Институт марксизма-ленинизма с отличием, но, к сожалению, не был коммунистом. Начал писать в 2000 году. Выпустил пять книг, печатался во многих журналах и альманахах.

*Самое лучшее сосновское поле,
засеянное кукурузой,
было сплошь затянута желтым молочником.*

Василий Белов

*С добрым утром!
И поля, и доли,
Мостик через речку и земля,
И тропинка к лесу, по которой
С бабушкой иду веселый я.*

В. Морозов

Без большой надобности Мефодий и раньше редко покидал свою Ивановку, а когда перевалило за пятьдесят — дальше сельсовета ни на шаг.

Деревню свою он полюбил с самого раннего отрочества, с тех пор к ней всей душою и прикипел. По сей день помнит, когда уходил в армию, прощаясь с Ивановкой на три года, плакал навзрыд. Словно невесте клялся, что вернется сразу же, как закончится служба. И ведь вернулся! Нигде ни на одни сутки не задержался. Алешка, с которым свела его армейская дружба, как уж ни зазывал Мефодия к себе в гости в Москву хотя бы на пару дней, но так и не смог уговорить.

— Ты уж прости меня, Алексей, когда уходил в армию, слово дал, что заезжать никуда не буду, а сразу же, как только отслужу, вернусь к себе в Ивановку.

— Но не невеста же она, в конце концов, три года ждала, может и еще подождать! Поживешь у меня, помотришь на красавицу Москву, а потом махнешь в свою Ивановку, никуда она от тебя не убежит!

— Москва, конечно же, красивая — я тебе, Алексей, верю. Но и ты, дружище, пойми: краше нашей Ивановки, по-моему, нет больше ничего на всем белом свете! Ни на какую Москву ее, милую, не променяю! Скажу по секрету, на последнем году службы дни считал. Сколько раз видел во сне, как в пойме за околицей, укрытые на

утренней зорьке пенистым туманом, дремлют пахнувшие ароматом летнего разноцветья горбатые стога сена.

— А какие у нас, Алексей, полыхающие закаты!.. Что уж тут скрывать: спеленала мое сердце и душу Ивановка, да и о запахе родной земли соскучился,— ответил своему другу Мефодий, а на прощание добавил: — За приглашение посмотреть Москву большое тебе спасибо, но лучше, Алексей, сам приезжай к нам — не пожалеешь! Знаешь, какие у нас поля?! Их надо видеть!.. Может, кто-то и скажет: «Подумаешь, невидаль какая!» Вот здесь-то он и ошибется! Только русское поле можно сравнить с песней — надо лишь уметь эту умиротворенную красоту видеть и слушать! Днем, обласканное пением птиц, оно вместе с жаворонками под огромным куполом неба купается в голубом сиянии, а ночью, не нарушая покой людей, тихо разговаривает с землей и звездами.

Возьмем, к примеру, озимое поле! Ближе к маковке лета упругие волны созревающих хлебов, гонимые вольными ветрами, прямо от Ивановки величественными волнами катятся в сторону горизонта, туда, где рождаются утренние зори. Не пройдет и полмесяца, как однажды проснешься, а поле, омытое солнечными лучами, из изумрудного стало вдруг желтовато-салатовым, и только где-то на невидимом рубеже созревания, на фоне золотистого вечернего заката, тихо перешептывающиеся между собой налитые зерном колосья начинают отливаться шафрановым цветом. Смотришь на такие захватывающие дух просторы и не налюбуйешься! Если лес — легкие земли, то поле — это ее душа, и в разное время года по-своему прекрасное! Зимой, укутанное мягким снежным одеялом, оно отдыхает, слившись воедино с блуждающими над ним перистыми облаками. Весной же, находясь под влажным куполом неба, поле быстро сбрасывая с себя зимнюю одежду, и начинает жадно впитывать свежие весенние струи воды, а так же воздуха, делая первый вдох после зимней спячки. А родники, представляешь, они бьют прямо из глубин земли! Отопьешь глоток такой водички и сразу на несколько лет помолодеешь. Нет, Алексей, такую божественную красоту не променяешь ни на какие города!..

Мефодий расхваливал Ивановку, а сам уже мысленно был там, где на дальних окосях уральских холмов затерялась его деревушка...

* * *

После армии в холостяках солдат ходил недолго, рассудил он так: «В армии меня учили дисциплине, а не околачиваться без дела и каждый день с «друзьями» ходить по дворам, безо всякой меры хлестать с ними всякую хренавуху*! Поэтому перво-наперво надо жениться! С хозяйкой ночь в доме только в радость, а там и не заметишь, как ребятишки повалят, тогда и жизнь приобретет иной смысл. Глядишь, под старость лет Ивановка мне спасибо скажет, когда для нее настругаю дюжину ребятишек».

Прикинув все плюсы и минусы, Мефодий стал для себя присматривать невесту. И хотя до армии ни с кем из местных девчонок не якшался, но на примете все же одна была. Еще в школе нет-нет да и дернет ее за косички, а она развернется, огреет его сумкой по спине, бросит обидное «дурак» и убежит к скучившейся стайке своих подруг. Звали девушку Кланька. Когда уходил в армию, она призывника не провожала, а он кроме как своей деревни в любви никому больше не признавался и обещаний никаких не давал. Может поэтому и служилось легко — знал, что его верная подруга Ивановка не изменит и из армии обязательно дождетя.

* Хренавуха — самогон настоян на хрене.

* * *

Но Кланька, пока он нес службу, его ждала и где-то в душе надеялась на взаимность.

В семье девушка была пятым ребенком. Закончив десять классов, не поехала, как другие, в город за большими деньгами, а осталась работать на ферме, ухаживала за молодыми телятами.

Втайне девушка Мефодия все же любила, но об этом, упаси Бог, никому не говорила. Лишь по ночам, вспоминая школьные годы и раскаиваясь в своих, как ей казалось, необдуманных тогдашних поступках по отношению к любимому, боролась с желанием тотчас же соскочить с кровати, сесть за стол и в письме признаться служивому в своих чувствах. Но, поразмыслив и успокоившись, себе же говорила: «Правильно, что получал от меня сумкой, ведь только одного его, дурня, и любила!» И только под утро, уткнувшись лицом в подушку, девушка засыпала с думой о солдате.

* * *

Шумной свадьбы устраивать не стали. Собрались самые близкие, посидели, прокричали «горько», а затем молодые незаметно от гостей отправились на сеновал, где для них заранее была приготовлена мягкая постель. Однако, трудно было сказать, кого больше любил Мефодий — свою Ивановку или Кланьку. Но уже то, что невеста была из этой же деревни, для него означало, что выбор им сделан правильный, потому и радовался жизни, которая, как он считал, была дарована ему Богом. Жена попала работающая, да и сам Мефодий в деревне был не последним человеком. Никакой работы не чурался. Кем только не работал: плотником, комбайнером, косцом, и даже на ферме из-под коров навоз приходилось выгребать. В таких случаях он рассуждал так: «Не важно, кем работаю, главное, чтобы мой труд приносил пользу Ивановке и ее жителям!» Может, оттого и жизнь у них с Клавдией сразу заладилась, вот только детей почему-то долго не было. Прошло почитай года два, когда родилась дочка. Назвали Анной — в честь его матери, а еще через год появился сын. Вопрос, как назвать новорожденного, не стоял — нарекли Иваном, в честь деревни Ивановки.

За ежедневными заботами не заметили, как выросли дети, и вылетев из родительского гнезда, в деревню наведываться стали редко. Так и живут Мефодий с Клавдией вдвоем, поддерживая на должном уровне свое небогатое хозяйство.

Однажды, укладываясь спать и думая о планах на ближайшие дни, Мефодий вслух посетовал: «Не мешало бы кое-какой рабочий инвентарь обновить, вот только плохо, что лавки в Ивановке не стало. Раньше хоть какой-никакой, а магазинчик был, теперь и его не стало, по каждому пустяку надо сигать в район за тридцать километров».

Все бы ничего, но для Мефодия покидать деревню — это было сущее наказание. Засыпая, он и не заметил, как властные руки сна, освобождая хозяина от лишних забот, легко перенесли его от дома на тридцать километров — в тот самый захолустный районный городишко, куда так не хотелось ему ехать.

Оказавшись в не желаемом месте, и к тому же, как он прикинул, придется заночевать, для начала решил найти адрес заезжего дома. Устроюсь с жильем, а уже потом можно отправиться за покупками, хотя скитаться по чужим углам и кормить клопов страсть как ему не хотелось. Разыскивая ночлежку, по пути Мефодий все же заглянул в магазин, где в одном из отделов невольно обратил внимание на продавщицу — девушку необыкновенной красоты. Движения ее были грациозны, в глазах светилась синь безоблачного неба, а щеки отливались глянцем, отражая блики света, падающие от люстры. Обслуживала она быстро, словно всем желающим товар раздавала бесплатно, а покупатели, обзаведясь нужными им вещами, уходили умиротворенные обаянием девушки.

«Где же я раньше видел эту красавицу?» — озадачился Мефодий, не отрывая взгляда от работницы прилавка, даже позабыв, зачем сюда зашел. Но так и не вспомнив, вышел из магазина и отправился на поиски ночлега. Устроившись и не переставая думать о девушке, решил прогуляться. Прошагав от гостиницы несколько метров и словно обо что-то споткнувшись, резко остановился: «Ба, да это же Марина Влади!» Еще будучи солдатом, запомнил ее по фильму «Колдунья»!

«Точно, она! Но почему работает в магазине, да еще в этом захолустном городишке?» — стал размышлять Мефодий, и, немного побродив по пыльным улицам, решил вновь заглянуть в тот самый магазин, чтобы окончательно убедиться в своем неожиданном открытии.

До закрытия магазина оставалось не более часа. Мефодий остановился напротив того самого отдела и внимательно, не отрывая взгляда, начал снова наблюдать за девушкой. «Нет, все-таки это не Марина Влади, хотя очень похожа, — подумал он, всматриваясь в черты лица продавщицы. — А впрочем, мало ли людей на кого-то похожих! В молодости и мне часто говорили, что я похож на такого-то артиста, хотя подобные сравнения страсть как не нравились». В таких случаях Мефодий отвечал: «Уважающий себя человек обликом и характером должен быть похож только на самого себя и ни на кого более»!

Пока Мефодий был занят размышлением, девушка подошла к нему и, обращаясь как к давнему знакомому, тихим голосом прошелестела:

— Ты подожди, я сейчас, рабочий день у меня уже закончился!

Через несколько минут девушка снова подошла, молча взяла Мефодия под руку, и не оговаривая, вышли из магазина. Шли тихими закоулками, не проронив по дороге ни слова, пока не оказались в уютной однокомнатной квартире. Посредине комнаты стоял стол, на столе бутылка шампанского и свеча. Рядом, притуляясь к стене, покоилось кресло, а напротив, у другой стены, ближе к кровати, стояла скамейка — та самая, что у него дома в Ивановке.

«Какая-то чертовщина, — подумал Мефодий, — как она могла оказаться здесь — в тридцати километрах от дома?» Не найдя ответа, он зажег свечу, выпили шампанского и, потушив свет, оба отдались любовной страсти. Мефодий страстно ласкал упругое тело девушки, целовал глаза, щеки, губы, которые запомнились ему там, в магазине. Удовлетворив свое сладострастие и по-прежнему ни о чем друг друга не расспрашивая, заснули крепким сном. Сколько времени он спал, неизвестно, но когда проснулся, было еще темно. Осторожно, чтобы не разбудить девушку, Мефодий поднялся с постели и потянулся рукой к креслу, куда с вечера положил одежду, однако ее на месте не оказалось. Когда же начал искать пропажу, вдруг увидел перед собой сидящих на той самой скамейке двух мужчин, а рядом, возле одного из них, на краешке лежала его одежда. Они сидели и молча наблюдали за любовником.

«Похоже, влип, черт меня дери! — промелькнуло в голове Мефодия. — Наверняка один из них муж этой цацы. Что же она, мать ее за ногу, ничего мне о нем не сказала? Хотя я тоже хорош — словно молодой бычок, на веревочке за ней поплелся. Кровь, видишь ли, выиграла, на шкварочки потянуло, хрен старый! Тут, пожалуй, похорошему не отбояриться! Ну что ж, так тебе и надобно! Позарился на вишенку, а отведать придется полынь-травушки».

Пока он мысленно проклинал себя за свою опрометчивость, один из сидящих коротко бросил:

— Одевайся! — и швырнул к ногам Мефодия одежду.

«Все, похоже, тебе крышка! Кто бы мог подумать, что так все получится. Поехал по делам, а тут на тебе, попал как кур в ошип! — и мысленно обратился к своей Клавдии: — Ты уж прости меня, старого дурака, если, конечно, сможешь. Похоже, больше не свидимся, прощевай».

Не успел он произнести слова прощания, как с постели, в чем родила мать, поднялась красавица и, подойдя к кавалеру, принялась его целовать.

«Только этого мне сейчас не хватало! — подумал Мефодий, слегка отталкивая от себя женщину. — А может, она тоже со мной прощается?»

— Пошли! — приказал ночному гостю тот же мужчина, вставая с лавки.

— Ты что же, его отпускаешь? — спросил второй.

— Нет, я его провожу за околицу, в ту сторону, откуда он пришел, а там видно будет...

Шли молча, а когда надоело играть в молчанку, не оборачиваясь, Мефодий произнес: — Со мной можешь делать что угодно, только женщину не тронь, она не виновата — это я, старый мерин, за ней поплелся!

Мужчина на высказывание ночного гостя ничего не ответил. За околицей он остановился, а Мефодий, так же не оглядываясь, пошел дальше, думая лишь об одном: «Сейчас прогремит выстрел, пуля, выпущенная во след, навсегда разлучит меня с Клавдией и Ивановкой». Шел долго. Когда миновал попавший на пути незнакомый ему лесной массив и вышел на неизвестную стройку, спросил первого попавшегося человека: «В какой стороне находится деревня Ивановка?» Тот в ответ лишь пожал плечами.

Солнце уже подбиралось к маковке небосвода. От осознания того, что никто не слышал о его Ивановке и не знает, в какой стороне она находится, в испуге Мефодий проснулся...

Некоторое время лежал неподвижно, а когда на своей груди почувствовал мирно покоившуюся руку Клавдии, остатки сна улетучились окончательно. Сначала свободной рукой Мефодий погладил знакомую руку жены и, убедившись, что с ним рядом действительно его Кланька, он стал вспоминать детали уходящей ночи. Но, сделав неожиданное для себя открытие, и испугавшись, чуть было не закричал: «Это же Леха сейчас меня провожал за околицу, мой армейский друг! Но почему он по-прежнему молодой и красивый, каким был много лет назад при расставании в Москве. Вот, оказывается, почему Алексей отпустил меня с миром! Что же получается? Выходит, я, мерзавец, с его бабой переспал?!»

Мефодий мгновенно вскочил, по спине неприятно пробежала холодная струйка пота. «Какой же оказывается я негодяй, и кто бы мог подумать, что на такое способен!»

Клавдия проснулась и, увидев мужа сидящим на кровати, с раздражением высказалась:

— Всю ночь не давал спать, то ни с того ни с сего начинал во сне меня тискать, то отталкивал, потом принимался кого-то ругать! Чего тебе не спится-то? Аль сон какой привиделся?

Мефодий на ворчание жены ничего не ответил. Тогда Клавдия демонстративно повернулась к нему спиной и, отодвинув мужа на край кровати, снова заснула, а может только притворилась спящей.

«Кто их, баб, поймет? — недовольно буркнул Мефодий, бросив взгляд в сторону отвернувшей жены. — Нет, надо завтра же, а вернее уже сегодня Лешке написать письмо и повиниться! Вот негодяй, вот стервец, на бабу своего друга позарился, как будто своей мало!» И слегка, словно в ночном происшествии была виновата Клавдия, отодвинул ее к стене.

«Напишу, сегодня же напишу ему письмо, возможно, и простит! А эта цаца тоже хороша — не сказала, что замужем за моим другом! Да что я бабу-то виню? Сам пошел за ней, как телок несмышленный. Мог бы и спросить, кто она, прежде чем идти. Поэтому нет мне прощения и перед Лехой, и перед своей Клавдией! Выходит, я слабаком оказался, не устоял перед обжигающими чарами, вот они напавал меня и сразили! Так тебе, волдоку, и надобно, в следующий раз будешь умнее и на пер-

вую попавшуюся кралю бросаться не будешь! Вот и обновил хозяйский инвентарь!»

— На кого ты ворчишь? — снова повернулась к нему Клавдия, и, обняв мужа, прижала к себе.

В объятиях жены Мефодий снова заснул тревожным сном. Утром из-за чувства неподдельного стыда перед армейским другом и перед женой не мог смотреть Клавдии в глаза, а когда она спросила, не поедет ли он сегодня в район за инвентарем, Мефодий с раздражением в голосе бросил:

— Да погодь ты со своим районом, вот привязалась, чать, никуда твой район от меня не убежит!

Клавдия промолчала, поняв, что муж встал не в настроении.

Геннадий Опарин
(г. Тула)

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Геннадий Леонидович Опарин родился в 1965 г. в пос. Листвяги Кемеровской обл. В 1975 вместе с родителями, отправившимися на строительство шахт, переехал в пос. Грицовский Тульской обл. С 1983 по 1985 проходил службу в ВМФ СССР. Дослужился до прапорщика, секретаря комсомольской организации морской бригады Северного Флота. В 1990 поступил в Мурманский пединститут на отделение «Педагогика и психология». В 1993 вернулся в пос. Грицовский. Автор проектов и организатор международных культурно-просветительских конкурсов «Толстой и Кавказ», «Толстой и Казахстан», «Толстой и Украина». Работает над исследованием «Толстой и ислам». Автор более ста статей в газетах и журналах, а также двух книг: «Призраки далекого берега» и «Пироговские имения графов Толстых». Награжден знаком «За дальний поход», медалью «За безупречную службу в Вооруженных Силах» 3-й степени (1998). Почетный гражданин Хунзахского района (Дагестан).

(Центральная Африка, 198... год).

Он служил на Крайнем, но ближнем Севере. Кольский полуостров, хотя и считался «краем непуганых птиц и идиотов», был цивилизован куда лучше, чем заплоярная Сибирь, и до двух главных городов Союза лета от аэропорта Мурмаши было почти одинаково, около двух часов. Хочешь — в Москву, хочешь — в Ленинград.

Гражданские морячки Торгфлота и Севрыбы, зарабатывавшие куда больше, чем мы, «вояки», могли позволить себе слетать в Ленинград, чтобы попить пивка и поболтаться по Невскому. Красота.

Он очень любил Север с его самыми что ни на есть на белом свете настоящими, чистыми голубыми озерами, каменными валунищами, упрямой живучей растительностью и высоким, близким к вершине Земли небом.

По красивой болтовне он не был большим мастаком, но поговорить любил, и иногда с особенно очаровательной собеседницей мог отпустить тормоза стеснительности и почитать наизусть хоть самого П. Верлена: «Душа у вас изысканна, как сад, где бродят маски...». Он был в обиде на Поля В., когда узнал некоторые подробности его биографии, о которых в нашем стыдливом Советском Союзе предпочитали не писать и даже не говорить, не портя биографий великих литераторов и композиторов черными страницами. Когда-то, еще в музыкальной школе, его преподаватель по классу гитары Сан Саныч Зорькин говорил: «От ХЛАМа (художников, литераторов, актеров и музыкантов) можно ожидать всего, чего хочешь и не хочешь, причем чаще — того, чего не хочешь». Помня заветы учителя, он на богему предпочитал смотреть издали, от греха подальше. Хотя очень тянуло поближе.

Если стихи считать грехом, то ими-то он грешил с самого детства, но больше для себя и иногда — для особенно нравившейся девочки. А как удержаться от писания в заветную тетрадку, глядя на северные красоты? Даже зимой: ночь, бескрайние снега, северное сияние... Но в морской пехоте это было как-то не принято (не по-мужски).

Безопаснее было про поэзию помалкивать, не то, не дай Бог, придумают какой-нибудь позорный позывной, типа «я поэт, зовусь Незнайка, от меня вам балалайка», хотя, сами того не зная, парни в бригаде с удовольствием пели несколько песен с его текстами. Авторства своего он не афишировал, но в душе популярностью этих песен среди сослуживцев гордился.

Не сказать, что он был парнем очень уж скромным, но раздолбаем тоже не был. В общем, в рамках... Хотя иногда заносило так, что было совсем невозможно предположить, куда вынесет — но это если вовремя не остановиться. Остановиться удавалось далеко не всегда и далеко не во всем. Вот и сейчас...

Еще неизвестно, чем все это обернется по прибытии в родной Союз, куда «Дракон Заполярья», то есть БДК «Комсомолец Карелии», направлялся после БС. У нас ведь как: или дождь рублями, или град камнями. А главное, никогда не знаешь, чего точно ждать, но хорошего лучше не ждать вовсе, потому как, скорее всего, или на Колыме сгноят, или до смерти зацелуют.

Во всех воинских частях БРАВ и МП Северного флота ходила одна очень и очень похожая на правду легенда про штабного подполковника Магрина. Во время очередного конфликта с «америкосами», грозившего перевести «холодную войну» в горячее русло, тогда еще командовавший батареей ПТУР лейтенант Магрин находился в составе десанта на одном из БДКов Северного флота, бороздящих Мировой океан вдали от родных берегов. Батарея его была раскреплена на верхней палубе и зачем-то несла боевое дежурство по ПВО.

Как-то в нейтральных водах Средиземного моря, где американские самолеты постоянно на грани дозволенного Международным морским правом провоцировали советских военных моряков на конфликты, на БДК прозвучала боевая тревога.

Весь экипаж и десант, находящиеся на корабле, разбежались по боевым постам и замерли в тревожном ожидании. Американский истребитель «Фантом», грубо поправ все международные договоренности в отношении иностранного военного корабля, зашел на «боевой галс», как для боевой атаки, и пронесся очень низко над нашим десантным кораблем. Потом, развернувшись и сделав круг, обнаглевший «янки» решил повторить оскорбительный вояж.

Сидевший у пульта оператор ПТУРС, всегда спокойный и даже флегматичный вологодский парень Витя Камков, неожиданно с ненавистью сказал:

— Товарищ лейтенант, да они в конце охренели, эти американцы. Глядите, он снова заходит. Вот бы засадить ему ПТУРом в брюхо. А?!

Лейтенанту Магрину тоже было обидно «за Державу», и он, по-честному приняв на себя ответственность за решение, приказал:

— Точно, охренел империалист! Совсем совесть потерял. Давай, вали его! Огонь!

— Есть!

И вологодский парень Витя навел управляемую противотанковую ракету, летящую тогда еще очень медленно и таскающую за собой кабель управления, на сверхзвуковой американский истребитель и нажал спуск...

Видимо, тот самый американский «Фантом» и русская противотанковая ракета были действительно созданы друг для друга и потому, вопреки всем теориям и практикам, встретились в мирном солнечном небе над лазурным Средиземным морем.

Что может остаться от маленького самолетика после встречи с ракетой, рассчитанной на десяток тонн танковой брони? А ничего. Просто ничего. Только всполох на экранах советских и американских радаров.

Что тут началось! Лейтенанта — под арест, бойца — в карцер. Следственную комиссию на борт. Виновников расстрелять, повесить, а потом еще пропустить через мясорубку, а фарш скормить морским хищникам. И так желательно десять лет подряд. Но...

Высшая справедливость есть, и ее наличие не должно вызывать у личного состава никаких сомнений. Только вот до нужного места она у нас доходит в очень усе-
ченном земными (и морскими) реалиями виде.

Наводчик ПТУР Витя Камков, уже поседевший от ужасов допросов и застен-
ков, получил медаль «За боевые заслуги». Старший лейтенант Магрин был награж-
ден орденом Красной Звезды, но выше подполковника так за всю жизнь и не под-
нялся. Видно, таких решительных офицеров необходимо держать от власти и греха
подальше.

...А что с ним сделают за эту дурацкую, так и не состоявшуюся дуэль? Неведомо,
но изрядно боязно. Хотя, что с ним могут сделать? Он ведь так никого и не убил.

Хотя могут посадить как раз за это... Да ну, меньше взвода не дадут, дальше
Кушки не пошлют... Разве что выгонят в народное хозяйство. А что? Тоже неплохо.
Остаться на Севере, пойти работать в какой-нибудь «тюлькин флот» и жить себе как
человек.

Нервы здоровые, зарплата отличная, времени — куча: хочешь — прозу пиши про
Север, как Коневский, хочешь — стихи, как Стивенсон в переводе С. Маршака.

А может, и ничего еще, обойдется. Медаль или орден, конечно, не дадут, но, мо-
жет, и утрясется как-нибудь. Он ведь не от врага и не с врагом заодно, он ведь за
честь и достоинство родного Советского Отечества.

А то, что он в их сраной Гринее «персона нон грата», да на это плевать. Их Кана-
ри, он ведь не Ленинград и даже не Москва, и тем более не родной Н-ск. Но как его
угораздило?! Ведь начиналось все очень даже прилично.

По договоренности с Революционным Правительством Республики «Дракон»
прибыл в столичный порт. Офицеры, прапорщики, мичманы и сержанты сверхсроч-
ной службы были приглашены на дипломатический «междусобойчик».

Нагладились, начистились, надели ордена, медали и юбилейные значки, повесили
на парадные ремни кортики и поперлись в гости. Все. Все, за исключением вахты, под-
вахты и особиста. Бывший контрразведчик, ушедший из «конторы» по ранению майор
в ответ на вопросы о его нежелании участвовать в официальном мероприятии отвечал:
«У них обезьяны сильно расплодились и наносят серьезный ущерб банановым планта-
циям, что, в свою очередь, приносит убытки экспорту Республики. Президент разре-
шил их отстреливать. А куда девать мясо? Куда девать богатое белками, жирами и ви-
таминами мясо? А?! Поэтому вы идите, жуйте обезьянину, а я перебежусь советской
тушеной говядиной в банках. Да и до их спиртного я небольшой охотник. Идите, пейте,
ешьте, веселитесь, но без меня». Народ призадумался, да делать нечего...

Вначале все было чинно-благородно, согласно протоколу и этикету: пять минут
на «здрасте», двадцать минут на «официальные речи», пятнадцать минут на «шам-
панское с трепом» и пять минут на «привет хозяевам». Потом был общий фуршет за
узким, по-ихнему накрытым столом, но с русской водкой. Перед каждым из наших
парней стояла тарелка с каким-то аппетитно выглядевшим мясом, одетым на шпажки
и красиво уложенным на местную зелень.

Выпили по первой, потом по второй, потом по третьей, но, помня слова ветерана
контрразведки, к мясу не притрагивались. Хотя жрать по вечерней прохладце очень
даже хотелось.

Все начали подбивать его на жертвенную, ради боевых товарищей, дегустацию:

— Ты же срочную коком служил на корабле. Ну, попробуй. Местные гляди как
трескают, за обе щеки. Ты же разбираешься в мясе.

— Я на своем корабле обезьяньего мяса не готовил и в его вкусе не разбираюсь.

— Да перестань, какая, прости Господи, обезьяна. Ну, попробуй. На вид вроде
прилично, и африканским товарищам очень даже нравится. Попробуй, а?

— Ну и пробуйте сами. Я не голодный, до корабля потерплю.

— Ну, интересно же, как оно!

Он подумал, собрался с силами и решился на жертву: взял одну шпажку и опасно откусил небольшой кусочек мяса. Оно было не совсем привычно на вкус, но очень напоминало шашлык. А под водку-то — вообще прелесть.

— Мужики, оно того... очень даже. Почти как шашлык у нас в Союзе.

— Честно?

Стоявший напротив него важный африканский военный, с головы до ног обвешанный побрякушками и с огромной кобурой на поясе, вдруг пьяным голосом, но на приличном русском языке нахально сказал:

— Как у вас в Союзе? Да у вас все говно и нищета! Я учился в «Патриса Лумумбы» и шесть лет прожил в вашей вшивой Москве. Там только проститутки стоящие — красивые и дешевые. Га-га-га!

— Ты че сказала, обезьяна?! Это где все говно? Да ты только с пальмы спустился, а тебя уже в Москву. Да еще без ошейника и не в клетке!

За державу было очень обидно, как и за наших московских девчонок. Ну и что, что проститутки, они все равно наши, а наших — не тронь. Рубероид недоделанный!

— Знаешь, где я вашу Москву видел?

— Ну, где?

— В п...е!

Видно было, что иностранный студент Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы был парень неглупый, проницательный и времени в Москве зря не терял. Но тем хуже для него.

— Да я всю твою долбаную Республику на х... видал! Понял?!

И он, легко перегнувшись хорошо тренированным от корабельного безделья телом, ухватил «союзника» обеими руками за ворот парадной тужурки и, слегка приподняв, потянул на себя.

Уступающий ему в весе и гневе оппонент ухватился руками за его руки, пытаясь ослабить хватку, и заболтал ногами в воздухе, практически полностью перетянутый через узкий фуршетный стол. Тогда, опустив одну руку, африканец потянулся к кобуре.

— Ах, ты же, сука! Еще и за стволом тянешься! Да я тебя точно, как шашлык...

Кортик вынимался из ножен куда быстрее, чем «беретта» из кобуры, и потому уже через пару секунд офицер Республиканского флота мог судорожно трепыхаться на узком клинке златоустовской стали. Но... на него со всех сторон навалились однополчане.

— Ты чего, охренел, что ли? Ты же его зарезать мог! Ты чего, под трибунал захотел?! Хочешь кедры лобзиком в родной Сибири валить?!

— Да отпустите, говорю! Я его приколю, как бабочку, к картонке. Москва ему вшивая! Москвички ему проститутки! У меня там жена в институте учится! Проститутка?! Да я его, волка кирзового, зубами загрызу! Да я...

Его повалили на покрытую ковром палубу, прижали сверху и отобрали кортик.

— Да отпустите, говорю! Отпустите, предатели! Холуй африканские! Отпустите, говорю!

Его не отпустили, но поставили на ноги, крепко удерживая руки за спиной. Бывшего студента из «Лумумбы» тоже держали, но понежней, его кобура была растегнута и уже пуста. Обезоружили.

Упрямство республиканского морского офицера в другой обстановке и при других обстоятельствах непременно вызвало бы уважение, но сейчас оно вызывало только ненависть и слепую ярость. Особенно его дрожащий от волнения твякающий голосок, начавший путаться в русском произношении:

— Я тебя дуэль, козаял! (!!!) Пристреляю, как собачину. Выбирать оружие! В двадцать четыре с нол постреляемся! Я стрелю из «беретты». Ты, выбирать!

— А я из «Стечкина»! И я пристрелю тебя, как обезьяну на плантации.

Командир десанта ненавязчиво, но прочно державший ситуацию под контролем, тихо от плеча сказал:

— Езжай на корабль, получай «Стечкина», переоденься в «ПШ» и за полчаса до времени «Ч» будь здесь. Понял?

— Так точно.

— Давай.

Приехав на корабль, он вызвал дежурного по десанту:

— Мне надо получить «Стечкина» и двадцать патронов. Майор Данов в курсе, он сам приказал. Мне нужно время подготовить оружие и боеприпасы.

— Да, я знаю. Ты переодевайся, а я пока все принесу.

— Ага, давай.

Он быстро, но без суеты переделся в «ПШ» и хромовые сапоги. Руки слегка дрожали, да и всего его немного колотило и даже чуть подташнивало. В голове пронеслось: «Свинья грязи везде найдет, даже в этой Чунге-Чанге».

В каюту вошел дежурный в сопровождении трех самых крупных бойцов десанта.

— А эти зачем?

— Для верности.

Он повернулся к столу за стаканом воды, и вдруг мелькнуло прозрение, но... Сзади его уже схватили шесть крепких, как железные тиски, рук. Второй раз за вечер его повалили вниз и прижали к палубе, теперь корабельной.

Проворные, но подрагивающие руки дежурного офицера стягивали его руки за спиной узким брезентовым ремнем для брюк.

— Ты что же это, сука, делаешь?! Ты что же, сволочь, творишь?!

— Что надо, то и творю. Командир десанта майор Данов приказал тебя связать и держать в каюте под охраной. Понял? Ты не обижайся, потом сам спасибо скажешь.

— Ну, вы и... писец.

Ноги ему тоже связали ремешками-трениками. Бойцы аккуратно и даже слегка стеснительно — хоть не свой, но взводный — положили его на «отбойку».

Уже уходя, дежурный сказал:

— Ты не переживай, я тебе своего сержанта оставлю. Если ноги там или голова затекут, он тебя перевернет. А еще книжку тебе почитает, «Севастопольские рассказы» Льва Толстого. Знаешь такого?

— Да пошел ты...

— Ты не лайся, прапорщик. Командир десанта велел тебе из своих запасов фляжку «шила» отлить. Сержант тебе нальет. Хочешь — чистого, хочешь — разбавит. Так что ты сегодня на полном «гособеспечении», лежи — балдей. Ладно, до завтра.

Книга была проникновенной и неподдельно настоящей, как, впрочем, и «шила». Несмотря на пережитое волнение, родной писатель и родной напиток не только отвлекли, успокоили сердце, но и вернули душевное равновесие, а со временем погрузили в здоровый русский пьяный сон.

Снилось, что он куда-то бежит по очень красивой природе и не успевает ею полюбоваться — так спешит. Бежит и жалеет о том, что не успевает, а поделать ничего не может — надо успеть. Вдруг проваливается в яму и видит над собой только далекое синее небо и жалеет, что ничего больше не видно, а потом понимает, что и одного неба человеку — уже более, чем он заслуживает.

Разбудил его командир десанта:

— Ну что, проспался, скандалист и дуэлянт?

— Здравия желаю, товарищ майор. Проспался.

— Садись, поговорим.

— Сажусь.

Ноги-руки ему уже развязали, а когда — он, убей, не помнил, как не помнил, когда заснул.

— Сколько времени, товарищ майор?

— Не переживай. Двадцать четыре часа по местному времени уже давно миновало.

— А я не переживаю.

— Молодец. В общем, так. До возвращения на базу с корабля — ни шагу. А в порту — и из каюты ни шагу. До галюна и обратно, понял?

— Да. Так точно, понял.

— Ты пойми, у тебя, у нас не было ни одного шанса. Или он бы тебя убил, или их трибунал казнил бы тебя за убийство офицера по законам Революции. В общем, хоть круть-верть, хоть верть-круть — шансов выжить у тебя не было ни одного. А ты знаешь, я за вас за всех отвечаю головой и обязан вернуть на Родину живыми и здоровыми. Всех. Понял?

— Да, так точно.

— Ну, молодец. Я тебя не осуждаю, но и помочь не могу. Свое мнение выскажу, а там как решат командование и политотдел. Да ты сильно-то не переживай. Понял?

— Так точно.

— Ну, давай, поешь и спи, «контрреволюционер». Да, и еще, бумагу на тебя уже принесли, ты теперь здесь у них вне закона. В общем, «персона нон грата». Учти...

Мотала и «бортовая», и «килевая» качка. Плоскодонный «Дракон» шел уже через Северную Атлантику. Скоро дом, родной «Скольский» полуостров. От безделья и неопределенности осаждали мысли: «Посадят или не посадят? Посадят вряд ли, а вот выгнать могут. Интересно, оставят на службе? Или все-таки придется в «тюлькин флот»? А вообще, почему, когда не даешь издеваться и плевать себе в душу, ты «персона нон грата»? Да Россия, а теперь Союз, всю жизнь для них для всех, для всего Мира, на всех морях «персона нон грата». А мы-то хотим по-доброму, по-людски...

А чего мы вообще хотим?..

Илья Чесноков
(г. Белгород)

ЗАИКАНИЕ

Родился в Чимкенте, в Казахстане. В 2000 году переехал с семьей в Россию. Занимается в литературной студии «Младость». Работает преподавателем общественных наук в Белгородском педагогическом колледже.

Начало семидесятых годов. Августовское утро. Мне шесть с половиной лет. Я стою в полутемном кабинете, выпрямив спину, как учила мама, и опустив руки. Шторы неплотно задернуты и кажется, что кабинет разрезан лезвиями лучей на одинаковые дольки. За окнами в утреннем свечении южного солнца купается жемчужина Казахстана — город Алма-Ата. Напротив меня за столами, выстроенными в ряд, сидят семь человек. Некоторые с усталыми осунувшимися лицами, как будто приклеенными к головам. Почти все в очках. Кто в маленьких и круглых в золоченой оправе, а кто в больших прямоугольных в толстой роговой. Перед людьми включены настольные лампы, по-старчески сгорбленные к бумагам, лежащим на столах. Свет от ламп отражается в линзах очков и, когда люди двигают головами, эти отражения танцующими огоньками прыгают по столам, лицам и стенам.

Мне кажется это смешным, и я начинаю улыбаться. Я словно в цирке ожидаю, что вот-вот начнется представление. Моя мама, Лидия Дмитриевна, сидит на деревянном стуле с высокой спинкой и гнутыми ножками справа от меня, выпрямив спину и положив руки на колени. Ее новая маленькая сумочка с металлической застежкой сверху висит на плече. Мама ждет, что скажут нам эти люди. «Семеро против двоих. Не честно», — мелькнула у меня мысль. Воздух в комнате тяжелый, как и взгляд над толстой оправой мужчины, сидящего в самом центре напротив меня.

Этот мужчина громко откашлялся и все остальные тут же начали шелестеть бумагами, лежащими перед ними. Отблески света запрыгали по лицам. Я сразу понял, что мужчина с тяжелым взглядом, который сидел напротив меня, — это главный. Этот главный посмотрел на меня, поправил очки мизинцем и, кашлянув еще раз в кулак, басовито обронил в тишину:

— Ну, так что у нас с заиканием?

Мама поднялась со стула и, поправляя прическу, произнесла:

— Вот, заикается сын сильно. Мы у себя в Чимкенте обошли многих логопедов. С Илюшей были проведены занятия, но результата нет. Вот теперь по направлению к вам на консилиум приехали.

— Понятно, — пробасил мужчина, постукивая карандашом по столу, и, поглядывая на наручные часы, добавил:

— Ну что, коллеги, послушаем мальчика?

Блики света пробежались по кивающим головам.

— Расскажите нам о себе, молодой человек, — старушечьим женским голосом проскрипел член комиссии с левой стороны, которого еле видно было за плафоном лампы. Я посмотрел в сторону этого голоса и заметил только огромные очки, залитые

светом. Под ними ярко покрашенные губы, раскинутые на половину лица, и, уже ниже, морщинистые кисти рук с кольцами на пальцах, которые нервно подергивались в какой-то неведомый такт. Кольца поблескивали, разбрызгивая вокруг лучи.

Я выпрямился и начал:

— М-м-меня за-за-зовут Илья. Я ска-ска-скоро па-па-пойду в шо-шо-школу. Я уже у-у-умею чита-та-та-читать и ши-ши-считать.

— Достаточно, хорошо, — раздался тоненький голосок девушки с правой стороны.

Она, как школьница на уроке, подняла руку, чтобы ей дали возможность высказаться:

— Я думаю, что здесь все понятно, товарищи. В данном случае мы наблюдаем логоневроз второй степени.

За столами легкой волной вспорхнули короткие реплики. Члены комиссии дружно опустили головы. Листы бумаги стали покрываться узорами слов, складывающимися в орнаменты научных предложений.

— А что, Илюша, ты можешь нам прочесть? Ты что-нибудь приготовил наизусть? — пробасил главный, вглядываясь в мое лицо.

Мама снова приподнялась:

— Илюша любит читать стихи наизусть. Он сейчас прочесть некоторые свои любимые стихотворения. Он и спеть может.

Я стою, молчу и не знаю: на кого смотреть, когда читать начну. Решил посмотреть на главного.

Я выпрямился, как репетировали дома, приподнял подбородок и, закинув руки за спину, во весь голос начал:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

Я заметил, как члены комиссии оживились, выпрямились и приготовились внимательно слушать дальше.

Неожиданно по столу звонко забарабанил карандаш так, словно это маленький человечек выбивает на столе чечетку крохотными туфельками:

— Хорошо, хорошо, достаточно! — пробасил главный. Члены комиссии оживились и продолжили писать.

— Нет, нет, почему же? Очень даже ничего, — задорным голосом сказала девушка.

Она встала и, покачиваясь на высоких каблуках, подошла к главному. Передала ему лист бумаги. Тот прочитал, кивнул, и, тыча в мою сторону карандашом, словно перед ним стояла группа детей и он выбирал именно меня, сказал:

— Продолжайте, молодой человек. Что у вас еще приготовлено?

Я подумал, что ему было плохо слышно, и, набрав побольше воздуха и расставив ноги пошире, продолжил:

— Александр Твардовский.

*В пилотке мальчик босоногий
С худым заплочным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.*

Вновь меня перебил карандаш:

— Отлично, отлично. Мне все понятно. Пока хватит.

Но слева густо накрашенные губы нараспев произнесли:

— Уважаемые коллеги. Я думаю, что выражу коллективное мнение и попрошу молодого человека еще почитать. Я вижу в данном случае полное отсутствие каких-либо симптомов речевого судорожного синдрома.

Кто-то из комиссии подошел к окну и, отдернув шторы, открыл его настежь. В кабинет ворвался свежий утренний ветерок. За моей спиной распахнулась от сквозняка дверь. Ветерок взлохматил прически членов комиссии, сорвал со столов листы и раскидал по полу. Консилиум продолжил свою работу как ни в чем не бывало. Лучики света, отражаясь в очках, вновь ожили, перебегая от одного к другому. Появились улыбки. Сквозь перешептывание и шелест бумаги я расслышал: «да, да», «неплохо», «согласен», «интересно», «такой случай», «и такое бывает».

Главный, устало взглянув на часы, обратился к маме:

— Извините, а что, у вашего сына только военный репертуар?

— Нет, не только. Просто Илюша любит военную тему и вообще хочет стать военным, когда вырастет. Он и спеть может.

— Ну хорошо. Пусть еще другое что-нибудь почитает. То, что выучил. А потом уж пусть и споет, если вы так хотите.

Мама повернулась ко мне:

— Давай, сынок.

Я уже слегка покраснелся и, представляя, что на сцене, набрал побольше воздуха и почти закричал:

*Над могилой, в тихом парке
Расцвели тюльпаны ярко.
Вечно тут огонь горит,
Тут солдат советский спит.
Мы склонились низко-низко
У подножья обелиска,
Наш венок расцвел на нем
Жарким, пламенным огнем.*

Мой звонкий голос пружинисто ударился о стены и потолок, вонзался в пол и вновь подскакивал вверх. И вдруг неожиданно для меня главный быстро отодвинул стул и встал. Я замолчал. «Сейчас ругаться будет»,— подумал я и взглянул на маму. Мама сидела неподвижно с белым лицом. Слышно было, как за окном щебечут птицы, стучат каблуки спешащих людей, сигналият машины. Через несколько секунд все члены комиссии начали улыбаться и что-то быстро писать, передавая главному бумаги. После некоторой паузы главный, прочитав переданные ему записи, взглянул на маму и спросил:

— Уважаемая, вы зачем вообще привезли к нам ребенка? Он прекрасно читает стихи. Никаких серьезных проблем с заиканием у него нет.

Мама поднялась со стула:

— Может как-то еще проверите? Зря, что ли, мы ехали? Не в Москву же нам отправляться. Меня с работы отпустили всего на два дня.

— Хорошо.

— Пусть споет, раз так хотел,— кто-то выкрикнул из-за стола.

— Спои, сынок.

— Как обычно? — шепнул я маме.

— Твою любимую,— подмигнула она.

Я сделал шаг вперед и, разведя руки в стороны, запел:

*«Ой, мороз, моро-о-о-оз! Не-е-е морозь меня-я-я.
Не моро-о-озь меня-я-а-а, моего коня-а-а-а.
Не морозь меня-я-а-а, моего коня-я-а-а...».*

Послышались дружный смех и аплодисменты. Кто-то включил в кабинете свет. Над нами зажглась круглая люстра с десятками ярких лампочек. Я смог наконец-таки увидеть огромный кабинет и людей за столами. Члены комиссии, вытирая слезы, в полголоса подхватили:

*«Моего коня, белогривого,
У меня жена, ох, ревнивая...».*

Мама влилась в единый хор, а я растерялся и замолчал. Щеки мои запылали, и я почувствовал себя каким-то огромным и знаменитым. Песня неслась уже без меня. В кабинет стали заглядывать любопытные. Председатель поднял руку, и все разом замолчали. Придав лицу серьезный и деловитый вид, он обратился к маме:

— Все у вас будет нормально. Пусть ваш сын чаще поет и читает вслух стихотворения. И заикание постепенно пройдет.

В мою память надолго врезалось его «пусть почаще поет». Мама поблагодарила всю комиссию за работу. Потом подошла и каждому пожала руку: «Спасибо». Девушка на высоких каблуках сказала:

— Лидия Дмитриевна, вы можете посидеть в коридоре и подождать. Мы вас вызовем и выдадим на руки заключение обследования.

Мы вышли в коридор и сели на узенький длинный диванчик.

Я взял маму за руку:

— Мам, я хочу на-на-на улицу. Здесь ды-ды-дышать не-не-нечем.

— Хорошо, сынок, выйди. Посиди там на скамейке. Никуда не уходи. Сиди и жди меня. Мы, как только получим документы, сразу поедем домой. Кепку свою не забудь.

Пока мы были на консилиуме, по городу пробежался короткий летний дождь. Скамейка была мокрая и я сел у входа на ступеньки под навесом. Рядом положил кепку. В мелких лужах барахтались воробьи. Люди нескончаемым потоком двигались в разных направлениях. Город жил своей жизнью. Мое волнение прошло и на душе было спокойно. Из головы не выходило: «...почаще поет...» и я потихоньку запел:

— Ой, мороз, мороз...

Я закрыл глаза и представил себя в кабинете перед комиссией. Я пел только те слова песни, что слышал дома, когда приходили гости. Вот их я и пел, повторяя одно и то же. Вдруг через пару минут я услышал звон монет. Я открыл глаза и увидел в кепке несколько копеек. Никого рядом не было. Люди как шли по своим делам, так и продолжали идти. Я начал петь чуть громче, не закрывая глаза. Ко мне подошла молодая женщина с высокой прической. На поводке она держала таксу. Женщина пристально посмотрела на меня и улыбнулась. Такса же отвлеклась на воробьев. Открыв сумочку, женщина достала несколько монет и, нагнувшись, аккуратно положила их в кепку со словами:

— Молодец. Хорошо получается.

Я в ответ улыбнулся и мое настроение улучшилось. Люди заходили в двери и выходили, а я продолжил петь, но уже стоя. Прохожие награждали меня за пение мелочью и улыбками. Кто-то швырял монеты не останавливаясь. Некоторые долго копались в кошельках, постоянно оглядываясь на меня, как бы рассуждая: «стоит давать или не стоит». Другие порывшись в карманах, так и уходили, ничего не оставив. А я пел все громче и громче. Я старался, как артист. Вытягивал вперед руки, делая серьезное лицо. Время летело очень быстро, а мама все не выходила из здания.

В кепке монеты уже лежали горкой. А сверху кто-то бросил бумажный рубль. Я быстро засунул его в карман.

Недалеко от меня у поворота стояла тележка-лоток «Балмұздак*», с которой молодая продавщица продавала мороженое:

— Покупаем мороженое! Холодное мороженое! Есть свежесть и вкус в моем пломбире. Это лучше, чем деньги транжирить в тире.

Каждый продавец проявлял свою изобретательность, чтобы быстрее продать товар. Тем более такой особенный, как мороженое.

Продавщица явно нервничала. Товар шел не так бойко, как ей бы хотелось. Таких тележек с мороженым было много. Дневной план нужно было выполнять.

Услышав мое «Ой, мороз, мороз...», мороженщица на мгновение замолчала. Потом подкатила свою тележку ближе ко мне, продолжая звать покупателей. И у нас получился импровизированный дуэт:

«Ой, мороз, мороз! Не морозь меня...».

«Покупаем холодный пломбир. Мороз донесете до своих квартир!».

«Не морозь меня.

Моего коня».

«Детям вкусно. Взрослым полезно. Тем, кто поправился, особо известно».

Мы друг другу не мешали. Прохожие, сначала остановившись возле меня, слушали песню про мороз, кидали мелочь и тут же попадали под влияние звонкоголосой продавщицы. Довольные были все. Продавщица повернулась ко мне и подмигнула.

В этот момент я заметил милиционера, появившегося из-за угла. Это был худой, высокий, пожилой мужчина с висячими седыми усами. Милицейская фуражка смешно торчала на его дынеобразной голове. Галстук от жары был приспущен. Он подошел ко мне и, поглаживая усы, спросил:

— Ты откуда, мальчик?

— Из Ч-ч-чимк-к-к-кента.

— А здесь что делаешь?

— Ма-а-а-аму жду.

Увидев в кепке мелочь, он усмехнулся:

— Не плохо ты маму ждешь. Зря времени не теряешь.

Продавщица, увидев милиционера, крикнула:

— Товарищ милиционер, это хороший мальчик. Он мне мороженое помогает продавать.

Тот, не отрывая от меня взгляд, ответил:

— А вас я пока не спрашиваю, товарищ продавец. С вами мы позже проведем беседу.

— Так где же твоя мама?

— Она се-се-сейчас пэ-пэ-придет, — ответил я.

Тут неожиданно с другой стороны подошел второй милиционер. Полная противоположность первого. Низкий, молодой и прыщавый:

— Что здесь происходит, товарищ сержант?

— Да вот, уже из Чимкента в столицу приезжают попрошайничать целыми семьями. Мать этого мальчика где-то рядом промышляет. Надо найти ее. И продавщицу уже к себе в шайку притянули. Ты понял, Абай, как они организовано действуют? Пока пацан отвлекает кабацко-рюмочной песенкой, мамаша дела делает, а продавщица зубы заговаривает. Вернее сказать, замораживает. Вызывай наряд. Брать будем. Мне к пенсии премия не помешает.

* Мороженое.

И в это мгновение я увидел маму, которая быстро спустилась по ступенькам и подошла к нам:

— Здравствуйте,— обратилась она к милиционерам.

— Здравствуйте. Это ваш ребенок?

— Да, а что произошло?

— Вот вы нам в отделении и расскажите, что здесь произошло!

— В каком отделении? Я вас не понимаю,— с тревогой она посмотрела мне в глаза: — Мы с сыном были на обследовании в ГорОНО* на консилиуме по направлению. У меня все документы на руках. Задержалась немного. Долго не выписывали документы. Людей много.

Мама достала из сумочки сложенные документы обследования, свой паспорт и передала их милиционеру.

— Так, так, Лидия Дмитриевна. Непорядочек. Почему ребенка оставляете одного на длительное время? А вдруг что случится? А вдруг у него плохой человек деньги отнимет? Хотя,— он поднял мою кепку с мелочью,— в нашем случае все как раз наоборот.

Уши мои запылали, как костер. Я опустил голову и молчал. Мама взяла кепку из рук сержанта и сунула мне ее в руки. Нагнулась ко мне:

— Это что? Это откуда?

Не дождавшись ответа, она повернулась к милиционеру:

— Вы извините, товарищ милиционер, он не специально ведь. Нам на консилиуме сказали: надо чаще петь, чтобы прошло заикание. Вот он и решил петь где попало.

— Улицы нашей столицы — это не где попало. Здесь должны быть всегда порядок и дисциплина. Ладно. Когда вы возвращаетесь в Чимкент?

— Через два часа. Мы уже билеты купили на автобус.

— Хорошо, но чтобы это больше не повторилось. Счастливого пути.

Милиционеры сделали «под козырек» и ушли, а мы с мамой подошли к мороженнице.

— Нам два, пожалуйста,— сказала мама и протянула продавщице деньги.

— Не надо,— улыбаясь ответила та.— Ваш сын помог мне план выполнить сегодня. Всю улицу чуть не заморозил, пока пел. Угощайтесь. Как раз последние два остались.

Мы взяли пломбир и поехали на вокзал. При каждом шаге я слушал, как дружно позвякивают монетки в кармане.

— Мам, а да-да-давай, когда па-па-приедем, купим на все пе-пе-пе-песенные деньги ма-а-а-мороженого. И па-па-папу уга-га-гостим.

— Хорошо, сынок.

— А можно я в а-а-а-автобусе на-на-ачну петь? — спросил я, сжимая в кармане рубль.

Мама улыбнулась и взяла меня за руку:

— Не отставай уж, Робертино Лоретти ты мой...

В этом году меня, по причине сильного заикания, в первый класс так и не взяли. Я еще год радовал детей и воспитателей садика пением и стихами. В сентябре папа записал меня в вокальный кружок при Дворце пионеров, который располагался в Никольской церкви, в Пионерском парке. На мелочь, как мы и хотели, купили себе и папе мороженое, а бумажный рубль родители посоветовали положить в копилку.

* Городской отдел народного образования.

Людмила Брагина
(г. Белгород)

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА

Людмила Петровна Брагина родилась в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель молодежной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Автор четырех поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Публиковалась во многих журналах.

В четвертом часу солнечный свет стал приглушеннее, словно укрывшись за матовой прозрачной вуалью. Зимний день короткий, и я старалась в выходной успеть сделать побольше дел, накопившихся за неделю. Наконец, выдохлась и прилегла на кровать. Спать было жалко — уснешь на часочек, глаза откроешь, а за окном уже темно и никаких сияний и переливов, и потом до утра только желтое однообразное свечение люстры под потолком. Поэтому я лежала, смотрела в окно и наслаждалась покоем и сладкими, мерно накатывающими волнами полудремы.

Но ведь не может быть так хорошо человеку вечно, на этот случай есть телефон.

— Привет. Я вернулась из Питера, если что.

Это Валя. Мы подруги со школьной парты. В седьмом классе я перешла в другую школу. Район, куда мы переехали с мамой, был, что называется, пролетарский. В облупившихся хрущевках жил выработанный пьющий рабочий люд и их самостоятельно выросшие отпрыски. Выходя на балкон, я каждый раз видела одну и ту же безрадостную картину: посередине заросшего сорной травой двора три контейнера для пищевых отходов. Чуть поодаль, под старым тополем, грубый деревянный стол, лысые и седые макушки сидящих за ним мужиков в застиранных майках, играющих с утра в карты или домино. Иногда это сонное и тягучее происходящее разбавлялась двумя сценами: медным лязганьем и глухими ударами похоронного оркестра или пронзительным воем милицейской сирены.

Мой новый классный руководитель, учитель физики Иван Петрович Шивотов, узнав, что я хорошистка, посадил меня к самому отпетому нарушителю дисциплины, который, как я узнала позже, был на два года старше всех и недавно вернулся из колонии для несовершеннолетних. Это было сделано с целью его исправления путем моего благотворного влияния. Игорь Зайцев, так его звали. Меня это соседство вгоняло в состояние ступора. От него мерзко воняло табаком, он вертелся и бузил на уроках, но появлялся редко. Чаще его видели на школьном стадионе, где он с такими же оболтусами гонял мяч. В классе говорили, что отца у него нет, брат сидит в тюрьме, а мать не работает. Вскоре за кражу сахара в ближайшем гастрономе «Восход» Игорь снова был задержан и в школе больше не появился.

Через некоторое время Иван Петрович подобрал еще одну кандидатуру на исправление — светловолосого шупленького мальчика, с легкой неотмирной улыбкой. С первого взгляда Виталик Калинин мог даже показаться дурачком, но его серые глаза смотрели внимательно и пытливо, и временами в них проскакивали озорные искры. Он оказался матерым прогульщиком-путешественником. У него была кличка Расмус-бродяга, которая удивительно точно ему соответствовала, было даже внешнее сходство с главным героем недавно вышедшего приключенческого фильма. А скорее всего, еще и сам он выбрал его за образец для подражания. В руководство школы периодически приходили сообщения из линейных отделений милиции железнодорожных станций с разных сторон нашей необъятной родины, где его сняли с поезда. География путешествий была непредсказуемой, и отличались длительностью и постоянством.

В общем, получалось так, что в основном я сидела за партой одна, открытая всем враждебным ветрам, как сказал когда-то Саша Черный. Не у кого ни списать, ни спросить, ни просто почувствовать человеческое тепло рядом.

Наконец, неугомонный физик посадил меня с девочкой. На этот раз миссия моя была неясна. Я знала, что одноклассницу зовут Валя Коваль, учится на тройки, молчаливая, скрытная. Она исподлобья настороженно взглянула на меня и ничего не сказала. Я тоже промолчала. Мы сидели как два волчонка, стараясь не смотреть друг на друга. После уроков, уже выходя из калитки, мы оказались рядом, и Валя немного стесненно предложила:

— Давай дружить? Я читать люблю, а ты?

— Конечно, давай! Я очень люблю читать.

И с этой минуты до самого выпускного мы не расставались ни на день. Наши дома находились на одинаковом расстоянии, но в разных сторонах от школы, поэтому мы после занятий задерживались возле калитки обсудить новости, договориться, что будем делать, когда встретимся после обеда, пока кто-то из учителей не разгонял нас по домам.

Сейчас мы живем на разных концах города, встречаемся реже, в основном, общаемся по телефону, но в курсе всех событий жизни друг друга.

Год назад ее дочь вышла замуж. Поработав вместе с мужем на нашу среднеарифметическую провинциальную зарплату, при которой будь ты хоть трех пядей во лбу, а хоть и змий о трех головах, выше них не прыгнешь, решили попытать счастья в Северной столице. Молодые, легкие на подъем, решительные, даже немножко завидно прошлым числом, еще здесь нашли на букинге квартиру, а на досках объявлений работу и уехали.

По мессенджерам особо не наговоришься, не насмотришься, поэтому, подгадав, когда у ребят отпуск, а у родной тетки день рождения, Валя махнула на недельку в гости. Везучая.

— Ну, расскажи, какой он теперь?

— Он прекрасен. Ноги только гудят.

— Помню, ноги нужны страусиные.

Хотя я говорю это больше для того, чтобы поддержать разговор. Какие в шестнадцать лет проблемы с прогулками на дальние расстояния? В первый раз мы отправились в гости к этому каменному красавцу, обласканному мировой славой, на летних каникулах, окончив девятый класс. И были готовы бегать с утра до вечера по проспектам и набережным, Ботаническому, Александровскому, Летнему садам.

Утром, просыпаясь в квартире Валиной тетки на Московском проспекте, я каждое утро рассматривала лепнину на четырехметровом потолке и думала, что уснула в музее.

Вспомнились наши зачарованные блуждания белыми ночами, похожими на жидкий чай, разбавленный молоком, и поездки на катере в зеленый, бьющий в небо искрящимися брызгами фонтанов, Петергоф. И снова я удивилась, как наши родители отпустили нас одних...

Это лето было таким фантастично-невозможным, каким его не описал и до сих пор ни один из тех сочинителей, которые высасывают из перегретых мозгов мира, уменьшая или увеличивая обычных людей, вытягивая им уши, приставляя на макушку антенны или тупо окрашивая в синий цвет. За время нашего гостевания на Питер не упало ни единой дождинки. Нева и каналы были идеально гладкими и блистали кобальтом и золотом лиможского фарфора. Мы были восхитительно свободны, юны и легки. Мы не чувствовали никаких заземлений в образе надвигающегося нового учебного года, скучных форменных платьев, стопок учебников. Не думали о них вообще.

Нас будили кофейни и горячее молоко с круассанами, позаимствованная капля тетиных духов Нина Ричи с двумя очаровательными белыми голубками, стоявших на туалетном столике. Они назывались «Воздух Времени» — терпкие и нежные, полностью совпадающие с духом того беззаботного и романтического времени, понимания без слов.

Вернувшись домой и отоспавшись, мы встретились на следующий день. Едва увидев подружку, у меня сжалось сердце. Свет ее зеленых глаз померк, потускнел, радость полиняла, как после долгого и холодного дождя, на лицо подруги снова вернулось напряженно-загнанное выражение, речь стала неловкой и зажатой. И я знала, почему это случилось.

Я росла без отца, мама развелась с ним, когда мне было семь месяцев. Сколько себя помню, наравне со сказками я обожала смотреть американские фильмы. Самые любимые кадры, это когда вся семья собирается за столом вокруг румяного пирога, или опять-таки все, веселые и позитивные, отправляются в путешествие или поездку, где будут опасности и приключения, но обязательно закончится хэппи-эндом. И весь мой фокус внимания был сосредоточен на главе семьи, подтянутом, уверенном, понимающем, готовым прийти на помощь не только советом, но и защитить от всех опасностей внешнего мира, как Джон Мэтрикс из «Коммандо». Но это позже, в отрочестве. А в три-пять мне очень хотелось на ручки, и чтобы папа дарил игрушки и сапожки.

Меня это не отпускало лет до восемнадцати, почему-то периодически я возвращалась к этому состоянию. В новой школе мне было неуютно и одиноко, и я думала: «Вот пришел бы папа, он бы «поговорил по-мужски» с моими обидчиками». Воскресным вечером, приползая домой после дачи, в голове крутилось снова: «Вот, если бы был отец, он бы помог вырыть эту жуткую картошку в два счета, а мы с мамой потом надели нарядные платья и пошли бы в кино»... И тому подобное.

В самом начале нашего с Валею знакомства, узнав, что мы с мамой живем вдвоем, она искренне воскликнула: «Какая ты счастливая, что у тебя отца нет!» Я тогда смолчала, даже обиделась, но потом, когда мы подружились и стали бегать друг к другу домой, не только поняла, но и во многом согласилась с ней.

Дядя Коля работал на заводе столяром. Вредная и даже опасная для здоровья профессия. У всех перед глазами складывается картинка просторной мастерской, стоящий за верстаком крепкий молодец в кожаном фартуке с мускулистыми руками с рубанком, от которого расходятся легкие волны золотистой кудрявой стружки. Но если взглянуть правде в глаза, то именно такие молодцы, как и другие мастеровые, специалисты в своем деле — электрики, слесаря, газовики, быстрее всего и спиваются из-за своего повсеместно востребованного ремесла. Кстати, даже сказочный родитель деревянной куклы Буратино, Джузеппе, тоже частенько любил заложить за воротник.

Выглядел дядя Коля так, что мог сойти не за Валиного отца, а за дедушку. Сутулый, щупленький, наполовину беззубый. Возвращался домой он нетвердой, пошатывающейся походкой, на лице блуждала бессмысленная пьяная улыбка. Если мы были в это время во дворе, Валя мгновенно скукоживалась, отворачивалась и старалась встать так, чтобы он ее не заметил и не стал окликать, по-дурацки размахивая рука-

ми. Потоптавшись немного у подъезда, он брел домой. Сам готовил ужин, как правило, жарил на сале несколько яиц. Пока они шкворчали и румянились, дядя Коля брал алюминиевую кружку и шел к соседке по площадке бабе Нюре.

По факту он получал двойную зарплату: ту, которую гарантировал и контролировал трудовой кодекс и заводской профсоюз, и серую: в другой, жидкой, но более твердой валюте.

«Вот о каком парадоксе было бы интересно поговорить с физиком», — усмехнувшись, подумала Лида. Даже школьники знали, что за магарыч можно было и расчитаться за услуги, и «достать» любой дефицит, хоть черта с рогами. «Нормой жизни» стало тариться и запасаться надежными платежными «денежными единицами», храня их в заглазниках и холодильных «сейфах».

Пока страждущий народ проклинал «минерального секретаря» в очередях длиннее, чем к Мавзолею, и оголтело штурмовал «точки» продажи алкогольной продукции, стремясь пройти по благу через «черный вход», как могли только «белые люди», самогонщики сметали с полок весь сахар.

Бутылка государственной «беленькой» подросла и заматерела с трех шестидесяти до девяти рублей, а поллитровка косорыловки обходилась в 50 копеек при смешных расходниках — бидон и ванна. И такой расклад наглядно подтверждал расхожее высказывание о том, что «нет такого преступления, на которое не пойдет бутлегер ради прибыли в 300 процентов».

Вот и у дяди Коли прямо за стенкой варилось ведьминское зелье, бурлило и капало из подколodного змеевика...

Возвращаясь, ставил черную чугунную сковороду на облезлую, изодранную кленку, выпивал половину кружки, ел, чавкая и вытирая текущие слюны хлебом. Потом опрокидывал в рот оставшийся самогон и закусывал вареньем.

Обычно Валя и ее мать, тетя Оля, на это время старались куда-нибудь уйти. Если же они оказывались дома, то ни уроки, ничего другого делать было невозможно — он начинал докапываться с идиотичными разговорами. Кривя щербатый рот, причмокивая и шепелявя, вспоминал старые обиды, которые происходили от неуважения к нему, трудовому человеку, который ради них горбатится всю жизнь. Потом его лицо шло пятнами, глаза наливались кровью, он оскорблял и обвинял их во всех несправедливостях жизни, пока самогон бабы Нюры не срубал его, добавляя еще одну к уже случившимся.

Мне было тогда лет десять. Шли летние каникулы, и в один из погожих благодатных деньков мы с бабушкой выбрались на дачу. Для городского ребенка вроде меня каждая такая поездка становилась волнующим приключением. Чистый воздух, простор, пение птиц вызывали восторг, вдохновляли и окрыляли. Бабушку я просто обожала, ее хорошее, бодрое настроение заряжало энергией, она рассказывала так много интересного, и мне постоянно хотелось у нее учиться.

— Ты смотри, середина лета, а земля с зимы никак не просохнет, — сокрушалась она, прохаживаясь по дорожкам, заросшим всевозможной растительностью. — Не дача, а болото, совсем закислилась, уже и плаун вылез!

— Какой плаун?

— Плаун-баранец, — бабушка показала на маленький травянистый кустик-елочку с крошечной зеленой шишечкой наверху. — Он у нас по оврагам, сырым сосновым лесам, да по окраинам болот рос.

Она сорвала один побег, густо покрытый узкими кожистыми листочками, и протянула мне. Елочка была жесткой, прохладной и маслянистой на ощупь.

— Бабки ворожки его высоко ценили.

— А за что, расскажи!

— Придет к ним какая-нибудь горемычная, у которой муж пьет, рада последнее,

что осталось, отдать, в ноги кидается, просит помочь. Вот они ей настой баранца и дадут, и научат, как, когда и куда налить...

— И что?

— И у Ивана и Федота от спиртного будет рвота. Отвар из него добавляли пьяндыгам в еду и питье, а потом их так выворачивало, что не только пить, и глядеть не могли, самого слова боялись! А иногда из плаунов и венки плели на кладбище,— задумчиво продолжила бабушка,— руки помой после него, ядовитый он.

Вот этот давний разговор и вспомнился мне после нашего возвращения из поездки. И я рассказала подруге, от всего сердца желая помочь ей исцелить дядю Васю от злого постыдного недуга.

— Валь, а ведь сейчас как раз время, плаун-баранец в августе-сентябре собирают и сушат, может, съездим на дачу, вдруг найдем?

— А ты знаешь как его готовить?

— В принципе, да. Отвары примерно одинаково на водяной бане готовятся, охлаждаются, отжимаются и доводятся до первоначального объема. Тут только надо, чтобы он после спиртного выпил...

— Ну, за этим дело не станет,— горько усмехнулась Валя.

Через пару часов мы уже ехали на автобусе домой и везли в полотняной сумочке зеленую охапку будущего лекарства.

Сушили его у меня на балконе в глубокой тайне, точно совершали магический обряд. На боковой полочке я постелила чистую бумагу, разложила каждую елочку отдельно и накрыла сверху слоем марли, чтобы на растение не попадали прямые солнечные лучи. Несколько дней я усердно следила, чтобы маме ничего не понадобилось на балконе. Один раз в самый последний момент едва успела перехватить тазик с постиранным бельем и вызвалась сама повесить его, хотя обычно терпеть не могла эту процедуру.

Когда после неверного цоканья по замку, бряцанья падающих на пол ключей, кряхтения, чертыханья и возни дверь, наконец, распахнулась, у нас все было готово. «Лекарство» налито в небольшую бутылочку и сокрыто до своего часа в кармане старенького Валиного халата.

— Оооо, у нас хозяйюшки дома! — преувеличенно радостно вскричал наш «пациент». — Сейчас вечерять будем!

— Ага,— закивали мы, улыбаясь и усыпляя его бдительность.

Бухнув сковородку на плиту и мигом нашинковав сала, дядя Коля решил добавить праздника и скрошил туда же три здоровенных луковицы. Мы зашмыгали носами и отодвинулись к дверям. Что-то напевая себе под нос, он достал лоток с яйцами и начал разбивать их сначала о сковороду, потом о плиту, последние о стену, периодически оборачиваясь с лихим видом знаменитого повара-виртуоза. Остановив на нас мутный взгляд, дядя Коля покрутил головой:

— Э, нет, так не пойдет, кто не работает — не ест! — и поманил заскорузлым пальцем. — Вы тут последите, чтоб не пригорело, а я сейчас! Захватив неизменную кружку и хитро подмигнув в дверях, выскочил на площадку.

— У нас три минуты,— шепнула Валя и достала бутылочку.

— Давай на яичницу, на хлеб набрызгаем, и остальное в компот, на стол поставим, может, выпьет...

Хлопнула дверь. Валин отец уже бережно нес кружку с ценным содержимым, не отрывая от нее взгляда.

— Будете? — с воодушевлением в голосе обратился к нам. — Чего ж вы не садитесь?

— Так, все. Мы пошли уроки делать,— насупилась Валя, испытывая острое чувство стыда за родителя.

— Эх, молодежь! Вам бы все ... а отца уважить, этого нет...

И, махнув рукой, он принялся ужинать.

Мы сидели в маленькой Валиной комнате тихо, как мыши, смотрели друг на друга круглыми глазами, прислушивались и ждали. Сначала с кухни были слышны резкий выдох и утробные булькающие звуки, царапание вилки по металлу, причмокивания, икота и бормотание. Несколько раз подряд дядя Коля чихнул. Потом установилась тишина. Мы боялись выглянуть. Минуты тянулись до бесконечности.

— Может, он заснул за столом? — шепотом предположила я.

— Ага, гляди, — тоже шепотом, но со злостью отозвалась Валя.

И тут с кухни раздался глухой протяжный стон. Мы вздрогнули и схватились за руки. Стон перешел в подвывание и прозвучал ближе. Посреди зала с безумной гримасой стоял дядя Коля. Все спирты его организма восстали, пройдясь огненной лихорадкой по всему тощему, дрожащему телу. Лицо его побурело, потом побледнело и стало похоже на несвежую мумию. Из рта пошла слюна, по лбу градом потек пот, он схватился за живот и бросился в туалет.

«Баранец же еще и слабительное, — мысленно схватила я за голову, — бабушка ведь тогда говорила — проносное! И мочегонное! Ой, что же мы натворили...».

Шатаясь от слабости, похожий на зомби из «Живых мертвецов», он вышел, но теперь уже приступ рвоты снова кинул его к унитазу. В перерывах между спазмами он клял кого-то, но слов было не разобрать. Когда его на время отпустило, на четвереньках он пополз к дивану. Тело дрожало и подергивалось, как будто через него пропустили ток. Дядя Коля попытался встать, но забарахтался, задрыгал ногами, глаза закатились, он растянулся на полу и затих.

Мы взвизгнули, вылетели из квартиры и через двор помчались к соседнему дому, где был телефонный автомат, вызывать в скорую. Пока не приехала машина, мы испуганно толклись в коридоре у открытой входной двери. Минут через десять, увидев, что по лестнице поднимаются мужчина и женщина в белых халатах, мы выскочили им на встречу.

— Сюда, сюда! Тут человеку стало плохо.

Едва зайдя в квартиру, мужчина-врач окинул цепким взглядом обстановку, лежащего в той же позе на полу дядю Васю, повел носом и скривившись бросил:

— Перебрал.

Дебелая фельдшерица, отдуваясь, поставила на стол серебристый чемоданчик с красным крестом, открыла, достала из него пузырек с нашатырем, смочила ватку и безгласно сунула под нос лежащему. Дядя Коля мотнул головой, но глаза не открыл.

— Человеку... — протянула она с явным осуждением. — Люди ради этого человека чемодан по десять килограммов с этажа на этаж таскают, а другие люди с инсультами и инфарктами ждут, а тут плохо ему... — И уже тише продолжила, — кто он вам?

Валя вздрогнула, покраснела и сжалась.

— Отец.

— Собери ему документы и самые необходимые вещи. Сейчас доктор ему массаж сердца сделает, и повезем в больницу промывать желудок.

Всю неделю пока Валин отец находился в больнице, мы чувствовали себя главными фигурантами дела «врачей-отравителей» и каждую минуту ждали, когда за нами придут и поведут в тюрьму. Тетя Оля ничего о нашем лиходеястве не знала, она сходила к дяде Васе в больницу и сказала, что скоро его выпишут. Впрочем, сообщила эту новость довольно уныло.

А мы, наоборот, воспряли духом и ждали чудесного результата. Мы верили в плаун-баранец.

Дядя Коля вернулся из больницы посвежевший, но все еще временами нервно вибрирующий. Вечером его первого рабочего дня мы никуда не пошли, ждали его возвращения и гадали: вернется ли он к своему прежнему ритуалу или нет? От нетерпения мы попеременно выглядывали в окно, вглядываясь в каждого, кто появлялся во дворе. Первая его увидела Валя.

— Идет! Трезвый, что ли, не пойму...

Шел он медленно, понуро опустив голову, шаркая ногами. Через несколько минут входная дверь открылась, и на пороге показался мрачный и угрюмый Валин отец. Он в сердцах бросил ключи на полку. Однако, обнаружив нас дома, повеселел и взбодрился.

— Спасибо, девочки, что спасли меня. Не будь вас, я бы тут концы отдал, а так все еще жив, не помер. Есть хотите?

Мы отказались, но невзначай прохаживались мимо кухни и подглядывали, стараясь не пропустить главного.

На ужин тетя Оля сварила какую-то кашу, и он не стал ничего добавлять, осторожно положил себе на тарелку и стал есть. Механически жевал, глядя в одну точку, словно решая для себя какой-то исключительно важный для него вопрос. Его охватила та же идея, что и Родиона Раскольникова в отношении старухи-процентщицы.

Сполоснув тарелку, он потянулся было к алюминиевой кружке, но сморщился от отвращения и перевел взгляд на ящик с инструментами, где сверху лежал тяжелый плотницкий топор. Но тут вернулась домой тетя Оля. Переобувшись в передней, она с улыбкой заглянула на кухню.

— Ну, что моя каша вкуснее, чем в больнице?

Он по привычке схватил кружку и, проскочив мимо нее, выбежал из квартиры. Все кипело у него в душе. С пролетарской ненавистью он вдавил кнопку звонка и держал пока за дверью не послышалось недовольное:

— Да иду, не голоси, горит тебе...

Баба Нюра открыла дверь, абсолютно не подозревая, какая страшная участь приготовилась ей за порогом. Едва она высунулась в проем, как дядя Коля взмахнул рукой. Она дернула головой и кружка просвистела мимо ее уха, как снаряд, сопровождаемый потоком не вписывающихся в нормативную лексику выражений.

Дядя Коля схватил ее за ворот вязаной кофты и жидкий седой крысиный хвостик и выволок на площадку.

— Говори, старая карга, что намешала в свое пойло? Из чего гнала? На чем настаивала?

В этот миг в его голосе скрежетал металл Великого Инквизитора. Королева шмурдяка выпучила глаза и стала божиться, что не меняла испытанный и проверенный годами рецепт и никаких новых ингредиентов не вносила.

— Димедрол, небось, добавляла? Куриный помет сыпала? Воду из батареи наливала? Говори, чертова кукла!

Он все трепал ее за шкуру и норовил стукнуть кружкой по голове, но уже с гарантией не промахнуться. Баба Нюра плакала и отбивалась. Потом вырвалась и резво помчалась вверх, отчаянно тарабанила во все двери с криком: «Убивают! Милиция! Спасайте!»

Дядя Коля со злой улыбкой и одержимостью Терминатора гнался за ней, перескакивая через две ступеньки: «Вызываешь огонь на себя? Тогда ори громче!»

— В эфире Военное радио. С вами говорит полковник Баранец! — сквозь белый шум воспоминаний пробился бравый голос из маленького приемника.

Я потрясла головой, пытаюсь разграничить времена своего присутствия. За окном сгущались осенние сумерки, на кухне сутился Станислав, на столе стояла дымящаяся тарелка борща. Он оживленно потирал руки, доставая из холодильника чекушку водки:

— Ох, и продрог я, октябрь уж наступил, дохнул осенний хлад...

Я посмотрела на его покрасневшее лицо, рюмку, полочку с гомонящим приемником...

— Баранец, говоришь, ну-ну...

Олег Роменко
(г. Белгород)

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Наши современники», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «День и ночь», «Ротонда», «Северо-Муйские огни» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времен» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

На пустыре западной окраины Белгорода напротив овощной оптовки растянулся длинный, как пригородная электричка, одноэтажный барак. Это ветхое строение цвета выцветшей известки с оконными рамами, покрытыми синей облупившейся краской, и мутными, словно бычий пузырь, стеклами, с трех сторон окружали летом некошеные заросли бурьяна, а зимой нетронутые лопатой сугробы.

Барак арендовали две организации — типография «Фрегат» и похоронное бюро «Набат». Как у одних, так и у других отбоя от клиентов не было. Часто можно было видеть как в южные ворота барака завозилась доска и вывозились гробы, а у северных ворот разгружались фуры с паллетами картона и загружались упаковочной коробкой.

Целыми днями в «Набате» гробовщики звонко стучали молотками, сшивая гвоздями нестроганную сырую щелевку. А полиграфисты отчаянно бились со старыми импортными станками, издававшими звуки, похожие на пыхтение первых колесных пароходов, работавших на угле.

За чахлым забором из сетки рабицы, отделявшим барак от пустыря узкой полоской, чтобы могла проехать машина, орудовала стая лютых и насквозь коррумпированных дворняг, от которых работники двух фирм откупались куриными косточками и свиными хрящиками. Но мы не будем больше раздваивать внимание читателя на обе половины этого «серая» и сфокусируемся на тяжелой и неказистой жизни полиграфистов из типографии «Фрегат».

В тот день размотчику Роме Меженину, водителю Диме Лаптеву и подсобнику Сане Рожкову пришлось задержаться с обедом на полтора часа, потому что аккурат в их перерыв прибыла машина с грузом. Лаптев с Рожковым подтягивали гидравлической тележкой к краю фуры паллеты с картоном, а Меженин цеплял поддоны погрузчиком и завозил на склад, ловко маневрируя между узкими проходами, что требовало немалого искусства от бывшего сотрудника милиции, не прошедшего аттестацию и так и не ставшего полицейским.

— Хух, пацаны! — выдохнул Меженин, закрывая на тяжелый засов большие складские ворота, как их закрывали в древнерусских городищах от незваных половцев и печенегов. — Будь проклят тот день, когда я устроился в эту организацию! Теперь целый час пусть даже и не подходят! У меня законный выходной!

— Перерыв, Ром,— мягким голосом поправил смешливый Рожков.

— А ты не умничай тут, без году неделя!

Они гуськом прошли, как по лабиринту, извилистыми коридорами между паллетами и выбрались в тускло освещенное заготовительное отделение, в котором находилась размотка, две резательных гильотины и два тигеля.

В помещении было зябко, а работники еще и порядком вымокли при разгрузке. Больше всего досталось бывшему милиционеру, который под крупными хлопьями мокрого снега управлялся с паллетами на погрузчике между фурой и складом.

Рома включил на всю мощь тепловую пушку и у всех троих в глазах защипало от поднявшейся столбом бумажной пыли. За соседней дверью всю посвистывали и полягивали печатные станки и голосисто перекликались упаковщицы.

— Ром, опусти! — промычал, как теленок, Рожков.

— Саня, отстань! Я натурал!

— Ром, ну опусти стол! — дурашливо улыбнулся подсобник.

— Так и говори: опусти стол! — черные и злые глаза размотчика жалили, как шершни.

Меженин раздраженно подошел к своему станку, было слышно, как в его ботинках хлопала вода, и резко надавил ладонью на выпуклую кнопку сбоку. Стол, предназначенный для приема размотанной из ролика на листы бумаги, быстро поехал вниз, будто лифт.

Рожков с Лаптевым поставили свои тормозки в пакетах на стол и стали снимать рабочие куртки. Змейки у них давно сломались и застегивались эти спецовки только на заклепки.

— Да не на вешалку, на батарею их вешайте, опездалы! — рассердился Рома.

Саня с Димой были одноклассники, обоим по двадцать. Оба среднего роста, худощавые и, что называется, настоящие русаки — серые глаза, пшеничные волосы, выдающиеся носы на продолговатых лицах. Словом, двое из ларца, или, как сказали анекдотичные японцы, встретившие в лифте двух грузинов: «Эти русские все на одно лицо». Только Рожков отслужил в армии и у него была девушка, а Лаптев в армии не служил и девушки у него не было, за что Меженин в шутку называл за глаза последнего «импотент с плоскостопием».

Рома сел на табуретку и его живот, размером с баскетбольный мяч, сначала слегка подпрыгнул, а потом уютно разместился на коленях. У Меженина было круглое и смугловатое лицо. В знак солидарности с директором типографии тридцатилетний Рома принял «постриг» и всегда ходил, сверкая лысиной. Только у Корнейчука волосы выпали, а Рома свои брил. Но директор все равно недолюбливал размотчика и называл его «шлангом».

Пока Саня с Димой выкладывали на стол свою еду, Меженин скинул ботинки, снял носки и выжал из них обеими руками черную жижу на пол.

— Охренеть! — глаза у Ромы полезли на лоб.— Чем же они их красят, сволочи?! Наверное, гудроном. Пойти, что ли, в снегу их простирнуть?

— Давай лучше пообедаем, Ром,— предложил Рожков, выложив на общий стол котлеты и сырники.

— А хрен с ними! — Меженин тщательно вытер ладони об штаны спецовки, встал, налил из баклажки воду в миску, закинул туда сосиски и поставил вариться на электроплитку.

Резкий порыв ветра распахнул форточку и сотрапезников снова, как при разгрузке, осыпало хлопьями мокрого снега.

— Ай, падла! — снежинки попали Роме за шиворот.

Он вжал голову в плечи, быстро вскочил на табуретку и закрыл на крючок стеклянную дверцу.

— У нас, у Майском... — по-гусиному прогоготал Лаптев.

— Ой, Димон, знаю я, как у вас, у Майском,— Меженин обхватил щеки ладонями, сделал страшные глаза и затараторил: — Гуси гогочут, а дождь лупя-я-я!.. Что у тебя, опять гусиные лапки?

— Ага,— Дима развернул фольгу и обнажил жареную гусиную ножку, натертую черным перцем.

— Га-га! — передразнил Меженин.— И, конечно же, опять мамкин компотик. Когда ты женишься, Димон?

— Ром, чего ты пристал к человеку,— вступился за сверстника Рожков.— Может он не хочет жениться.

— Хочет! — отрезал размотчик и ехидно усмехнулся.— Я вижу, как он на тигельщицу нашу, Аллу Викторовну, поглядывает. Да, Димон?! Она сейчас как раз с мужем разводится, а тут ты такой нарисовался — молодой и красивый. У меня уже сыну пять лет, а ты все не женишься.

— Ром, а яблочки тебе жена червивые положила,— перевел стрелки подсобник, видя, как Лаптев, весь красный, будто ему сдавили горло, не может прокашляться.

— Я эти яблочки в своем саду своими руками рвал. Ясно тебе, товарищ женщина! Червивые — зато натуральные. А вы всякую дрянь в «Магнитах» берете.

Тоненькие сосиски тем временем уже хорошо проварились. Рома взял тряпку, накрыл миску крышкой от чайника, слил воду на пол и поставил свое блюдо на стол.

— Берите пацаны сосиски горячие, будут письки стоячие!

Рожков попытался снять целлофановую обертку, но сосиски были еще слишком горячими и подушечки пальцев самовольно отскакивали от них.

— Саня,— скривился Меженин.— Тебе показать, как это делается? Ты презервативами никогда не пользовался?

— Ром, они мне не нужны,— расслабленно улыбнулся подсобник.— У меня невеста есть.

— У тебя два закидона, Саня: девушка и сборная Испании по футболу.

— Испания — чемпион! — сработал органчик в голове Рожкова.

За эту кричалку его в типографии прозвали Чемпионом. Сразу после армии Саня плотно занялся просмотром матчей чемпионата Испании, рассчитывая таким непыльным образом зарабатывать на ставках в букмекерских конторах. Но дело не выгорело, выигрыши чередовались с проигрышами, и только каким-то чудом Рожкову удавалось выходить в ноль. А тут еще с девушкой познакомился, с которой решил создать семью. И пошел Чемпион по объявлению в типографию делать карьеру с самой низшей ступеньки.

— Димон, ты косточки в газету заверни для собак, а то потом опять будем штаны сушить дома,— распорядился Рома, накалывая вилкой огромный, как беляш, золотистый сырник.— Ну и сырник у тебя, Саня, никогда таких не видел.

— Девушка нажарила, Ром,— снова улыбнулся Чемпион и склонил голову набок, на шее возле ключицы темнел засос.

— Был у нас тут один «сырник».

— Что за «сырник», Ром?

— Да печатник. Сергей Николаевич. Мы его сокращенно «сырником» называли. Он к нам пришел после развода. Мы спросили: «Ну и как теперь тебе живется?» Он отвечает: «Нормально. Зрение прорезалось. Деньги видеть стал». Прикольный такой мужичок.

— И где теперь этот «сырник», Ром?

— Спекся! — проглотив сырник, как голодная собака, Рома вытер ладонью жирные губы.— У тебя девушка не хохлушка, Сань? Дай-ка, Димон, твоего мамкиного компотика глотнуть... Здесь такая текучка, пацаны, вы не представляете. Я тут второй год работаю, можно сказать уже старожил, а вы всего ничего.

Они закончили свой обед. Лаптев завернул гусиные кости в газету, Меженин,

сжав двумя пальцами кончик носа, как прищепкой, смачно высморкался в угол, а Рожков сытно икнул и достал из кармана новый смартфон, недавно подаренный ему родителями на день рождения.

— Жулики и воры, пять минут на сборы! Жулики и воры, пять минут на сборы! — ворвались из смартфона в их мрачное обиталище веселые и ломающиеся голоса каких-то расшалившихся после школы подростков.

— Что это за хрень, Саня? — выпучил глаза Рома.

— Это сайт «Эхо Москвы», Ром, — объяснил Чемпион. — Блогер ведет трансляцию с митинга в Москве.

— Я скоро чесаться начну от твоих блохеров! А что им нужно?

Вместо Чемпиона патлатый блогер, похожий на братьев Самойловых из рок-группы «Агаты Кристи», сам растолковал размотчику Роме, из-за чего весь сыр-бор. Оказывается, мы проср... думские выборы и теперь все порядочные люди должны объединиться, чтобы не допустить надругательства над волеизъявлением граждан на выборах президентских. Иначе, если жулики и воры захватят всю полноту власти, то можно тушить свет и валить из страны, потому что при таком раскладе здесь ничего хорошего больше быть не может даже в теории. Протестное движение называлось «За честные выборы».

— Это что, получается они типа хохлов, что на Майдане скакали? — мучительно напряг извилины Меженин. — Вот они дебилы! Они думают, что мы из-за их выборов жить лучше станем?

— Я не знаю, Ром. Мутно все это.

— А нам надо конкретно! Вот если бы они потребовали всем заплату поднять в два раза, я бы их поддержал.

— Ты вышел бы на митинг, Ром?

— Вышел бы!

— Против своих?

— Каких своих?

— Ну ты же в милиции работал...

— Дурак ты, Саня! За свои права надо бороться! А ты что, не вышел бы?

— Ну, я не знаю, — опустил глаза Чемпион.

— Все с тобой ясно! Ты только в цеху можешь орать: «Испания чемпион!», и то, потому что знаешь, что твоя Испания нахрен никому не нужна.

— А как бороться, Ром? Вот Корнейчук сказал всем выйти в воскресенье, и все засунули языки поглубже и вышли, ни один не залупился.

— Могли бы хоть двойную оплату потребовать, выходной все-таки, — подал голос немногословный Лаптев. — И так работаем за пятнаху, ничего на нее не купишь.

— Ты хоть не крикай, — досадливо поморщился Меженин. — Вы просто не знаете, что тут раньше было, пацаны!

— А что было, Ром?

— Да полный беспредел, Саня! Я когда устроился сюда, неделю работаем, вторую, месяц... Я не выдержал, говорю: «Постойте, мужики, а когда у вас тут выходной?» А они вытаращились на меня, как бараны: «А что такое выходной?» А я юридический институт закончил, я им эту тему расчухал, пошли мы к Корнейчуку...

— Да ну, Ром, ты гонишь, — недоверчиво посмотрел Чемпион на бывшего дяденьку милиционера.

— Гонит твоя бабка самогон! — разозлился размотчик, сунул два пальца в рот и раздвинул ими пошире щеки изнутри — Видишь, все зубы целы! Потому что я за базар всегда отвечаю!

— Нет, Ром, — нахмурился Чемпион, что происходило с ним крайне редко, — я считаю, что нужно пожестче с ними бороться и не работать в выходные.

— Пожестче? — сузил глаза размотчик. — А помнишь, Димон, у нас тут работал универсальный солдат Серега Пыхов?

— Ага.

И Меженин рассказал Чемпиону такую историю...

...За месяц до описанного нами разговора на собеседование в типографию «Фрегат» пришел коренастый мужик средних лет, похожий на дореволюционного мастерового с какого-нибудь путиловского завода. Штаны у него были заправлены в сапоги, поверх клетчатой рубахи, как болотная ряска, зеленела жилетка, на голове серый картуз, под кустистыми белесыми бровями антрацитовые глаза, горевшие, однако, каким-то холодным огнем.

Директор типографии Дмитрий Корнейчук принял соискателя в своем маленьком офисе, разделенном гипсокартонной перегородкой на две части. За стенкой шебуршились, как мыши, бухгалтер, менеджер и дизайнер. Кабинет был настолько крохотным, что когда Корнейчук решил устроиться в кресле поудобнее и вытянул под столом ноги, Пыхову, сидевшему на стуле напротив директора, пришлось раздвинуть свои.

Капризно и брезгливо выпятив нижнюю губу, словно избалованный ребенок, которому суют в рот очередную ложку манной каши, директор придирчиво оглядывал мастерового человека. Текучку кадров во «Фрегате» можно было сравнить с весенним половодьем, что сделало Корнейчука крайне недоверчивым и почти мизантропом.

— Не местный? — подозрительно зыркнул директор на Пыхова.

— Из Тулы, — кашлянул тот в кулак.

— Туляков уважаем. «Левшу» читали, — Корнейчук пристально уставился на мастерового и пошевелил тремя пальцами, как обычно пересчитывают деньги или перелистывают страницы. — Хотелось бы увидеть какое-нибудь документальное подтверждение твоей личности.

Бордовый аусвайс с тисненым двуглавым золотым орлом оказался в руках директора, который быстро пролистал странички и что-то записал себе в блокнот.

— Ну что, Пыхов, давай пыхнем, — мрачно улыбнулся директор и приглашающе раскрыл пачку «Парламента». — Разговор у нас будет длинным.

Но даже от улыбки Корнейчука веяло чем-то зловещим. Может быть потому, что обликом своим директор походил на основателя ЧВК «Вагнер», только уши у него были не оттопырены, а плотно прижаты к голове.

Пыхов жил в Туле с родителями и работал в типографии «Прогресс», где была точно такая же текучка. Именно из-за нее за пять лет Серега успел познакомиться со всеми полиграфическими станками у себя на работе. Корнейчук подробно и заинтересованно расспросил Пыхова о всех его навыках и умениях, а потом, откинувшись в кресле и зажмурив глаза, как сытый кот, равнодушно подытожил:

— Ну, нам тут универсальные солдаты не нужны. Нам нужен печатник.

Мастеровой человек охотно согласился исполнять обязанности печатника.

— Ну а к нам как попал? — уже по-свойски спросил директор.

— Из-за жены. Не захотела ко мне ехать, пришлось мне к ней.

— Нравятся наши бабы? — рассмеялся Корнейчук, что у него вышло тоже зловеще. — Ну, ладно, завтра выходи на работу, а у нас тут сейчас планерка будет.

Утром нового печатника встретил высокий и тощий нетрезвый старик. Под правым глазом у него красовался здоровенный синяк, переливавшийся на свету всеми цветами радуги, на переносице грязный пластырь, левая щека стерта до крови, словно ее шлифмашинкой шлифовали, голова ото лба и выше туго обмотана бинтом, из-под которого только на самой макушке выглядывали волосы, как перья у проросшей луковицы.

Это был мастер цеха Игорь Иванович Ключко. Работники называли его «дедом».

Однако, когда самая буйная переплетчица, польстившаяся на «ефрейторскую» должность Клочко, подженилась к нему и заглянула в его паспорт, то оказалось, что «деду» всего сорок четыре года.

— Ты новый печатник? — глаза мастера насмешливо блестели, словно это не он, а Пыхов попал в трудную жизненную ситуацию.

— Я, — спокойно ответил Серега, повидавший всякое в своей типографии. — А ты кто?

— Мастер. Игорь Иванович.

— Серьезно? А что с лицом?

— Бандитская пуля, — пьяно пошатнулся «дед». — Вот формы. Начинай печатать «Русские гвозди». Вечером за ними бандюки приедут. Не успеем, сам понимаешь, что с нами сделают.

На самом деле «деда» отоварили не бандюки, а муж тигельщицы, с которым они выпивали у того на хате. В какой-то момент безработный муж-пьянчуга поймал «белочку», и с криком: «Почему у моей жены такая маленькая зарплата?!», кинулся на мастера с газовым ключом. Потрясенная тигельщица вызвала «скорую». Все было, как в песне про Щорса — «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве». Утром непутевый мастер, попавший в обработку к медикам, пришел в таком непотребном виде, что хоть плачь, хоть смейся, хоть стой, хоть падай. Больше Клочко «дедом» никто не называл. У него появилось новое прозвище — Чиполлино.

Пыхов прицепил печатную форму к цилиндру «Ромайора», залил краски в корыто, загрузил хромэрзац на стол-подъемник, включил натиск, сел на табурет, широко расставив ноги и уперевшись ладонями в колени, и стал наблюдать как отпечатанные листы укладываются в стопу на выходе из станка.

А Клочко тем временем, будто лиса в курятник, повадился бегать на склад, где между паллетами у него был тайник. Там он прикладывался, по глотку, к бутылке, закусывал конфетой с зеленым крестом, чтобы отбить запах, и молодецкато выскакивал со склада, блестя глазами, как бравый солдат Швейк.

Эта идиллия продолжалась два часа, пока на работу не подъехал на новом «Пассате» заместитель директора Евгений Фисенко, которого работники прозвали Фикусом. Корнейчук любил со своими помощниками засиживаться допоздна, поэтому начальство обычно подтягивалось на работу ближе к обеду, чтобы снова устраивать планерки с кофейком до глубокого вечера.

Фикус был ровесником Клочко, только выглядел сообразно своему возрасту. Он был рыжий и косой, что еще со времен Петра Первого считалось серьезным изъяном, ибо Бог шельму метит. Таким людям не позволялось продвигаться по государственной службе и свидетельствовать в судах, потому что не вызывали они доверия своим сомнительным обликом.

Однако Фисенко посчастливилось расти вместе с Корнейчуком на Болховце — окраине города в частном секторе. Вместе они собирали козьи «орехи» для удобрения огородов, вместе учились в одном классе, и когда Корнейчук открыл фирму и ему понадобился помощник, то он вспомнил о своем друге детства.

Евгений же оказался форменной свиньей. Корнейчук был подвержен паническим атакам и убежден, что мир захлестнул хаос, который можно обуздать только разумным планированием. Поэтому директор до позднего вечера со стаканчиком кофе и своими верными помощниками тщательно раскладывал по полочкам, кто за что отвечает и кто чем должен завтра заниматься.

Помощники — главный инженер Евгений Фисенко, менеджер Лена Ордынская и мастер Игорь Иванович Клочко — отчаянно кивали головами и во всем соглашались со своим шефом. Успокоенный и ободренный заверениями свиты, что завтра рабочий процесс будет идти по строго намеченному плану, Корнейчук отъезжал домой на черном, как совесть коммерсанта, «Лэнд Крузере».

Когда на следующий день директор к полудню приезжал на работу, то наблюдал, что в цеху еще конь не валялся, работники занимались не пойми чем, а вчерашние соратники перекладывали вину за бардак друг на друга. Глаза Корнейчука ширились от мистического ужаса и готовы были выскочить из орбит. В гневе директор разбрызгивал слюны на все четыре стороны, а сотрудники щемились от него, как коло-радские жуки от опрыскивателя.

А все оттого, что одноклассник Корнейчука обычно приезжал на работу на час раньше своего шефа и вносил в ранее утвержденный план такие коррективы, после которых у всех создавалось ощущение, будто стихия гонит «Фрегат» по волнам без руля и без ветрил. И нельзя сказать, что Фисенко намеренно хотел огорчить директора своим своеволием, или, что его, на свежую голову, неожиданно посещал более блестящий план, чем выработанный накануне коллективным разумом. Просто Евгению тоже хотелось порулить «Фрегатом», пока его законный владелец еще не заступил на капитанский мостик.

— Барчук идет,— тихо предупредил мастер нового печатника.

Фигус шел им навстречу, вальяжно покачивая бедрами, в голубых джинсах и красной рубашке на выпуск с тремя расстегнутыми верхними пуговицами. На шее у него блестела золотая цепочка, на среднем пальце левой руки горела золотая печатка, а под верхней губой сверкал большой золотой зуб-резец.

— Игорь Иванович, я забираю твоего бойца,— Фигус обдал их обоих запахом ментоловой жвачки с нотками армянского коньяка.

— Так ведь у нас план...

— Я все переиграл,— небрежно бросил главный инженер.

— Директор будет недоволен,— с сомнением покачал забинтованной головой Чиполлино.

— У нас резчик заболел.

— Знаем мы эту болезнь,— хмыкнул Ключко,— алкоголизм называется.

— Игорь Иванович,— холодно осадил Фигус мастера,— без комментариев.

Пыхов вопросительно посмотрел на Ключко, и тот ответил ему иудинной улыбкой:

— Ну, что стоишь? Смывай машину, гумируй пластину, иди вон с ним.

— Игорь Иванович сам это сделает, пойдем я тебе объясню задачу,— и Фигус повел Пыхова в соседнее отделение барака, где находилась размотка, гильотина и два тигеля.

Возле резалки стояло два поддона, на каждом по две стопы картона второго формата высотой с человеческий рост, на листе по сорок этикеток с двойными резами.

— Нам «Котофея» сегодня порезать надо позарез. В ночь его повезет наш водитель на Москву.

— Да это не реально...

— Тебе упаковщица будет помогать.

— Да тут одной порезки на три дня...

Фигус припер Пыхова к столу гильотины пивным животом, покрутил пуговицу его жилетки, свел глаза в кучу, а потом тихо и проникновенно сказал:

— Если ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, я стану самым счастливым человеком на свете...

Через десять минут пришла веселая и круглобокая бабушка с оберточной бумагой и скотчем. Она разложила свои орудия труда на упаковочном столе и бойко, как на кассе в «Макдональдсе», крикнула Пыхову:

— Что паковать?

— Я не порежу все это сегодня.

— А мне плевать. Я до полшестого и гори он огнем этот концлагерь...

Пыхов пыхтел, согнувшись над столом гильотины, разворачивая, подбивая и подрезая со всех сторон высокие стопки этикетки. От кропотливого и безостановоч-

ного труда у него на лбу выступила испарина. Сначала захотелось пить, а потом и в туалет, но Серега решил дотерпеть до обеда, чтобы сделать больше работы.

За пятнадцать минут до перерыва к Пыхову подошла молодая высокая женщина с ногами длинными, как у цапли, и таким же длинным носом. За нос ей в типографии дали прозвище Буратино. Это была менеджер-продажник Лена Ордынская.

Когда текучка кадров вымыла из офиса «Фрегата» всех менеджеров с высшим образованием и о типографии расплозлась дурная слава по городу, к Корнейчуку потянулись менеджеры из ПТУ. Ордынская среди них оказалась настоящим самородком. Лена была вовсе не глупа, но ей было не до учебы, потому что росла она в неблагополучной семье.

Если друг детства директора Фикус постоянно создавал на работе авралы и неразбериху, то пришедшая с улицы Лена Ордынская, наоборот, разруливала даже самые безнадежные ситуации с заказчиками. Корнейчук то и дело слышал за перегородкой ее коронную фразу, всегда произносимую манерным и чуть картавящим голоском: «У нас форс-мажор, дайте нам еще пару дней, я вас умоляю!»

В общем, Ордынская и Фисенко дополняли друг друга, как Инь и Янь. Да и цель у них была одна — добиться расположения Корнейчука. Только шли они к ней с противоположных сторон. Лена стремилась достичь задуманного обязательностью и предсказуемостью в работе, а Фикус, напротив, умышленно создавал хаос, чтобы Корнейчук боялся срыва заказов и крепче держался за своего однокашника.

Понаблюдав за их потугами, Корнейчук решил отправить Лену заочно учиться в московский полиграфический институт за счет фирмы. А главному инженеру Фисенко, посчитав директор, достаточно будет образования, полученного в индустриальном техникуме.

— Ты Сергей? — спросила Ордынская Пыхова.

— Я.

— Пойдем со мной. Нужно, кровь из носу, фуру с картоном разгрузить.

— А этикетку резать? Ее сегодня на Москву отправляют.

Если бы в Лене Ордынской была хоть крупинка женского чувства, она бы приперла Пыхова грудью к станку, жеманно покрутила пуговицу его жилетки и, влюбленно глядя в глаза, провоцировала бы: «Если ты разгрузишь эту фуру, я стану самой счастливой женщиной на свете...»

Но Лена оказалась из тетчеровской породы — железная леди со стальными мужскими причиндалами. Поэтому она, прижав руки к туловищу и растопырив пальцы, грозно прокаркала:

— Сейчас для типографии задача номер один — разгрузка фуры! Все остальные задания должны быть выполнены своевременно в порядке очередности!

— Что за кипиш? — подошел к ним главный инженер вместе с Чиполлино. — Пойдем, Серег, фура приехала, надо разгрузить.

Пыхов ощутил мощный прилив желания послать всех начальников подальше, но потом подумал, что увольняться в первый же день как-то глупо.

На выходе из склада их ожидали размотчик Рома Меженин и водитель Дима Лаптев, который должен был, по замыслу Фисенко, везти ночью в Москву еще не порезанную этикетку.

— Пацаны, это Серега, он будет вам помогать. Серега, это Рома и Димон, — быстро познакомил их друг с другом Фикус.

— Ну пошли, — недоверчиво глянул Рома на Пыхова и они направились к фу-ре. — Ты женат?

— Женат.

— А дети есть?

— Нет.

— А где твоя жена работает?

— В Управлении.

— В троллейбусном?

— В культуре.

— Опачки! — присвистнул Рома, обращаясь к Лаптеву. — Ты понял, Димон, как наша типография поднялась! Культура к нам потянулась!

— Рома, хорош свистеть! — цыкнул Фикус. — Разгружайте!

Дальше Ключко, Ордынская и Фисенко наблюдали как Меженин, Лаптев и Пыхов выгружали из фуры паллеты с картоном. Все так увлеклись каждый своим делом, что не заметили, как к ним подскочил Корнейчук. Засунув руки в карманы брюк и пожевывая от покусывающего ноябрьского морозца, директор лихо отбивал чечетку, как страждущий человек перед запертым туалетом.

— Всех приветствую! — Корнейчук неожиданно замер, вытащил руки из карманов, а потом, как бесноватый фюрер, резко поднял кулаки вверх и молниеносно опустил вниз. — Я не понял?! Почему он грузит?! Мы взяли его, чтобы он нам печатал, а не грузил! Евгений, что происходит?!

— Людей не хватает, — буркнул Фикус и помрачнел оттого, что он больше не рулевой.

— Людей не хватает?! — директор выпучил глаза, словно краб. — Евгений! А ты? А Игорь Иванович? Вы кто? Не люди? Или ты мне предлагаешь стать человеком? Отвечай, сволочь, когда я с тобой говорю!

У Евгения на этот случай была своя отработанная метода. Зная о том, что директор впадает в неистовство, когда подчиненные его игнорят, Фикус приучил себя встречать все нападки начальника непробиваемым молчанием. Опыт показывал, что чем сильнее взбесится Корнейчук, тем скорее он успокоится, а потом еще даже извинится за то, что погорячился.

— Ты почему молчишь, дрянь?! На принцип пошел?! Да?! На принцип?! — директор метнулся от главного инженера к менеджеру и заорал, как потеряшка в лесу. — Ле! На! Ты! Меня! Слышишь?!

— Слышу, — сморгнув от распыленной Корнейчуком мокроты, деревянным голосом ответила Ордынская.

— Вот видишь! — директор снова набросился на Фикуса. — Лена! Меня! Слышит! А почему ты! Меня! Не слышишь?!

Метод главного инженера Фисенко начал действовать. Корнейчук внезапно затих и обернулся к фуре. Меженин и Лаптев прятались за погрузчиком возле забора, а Пыхов, подойдя вплотную к начальникам, округлившимися глазами метал немые вопросы к Корнейчуку, Фисенко, Лене Ордынской, Игорю Ивановичу: «Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?»

Директор пересекся полубезумным взглядом с печатником, сгреб остатки стремительно покидающего его бешенства, и прорычал:

— А ты чего вылупился?! Иди печатай!

Лицо Пыхова исказила досада. Он снял картуз, в сердцах бросил его оземь и ожесточенно рубанул:

— Пошли вы все нахер...

...Рома Меженин закончил рассказ.

— И ушел? — спросил восхищенный подсобник.

— И ушел, — подтвердил размотчик. — Корнейчук звонил ему потом: тыры-пыры, Сереж, зла не держи, ты работал у нас, хоть и полдня, я тебе кое-что должен, приходи за деньгами, а то не по-христиански как-то... А он ему и по телефону сказал: «Пошли вы все нахер!»

— Вот это мужик! — воскликнул Чемпион. — Я тоже хочу стать таким, как он!

— Да мы тоже кое-что можем, — приревновал Рома к Пыхову и навел, как дуло пистолета, свой толстый палец на размоточный станок. — Вот если я из этой «дуры»

один болт вытащу, вся типография на колени станет. Это называется «итальянская забастовка», Са...

Размотчик разом осекся, не закончив фразу. На Меженина внимательно смотрели пронизательные глаза Лены Ордынской, неожиданно возникшей перед ним, словно гриб из-под земли.

— Рома, еще одна фура приехала.

— Лен, да вы заколебали! — дал волю нервам Рома. — Мы с пацанами в свой перерыв разгружали!

— Рома, я вас тут поубиваю всех с пацанами! — подскочил к ним Корнейчук, так же отбивая ногами чечетку и держа руки в карманах, а за ним, не отставая, как хвост, Фикус и Чиполлино. — Что за кипиш, Лен?

— Фуру надо разгрузить.

— Рома! — директор завыл страшным голосом, каким взрослые пугают маленьких детей. — Тебе твой менеджер поставил задачу — разгрузить фуру! Что неясно?!

— Дмитрий Владимирович! Мы устали! Мы в обед работали!

— Рома! Ты что тут митинг устроил!

— Почему сразу митинг?

— Рома! Ты же бывший мент! Ты мне что обещал? Что порядок в цеху будет! Был у нас такой разговор?

Рома вскочил со стула, зло сдернул с батареи свою, еще не высохшую, куртку, и сердито прикрикнул на Чемпиона:

— А ты чего вылупился? Особое приглашение нужно?

— Эх, — крикнул водитель Лаптев и медленно, словно раздумывая, поднялся.

Последним встал Чемпион, и все трое направились на выход, прихватив по пути гидравлическую тележку, которая загрохотала в глубине склада, как отошедший от перрона поезд. Потом Рома, матюкаясь и проклиная нелегкую жизнь полиграфиста, снял тяжелый засов с ворот и на всю типографию раздался истошный вопль подсобника Рожкова:

— Испания — чемпион!!!

Юрий Жекотов
(г. Николаевск-на-Амуре)

ПОТЕРЯННОЕ ЧУДО

Наш постоянный автор.

До последнего не хотела уходить стряпуха-осень: насыпала из подола кислой клюквы по болотам; налепила с избытком брусники по старым горельникам; разбудила-расшевелила грибницу, выдав двойную норму груздей и маслят; цеплялась за каждую невыцветшую травинку, но все-таки, подрастеряв силенки, засобиравлась в дорогу. Извиняясь и кланяясь вместе с раскачивающимися от стылых ветров голыми деревьями, оставила осень напоследок — на добрую память зимующим пичугам и зверюшкам дорогие подарки — подслащенные первым морозцем грозди алых ягод на каждой рябинушке.

Вроде уже более четырех десятков промысловых сезонов за спиной, и ко всем круговертям природы давно можно было бы привыкнуть, но знал бы Николай Степанович к кому обращаться, кого просить, так задержал бы, ни за что не отпустил бы осень, не позволил бы за так истратить ее рубиново-янтарных богатых одежд, вернул бы обратно гусей-лебедей, чтобы прощальными песнями не резали бы они по живому, не ранили бы душу. Казалось, вот только сорвется последний желтый лист и уйдет в небытие золотое времечко, обнищает навсегда тайга, да и весь Мир.

И зверь шел в ловушки, и жаловаться на охотничью удачу не приходилось — всего за месяц выполнил Николай Присяжнюк план по добыче пушнины, отпущенный зверопромхозом. Но настроение было у охотника на нуле, и что тому было виной — не понять: долгая ли разлука с домом, или прежде обнадежившие, да предательски растворившиеся в хмурых днях яркие осенние краски. Забравшись по первоснежью на западную оконечность своего участка, неожиданно услышал Николай Степанович звонкое потягивание, напоминающее лисье, а немного погодя с того же самого места и поскуливание, уже больше похожее на собачье.

Однако, приблизившись к ловушке, охотник не сразу понял, что за бесхвостый зверь туда угодил, никогда таких в своих угодьях раньше не встречал: то ли не вылинявший к зиме заяц с обрубленными ушами, то ли миниатюрная кабарожка, то ли и вовсе — зверь-мутант.

Какое-то короткошерстное существо, по окрасу черное с желтыми подпалинами, с выразительными на выкате круглыми черными глазами, заметив человека, не стало испуганно биться в ловушке, чтобы, собрав последние силы, попытаться вырваться на свободу, а наоборот, жалобно повизгивало, прося помощи.

— Фу-ты, ну-ты! Ты-то как сюда попала? — приблизившись вплотную, наконец, разобрался Николай Степанович, что за зверь угодил в ловушку. Сидела в ней, зажатая между бревен, ни много ни мало небольшая собачка декоративной породы. Видел охотник таких несколько раз, только не в тайге, а в городе. Какая точно это порода, он не разбирался, да и разбираться особо не хотел, считая разведение и содержание таких пород баловством и причудой людей.

Вытащил Николай Степанович трясущуюся от холода «добычу» дамского пола из ловушки. Сучка давай еще больше пищать-скулить. Чуть погода выяснилось: припадает собака на заднюю лапу — не прошло за так сидение в ловушке. Ощупал охотник ногу у «калеки» — вроде не перебита. Но собака сама идти не может, да и как ей ступать на своих тощих ходулках-хворостинках по свежему снегу?

Куда деваться, с ворчанием: «Как тебя, дурья башка, в тайгу занесло?», сунул охотник собаку в рюкзак, так чтобы только голова у нее наружу торчала, закинул поклажу за спину и потащил в избушку. Всю дорогу бубнил себе под нос Николай Степанович: «Надо же, детский сад развел, ясельную группу! Вот же привалило счастья! У меня что, других забот нет? Я медведей один на один брал, рука не дрогнула! Против стаи волков ходил и выстоял! А тут собачонка! Свалилась же на мою голову!..»

Раскочегарил Николай Степанович печурку в зимовье, разогрел супец, налил неожиданной гостье полную алюминиевую чашку. А та вместо: «Спасибо, премного вам благодарны!» еще и брезгливо принюхивается.

— Ты мне свои французские манеры не выказывай! Ешь, чего дают. Нос тут воротим. У меня для тебя деликатесов нет! — не понравилось охотнику привередничанье собаки. Но животное, распробовав таежный харч, за несколько подходов выхлебало приличную порцию.

— Вот это другое дело! — отужинав, подобрел немного Николай Степанович, устроил четвероногой постоялице допрос с пристрастием:

— Рассказывай, что с тобой приключилось? Каким тебя ветром ко мне надуло? Молчишь? Так я тебе сам расскажу. Ехала ты с хозяевами по трассе Николаевск — Хабаровск. Так или нет?

— Так! — не ожидая быстрого «чистосердечного раскаяния» собаки, принялся охотник за нее же и отвечать.

— Остановились вы на шашлычок-пикничок, или колесо прокололи. Выпустили тебя хозяева из салона косточки размять, да увлеклись своими делами. Ты выбежала на полянку возле дороги, а там синица свистит, мышка наследила и море других неизвестных запахов и звуков. Ты туда сунулась, сюда, везде тебе интересно, везде загадочно! А потом глянула по сторонам, а рядом ни дороги, ни машины. У тебя мозги набекрень, принялась носиться взад-вперед, как заполошная, и еще больше заблудилась! Правильно излагаю?

На последнем вопросе заскулила собачка, словно вспомнила, что было дело, дала она промашку, о чем сейчас сильно сожалеет.

— А, проняло, наконец! — остался довольным и охотник, по своему объяснив реакцию животного и почувствовав в себе исключительные педагогические таланты, продолжил «сыпать соль на раны» четвероногой воспитаннице: — Вот и спрашивается! Пусть нет у тебя компаса в голове! Ну что, трудно было догадаться обратно по своему же следу выйти? Никудышная твоя порода! Это еще тебе повезло! Я мог лишь через неделю в тех краях оказаться. Тогда тебе каюк! И, выходит, если считать расстояние от дороги, то пробежала ты не меньше тридцати километров. Но это если напрямки. Ты же наверняка петляла-колобродила. Изголодалась вся, а тут рябчиковые потроха в ловушке. Ты и сунулась туда, не зная, что кормежка то с подвохом...»

Найдя еще кучу доводов, доказывающих никчемность «декоративного создания», хозяин лесной избушки вынужден был все-таки признать:

— Но вот что удивительно! И росмаха тебя отчего-то не слопала! И мимо рыси ты проскользнула! Хищники, наверное, в обморок попадали, когда невесть что в своих владениях увидели!? — и уже довольный своим чувством юмора, жаль только никто не слышит, продолжил охотник смешить самого себя, придумал тут же кличку собаке: — А значит, звать тебя не иначе, как Чудо! Вот значит и встретились-познакомились! А я тут все в неведении жил и не знал, какое оно, это чудо! Это еще хорошо, что так обошлось. Насмерть же зашибить тебя бревном в ловушке могло! Но это какую-другую животину, а ты же у нас Чудо! Тебе все нипочем...

Так и ворчал до самой ночи Николай Степанович. А уже укладываясь спать, столкнулся с очередной вычурной привычкой «избалованной» собаки. «Квартирантка» запрыгнула на нары и принялась укладываться в ногах у охотника.

— Так ты еще и с хитрецей! — возмутился Николай Степанович. — Когда надо впечатление произвести, слезу вышибить у человека, ты, Чудо, на трех ногах скачешь, а когда пришло время рекорд по прыгучести поставить, у тебя крылья вырастают! — заметив, что собака уверенно наступает на все конечности, Николай Степанович спихнул ее обратно на земляной пол.

Ночью проснулся охотник от душещипательного воя «всеми брошенной и навеки позабытой» собачки.

— Этого мне еще не хватало. Концертов по ночам! Ну-ка, цыц мне, артистка-полуночница! Закрывай оперу! — прикрикнул он на собаку, недовольно перевернулся на другой бок, пробурчал уже засыпая: — А то отправлю к волкам, у них там поешь...

Утром проснулся Николай Степанович, а собака все равно в ногах устроилась. Пробудилось и в охотнике сострадание: «Чудо горемычное. С барских хором да в таежную глушь! Натерпелась. Намерзлась. А я тут строгаю даю! На полу-то намного холодней. Ладно, спи пока, Чудо, там посмотрим, куда тебя девать».

Утром доели жители избушки рябчиковый супчик, попили чайка с сухариками. Выпустил собаку наружу охотник и сам за ней вышел. За ночь мороз окреп и показывал свой крутой нрав. Охотник лишь плечами повел, а на собачку без содрогания не помотришь, трясется, как осиновый лист, лапы поочередно под себя поджимает, и пяти минут не прошло, а пускай ее обратно в тепло.

«Лясы мне с тобой точить некогда. Оставляю тебя на хозяйстве. Мышей лови и имущество стереги!» — наказал охотник и ушел в обход участка. Вернулся Николай Степанович в густеющих сумерках. Чудо, истосковавшись, от радости давай носиться по избушке, визжать-скулить, прыгать под низкий потолок, норовя лизнуть охотника прямо в лицо.

— Это что еще за телячьи нежности! Я для тебя, можно сказать, посторонний человек! Вчера только познакомились. Ты, наверное, с каждым встречным-поперечным целоваться лезешь. Ну, довольно, довольно! — и пошло-поехало, управляясь по хозяйству, завел «старую пластинку» Николай Степанович: — Ты мне в друзья не набивайся! Мне нужна собака для дела, для охоты, которая след соболя возьмет, медведя, если надо, задержит. Ты же, Чудо, — одно недоразумение! Ветер у тебя в голове и дворянские замашки. Привыкла, небось, на диванах и на подушках тело нежить, а тут таежный быт. Чайник закопченный и стены бревенчатые без обоев. Если за ночь в печку дровишек не подбросишь, то к утру у порога вода замерзнет. Как выберусь из леса, сдам тебя в бюро находок! Только кому ты нужна? Морока с тобой одна...

Так и повелось в тот охотничий сезон. Старался Николай Степанович допоздна не задерживаться, зная, что ждет его возвращения, зябнет в выставшей избушке Чудо. В зимовье же рассуждал охотник вслух, привычно ругая «декоративную породу», за неимением другого собеседника рассказал собаке заодно и всю свою биографию без утайки. Уступая желанию охотника поговорить по душам, после ужина усаживалась Чудо напротив него и глаз не спускала, готова была слушать до бесконечности критику в свой адрес, давно поняла собаченка, что хоть и жути в голосе напускает новый хозяин, а добрый внутри. Ни капли не подхалимничала Чудо, а из всех своих искренних собачьих чувств тянулась к человеку, стараясь понять его речь, склоняла мордочку то влево, то вправо, предано где надо подскуливала, а то и подвывала. Охотник с переходом в другую таежную избушку тащил на себе собаку. Так и путешествовала Чудо весь охотничий сезон от распада к распаду, от одного зимовья к следующему.

На второй день как вернулся с промысла, сочинил Николай Степанович объявление в районную газету «М-ПРЕСС»: «Отдам в хорошие руки небольшую собачку». Мало надеясь, что пристроит куда-либо лесную находку: «Кому нужна такая канитель?», нашел еще один довод в пользу никчемной породы, и дописал в объявлении: «Кличка — Чудо».

В первый же день выхода газеты, вопреки прогнозам, пошли звонки от заинтересованных лиц, и даже неожиданно образовалась целая очередь из желающих оформить опеку над животным. Посчитал Николай Степанович: «Наверное, неправильно люди объявление прочитали, а наяву узрят «лилипутчью» породу, да уйдут восвояси, назначил всем одно время для смотрин на двенадцать часов. Первой на пороге девушка объявилась, рыжая, веснушчатая, улыбчивая, не раздумывая и не сомневаясь, лишь увидела Чудо, и сграбастала, прижала к груди, словно клад нашла и пуще прежнего давай улыбаться. Пенсионер на три минуты от девушки отстал, и тому нужна позарез собака, смотрит с укором: «Что же вы так несерьезно, товарищ, ведь объявление давали, договорились о встрече. На всякий случай знайте: эта собачка — карликовый пинчер!» Пенсионер степенней и надежней показался Николаю Степановичу, вон, и в собачьих породах разбирается, но не из рук же у девушки вырывать Чудо.

Полдня довольный ходил Николай Степанович, убеждал себя: «Наконец-то избавился я от обузы. А то жил как привязанный и подневольный. Свари ей, выгуляй. В прислугу для собаки превратился. Теперь же свободен!»

А к вечеру уже места себе не находил охотник. «Вот заноза-то какая! Все вспоминается и вспоминается эта «никчемная» собачонка!» Запоздало понял Николай Степанович: «Никто никогда не смотрел ему так преданно в глаза, не подпрыгивал выше головы от радости при встрече». Почти сказочные мысли пришли на смену прежним: «Может, заплутало самое настоящее чудо в моих угодьях по воле свыше, а я недопонял. За просто так потерял настоящего и преданного четвероногого друга». Вспомнились теперь и мокрые растерянные глаза Чудо при расставании: «Что же со мной опять такое происходит? Зачем же ты меня отдаешь? Чего я тебе плохого сделала? Служила верой и правдой, как могла». Спохватился охотник, да поздно. И адреса не спросил у веснушчатой девушки — новой хозяйки собачки. И ночь-полночь, а не спится!..

Рассвет Николай Степанович встретил у окна, где надолго недвижимо застыл, тупо уставившись на тонущую в дымке восточную часть города, и все чего-то думал, думал... Из оцепенения вывел телефонный звонок.

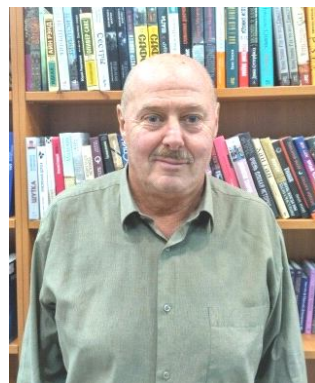
Звонок был от очередного желающего заполучить собачку, судя по торопливо-наивным интонациям голоса, еще ребенка:

— Скажите, у вас живет Чудо?

— Было, да теперь нету. Извините,— отозвался охотник.

Никита Николаенко
(г. Москва)

ПРОКАЗНИЦА МАЙЛА

Никита Альфредович Николаенко окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ; кандидат технических наук. Работал руководителем керамического производства, научным сотрудником, директором охранного предприятия. С 2004 года — на творческой работе. Переводчик с венгерского языка. Публиковался во многих журналах и альманахах.

— Папулечка, мы решили завести собаку! — бодро объявила мне дочь — студентка, с некоторых пор живущая отдельно со своим мужем.

Легкая дрожь охватила меня от этих слов.

— Может быть обойдетесь попугаем? — с робкой надеждой поинтересовался я тихим голосом.

— Нет, собаку! — решительно ответила дочурка.

— Собаку так собаку! — вздохнул я тяжко. Сразу стало понятно, что тихо отсидеться в стороне у меня не получится. Может быть, еще передумает? — мелькнула спасительная мысль. Но нет, не передумала.

Щенка они выбирали долго, ездили по приютам, присматривались. Наконец выбор был сделан. Двухмесячный щенок оказался довольно крупной девочкой с глазами разного цвета. Уже тогда она смотрелась интересно. Начались самые трудные времена воспитания и привыкания друг к другу.

Первое время дочь носила щенка в рюкзаке на груди, не выпуская на землю. Изредка я сопровождал их на прогулках.

— Смотри, это ворона! — показывала дочь щенку птицу, останавливаясь поодаль.

— А это фонтан, из него течет вода. — Щенок норовил вылезти из рюкзака, но его не выпускали. Рано!

— Может быть, пора дать ей побегать немного? — спрашивал я для порядка.

— Нет, она должна привыкнуть к этому миру, — резонно возражала дочурка.

Привыкание шло трудно. Для щенка соорудили отдельный вольер с прогулочной галереей, но приручить к порядку ее долго не удавалось. Несколько ночей дочь даже спала вместе с щенком в вольере для установления контакта. Потом щенка долго возили по ветеринарным клиникам, делая необходимые прививки и чипируя. Не было у бабы забот, так купила порся, — приходила на ум русская пословица. Наконец ей дали имя.

— Это Майла! — в один из дней объявила дочурка. Теперь ее зовут Майла!

— Неплохо звучит. А муж одобрил?

— Да, мы подбирали имя вместе.

— Ну и ладненько. Майла так Майла.

Вскоре мне стали доверять щенка на день-другой. Она осваивалась у меня дома, осваивался с щенком и я. Забот хватало. Оставленная без присмотра собака тут же из-

грызла подушку от мягкой мебели, да так, что, войдя в дом, я увидел лишь клочья от подушки, разбросанные по всему полу. При виде этой картины я нахмурился, а Майла лишь радостно виляла хвостом, словно говоря — вот какая я молодец! Могу погрызть еще чего-нибудь. Не дашь? Ну зубки чешутся у девочки, что тут поделаешь!

— Нельзя так делать, нельзя! — учил я ее, ласково тыкая мордой в клочья на полу. В ответ Майла рычала и норовила ухватиться зубами за руку. Нашлепать бы тебя! — вздыхал я тяжело, но бить ее мне категорически запретили. В дальнейшем Майла сажалась под замок в просторной кухне, а там грызть было особо нечего. Впрочем, для ее зубов я стал приносить увесистые ореховые палки, которые она старательно перемалывала в щепки.

Конечно, я выгуливал питомца, как и положено. Уместно заметить, что своим внешним видом Майла выгодно отличалась от таких же беспородных собак как она. Длинные лапы придавали ей статный вид, уши торчком, блестящая гладкая черная шерсть, белое пятно на груди и на кончиках лап дополняли картину. А завершал ее большой пушистый хвост. Разного цвета глаза подтверждали слухи о том, что это была смесь немецкой овчарки и хаски. На поводке она шла гордо подняв голову, высунув язык и рыская из стороны в сторону. Встречные прохожие улыбались.

— Красавица! — часто слышались комплименты в ее адрес. Нападок больших собак она опасалась только первое время. В дальнейшем она злобно рычала, лаяла в ответ и рвалась с поводка даже на собак бойцовской породы. Смелая выросла девочка Майла.

Моя жена Лена в ней души не чаяла. Покупала ей награды — лакомства для собак в магазине «Четыре лапы», всячески баловала ее и защищала от справедливых замечаний с моей стороны. Ну и та всегда была рада ее видеть, прыгала вокруг нее, виляла хвостом и норовила лизнуть по-настоящему, в лицо значит. Общий язык они нашли быстро. А вот я первое время держался с ней настороженно. Далеко не сразу у нас установились теплые отношения. Щенок-то щенок, но собака подросла уже мне до колен и нет-нет да проявляла характер. Рычала и скалилась она вполне по-взрослому, а уж как рвала зубами поводок, едва удавалось его удерживать. Так-так! — размышлял я в такие минуты, с опаской поглядывая на питомца. Цапнет ведь не задумываясь! Говорят, что детеныши у змей с рождения ядовитые. Как пел в свое время Володя Высоцкий — «и не то чтоб эти детки были вовсе малолетки». Словом, расслабиться с ней я себе не позволял, был начеку. И она отвечала мне тем же. Такой любви как к Лене ко мне собака не проявляла.

Но все изменилось в один прекрасный день после рядового, казалось бы, случая. Мы с Леной прогуливались, вели собаку на поводке, я как раз рассуждал о том, что скалится она на меня больно грозно, а Лена на ходу играла с ней. От избытка чувств Майла высоко подпрыгнула, но приземлилась неудачно, больно стукнулась об землю боком, жалобно заскулила и отползла в сторону. Жена тут же бросилась ее спасать, принялась гладить, утешать и конечно же подкармливать припасенными для такого случая лакомствами. Это подействовало. Собака ожила, съела все угощение и радостно завиляла хвостом.

— Да это же просто глупый щенок! — воскликнул я. — Ее не опасаться следует, а приручать к порядку, воспитывать!

— Конечно! — подтвердила жена. — Будь с ней поласковой, она еще такая маленькая!

— Ничего себе маленькая! Играй с ней почаще, воспитывай! У меня и так дел хватает! — буркнул я в ответ, но замечание жены принял к сведению. Вскоре отношения у нас стали налаживаться, и мы все чаще находили общий язык. Это я стал действовать ласково. Помогло.

Собаку у нас то забирали, то доверяли нам снова. От большой любви к Майле хозяева поменяли ошейник на шлейку, и когда я по забывчивости вновь взялся за

ошейник, намереваясь надеть его, Майла подняла такой громкий лай, что я вынужден был оправдываться.

— Ну виноват, перепутал маленько! Бывает! — Хоть мы и подружились немного и управляться с ней стало легче, но от своих проделок собака и не думала отказываться. Оставленные без присмотра платки, носки и перчатки пропадали молниеносно и потом находились в разных местах разорванные в клочья.

— Игрушек ей не хватает! — оправдывала собаку Лена.

— Ремня хорошего ей не хватает! — говорил я в ответ, понимая, что шлепнуть питомца мне не дадут ни разочка хотя бы и символически.

Но по части проделок Майла превзошла себя зимой, когда после Нового года мы отправились на дачу. Лечебная настойка на калине ждала нас там, а сало на закуску было куплено по дороге. Благополучно приехали, протопили дом. Пока я чистил дорожки от снега, Лена накрыла стол, а Майла подозрительно все это время сидела под креслом, один хвост торчал наружу.

— Что она там так долго делает? — спросил я, стряхивая снег и подходя к столу.

— Не знаю! — пожала плечами жена. — Сама удивляюсь.

— Ну да ладно. У тебя все готово?

— Все готово, — подтвердила она. — Разливай настойку и доставай свое сало.

— Это мигом. — Сало лежало в сумке, которая стояла на диване. Сумка то стояла как и прежде на том же месте, только сала в ней не оказалось. — Где мое сало? — произнес я удивленно, убедившись, что там его нет. Внезапная догадка заставила пристально посмотреть на хвост Майлы, по-прежнему торчащий из-под кресла. Так оно и оказалось. Осталась лишь скомканная промасленная бумага, а полкило сала как корова языком слизала. Зато у Майлы была сытая и довольная морда и ни тени раскаяния на ней не отражалось. Ну не проказница разве! Зато как она носилась потом по заснеженным полям! Одни уши из сугроба торчали. Еще бы, на моем-то сале!

Время шло своим чередом. Наступило лето. Минул год с тех пор как у нас появился питомец. Собака выросла, заматерела, от хорошего питания наела себе бычьей шеей и вообще приобрела еще более грозный вид. Теперь при виде одинокого пешехода, идущего навстречу, приходилось натягивать повод, но я с трудом удерживал ее, если ей вздумывалось резко рвануть куда-то, за кошкой, к примеру.

Мы с Леной зачастили на дачу, но и там проделки Майлы не прекратились. Гулять с ней было интересно. За дачными участками мы спускали ее с поводка и наблюдали за тем, как она носилась по полям, гоняя стайки мелких птичек. Набегавшись, она возвращалась и плюхалась в ручей около поля и плескалась там в свое удовольствие, держась, правда, ближе к берегу.

— Вылезай, Майла! — звала ее Лена. По зову жены та вылезала.

Поскольку Майлу мы забаловали основательно, то она стала позволять себе некоторые вольности, а именно устраивалась на покрывале на лужайке около дома, где загорал обычно я. А Лена грелась на солнышке рядом в кресле. Так вот стоило мне отлучиться, как покрывало оказывалось занято бессовестной Майлой, и отодвинуть ее стоило большого труда. Собака рычала, скалилась, слегка покусывала руки и уходить никак не хотела. Занято место — и все тут!

— Это не для тебя приготовлено, проваливай! — пытался я образумить собаку, но она не слушалась. Согнать ее удавалось лишь хитростью. Для этого бралась с поленицы заранее приготовленная дубина толщиной с руку и произносилась следующая речь.

— Ах, какая хорошая палочка, мягкая, гладкая и такая вкусная! — Майла смотрела с интересом. После этого дубина летела в дальний угол сада, собака по инерции бросалась за ней, а когда возвращалась, держа трофей в зубах, место оказывалось уже занято. Так вот и развлекали друг друга. Дни тянулись привольно и долго.

Время от времени, несмотря на протесты жены, я таки наказывал собаку, больше

для порядка. Наказание заключалось в том, что Майла привязывалась к фонарному столбу на короткий поводок и оставлялась там без внимания. А мы с Леной сидели в дачных креслах и загорали вроде как сами по себе. Собака демонстративно поворачивалась к нам спиной и усаживалась на задние лапы. Но продолжалось это недолго, минут пять, не больше. Вскоре она начинала жалобно скулить и Лена тут же бросалась спасать ее из заточения.

— Ну пусть посидит под замком хотя бы полчаса! — пытался я образумить жену, да куда там!

— Нет, она же скулит! — возражала Лена, отвязывала собаку, да еще и гладила ее, жалеючи. Меня бы так пожалела!

Казалось, что все идет хорошо, что так будет и дальше, но нет. Жизнь вносит свои коррективы, постоянно испытывая нас на прочность. Беда подкралась незаметно. В один из теплых дней в конце августа мы приехали на дачу, с Майлой разумеется. Дорога выдалась тяжелая, машина была загружена до верха, но прибыли мы по расписанию, аккуратно к ужину.

— Накрывай на стол, дорогая, а я загоню машину на участок и приступлю к разгрузке! — предложил я жене.

— Нет, я пойду прогуляюсь с Майлой! — возразила она. Я огорчился. Мы устали с дороги, хотелось скорее опрокинуть рюмочку-другую с устатку.

— Давай выпьем, закусим и прогуляемся вместе! — попробовал я уговорить ее, но она оказалась непреклонна.

— Нет, пойду прогуляюсь! Накрывай и разгружай сам! — Взяв Майлу на поводок, она ушла, оставив меня одного на хозяйстве. Досадую, я стал накрывать на стол, потом принялся разгружать машину. Устал. Бросил. А ее все не было. — Ну сколько можно ждать! — воскликнул я в сердцах и опрокинул полную стопку водки. Поморщился. Закусил. Потом выпил еще стопку. Все одно за руль не садиться. А жены все не было и на звонок она не ответила. Странно. За окном послышался шум подъехавшей машины, которая почти сразу же уехала. Что-то здесь не так. Я вышел на улицу.

На скамейке перед домом, поддерживая одной рукой другую, опустив голову сидела Лена. Одежда ее была испачкана землей. Рядом с ней стояла наша соседка, ее подруга, и держала на поводке Майлу.

— Что случилось? — спросил я с тревогой, подходя ближе.

— Выгоняй машину! — с трудом произнесла жена. — У меня сломана рука, сейчас повезешь меня в Дмитров. — Это был ближайший город с большой больницей.

— Да что случилось? — повторил я вопрос, обращаясь к соседке.

— Собака рванулась с поводка и Лена упала, — произнесла та. Из дальнейших объяснений выяснилось, что жена повернулась посмотреть на подошедший автобус, на котором и приехала соседка, в это время из кустов вспорхнула стайка птиц, Майла рванулась за ними, опрокинула хозяйку, да еще и протащила ее по земле, поскольку повод так некстати оказался намотан на руку. А проходящая мимо машина подвезла их к дому и уехала. Вот и весь сказ.

— Может быть это не перелом вовсе, а сильный ушиб? — спросил я, все еще надеясь на лучшее.

— Нет, это перелом, — ответила жена тихо, но твердо. Она была врач и знала, что говорила. — Все понятно. Надо ехать! Но как?

Садиться за руль после двух стопок водки? В памяти услужливо всплыла картина, виденная недавно в наших краях, как солидного вида гаишник командовал погрузкой машины на эвакуатор. А рядом, понутив головы, стояли двое мужчин с руганными лицами то ли от стыда, то ли от выпивки. Попались, голубчики! У меня тридцать пять лет водительского стажа за спиной. Остановят — не поздоровится! А может быть вызвать скорую? Я бросил взгляд на небо. Вечерело. Скорая до этой деревни два часа добираться будет. А то и откажут. Спросят — угроза жизни есть? — Пока

нет.— Вот и привозите ее сами. А у нас машин не хватает, все на вызове.— Знакомая песня, не правда ли. Как быть?

Тут я впервые после всего случившегося пристально посмотрел на собаку. Та смиренно стояла с виноватым видом, поджав хвост и опустив голову. Чувствовала, что набедокурила. Пристрелить бы ее!

— Садись за руль, повезешь подругу в Дмитров! — обратился я к соседке, но та сразу отказалась.

— Я давно не водила машину, разучилась уже, на автобусе вот приехала,— объяснила она. Вези ты, а я присмотрю за собакой.

— Присмотришь за собакой?

— Да! — Я посмотрел на жену. Она сидела на лавочке, опустив голову, держась за плечо, и тихо стонала.

— Ладно. Делать нечего. Едем!

Я выгнал машину с участка и кивнул Лене,— садись!

— Я не могу без посторонней помощи,— тихо прошептала она. Вдвоем с соседкой с трудом мы усадили Лену на заднее сиденье. Бросив в рот горсть зерен кофе для самоуспокоения и кивнув соседке,— спасибо за помощь, мы скоро вернемся,— я выехал на дорогу.

До Дмитрова было где-то минут тридцать пять езды. «Дастер» — достаточно комфортная машина, шел мягко, но при каждом толчке Лена громко стонала.

— Потерпи, дорогая!

— Долго еще?

— Да скоро! — Тревога все больше и больше охватывала меня. Да что же это за перелом такой! Наконец мы добрались до больницы.

— Это ваша коллега, врач, заведует большим отделением в городской больнице! — объявил я дежурным врачам первым делом.

— Понятно, сделаем все возможное,— ответили они. С тревогой я прохаживался по коридору, слыша стоны жены из перевязочной. Я знал свою жену. Боль терпеть она умела, и если кричит, значит боль невыносимая. Сделали рентген, наложили гипс, ввели обезболивающее.

— Что там? — спросил я нетерпеливо у врача.

— Перелом со смещением, потребуется сложная операция,— последовал ответ. Стали оформлять бумаги для госпитализации, а Лена тем временем позвонила в Москву своим коллегам. Вскоре ей перезвонили и сообщили, что для нее подготовлено место в одной из московских больниц.

— Едем в Москву! — объявила она.

— В Москву так в Москву.— Усталость давала себя знать, но куда тут денешься! А вещи все наши на даче остались! А алкоголь еще не выветрился! А впереди ждала долгая ночная дорога. Едем. Стонать Лена почти перестала, казалось действие лекарств. Добрались глубокой ночью. Хорошо, что нас уже ждали, и я передал жену врачам с рук на руки. Гипс с нее сразу сняли, все одно впереди операция.

Через день ей сделали операцию, установили пластину. Я стал навещать ее каждый день вечерами. Мы гуляли по большому саду, где росли яблоки разных сортов, много яблок. Рука ее покоилась на перевязи локтем вперед, зафиксированная для правильного сращения костей. По просьбе жены я срывал созревшие яблоки и давал ей на пробу.

— А на даче у нас сейчас такие же растут! — вздыхала она частенько.

— Ничего, вот поправишься и полакомишься нашими яблоками,— утешал я женщину.

А что же Майла? А ничего. Сидела на даче с соседкой. С нее все как с гуся вода. Сердиться на собаку или тем более наказывать ее ни у кого не возникло желания. Какой со зверя спрос! Хорошо ей — она прыгает от радости, плохо — скулит поти-

хоньку. К беде привело неблагоприятное стечение обстоятельств. И не вовремя повернулась жена к автобусу, поводок зачем-то намотала на руку, птички вспорхнули так некстати. Но больше всего я досадовал на себя из-за того, что отпустил Лену одну на прогулку. Ну подождала бы она маленько, выпили бы, закусили и отправились бы на прогулку вместе. Нет, не терпелось ей одной прогуляться с собакой!

Дни летели один за другим. Лена хоть и медленно, но шла на поправку. Мы даже съездили на юг к морю и поплескались там в свое удовольствие. Но как известно, беда не приходит одна. Неспроста русская народная пословица гласит: пришла беда — отворяй ворота. Находясь в реабилитационном центре, Лена оступилась, упала и сломала вторую руку. Вот уж воистину: знать бы где упадешь, так соломки бы постелили!

Началось повторение пройденного. И хотя перелом оказался не такой тяжелый, как первый, но все равно потребовалось установить пластину и на эту руку. Натерпелась же она, бедненькая!

— В аэропорту теперь звенеть буду! — слабо улыбалась жена во время моих визитов.

— Ты главное выздоравливай, а аэропорт — это не самое главное! — успокаивал ее я. Но вновь насмотревшись на больничные порядки, я лишь перекрестился. Не дай бог там оказаться без особой необходимости!

Время стирает остроту восприятия. Лена потихоньку восстанавливается, хотя понятно, что до полного выздоровления ей еще далеко. Мы снова берем Майлу на прогулку, только теперь, когда собака прыгает на жену от радости, та поворачивается к ней спиной для защиты, руками ей еще трудно отбиваться, а я резко натягиваю повод. Хватит! Майла по-прежнему всеобщая любимица и все гуляют с ней с удовольствием. Стоит мне устроиться за столом, как Майла подсовывает голову под руку и норовит взобраться дальше на колени с тем, чтобы лизнуть в лицо. Приходится отбиваться.

— Отстань!

— Тебе разве не хочется со мной целоваться? — спрашивает ее настойчивый взгляд.

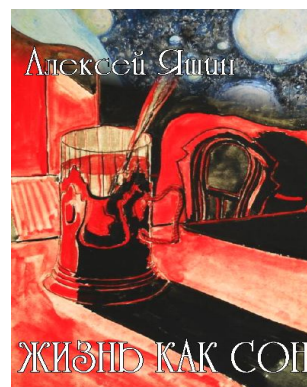
— Нет ни малейшего желания! — киваю я ей. Но она все равно не успокаивается и даже кладет лапы на плечо для верности. Тут уже чувствуются ее острые когти и из-за стола приходится ретироваться. Ничего. Посижу в другой раз. Зато у меня появилось много знакомых во дворе, и при встрече мы раскланиваемся.

— Забрали собаку? — интересуется встречный мужчина, ведущий на поводке своего питомца.

— Забрали! — киваю я в ответ. Но обязательно доверят ее снова. Еще увидимся!

Алексей Яшин
(г. Тула)

**«ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»,
ИЛИ БЮДЖЕТНЕНЬКИЕ СОСИСКИ «БАВАРУШКИ»**

— Владимир!..— шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...

Новый, ужасный брак был свершен! ...Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.

— А что, душенька, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потрепав жену по щеке.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма,— я сбрил, поморщился, а сбрил.

Ф. М. Достоевский
«Село Степанчиково и его обитатели»

♦ Резкий, казенный по интонации звонок домашнего телефона, от которого люди уже и отвыкать начали со своими мяукающими, поющими и клавикордно стучащими смартфонами, внезапно возвратил Николая Андреяновича из путешествия на личной машине времени в восторженно-авантюрные годы ранней молодости в нынешние будни-непонятки. Это когда суконно-цинковое администрирование, почище Николая Палкина эпохи, как-то гибридно сочетается с откровенно издевательской дурашливостью. Навроде рекламных бюджетненьких сосисок «Баварушки». Последние — скрытый плевок в душу народа. Навроде того придурка из девяностых годов, которого до сих пор эсмэишники поминают: дескать, зачем наши деды-прадеды немцам сразу не сдались? — теперь бы попивали от пуза баварское пиво... А бюджетненькие? — бюджетно, значит дешево, то есть и бюджет у нашего государства такой нищенский. Расширительно же: бюджетненькая жизнь, бюджетненькие мысли... Но как это на злобу дня!

Ранневечерний сон, совмещенный с путешествием в страну развитого социализма (реального — заметим), был короток: сумерки только разворачивали свои темносиние крылья. Взял трубку и услышал хорошо знакомый голос своего давнего знакомого и приятеля Андрея Матвеевича Бурцева, главного редактора провинциального литературного журнала «Срединная Россия».

— Слушай, Андреяныч, извини за вечернее беспокойство, но у меня докука как раз по твоей специальности. Выручай!

— Давай, Матвейч, без долгих предисловий. Не потенциальному меценату на издание своего журнала звонишь, ха-ха-ха!

— Твоими бы устами да мед пить. Это я про мифических меценатов, они же спонсоры на нынешнем американо-нижегородском. Словом, редактируя сейчас для журнала статью некоего чудака: что-то насчет величайшей аферы прошлого века — о полетах америкосов на Луну. И закавыка у меня: пишет автор о Вернере фон Брауне, создателе ракеты «Сатурн-V», на которой вроде как и летали, а начинает с его работы на фюрера. И именует ракету «Фау-2» стратегической. Я-то гуманитарий, но сомнение возникло. Что ты скажешь, матерый ракетчик?

— А скажу, что твой чудака забыл принцип: не умеешь, не берись. Так что правь смело: эта «фау» по принятой классификации относится к ракетам оперативно-тактическим.

— Все, дорогой доцент, спасибо. Что такой веселый в голосе?

— Да вот на личной машине времени съездил в золотые советские семидесятые годы и посетил станцию юных техников. Помнишь, как-то тебе и Васильевичу в «Наливай-ке» рассказывал?

— Ха-ха-ха, про генерала? Как же, уникальный персонаж. Значит, работает успешно машина-то времени имени профессора Скородумова?

— Замечательно функционирует, говоря *нашим* инженерным языком.

— Ладно, спасибо за разъяснение насчет ракеты. Отбой! Надеюсь на скорую встречу в не менее веселом, чем твой *сют*, заведении с гордым названием «Наливай-ка!»

♦ «Мир посетить в минуты роковые»*, — на некий романсовый мотив напевал Андрей Матвеевич, завершая после звонка Николаю Андреяновичу правку материала о Вернере фон Брауне и его ракетах. Мрачные же эти строки любимого поэта-философа вызвало окончание статьи: чудаковатый, но пронизательный автор предрекал, что нынешний ракетный гений Илон Маск с его сумасбродностью таких дел натворит, что прямолинейный немец фон Браун юным пионером-ленинцем по сравнению с ним окажется.

В отличии от приятеля Николая Андреяновича, Бурцев, не обращая внимания (назови хоть горшком, только в печь не ставь!) на беспрестанно сыпавшиеся из всего говорящего и показывающего в этот день доселе чисто технические словечки *генерация* и *локация*, посмотрел телевизионные местные вести. Все же привычка журналиста! Хотя бы и вдумчивого писателя. Тем более следует быть в курсе жизни родного города. Даже если они в официозе умело повернуты с ног на голову. Но и посмеяться, развеяться можно. Выслушал выступление, что-то навроде репортажного блици-интервью телекорреспондентши с пухловатым молодым не то мелким чиновником, а может по депутатской или какой общественной линии? Ловкач этот, из молодых да ранних, судя по мордастому лицу и по паскудненькой улыбочке, с азартом рассказывал об организации общепольного общественного движения — проекта «Моя открыточка города» с целью «развять унылость и тоску городских окраин, однообразно застроенных большевиками серыми пятиэтажками», как определил мордастый назначение таковой акции с солидным (для распила?) бюджетным финансированием. То есть предлагалось в окраинных, рабочих и «спальных» кварталах периодически, раз в неделю-другую, «организовать раздачу промоутерами-активистами местному населению веселых открыток с пристойным юмором, а в перспективе разрешить молодым художникам (здесь интервьюируемый произнес непонятное Бурцеву импортное словечко) расписывать открыточными сюжетами торцевые стены пятиэтажек-хрущевок».

* Измененная Максимилианом Волошиным в его программном стихотворении «Дом поэта» строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон». — Прим. авт.

С интересом начинающего препаратора, рассматривающего содержание вспоротой лягушки, Андрей Матвеевич ожидал продолжения психиатрического интервью, но его прервала реклама бюджетных сосисок «Баварушки»... но здесь, закончив дела на кухне, вошла в гостиную супруга и молча переключила местные вести на любимый канал сериалов-мелодрам. Не огорчившись, наш писатель и редактор вышел на балкон покурить в свежей теплоте майских сумерек.

Сидя в ветхом креслице, вынесенном с наступлением весны на принципиально незастекленный балкон, Андрей Матвеевич не менее осознанно (забыв, что принципиальным на голову кирпич падает!) нарушал недавно принятый облдумой закон о запрете курения на балконах. И мысли его непроизвольно склонялись к соотнесению только что виденного на экране телевизора мордастого открыточника и краткого сообщения друга Андреяныча о путешествии на машине времени в сладостные времена наивного разгильдяйства, что и есть лучший отдых души и тела человека. Тем более, занятого конкретным серьезным делом. Тем же инженерным в военпроме, как у молодого Николая Андреяновича. И сам он в те годы не баклуши бил. Но ведь и отдыхал же в этом самом наивном разгильдяйстве?

Но вот как связать нынешнего открыточника со станцией юных техников времен их с Андреянычем ранней молодости? И вспомнились, вроде как ни к чему? строки дремучего древнего поэта елизаветинских времен Василия Кирилловича Тредиаковского, автора достопамятной в русской поэзии поэмы «Езда в остров любви», которые в студенческие годы учебы в пединституте, дабы поразить воображение понравившейся ему девушки Саши с филологического, он зазубрил:

*Желает человек блаженства непреложно.
Ему — высокий чин, и сила там, и честь;
Тот счастье себе в богатстве чая ложно,
Приумножает все, обилие что есть.*

Саша сказала «мило», но тотчас перевела разговор на животрепещущую тему: в городе, недалеко от их «педа», открыли новый ресторан «Отдых», в котором «...уже почти все наши девочки из группы побывали со своими парнями; вот любопытно было бы посмотреть: а правда, что там официантами одни мужчины?..» В «Отдых» Андрей, тогда без Матвеевича, подругу сводил после ближайшего получения стипендии, а «милый» стих с неловкой рифмой начальной русской поэзии силлаботонического стихосложения так отпечатался в молодой, незагруженной памяти (опять же тот день чтения стихов был для них первым овеществлением вспыхнувшей страсти, что заставило помнить до единого слова все сопутствующее...), что и сейчас посреди ночи разбуди — процитирует. Если, конечно, накануне не посетил основательно с приятелем Андреянычем и профессором Скородумовым заведение «Наливай-ка!»

Связав же воедино нынешнего ловкача-открыточника, воспоминания Николая Андреяновича о «работе» на генеральской юнно-технической станции и свои собственные с поэмой «Езда в остров любви» родоначальника русской поэзии Тредиаковского, который с Ломоносовым оспаривал этот почетный титул, Андрей Матвеевич заулыбался и защелкал против часовой стрелки ручкой верньера личной машины времени.

♦ Андрей Бурцев третий год после окончания местного пединститута трудился в школе учителем истории в шестых и седьмых классах. На весенних каникулах почувствовал полную свободу: в школу поутру собираться не надо, а жена, тоже учительница, уехала на неделю в соседний областной город погостить у тетки, сестры мате-

* Не «на остров», а именно архаично «в остров». — Прим. авт.

ри, где компанию ей составила двоюродная сестра, одноклассница, с которой росли вместе и даже в школе за одной партой все десять лет сидели. А в этот соседний город перевели по служебной линии ее отца. Так что не то на неделю, а было бы время и намного побольше нашлось у кузин чем заняться, в основном языками: обе недавно замужем. Обе и училки, а воспоминания детства и школьных лет вообще тема неисчерпаемая. Потому и Андрея не уговаривала поехать с ней, лишь для вежливой проформы пригласила: дескать, только со скучной миной будет мешаться под ногами...

Тестя с тещей — проживали они с ними — днями на работе, вечером у телевизора. К тому же прекрасно понимали: зятя еще налево не тянет, с женой молодая страсть не унялась, поэтому пусть парень, вежливо-почтительный и благонамеренный, сам недельку расслабится, отдохнет. А тестя, добродушный флегматик с умеренным брюшком, хитроватый подкаблучник, хотя и воевал, орден и медали боевые имеет, порой подмигивал зятю, рекомендовал, пользуясь свободой, слегка расслабиться с друзьями-приятелями: «Главное, Андрюха, тещу не сердить, возвращайся домой не позже чем через час после «Спокойной ночи, малыши», а если с мальчишника-сабантуя идешь, то для запаха карамельку пожуй и от позднего ужина не отказывайся! Бабы этим самым поздним проверяют: сильно пьян или умеренно, если ест с аппетитом».

На третий день каникул и второй после отъезда молодой супруги Андрея еще с утра по телефону позвали на именины, в смысле день рождения, одноклассника, бывшего старостой их группы все годы учебы. Собирались в три пополудни у новорожденного... а там как получится по нижегородскому обычаю — с переменной мест празднования. Пару часов провел в школе; каникулы-то для учащихся, а их всех умеренно мурыжат; то бабенка из роно набегит с глупыми вопросами, напирая на слово *методика*, пристанет (а сама стреляет глазками, видно мужика себе приискивает), или директриса, когда в плохом настроении — муженек у нее порой сильно зашибает, начинает у молодых учителей успеваемостью подопечных интересоваться. Но сегодня Андрей стоящим делом занимался: делал ревизию наглядному материалу по своему предмету, то есть подновлял плакаты с историческими таблицами и датами, изображениями свирепых рыцарей и ликов героических русских князей. Взяв ремонтный материал у трудовика Степана Савельича, заменял треснувшие плакатные планки, обновлял бечевки, подклеивал надорванные края. Работа, когда она в удовольствие, всегда найдется. Ирина-музыкалка, то есть учительница пения в младших классах, ранее стремившаяся окружить видного парня, только окончившего *пед*, прослышав о временном холостяковании Андрея, зашла в кабинет истории, для проверки повертела с пяток минут бердами в короткой юбочке (ведь каникулы, можно и не в официальной униформе появляться в школе!), разочарованно махнула рукой и вышла, необиженно напевая «парней так много холостых...». Андрей на нее и внимания не потратил: начало третьего, пора шабашить.

Дома у старосты, именно *дома*, а не в квартире, ибо жил Виталий в родительском частном почти что особняке — отец главный инженер крупного завода, собрались с десяток одноклассников, кандидатка в супруги имениннику, пара друзей детства и юности с их «частной» улицы. А четверть часа спустя после разгонного тоста пришла, извинившись за опоздание, не очень дальняя, но и не ближняя то ли родственница, а может и свойственница Виталия, на несколько лет постарше его, а значит и всех собравшихся, хорошо всеми знаемая Наталья Молчанова. Она, выпускница философского факультета МГУ, работала по своей специальности в пединституте. На втором курсе, когда проходят философию, Наталье по ее молодости и еще отсутствию ученой степени лекций читать не доверяли, но практические занятия и семинары она у их группы вела. По причине незлобивого характера, приобретенного за годы учебы столичного либерализма, а главное родства со старостой, держала себя со студентами на равных. Теперь же и вовсе на *ты* общалась. Намеревавшую связать себя

семейными узами только после защиты кандидатской диссертации, Наталью охотно зазывал Виталий к своим гостеприимным родителям на домашние празднества. И доселе Андрей пару раз встречался с бывшей преподавательницей-ассистенткой, бывая у Виталия, с которым приятельствовал и после окончания пединститута.

После третьего тоста Наталья, сидевшая рядом с Андреем, поинтересовалась его работой в школе, семейными делами, продолжает ли свои литературные занятия (на истфаке он был редактором факультетской стенгазеты и по мелочи печатался в институтской многотиражке «За педагогические кадры»), не раздражает ли устоявшаяся монотонная жизнь? Тот вроде как в вежливую шутку отвечал, мол, монотонность иногда и замечается, но вот выручают дружеские общения навряд ли сегоднешнего. Но Наталья явно имела некую цель, затеявая разговор «с уклоном». Долго не томила:

— Знаешь, в тебе чувствуется этакая литературская жилка, а для будущего писателя ли, журналиста самое главное, если и не основное, кроме таланта конечно,— смолodu узнать все стороны реальной жизни, набраться этого самого жизненного опыта, все позитивные и негативные тоже стороны бытия изучить. Работа в школе много, конечно, дает в этом плане, но несколько однобоко. Я это к тому говорю, что буквально на днях, явно по «спущенной сверху» директиве, при нашем обкоме комсомола постановили организовать совет молодых ученых и специалистов. Уже оргкомитет собрался, меня от института, дескать, ты молодая и энергичная, опять же для защиты диссертации прямая польза выйдет, туда двинули. А в оргкомитете и вовсе назначили руководителем секции идейно-политического воспитания! Ни много, ни мало — говорят, ты философ, вот тебе и карты в руки. Понимаю твой скепсис по части комсомола, но там другой мир изнутри, что закрыт от внешнего взгляда, увидишь. Словом, давай в *мою* секцию заместителем. Ведь это почти что внештатный член обкома... Ну-у, по меньшей мере внештатный инструктор. Очень даже и в школьной твоей карьере поможет. Соглашайся! Общественники зарплаты не получают, потому и спроса с тебя не будет, а *gonoris causa** несомненна. И не только *gonoris*, но и какие-то льготы полагаются, летний лагерь на Оке для комсомольского актива. Опять же не забывай — комсомол, начиная с уровня обкома, серьезная государственная сила! Все в жизни пригодится, а в сочинительстве тем более...

Почувствовав по рассеянному блужданию глаз собеседника, что тот явно — даже не в трех рюмках дело — не может ухватить суть предложения, главное — почему именно на него пал выбор? Наталья высказалась конкретнее.

— Мы все тут не первый день и не первый год знакомы, опять же с Виталькой, твоим приятелем, мы с детства вместе росли... Это к тому, что я не карьеристка, даже и не помышляю по всяким ступеням комсомольско-партийным карабкаться. А здесь сошлось все кстати: любопытно тот самый мир, о котором только что говоришь, изнутри посмотреть, а заодно и о своем каком-никаком росте должностном в институте позаботиться. Понимаешь ведь, что кафедра наша философская по определению относится к партийно-политическим... кстати, на название секции, надеюсь, *нашей* с тобой, что-де она по части идейно-политического воспитания, особо не заостряйся. Может и не совсем удачно ее так второпях поименовали, но смысл прозрачен и конкретен: это где-то посредине между *твоей* историей и *моей* философией, но в приложении к конкретике нашей жизни, в которой, как бы кто не усмехался диссидентски, идеи советизма и социализма-коммунизма делают свое творческое дело. Получится — не получится, но мировое болото крепко встряхнули. Вроде так что-то персонаж «Поднятой целины» говорил? Если не ошибаюсь?

А почему тебя «за советскую власть агитирую»? — Уже говорила, что пригодится — и немало! — если серьезно за литературу возьмешься. И свой интерес имею: всякий коллектив, тем более в лице заместителя, его руководитель собирает из людей

* Почести для (лат.). — Прим. авт.

не то что знакомых, хотя и это свою положительную сторону имеет, но... как бы это логически четко сказать? — да, именно так: из людей, схожих по мировоззрению, как бы напыщенно это не звучало, которые тебя ничем не огорчат, и которых ты не возмеешь желания обидеть недоверием.

Колеблющийся в выборе правильного решения человек подобен тополиной пушинке, оторвавшейся от материнской ветки: достаточно легкого ветерка, чтобы ее понесло в нужном (ей ли?) направлении. Так и здесь случилось: дунул ветерок в сторону реки Оки. Удивительно, но коренной житель этих мест, области, с запада и севера обтекаемой самой русской из рек, Андрей так ни разу и не побывал на ее берегах. А тут целиковый лагерь комсомольских активистов замаячил на горизонте? Поблагодарил расцветшую от удовольствия правильно сделанного выбора Наталью за доверие и согласился.

♦ Через пару недель по звонку Натальи Андрей явился в комсомольский обком, что размещался в дворовом флигеле обкома же партии на проспекте Ленина. Для этого ему потребовалось перенести свои уроки. Обычно хлопотное это дело, ведь здесь затрагиваются интересы других учителей, тем более капризных по всякому делу учительниц, на сей раз решилось удивительно просто, как только он изложил директорше суть дела и пышно представился «заместителем руководителя секции идейно-политического воспитания совета молодых ученых и специалистов обкома комсомола» — для солидности опустив предлог *при* перед обкомом. Матерая, как и все школьные директорши во все времена, Светлана Евгеньевна с полминуты смотрела на Андрея немигающими прозрачными глазами, как-то с новой стороны открывая для себя молодого учителя, доселе ни с какой стороны себя не выделявшего из коллектива. «Хорошо, Андрей Матвеевич, дело серьезное и полезное. Идите. Я сама с Мариной Михайловной (это завуч школьный) решу вопрос с переносом.

В небольшом, для внутренних деловых заседаний, зале собрались десятка два человек. Как сказала Наталья, — это расширенный актив, в основном руководство секций и уже определившиеся члены их. «Всего планируется привлечь порядка полусотни-шестидесяти человек по всем секциям», — полушепотом, наклонившись к уху Андрея, пояснила Наталья, пока народ, в возрасте до предела комсомольского, наполнял комнату, рассаживался, рассматривал друг друга, кто-то и отдаленных знакомых находил, шумно и радостно приветствовал. А Наталья продолжала вводить своего зама и подопечного в курс дела: «По научным, техническим и производственным секциям их будут наполнять председателями первичек, то есть советов молодых ученых и специалистов на предприятиях и в организациях. Для нашей же специфики, думаю, поступим так: двух я уже наметила из нашего института, одну с философии и грамотного парня с *твоего* исторического, ты его не знаешь. Еще пару прощупываю в политехе на общественных кафедрах. Ты же для утвержденной численности секции еще двух-трех подыщи, например, из наших выпускников, которых хорошо знаешь... а там сам смотри!»

В этот момент в боковую дверь со стороны президиумного стола вошел грузноватый, хотя по лицу всего лет тридцати пяти, уверенно держащийся обкомовец. Таковым он представился притихшему залу: третий секретарь обкома комсомола, то есть ответственный за оргполитработу, по имени-отчеству такой-то. Как ни слабоват был Андрей в сложной психологической науке чтения характеров и образа жизни по самой что ни на есть верхоглядной внешности, но сразу сообразил по манере входа в зал к людям ему неизвестным манере держаться, фигуре и лицу, по первым словам, что обкомовец типичный «хрен со вкусом». Так его отец, много чего повидавший в жизни, оттого к ней философски-проницательно и относившийся, всего двумя словами со связкой-предлогом определял целый ворох качеств человека. Этот ворох Андрей затруднялся сам себе изъяснить в конкретных речевых терминах и определениях. Как обычно, выручало присущее ему, явно по материнской линии, рисование образа.

Так и сейчас, не отрывая взгляда от представившегося залу Юрия Николаевича, он живописно изобразил в убыстренной мультипликационной калейдоскопичности знаковые кадры. Вот отчитался обкомовец, перемеживая небрежно прочитанную инструкцию, спущенную «сверху», со своими домоткаными (родом из деревенских — по складу лица и фигуры видно) вставками, по порученному скучному делу и ушел в свой кабинет, уже на пороге зала начисто освободив голову от только что сказанного. Поскольку «первый» еще с полудня ушел на «партийную половину», где будут заседать до темноты — главный в области «первый» только что вернулся из Москвы, где на Старой площади обсуждалась подготовка к близкому пленуму ЦК КПСС, есть о чем поговорить! а «второй» по районам третий день мотается, то Юрий Николаевич, не опасаясь конфуза, наконец-то исполнил томившее его с раннего утра желание: снять остатки похмелья от вчерашних вечерних, до полуночи, посиделок парой стопок коньяка. Вошла секретарша Людочка, положила на край стола вторую за день почту, уже разобрannую ею по степени важности. Она, даже учуяв запах от шефа и понимая сегодняшнее затишье в обкоме по причине отсутствия главных персон, и не пробовала крутить полушариями аппетитного задика, установленного на точеных ножках, и выставлять свой третий номер соблазнительного фасона «аэродром» в профиль и анфас: хорошо знала железное обкомовское табу, что-де не гуляй где живешь и не живи где гуляешь.

Наскоро просмотрев помеченные Людочкой красным два письма, номер их «Юного ленинца» и кое-что по текущим делам из внутренней почты, он зевнул, одобрительно посмотрев на настенные часы, маленькая, но в то же время и самая главная, стрелка которых решительно перешагнула цифру шесть. Вся прелесть такого тихого дня в обезглавленном (до его ранга, конечно!) обкоме в том, что уже сейчас можно встать из-за стола, уложить в объемистый портфель накопившиеся в кабинетном холодильнике деликатесы из столовского буфета (как основательный и расчетливый деревенский хозяин, официально положенный обкомовский «заказ» он отослал домой), туда же пару бутылочек из заветного шкафчика кабинетной же «стенки» — дружественные презенты, и покинуть учреждение. Да, еще заботливый звонок из кабинета супруге: «Дорогая! Срочно командировали в район — Серега (второй секретарь) затребовал, что-то у него не выходит... да-да, с утра домой загляну, Тамарочке (дочери) не забудь вместо меня на ночь сказку прочесть. Целую, дорогулька!» — И был таков, а выходя Людочке: «Еще здесь? А нну-у марш домой, ха-ха-ха! Мне-то еще долго до родного порога: Сергей Тимофеевич просил подъехать». Людочка понимающе кивнула хорошенькой головкой. Чуть поморщился: персональная «волга» по чину не положена, только служебная на двоих с Серегой, но тот укатил на ней по районам мотаться. Ничего, зашел в общий для обоих обкомов гараж и уже через пять минут выехал на разгонных «жигулях».

...Пребывание сластолюбивого, по-крестьянски крепкого и безуданного во всех делах Юрия Николаевича с раннего вечера до раннего же утра («Солдатский подъем в шесть ноль-ноль», — пошутил он спозаранку) у своей нынешней «законной подруги», недавно разведшейся с неумехой мужем, опять же неумехой во всем, комсоргшей городского швейного объединения, «кровь с молоком» подстать нашему комсомольскому вождю, Андрей для краткости перечисления обозначил латинскими формульными словами (латынь он для самообразования учил, записавшись на юридические курсы при своем истфаке пединститута): *adulterium, concubinatum, ammercium sexuelle**.

Создав в голове образ третьего секретаря, Андрей дальше уже и не вдумывался в тугие по мысли и произношению слова крестьянского потомка Юрия Николаевича. В

* Прелюбодеяние, внебрачное сожителство (конкубинат), половое общение (половая связь) (лат.). — Прим. авт.

памяти его так и остался живописный маслом портрет в стиле поздних голландцев (комсоргша-швейница рисовалась если не по мотивам Рубенса или русских классиков живописи прошлого века, но и не европейской манекенщицей); да еще запомнился эпизод, когда оратор, отступив от инструктивного письма «сверху», решил разнообразить казенную инициативу наглядностью, а именно: подошел к закрепленной на стене карте области, интеллигентно, как учили в ВПШ на комсомольском отделении, взял в руку школьную указку, начал по-солдатски (пуля дура, штык молодец!) тыкать ею в кружочки на карте, обозначающие райцентры области, комментируя эти действия: «...Вот, значит, сейчас мы создаем здесь штаб совета молодых ученых и специалистов, а в него будут входить наши опорные группы в городах: вот здесь, и тут, и там. Представьте, я приблизил указку к названию города — и как бы загорелся огонек на карте, потом другой, третий — и вот вся эта карта расцвечена огоньками. Так инициатива партии и комсомольского цеха у нас в области приобретает зримые черты действующей организации, что в решениях предыдущего пленума нашей партии будет способствовать...»

Далее Андрей, плохо переносивший партийную терминологию, не вслушивался. Кстати (или некстати?) вспомнились рассуждения Сашки Овцовского, давнего приятеля и умеренного просоветского диссидента*: «...Что бы и кто бы там не говорил, но партийные функционеры до районного, а в провинции и до областного масштабов есть люди большей частью честные и на совесть работающие на пользу страны и народа. Но вот нынешний комсомол навсегда ушел от Павки Корчагина и стал миной замедленного действия. И если суждено — не дай бог, конечно! — рухнуть советской власти под нажимом мирового империализма, то комсомольские деятели первыми ринутся в стихию частнособственничества».

«Понял, Андрей, куда мы попали?» — спросила Наталья по выходу из здания комсомольского обкома. — «Понял, но до конца не осознал», — «Будь оптимистом и да воздастся тебе. Главное, подбери пару-тройку ребят», — напомнила Наталья, уже входящая в роль профессиональной вузовской преподавательницы.

♦ Сбылась мечта идиота; так рассуждал Андрей, в самом начале удивительно жаркого сентября месяца наступившего учебного года, подписывая у Светланы Евгеньевны командировочное удостоверение — по отношению из обкома комсомола — на десять дней пребывания в ОШКА, то есть областной школе комсомольского актива, что в санаторно-курортной зоне на Оке. Орду комсомольских активистов привезли большим экскурсионным автобусом в вечерней темноте. Идеино-политическая секция приехала без Натальи, у нее на это время случились дела в МГУ, где она числилась на филфаке по заочной аспирантуре. Так что по старшинству званий Андрей возглавлял свой небольшой коллектив, в том числе и трех законтрактованных им давних знакомцев различного рода занятий, но явно молодых и специалистов. Еще до поездки знал Андрей по рассказам — на редких заседаниях совета — от опытных комсомольских организаторов, что школа расположена на вдающемся в Оку мысе, когда-то отделенном от берега узкой протокой, то есть условном острове. Но при бурном строительстве окрест санаториев и заводских домов отдыха протока ликвидировалась, на название острова сохранилось. «Езда в остров любви», — усмехнулся Андрей, вспомнив поэму родоначальника русской поэзии Тредиаковского, — но почему любви? Наверное, как бы сказал диссидент Сашка Овцовский, любви к партии и правительству.

Наскоро расселив новоприбывших в еще летних просторных палатках с деревянными полами, из расчета на четырех постояльцев, с приличными кроватями, тумбоч-

* Диссидентство в СССР в семидесятые (золотые для советской власти) — первую половину восьмидесятых годов имело несколько оттенков; наиболее активными являлись диссиденты-западники, что в девяностые годы стали отъявленными «либералами головного мозга». Просоветские же диссиденты придерживались лозунга двадцатых годов: «Советская власть, но без коммунистов»... — Прим. авт.

ками, столом в центре, не хуже гостиничного номера. Еще при высадке из автобуса объявили: по причине позднего времени на довольствие в столовой соседнего санатория, в пяти минутах ходьбы, их поставят с завтрашнего утра, а сегодня же совмещение приятного с полезным: первое неформальное заседание, знакомство друг с другом и легкая закуска из, конечно же, захваченных вами, уважаемые *коллеги*, «*тормозков*». «Очень легкая», — со смыслом и улыбкой акцентировала рыжеволосая и фигуристая обкомовская инструкторша. Кстати, третий секретарь Юрий Николаевич, опекающий совет, тоже отсутствовал: еще не возвратился из сочинского отпуска. Уважал бархатный сезон.

Главное, оно же зимняя штаб-квартира, здание о двух этажах и совершенно парижской мансардой, хорошо знакомой Андрею по французским фильмам, куда распорядительницей было велено всем явиться через четверть часа, на первом этаже имело два поместительных зала: один с тремя рядами столов для заседаний, второй с П-образно расставленной мебелью — для «круглых столов», где и рассадили «советчиков» — уже слагался свой сленг. На нем же поименованная *великолепная семерка* обкомовцев обоего пола, как скоро выяснилось, инструкторов из различных секторов и отделов комсомольского обкома, заняли места в основании «круглого стола». Ввиду позднего времени обкомовцы ограничились прочувствованным поздравлением с началом работы совета в его сформированном составе, призвали познакомиться за дружеским ужином из привезенных запасов поочередным вставанием и кратким представлением: имя и фамилия, место работы и должность, название секции совета. Что и было исполнено в последующие полтора часа. Десертные тарелки, вилки, а главное стаканы тонкого стекла из подсобки принесли двое добровольцев под руководством давешней распорядительницы. Когда очередь дошла до Андрея, он уже чувствовал себя в приятной расслабленности тела и души, каковая наступает на новом месте даже после двухчасовой поездки на автобусе и после двух же стаканов ординарного портвейна и еще по мелочи из более существенных напитков.

Спалось в ту ночь Андрею с тремя своими подопечными по линии идейно-политического воспитания в четвертой по счету от главного здания с французской мансардой палатке как в школьном детстве в летние каникулы в пионерлагере. А точнее, в третью смену бархатного сезона.

Опохмелившись в ларьке у ближнего санатория замечательным крепленным вином «маргаритер» из числа напитков, что не уставал осваивать и заваливать прилавки 1/6 части земной суши молдавский винпром, позавтракав «от обкома» в том же санатории, к десяти часам народ по расписанию собрался уже в заседательном зале. Поскольку на первом общем заседании (во все остальные дни, кроме последнего итогового, занятия полагались пленарными, по секциям и без контроля обкомовцев, потому и проводились по сдружившимся палаткам...) отчитывались о проделанной с момента создания совета работе руководители секций, то *врио* идейно-политической Андрей крупно оконфузился. Слабо владел таковой терминологией, нес какую-то околесицу, даже не пробуя вникать в существо произносимых слов со слабой связкой их в предложениях. Особо досаждал привязавшийся к нему прохиндейского вида комсомольский секретарь с какого-то завода: «...А вот конкретные примеры новых подходов в идейном воспитании приведите!» Выручил председательствующий обкомовский инструктор с несколько помятым лицом, торопился завершить заседание: «Достаточно, товарищ Бурцев, доработаете вопросы на пленарных заседаниях, но регламент, увы, требует перехода к выступлению руководителя следующей секции».

Остальные девять дней пребывания на «острове любви» остались в памяти Андрея возвращением в лучшие времена своего студенчества, то есть месячная поездка (курс молодого бойца) в колхоз их группы в сентябрьском начале первого курса и такой же длительности пребывание на летней историко-археологической практике в Херсонской области вблизи Скадовска на черноморском берегу напротив островка

Джарылгач. Совет подобрался симметричным: половина на половину обоего, молодого и чувствующего пульс лучезарной жизни, пола. Девиз «война и колхоз все спишут» золотых семидесятых годов дополнился на острове любви пребыванием в курортной комсомольской школе. Мужские и женские палатки продуманно чередовались. Как-то и сдружение по принципу соседства наладилось у них с пятой палаткой, в которой расположились три девушки; почему-то четвертой кровати там не оказалось, — из секции промышленной индустрии с ее начальницей Верой, мощно-красивой, как мысленно окрестил ее Андрей, председательницей совета молодых и так далее с металлургического завода. Когда на второй день сдружения Андрей вошел ближе к ночи в свою палатку, то ему посоветовали свет не включать, а один из двух смешливых девичьих голосов порекомендовал пройти в соседнюю палатку: «Верочке одной, наверное, страшно».

В последнюю ночь, но уже под утро, комсомольских каникул, ужасаясь своей и Вериной страсти, Андрей пришел к сакраментальному выводу: любая новая связь — суть новый медовый месяц... здесь неделя. И она шепнула: «Закончились каникулы мимолетного счастья. В городе, если встретимся на улице или в обкоме, будем здороваться и со смыслом улыбаться!» И Андрей Матвеевич заулыбался добро и трогательно-чувствительно, развернув машину времени от блаженств острова любви своей молодости и направив ее сверхсветовой полет в свои суконно-цинковые и посконно-домотканные будни.

МАТЬ ТЕРЕЗА НАШЕГО ОКОЛОТКА... И ОТЕЦ ТЕРЕЗИЙ

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это: существо на двух ногах и неблагоприятное.

Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»

♦ Истина, что мир очень даже тесен, заурядна и сакраментальна. А раз так, то не намного он широк и во встречах путешествиях во времени. Так и сейчас, все еще добро и трогательно-чувствительно улыбаясь после путешествия на остров любви, что по правому берегу Оки, Андрей Матвеевич поднялся с ветхого балконного креслица, прошел на кухню, достал из холодильника початую заветную бутылочку, выкушал с чувством стопку, закусил любимым супругою сыром пармезан, что бульбаши-белорусы научились делать для России в годы встречных продуктовых санкций...

Выпил-то за воспоминания молодости в золотые советские годы, когда в стране вроде как «секса не было», но зато царила самая свободная в подлунном мире любовь и любвеобильность, в положенное время переходившие и в собственно любовь. Проще говоря, ребята тогда были здоровы телом и душой, а девушки ответны на приятные чувства, денег не брали и сами не требовали. И все без обид и сцен: подлинное блаженство молодого тела и неиспорченной перипетиями жизненных будней души.

Опять же, вводя в организм стопку охлажденной, мысленно посвятил ее той далекой и мощно-красивой Вере... кстати, до сей поры раз-другой в год случайно встречаются они в уличной сутолоке и улыбаются друг другу со смыслом. Годы здесь ни при чем. Перебрасываются парой-тройкой слов. А когда наркомовская доза, растекшись теплом по организму, приятно освежила и строй мыслей, то припомнилось: чем-то парень из той давешней шестой палатки, из секции работников научно-исследовательских организаций, с которым тогда и словом-то единым не обменялся (какое слово, когда волею случая у них с Верой почти «собственная» палатка!), чем-то неуловимо напоминает нынешнего знакомого и приятеля профессора Скородумова? Может мерещится, как бывает в давней памяти?

И чем тот самый черт не шутит? Ведь мир-то тесен в пространстве и времени, как гласит теория относительности... Дай-ка проверю; время хотя и вечернее, но самое телефонное для пустяшных, не деловых разговоров. И позвонил профессору:

— Игорь Васильевич! Извини за неурочный звонок. Глупый вопрос тебе задам, уж не прогневайся: тебе такая аббревиатура ОШКА о чем-нибудь говорит? Это из семидесятых годов реалии.

— А как же! Довелось там побывать: меня как-то пытались затащить в некий совет молодых ученых со специалистами при комсомольском обкоме. Вот на дармовщину на неделю с лишком и съездил на Оку винца попить, с девушками о поэзии поговорить... А ты к чему интересуешься?

— Значит не померещилось. В том-то и дело, что и я там был, даже от имени идейно-политической секции выступал и оконфузился. Не помнишь такого?

— Знаешь, я кроме первого вечера общего знакомства в главный корпус и не заходил; в нашей палатке компашка развеселая образовалась. И с девушками нашей же секции, название запомнил, очень даже сдружились. Опять же удачно деньгами запаслись, «маргаритер» — помнишь это высшее достижение советского виноделия? — лился если не рекой Окой, то уж родником неиссякаемым точно. Слушай, Матвейч, как же мир-то тесен? Ведь порой и мне, когда с тобой и Андреянычем в «Наливайке» встречаемся, что-то неуловимо знакомое чудится, хотя... в *ошке* той мы с тобой не знакомились, я тогда как раз на спор с кем-то на полгода бороду отрастил... это ведь Андреяныч по своему условному старообрядчеству постоянно в ней щеголяет. Да и ты, само собой, только в абрисе того прежнего комсомолиста напоминать должен, да?

— Ага, тогда усы отрастил. Ладно, вспомним все в подробностях при встрече: как своя своих не познала на расстоянии. Видишь ли, пришлось на машине времени вспять попутешествовать, чтобы узнать о первом условном знакомстве... нет, скорее знайстве. Было такое слово в старом русском языке. Однако, век живи, что и тебе желаю, и век удивляйся!

...Игорь Васильевич положил трубку домашнего телефона, несколько рассеянно усмехнулся: чего только в жизни этой не бывает? А что не познала друг друга, так не удивительно: ведь с писателем Бурцевым не так уж и давно судьба их свела, и далеко не всегда в совершенно взрослом человеке разглядишь когда-то почти случайно и мимоходом увиденного молодца на середине третьего десятка жизненных лет. Но вот, не знакомя их друг с другом, судьба-таки свела их в молодые годы, а впоследствии схожими они в чем-то оказались? И сколько он помнит, а некоторых и до сих пор при случайной уличной встрече приветствует, вообще-то люди приличные тогда на берегу Оки собрались — даже под эгидой комсомольского обкома, функционеры которого в девяностые годы во все тяжкие мигом бросились по линии частнособственничества и карьерного роста — служить новой власти, вроде как полярной прежней. Действительно, в человеке с рождения каким-то законом природы, о котором еще у Достоевского, помнится, Раскольников говорил Порфирию Петровичу, рассуждая о людях «обыкновенных» и «необыкновенных», нечто отличительное заложено.

Согласно действенности такого закона, все люди-человеки на Земле ему подчиняются: от титанов мысли и апостолов морали и нравственности до клинических идиотов и всяческих неблагодарных тварей. Словом, от матери Терезы, хотя бы русского человека смущает ее католичество и малопонятное происхождение, до этой самой двуногой неблагодарной твари. Хотя... здесь Игорь Васильевич с воспитанной профессорской снисходительностью подобрел... конечно, дурак-то вовсе и не виноват, что мать-природа его таковым жить на свете определила! Но вот явная неблагодарность, да обычно с элементом ничем не объяснимой агрессии? — это уже следствие не рождения, генофенотики по-ученому, но прямого воспитания... или отсутствия такового. Но к чему это многомудрый профессор Скородумов прямо от приятности телефонного разговора с писателем Бурцевым, живо всколыхнувшего его душу воспоминаниями о золотой поре ранней молодости, повел свои размышления к новокатолической святой матери Терезе, да еще в соотнесении с людьми характера неблагодарного? — да потому, что вспомнил свежее, на днях имевшее место быть происшествие со своей супругой.

♦ Вернувшись с обычной утренней прогулки, совмещаемой с заходом в магазин по хозяйственным мелким делам, в основном расхожим на день текущий продуктовым, его жена с обычным женским словоохотливым возбуждением рассказала о неловком инциденте в их дворе — два пятиэтажных дома с подъездными дверями друг напротив друга с общим двором — с ее участием.

...Огибая торец соседнего дома, асфальтовая площадка перед которым заставлена, не хуже килек в консервной банке, машинами жильцов, чтобы выйти на дворовый тротуар, она наступила на что-то жесткое и верткое. Посмотрела под ноги: на кольцевой связке пара автомобильных ключей и блокировочный охранный брелок. Растяпа выронил их прямо у машины, едва выйдя из нее и захлопнув дверцу, поскольку ключи лежали почти под левым передним колесом. Понятно, в наше неблагодарное и вообще подозрительное время, да еще эпидемия по второму году разгон набирает, здравомыслящий человек, в смысле мужик, сплюнул бы и прошел мимо, не дотрагиваясь до находки. И ни малейшего совестного укора, что-де нехороший человек, найдя рядом с машиной ключи и охранный отмычку, тотчас угонит ее и — прощай, моя ласточка, загорюет прежний хозяин автосредства. Того гляди, запьет вчерную, работу офисного менеджера потеряет, поскандалит с молодой своей женой, а ныне кобылы эти алчные и расчетливые только за деньги, квартиру и машину замуж выходят, уйдет к более удачливому, запретив с дочуркой видаться. Еще больше запьет — месяцами, *бывшая* оттяпает через суд квартиру, а его выселит в комнату затхлой коммуналки подгородного поселка при станции «Подземгаз»*, население которого после закрытия поселкообразующего предприятия сплошь превратилось в воров, мелких бандитов и хронических алкоголиков... словом, через пару лет только безымянный могильный холмик на заброшенном сельском кладбище будет напоминать о бывшем... Хватит! Ишь куда понесло с несвоевременным добролюбом! Никто эту китайскую хреновину из пластмассы на четырех колесах местной отверточной сборки не угонит, даже если впридачу к ней дать комплект зимней резины и пачку дензнаков с видами города Ярославля... если же с дальневосточными новостройками, то возьмет. Но без машины. Кому охота угонять эти самые машины — и себе хлопотно, и никому они не нужны. Пресытились.

Так подумает нормальный мужик, в лучшем случае пнув в дополнение к плевку носком ботинка связку ключей. Но вот женщина русская, особенно в среднестаршем возрасте, никак не изживет в себе комплекс албанской матери Терезы, как бы ее не

* Это сейчас американцы гонят подземный газ из сланцев, но у нас это пройденный этап. В пятидесятые годы, когда еще не были освоены месторождения Таймыра и Саматлора, вся центральная Европейская Россия с огромными залежами бурого угля покрывалась такими станциями «Подземгаз», что и снабжали топливом окрестные города и веси... — Прим. авт.

убеждали с утра до вечера телевизионные сериалы в обратном: твоя, мол, хата с краю и ничего ты не знаешь о современной морали и нравственности, а раз к *новациям* приучаться не хочешь, так и проходи мимо. Без тебя кому надо разберутся! — братки, *сотрудники* или *неравнодушные* граждане за вознаграждение от пострадавшего.

Так поступила и навек испорченная благодушным совковым воспитанием, вевшимся как ржа в железо, супруга Игоря Васильевича. Она подняла ключи с принайтованной к ним сигнальной штуковиной, даже тщательно смахнула с них песчаную грязь и растерянно огляделась окрест. А вокруг ни души живой, только рядами и враскорячку одиночками машины небогатого по достатку пятиэтажного (без дурацких башенок и привратниц-консьержек в подъездах) дома: в основном пластмасса отверточной сборки и подержанный хлам заграничного перегона из прежних веселых лет. Она уже настроилась подойти к ближней подъездной двери и начать по домофону опрашивать жильцов о владельце машины с потерянными ключами, но на ее везение и нравственные мучения дверь распахнулась, вышел визуально знакомый, как все друг друга отличают по лицу в общем дворе двух четырехподъездных пятиэтажек. — И направился к одной из неподалеку поставленных машин. Что-то напевая по причине еще не испорченного дневными неурядицами теплого, недождливого утра, просигналил своим брелоком, открыл дверцу, достал ветошку и принялся хозяйственно смахивать со стекол осевшую ночную пыль.

Машина у певуна не очень-то казистая, давней паромной японской перегонки праворулевая «тойота», но ведь и не отверточная «шанхайка»! Зато цифры номера почти блатные: три семерки. Сакральное число, как бы ни преминул сказать Игорь Васильевич и привести доходчивый пример: фильмы с этим числом: «Семь самураев», голливудская «Великолепная семерка» (с будущим американским президентом) и наша «Семеро смелых» — Классика кинематографа: цифра одинаковая, но *color local* у каждого фильма свой, неподражаемый.

...Но мы отвлеклись на профессора Скородумова, а что же супруга с ее находкой?

— Послушайте, — обратилась она к владельцу подержанной «японки», — я вот здесь, у колеса этой машины, ключи с брелоком автомобильным нашла. Случайно не знаете — чья она?

— Чего ж, соседка, ты ведь из того дома? знакомое лицо, конечно, знаю: Вадька из третьего подъезда. Вот растяпа! Сейчас позвоню.

Разговорчивый весельчак достал из кармана мобильник и пару минут держал его у уха. Наконец Вадька отозвался, а супруга Скородумова еще некоторое время слушала, как звонивший пытается втолковать Вадьке суть дела.

— С ночного дежурства он, — пояснил, положив телефон обратно в карман, — плохо с утра соображает. Сейчас прибудет.

Супруга профессора, как железо той же ржой, зараженная советской стеснительностью в бытовых делах, меж тем размышляла: вот сейчас прибежит запыхавшийся от волнения Вадька, которого сначала в холод бросило от сообщения соседа из первого подъезда, что-де ключи от машины потерял (а он тотчас бросится ощупывать, выворачивать карманы — ан действительно нет ключей!), но тут же жаркое тепло счастливого осознания благополучного исхода — ключи найдены, машина в целости! — заставило щеки заполыхать румянцем. В полном восторге он из квартиры, через две ступени на третью отсчитает подъездные пролеты со своего этажа, как невесомую пушинку распахнет с откидом массивную, железными листами, оббитую — от лихих налетчиков, упокоившихся еще в девяностые, дверь и побежит, побежит по дворовому тротуару к торцу дома, не сводя счастливых глаз со своей ласточки, на бегу же вспомнит услышанные по телефону слова Витьки из первого подъезда, что ключи-то нашла женщина, проживающая в доме напротив. А вспомнив, тотчас же начнет лихорадочно перебирать в голове, подыскивать слова благодарности и предложения необходимого в таких случаях презента: само собой коробочка приличных

конфет, а супругу благотельницы бутылочку из «Красного & белого», что в доме напротив. Может и еще что прибавить?

...От таких предполагаемых мыслей Вадьки из третьего подъезда совсем неловко стало профессорской супруге.

— Все образумилось, может я пойду домой, а ключи вы передадите?

— Да что за церемонии, соседка! А вот и Вадька идет.

Действительно, из неспешно полуотворившейся двери третьего подъезда боком вытолкнулся мужик лет тридцати пяти, мордастый, ранее ее не знаемый, одетый в домашнюю спортивную китайскую дешевку, и неспешно, позевывая и почесываясь, побрел в сторону машин и ожидавших его Витька и женщины. Подошел, молча и не глядя на лицо взял ключи, хмуро и невнимательно взглянул на свою машину, кивнул Витьку, что-то неразборчиво пробормотал, развернулся и пошел в обрат.

— ...А что ты возмущаешься? — сказал Игорь Васильевич, выслушав супругу, — скажи спасибо, что не обвинили тебя в чем угодно, вплоть до попытки угона или вымогательства. Вот все сериалы идиотские смотришь, а там ведь здоровое зерно: смотрите да на ус мотайте; вроде и дикая жизнь пошла, но другой нет и не будет! Потом, сейчас эпидемия, а ты всякую дрянь с земли поднимаешь, без маски с незнакомыми людьми разговариваешь. Роспотребнадзора на вас, человеколюбцев, нет!

♦ Разумеется, огорчительными этими словами, с изрядной долей профессорской назидательности, Игорь Васильевич всего лишь по принципу «клин клином вышибают» добродушно увещевал супругу в части бдительности, без которой нынче даже с самыми добрыми и благонравными намерениями можно попасть впросак: не то что с оргвыводами, как когда-то в забываемые времена говорили, но и с самыми реальными неприятностями. И на законы особо уповать не следует; нынешняя юстиция перешла на ветхозаветное правило: не закон для человека, но человек для закона. Последнее, сложное для восприятия алогичным женским разумом, Игорь Васильевич растолковал житейским примером:

— Вот взять самый обычный винегрет, что человек съедает перед супом, одновременно закусывая им обеденную рюмку водки. Как и все диетические блюда, винегрет придумали немцы. И закон в этой части таков: винегрет обязательно должен содержать мелко порезанную малосольную селедочку бочкового, но ни в коем случае не пряного! посола. И такой законный винегрет для человека служит укреплению его организма. Но вот, если, как ты, благоверная, порой грешишь, забывая эту селедочку добавлять, дескать, и так с голоду и обеденной рюмки схавает за милую душу, то это уже *человек для закона*: хочу с селедкой винегрет сделаю, а проще и без нее обойтись. Это как у ветхозаветных иудеев: человек для субботы и — нишкни! Нравится тебе ничего по субботам не делать или не нравится, но — ты для субботы, то есть для закона.

...Вспомнив сейчас же за приятным телефонным разговором с писателем Бурцевым давешнее приключение супруги, Игорь Васильевич с досадой подумал, что и сам тем же *миром* мазан: не раз и не два в жизни своей попадал в неловкие положения из-за воспитанной интеллигентской благорасположенности к людям. Если рыбак рыбака видит издалека, а дурак дурака не обидит, то над человеком душеполезного нрава и поведения только ленивый не поизгаляется. Отчего несправедливость такая? И в минуты тягостных раздумий, говоря тургеневскими словами, пришел еще в молодые годы Игорь Васильевич к внешне неожиданному, но в правоте своей и к ожидаемому выводу: человек есть существо социальное, коллективное, даже в периоды полного господства частнособственничества. А раз так, то инстинктивно не терпит кого-либо или чего-либо, выделяющегося из среднестатистического, усредненного в коллективе поведения, нрава или содержания головы, что и нашло свое отражение в фольклоре: выше головы не прыгнешь, всяк сверчок знай свой шесток, лучше синица в руках, чем журавль в небе. И не только не терпит наш добрый рядовой человек вы-

скочек, но норовит подкузьмить такового, подножку подставить и откровенно поиздеваться. А раз так, то выходит, что добросердечные люди у нас в редкость, портят выражение морды лица коллективного и подлежат всяческому неуставному (ибо в уставе-то писанном добронравие всячески приветствуется!) порицанию.

Вот и случай с супругой все о том же свидетельствует. Но как ее порицать за неуместную доброту душевную, если сам... Но ведь простое воспоминание даже самых характерных происшествий лишает их пестрой расцветки и тонкости душевных переживаний, надежд и огорчений. И непроизвольно нащупал профессор Скородумов ручку верньера личной машины времени. Только путешествие в обратное время возвращает эти расцветки и тонкости.

♦ Уже несколько лет как не молодой специалист Игорь Скородумов, но еще и не заматеревший инженер. В пятничный вечер, предвкушая два выходных дня, как и обещал заранее — и жену предупредил, что вернется домой поздно, — прямо от своей служебной проходной на девятом номере трамвая через весь раскидистый город поехал на косолученскую окраину к родителям: накануне прибыл отслуживший срочную в оренбургских степях, на полигоне около Капустина Яра, младший брат. Семейное торжество. Рассчитывал за час-полтора до полуночи распрощаться и двинуть в обратную сторону, в смысле не к «проходной заводской», но до центра все на том же девятом номере, а далее вверх по проспекту на троллейбусе в свою сторону, но... человек полагает, а бог располагает. Частный дом родительский, как и вообще любой отдельный дом с садом-огородом, не казенная квартира, и располагает сам собой и своей отгороженностью от внешнего мира к широкому гулеванию. Ближе к двенадцати, сообразив, что вовсе не к чему в ночной темноте, дожидаясь дежурного трамвая, а по проспекту и вовсе в пешем порядке придется добираться, совершать путь через весь город, тем более завтра выходная суббота, Игорь поддался уговорам остаться. Конечно, предупредив жену, благо будка телефонного автомата через дорогу на углу пятиэтажки с продуктовым магазином.

Дойдя в наступившей ночной свежести до будки в полном безлюдье окраинной улицы, открыл скрипучую металлическую дверь, вошел в ее кубатурную тесноту, достал из кармана двушку и почти наугад — на улице темень, окна дома с магазином чернеют, свет от редких фонарей вдоль дороги внутрь будки не проникает — вставил в монетную щель сверху и, по-кошачьи напрягая зрение, набрал номер. Супруга незлобиво упрекнула, но согласилась с практическими доводами: тащиться через весь ночной город при замершем до утра транспорте, а такси на этой окраине без дела не появляются... Словом, получил отпущение невеликих грехов и дал честное пионерское (из комсомола по возрасту выбыл) завтра с утра быть-стать дома. У телефона-автомата сегодня случился «день открытых дверей», то есть с нужным номером соединил, а двушку «съесть» не захотел. Усмехнувшись, Игорь протянул руку за монетой (двушек всегда не хватает в нужное время!), ухватил ее плоскостью подушечкой большого пальца правой руки и потащил вверх из монетоприемника. Вытащил, но что-то легкое задел тыльной стороной ладони. Заинтересовавшись, пощупал уже в захват: какая-то маленькая книжица. Взял ее, вышел из будки и в свете от дорожного фонаря рассмотрел паспорт. Понятное дело, иной растяпа, собираясь звонить из автомата, вытащит что-либо из кармана: паспорт, заводской пропуск, пачку папирос или сигарет, положит вроде на секунду-другую сверху на коробку телефона, еще в этом кармане покопается, найдет-таки двухкопеечник, вставит в монетную щель, а затем так увлечется, особенно если это женщина или подвыпивший мужик, что, повесив трубку, так и выйдет из будки, забыв выложенное из кармана. Так и здесь случилось, тем более время ночное, в будке темень. И Игорь оказался по ночному же безлюдью первым кто воспользовался автоматом вслед за растяпой.

Покачав укоризненно головой, положил находку в карман и двинулся в сторону близкого родительского дома. А там по причине хмельного состояния и радостно

встретивших его домочадцев, да еще поспел к *нолитым* стопкам, про паспорт и забыл. С утра, торопясь исполнить честное пионерское, да с небольшого недомогания (не стал даже дожидаться опохмелительного завтрака, о чем во выходе из дома очень даже пожалел...), и вовсе про найденный паспорт не вспомнил. Перейдя дорогу, на траверсе той же телефонной будки остановился рассмотреть вчерашнюю находку: на фотографии мужик лет тридцати или чуть поболее с каким-то неуловимо характерным лицом: напряженные скулы, явно темноватый оттенок кожи и очень короткая, как бывает через пару-тройку месяцев после стрижки-нулевки прическа. Взгляд упал на дату выдачи документа — столько же месяцев назад — и все стало на свои места: освободился мужик совсем недавно «от хозяина», с кичи по чистой в родной дом вернулся! Что любопытно — в паспорт вложена свернутая вдвое четвертушка бумаги документного синего цвета. Развернул — и в пот (с похмелья ведь!) ударило: справка о заводском кредите на пятьсот рублей! Такие бумаги хорошо ему известны, сам год назад такую же брал в своей бухгалтерии на хозяйственную покупку. Идешь с ней и паспортом в нужный магазин, берешь штучный товар солидной стоимости, а потом в той же своей бухгалтерии у тебя несколько месяцев по частям из зарплаты вычитают.*

...Вот и мужик, отбыв свое, петиционно исправившись трудом (исправленному верить!), устроился токарем на завод и взял на образование новой честной жизни кредит на полтысячи рублей. Все сходилось яснее ясного.

♦ И как всякого русского, вечно мятущегося (кто виноват? что делать? — в данном случае) интеллигента в первом поколении, именно в первом, ибо в последующих накапливается этакая душевная паскудинка, ущербность, Игоря начала будоражить мысль: как вернуть оба ценных документа хозяину? Ведь он сейчас места себе не находит, как бы на что-нибудь необдуманное не решился с горя... Вспомнил, что недлинный путь от родительского дома к трамвайной остановке лежит мимо поставленных замкнутым прямоугольником домов-пятиэтажек, общежитий большого строительного треста. Как и положено для таких мест, в подъезде одного из них находится милицейский пункт. Для соблюдения порядка в этом месте, обильном общежитской холостой молодежи обоего пола. Опять же, как положено, на стене дома возле входа в подъезд с милицейской дежуркой, что-то навряд специализированного участкового, висит почти как обычный почтовый ящик, но вместо надписи «почта» трафаретом красным по голубому оттиснуто: «Для найденных документов». Восхитительно все это: нашел чужое, голову не ломай как вернуть владельцу, а просто в щель ящика опусти. Как письмо или новогоднюю открытку с текстом: «Поздравляю! Жив-здоров, нос в табаке, жду перевода до востребования». Наверняка наши власти с благоустроенной Европы собезьянничали...

Поравнявшись с ящиком, Игорь уже нащупал в кармане паспорт с пятисотрублевой** кредитной справкой, но именно эта справка заставила задуматься и избежать неосторожного шага к голубому ящику. Само по себе засветить в милиции лишь паспорт (без справки) недавнего зэка — достаточная неприятность для владельца-растеряхи. И без того на карандаше у своего участкового, теперь и в сводки разные попадет: душу всю вымотают; хорошо если для плана! но вот «найдут» паспорт в нужное время и в нужном месте?

...Русский народ генофенотипически, то есть во многих коленах родства своего, с недоверием относится к стражам закона: как при великих князьях, царях и императорах, так и ныне при генсеках (кроме Сталина — тогда порядок и закон один для всех был). А сейчас, когда в одночасье сержантское сословие, которое собственно и со-

* Ни в коей мере не ассоциировать с современными ростовщическими кредитами от банков и полубандитских «микрокредитных организаций». Тот советский кредит выдавался беспроцентным...— Прим. авт.

** По нынешнему курсу доллара и прежнему курсу советского рубля это составляет 60 тысяч нынешних рублей, а вообще-то по реальной покупательной стоимости и вовсе 100 тысяч... Если не больше.— Прим. авт.

прикасается с народом (офицеры те по отделениям отчеты пишут, а к вечеру водку пьют), переродилось в наглых, хамоватых армейских дембелей, и вовсе простой люд начал избегать встречаться с милицейскими. Даже на улице завидев красную фуражку, обычный человек, никаких грехов на себе не несущий, старается вроде как по делу на другую сторону дороги перейти или переждать в проулке. На городских же окраинах, навроде косолученской, населенной в первом или втором поколениях деревенскими выходцами и просто случайным народом, завербованным на металлургический завод, то есть людьми своеобразными, еще не омещанившимися нравом, и вовсе «лягавый» классовым врагом полагается. Все это, как данное и воспитанное косолученской юностью и ранней молодостью, пролетело в голове Игоря, тотчас отдернувшего руку из кармана с паспортом, когда он поравнялся с голубым ящиком для найденных чужих документов. Но, все более горячил себя Игорь, ладно паспорт, рано или поздно, пусть даже с мытарствами, но хозяину все же вернут. Но перед пятисотрублевой (без малого полугодовой оклад свежееиспеченного рядового милицейской службы!) справкой и осторожный старший сержант, раз в сутки проверяющий содержание — у них нет сумок с защелками как у собирателей обычной почты — ящика, очень даже сможет не устоять. Тем более, что и паспорт, данные которого вписаны в справку, тут же. Далее дело сообразительности: личность на фото в документе ничем не выразительная, из числа примелькавшихся в косолученской местности, где из работяг если не каждый второй, но третий-четвертый успел к тридцати с небольшим годам побывать в лагзаке за хулиганку или мелкую, обычно по куражу за компанию, кражу. Так что из своих окраинных родичей, знакомцев или опекаемых по милицейской части совсем не трудно подобрать фотодвойника. Да и в магазине не станут присматриваться к обычному работяге — не руководители ведь партии и правительства к ним захаживают!

Глядишь, без особенных хлопот и исполнитель на тройку дней пьянки заработал, и в квартире или в своем домике сержанта, а может старшины, красуется новомодная чешская стенка, что-либо иное из мебели на зависть родичам и соседям. Ненужный уже паспорт в точно такой же голубой ящик подкинет — на противоположной стороне города, а еще лучше с оказией в райцентре другой области: ящики такие по разверстке сверху по всей стране понавешали. Растеряха же полгода или год скорбно получает по табельным дням уменьшенную на распределенную по месяцам кредита зарплату. Ему, запуганному зоной и неприятностями с потерей паспорта, и в голову не придет в ту же ментуру с заявой идти — и в страшном сне не приснится! Чур меня, чур, соколы в фуражках, погонах и перепоясанные портупьями поверх недавно введенной в их обиход молодецкой формы обмундирования загадочного цвета «маренго». Вместо неприятных прежних волосистых вохровских шинелей жандармского темно-синего цвета. А новый фасон фуражек с лихо заломленной тульей с позолоченной кокардой приводит в восторг неприятных окраинных девиц на выданье. Шпанистые же поселковые ребята за глаза именовали теперь ментов за их фуражки гестаповцами. Впрочем, в своей среде молодым рядовым и сержантам (выслужившим лычки в армии) такое сравнение даже льстило.

♦ Еще у злополучной телефонной будки листая паспорт, Игорь прочитал в штампе прописки адрес владельца. Сейчас же, человеколюбиво решив завезти находку растяпистому владельцу паспорта и кредитной справки, сообразил: означенный дом примерно посредине пути на девятом номере трамвая, немного не доезжая до моста через реку, делившую просторно раскинувшийся город на две примерно равные части: по два с половиной района из пяти имевшихся. И от остановки, как он прикинул по номеру дома, идти совсем пустяк.

С этим твердым решением дошел до трамвайной линии, сел в подбежавший чешский вагон, что только начали в городе вытеснять старинные усть-катавские с деревянными сиденьями, как садово-парковые лавки со спинками, набранные из плашек.

Приняв решение, то есть освободив голову от сомнений, Игорь тотчас заместил свободное место серого вещества сразу двумя докуками. Первой было сожаление, что зря не дождался завтрака в родительском доме: от вчерашнего заметно томило в теле и покалывало в голове. Словом, как мать в таких случаях говорит, с утра был пригож, к обеду нехорош. Иногда обед заменяла вечером... Главное, в кармане только мало-звончатая мелочь, по пути домой не на что освежиться. Пожалел, что вчера таким купеческим жестом выкинул на общий пир заначенный червонец. Что касается второй, то обычное интеллигентническое: неудобно будет видеть счастливое лицо хозяина утерянных документов, его преувеличенные благодарения, едва ли не поклоны в пояс... как будто Игорь какой подвиг в пользу растяпы совершил! Всего-то, подумаешь! нашел чужой паспорт с вложенной в него кредитной справкой... но ведь не на миллион! — нашел и как честный, воспитанный человек вернул законному владельцу. Но разве объяснишь все это явно простоватым (раз в тюрьме их сын или муж сидел) людям, добрым в душе и эмоциональным в выражении своих искренних чувств? Нет, конечно, приятно людям добро делать, но конфузливо выслушивать их чрезмерные благодарения. Еще, чего доброго, вздумают денежно вознаграждать, четвертной билет, ну-у, пятидесятирублевку, стыдливо скашивая глаза, совать ему в руки.

Но вот в этот матримониальный момент рассуждений в голове Игоря обе докуки объединились и пришли к компромиссу, необходимому для обеих сторон: конечно же, хозяева, как люди истинно русские и простые в выражении своих чувств, когда пройдет первый восторг, поуспокоятся. Поймут, что неожиданный, но столь приятный их гость — человек интеллигентный и совестливый, явно откажется от какой-либо вещественной благодарности, упаси бог о деньгах вообще упоминать! то, расчувствовавшись, таки вынесут в прихожую (Игорь категорически откажется от многократных предложений пройти в гостиную, расположиться, выпить с дороги чаю) явно заветную бутылку трехзвездочного армянского коньяка, именно *заветную* для простой рабочей семьи, привыкшей обходиться в праздники водкой и самогоновкой, многие года (судя по несколько выцветшей и замахрившейся по краям наклейке) бережно хранившуюся в дальнем углу кладовки, предназначенную для какого-либо экстраординарного торжества навроде рождения первого внука, получения трудягой-хозяином большой семьи трудовой медали, даже ордена, круглой свадебной годовщины старших в семье... Но Игоря в данном случае устроила бы и бутылочка беленькой, обычной «московской». Даренному коню... и так сойдет!

...Но вот и нужная остановка на самом крутом повороте — дальше рельсы спускаются с горки в сторону моста через реку, он же совмещенный с виадуком над железнодорожными путями. Спускаясь от остановки под другую сторону горки, Игорь тотчас обнаружил по крупно написанному на угловой стене номеру нужный дом, отыскал подъезд, поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь отворилась только после третьего нажатия с пятисекундными паузами между ними. Вход в полуотворенную дверь заступила баба лет шестьдесят, толстая и неопрятно даже для домашности одетая. Выражение одутловатого лица (так Игорю и хотелось про себя поименовать его мордой) не предвещало любезного приема.

— Чего надоть? — злобно спросила хозяйка, глядя на неожиданного посетителя одновременно искоса и исподлобья.

Справившись с замешательством, Игорь осведомился о владельце паспорта, назвав по имени-отчеству и фамилии.

— Нету его, — обрезала баба.

— А когда будет?

— Тебе-то на что знать? Когда надо, тогда и будет, — и отступила от порога внутрь квартиры, явно намереваясь захлопнуть дверь.

Воспитанности Игоря обычно не хватало на откровенное хамство в его сторону. Поэтому несколько раздраженным голосом кратко пояснил, что вчера ближе к полу-

ночи на телефонном аппарате в автомате, что в Косолучье, нашел паспорт с пропиской в этой квартире, а в нем кредитную справку на пятьсот рублей. И вынул из кармана паспорт, который хозяйка очень ловко и грубо выхватила, открыла на первой странице, проверила и справку, после чего напористо стала наседать:

— А чего он делал в Косолучье? С тобой что-ли пил, и кто ты таков, чтобы чужие паспорта брать?

Игорь, стараясь на последнем пределе удерживать спокойствие, еще раз повторил объяснение. Отметил: за спиной хозяйки, видимый с лестничной площадки в проеме двери, появился парень, по возрасту подросток, но уже оперившийся, явно шпанистый и с похмелья, по лицу скорее всего младший брат владельца паспорта. Он понимающе ухмылялся и даже пробовал в треть левое глаза подмигивать пришедшему.

— Так как он попал в Косолучье-то? И куда ты его дел — со вчерашнего утра не видели!

Бабища, распаляясь все более, намеревалась переступить порог и наступать на визитера. Лицо ее багровело, руки уперлись в боки... Поняв, что добром для него беседа не завершится, Игорь махнул рукой, мол, изыди ведьма (но промолчал), и спешно спустился по лестнице к выходу из подъезда.

Проклиная все на свете, всех сволочных баб, бывших тюремных сидельцев и их брательников, а более всего свою псевдоинтеллигентскую воспитанность и наносную чувствительность и благонравие, пошагал он в горку к трамвайной остановке. Как бы в дополнение ко всем неприятностям, и «девятка» подкатила растрепанная временем усть-катавская, что порядочно пообломала ему бока своими ребристыми садово-парковыми скамейками на трамвайных остановках и троганьях в дальнейший путь.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ, ИЛИ У БОЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НЕ ПРОСЯТ

В русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов.

Ф. М. Достоевский «Дневник писателя», 1873

Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма про-силась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!

Ф. М. Достоевский «Хозяйка»

♦ Вернувшись обратным маршрутом, но не косолученского трамвая «девятки» («Шел трамвай девятый номер...» — из фольклора), а личной машиной времени в теплый майский вечер самой что ни на есть нынешней реальности с ее мировыми эпидемиями, западной толерастией и отечественной любовью к футболу, в котором даже команды, набранные из иностранцев, терпят «фиаску за фиаской». Но при всем настороженном отношении к сугубой реальности... которая с футболом из иностранцев, и малотерпимом телевидении, все же вечерними известиями Игорь Васильевич

не манкировал. Чтобы не огорчать супругу, без того обиженную в недавнем происшествии с автомобильными ключами, упорно смотревшую мелодраму на специально под этот жанр отведенном телеканале, перешел он на кухню и включил старинный, еще с советских времен трансляционный громкоговоритель, но — включил на уютную малую громкость. Благо ожидание ежечасных новостей (к окончанию дня — уже «старостей»), их вдумчивое выслушивание и обдумывание можно гармонично сочетать с последним на дню чаепитием.

Вот и новости озвучили. Что характерно, даже эсэмэшники щадят нервы людские: вечером стараются избегать американизмов, тем более новые не внедрять. Понимают, что за трудодень человек утомился от назойливой пестроты унылой жизни, какая-то толика душевного расслабления ему нужна. Поэтому всю «тяжесть» искажения русского языка, перевода его в рамки американско-нижегородской мовы, радиотелевизионщики переносят на утро. В том числе по рекомендации психологов, обученных в столичных и провинциальных «универсах» по американским же учебникам: то есть на свежую утреннюю голову внедрение импортных жаргонных слов гораздо продуктивнее по результатам. Вот и в сегодняшних утренних передачах по радио, что невольно прослушал Игорь Васильевич — для словесного фона — за завтраком, опять ввели новый американизм: «...После хрущевских разоблачений потребовался, как бы сейчас сказали, *ребрендинг* советских успехов...» А вот вечером — красота! Почти на добром старом языке излагают про всяческие успехи в труде и обороне... так что только усилием воли заставлял себя профессор Скородумов верить, что это не про советское время речь идет. Навьи чары, одним словом, как говорил поздний классик русской литературы.

А про успехи в чем надо Игорь Васильевич к тому внимательно в вечерних новостях-старостях прослушал, что сообщили: впервые в стране проведена линия *фотонной* спецсвязи между Москвой и Северной столицей, сообщения по которой в принципе не могут быть перехвачены и расшифрованы. Некоторое недоумение вызвало пояснение диктора: линию эту смонтировали и используют не какие-то специальные ведомства, но... ОАО Российские железные дороги (!!). Ни много, ни мало, то есть частная по определению компания. Может что вечные путаники эсэмэшники не так поняли? Вот и сейчас в следующем сообщении диктор кнессет Израйля запросто дважды назвал *ксенетом*... Хотя... в тех же Штатах сейчас всю космонавтику перехватила сугубо частная компания Илона Маска. Город же на Неве Игорь Васильевич в разговорах и в мыслях всегда именовал обтекаемо, но вовсе не из-за коммунистических пережитков, а по другой, более основательной причине. Почему-то 100 %-но считается, что Петр Первый так назвал основанный им город в честь себя. Но нет, первый русский император скромнее был, а поименовал в память своего святого по святым: Христова апостола Петра. То ли агентура римского папы хитроумно подсказала это царю, а может и он сам, не шибко грамотный — университетов он не кончал, он их основывал! — не задумался, что новую российскую столицу — самой большой православной страны в мире — называет в честь апостола Петра, являющегося основателем католицизма!* Ведь среди официальных титулов папы значится «преемник Князя Апостолов», а таковым именуется апостол Петр, и символично крупнейший католический храм мира — в Ватикане — назван собором Святого Петра. Итак, по нерегулярной образованности Петра Первого, а скорее всего по злокозненной подсказке папских агентов-иезуитов, случился великий парадокс, крайне обидный для России и злопахотельно-усмешливый для Запада: самое крупное и ис-

* Скорее всего, эту несуразность понимали Александр I и Николай II, когда в 1812 (но ненадолго и не официально) и в 1914 гг. переименовывали город в Петроград — уже именно в честь Петра Первого! А «взрывы народного патриотизма» они использовали как подходящий повод... В начале 1990-х гг. по инициативе достопамятного яркого демократа в пиджаке в мелкую клетку, бывшего жителя Бухары, снова появился «город Св. Петра». Иезуиты? Да, но только морально-нравственные.— Прим. авт.

тинно православное государство, «Третий Рим, а четвертому не бывать!» обрело столицу, названную в честь основателя и главного святого покровителя католицизма — оно же главнейший религиозно-идейный и геополитический враг России и русского православия... Очень тонко, но в корень мыслил Игорь Васильевич.

А вот сообщение о фотонной спецсвязи привлекло его внимание по еще более серьезным причинам, нежели переименованный уставшим к вечеру диктором всероссийского радио в ксенет израильский кнессет; даже не поименованная Петром Первым в честь апостола католицизма новая столица.

Чтобы связать в замкнутый узел современность и живую память, благо время ночное на носу, Игорь Васильевич, укладываясь для сна грядущего, снова настроил личную машину времени на далекое прошлое, даже позже по времени только что предпринятого путешествия в косолученскую историю с найденным паспортом с вложенной в него кредитной справкой на пятьсот полновесных советских рублей. А именно: в годы студенчества, учебы в местном политехе.

♦ Игорь Скородумов еще со школьных лет увлекся радиолюбительством, к которому тогда тянулись все ребята. В те же годы появились и транзисторные триоды и диоды размером с ноготь мизинца. Мечтой и сбывающимся желанием каждого стало собрать-спаять карманный радиоприемник. Схемы же приемников брали из журнала «Радио», за номерами которого в дни их поступления в киоски «Союзпечати» выстраивались очереди: далеко не всем доставались вкусно пахнувшие типографской краской журналы. Где-то в далеком мурманском Заполярье школьник Николай (будущий Николай Андреевич то бишь) от корки до корки, в смысле обложки, прочитывал очередной номер «Радио», а школьник же Игорь в своем среднерусском областном городе паял триоды, конденсаторы и резисторы по схемам из этого же номера...

Но уже проявлялся в старшекласнике Игоре познавательный характер, не ограничивался он паянием приемников, особенно внимательно читал в журнале статьи по особенностям распространения радиоволн различных диапазонов: от длинных волн до ультракоротких*, все более входящих в обиход — от городских радиовещательных станций и телевидения до армейских раций. Так что Игорь запросто, с физическими обоснованиями, мог объяснить сверстникам, почему радиосвязь на длинных волнах самая устойчивая, на средних — тоже устойчивая, но на несколько меньших расстояниях, на ультракоротких — в пределах лишь обычной области, но четкая. Поскольку всех интересовал диапазон коротких волн, на которых вели вещание на русском языке «вражеские голоса» навроде «Голоса Америки», «*Deutsche Welle*» из ФРГ, ставшие в шестидесятые годы враждебными радиостанциями Китая и Албании — с непременным исполнением «Интернационала» в начале передачи, то здесь Игорь «с ученым видом знатока» все расставлял по полочкам: «...Гм-м, связь на коротких волнах может осуществляться на самые большие расстояния, даже обогнув земной шар. Потому что эти волны многократно переотражаются от земной, лучше водной, поверхности и верхних, ионосферных слоев атмосферы. Это, например, как плоский камешек вровень с поверхности воды запускаешь: раз от воды отскочил, чуть поднялся, снова воды коснулся и опять подскочил. Здесь все зависит от формы плоского камешка и умелого броска. А дальность и качество распространения переотражающихся коротких волн во многом определяются спокойствием или, наоборот, беспокойством ионосферного отражающего слоя атмосферы. Потому и называется так, что состоит из заряженных ионов, что-то навроде распределенного электрического заряда. Потому и радиоволны от него отражаются назад в сторону земли; как физичка

* По существовавшему в СССР ГОСТу, который, кстати говоря, никто и не отменял, все связные радиоволны строго подразделяются на диапазоны с названиями-аббревиатурами. Так ультракороткие волны — УКВ. В новейшее время эсэмэшники обезьяннически заменили аббревиатуру УКВ на американское *FM* (от *frequens modulation*, то есть «частотная модуляция»), что есть идиотизм: радиоволны в диапазоне объединяет длина волны, но не вид модуляции... — Прим. авт.

наша любит повторять: минус к плюсу притягиваются, а минус с минусом отталкиваются, навряд ли как Егоров с Митиным — оба лодыри и двоечники, но постоянно враждуют друг с другом. И чего им-то, непутевым, делить? ...Так вот, ионосфера постоянно бузит, как Егоров с Митиным, все в ней ежесекундно меняется в зарядовой части: попадет на такой волнующийся участок волна «Голоса Америки» и — пропала на минуту-другую твоя Америка, замер сигнал в твоём приемнике. А зоны замирания радиоволн из-за плохого переотражения по-специальному радиинговым федингами называются. И не путайте эти естественные природные фединги с работой глушилки вражеских голосов, что у нас в городе на крыше заводского дома культуры «Серп и молот» установлена: фединг — это замирание передачи до нулевой слышимости, то есть неслышимости, а глушилка на частоте передачи, наоборот, мощью давит, тархтит как мотоцикл «ижак» или макака-«ковровец», с которых косолученская и приреченская шпана специально снимают глушители и по ночам гоняют, будят целые кварталы...»

Завершив обстоятельное объяснение, Игорь с напускным равнодушием брал папиросу «Герцеговина Флор» или новомодную болгарскую сигарету из услужливо протянутого знатоку радиосвязи портсигара или пачки, если лекция случалась вдали школы или своих домов с бдительными по части воспитания подрастающего поколения доносчицами из числа дворовых старух на подъездных лавочках.

Пожилая физичка, почему-то часто сообщавшая, что она закончила университет в сибирском городе Якутске, ставила Игоря в пример всему классу, особенно рекомендуя брать с него пример «камчадалам» и Митину. А сам Игорь, тонко улавливающий всевозможные сопоставления и тщательно обдумывающий их, сразу подмечал некий потаенный смысл в речи физички: ведь Камчатка, которая настоящая, географическая, а не школьно-разговорная «камчатка» — задние парты для двоечников и лентяев, есть близкая соседка Якутии? И на что этим хотела намекнуть Елизавета Трифоновна? Но разгадать смысл этого сакрального сопоставления школьник, хотя бы и старший, Игорь Скородумов так и не смог. С тем и школу окончил.

♦ Постоянно, от номера к номеру ежемесячному, читая «Радио», со временем Игорь стал обращать внимание не только на содержание статей с описанием конструкций и принципов работы всевозможных радиотехнических штук — от приемников и передатчиков до управляемых моделей, всевозможных сигнализаций и электронных часов с будильниками, но и на фамилии авторов. Сообразил, что некоторые из них прочно «прописались» в журнале, каждый по избранной им специализации. Так по весьма занимающей его теме конструкций антенн и особенностей радиосвязи на различных длинах волн в каждом втором-третьем номере, а то и вовсе в двух подряд, печатались статьи за подписью *Инженер К. П. Сухарченко, г. Ленинград*. И статьи-то дельные, без излишних умствований; если конструкцию антенны описывает, то все с точностью до размера болта с гайкой объяснит; а про распространение радиоволн так убедительно и простыми словами объясняет, как будто сам эту волну с ладони в руки в полет по мировому эфиру пускает, как голубя почтового, и зоркими глазами прослеживает ее путь, поправляя мыслью где надо, чтобы не заблудилась в горных ущельях или не потонула в Атлантическом океане, направленная в сторону цитадели мирового империализма с московской радиостанции имени Коминтерна, понятно дело, с призывом советских пионеров не угнетать их чернокожих сверстников в штате Алабама...

И совсем зауважал ленинградского инженера, когда сообразил: все типы телевизионных антенн, что безлиственным лесом покрывали крыши всех домов в городе... разработаны и описаны в «Радио» тем же Сухарченко! Поэтому когда в доме появился новый телевизор взамен старого с экраном чуть поболее тетрадного листка, то соорудить новую антенну взамен прежней примитивной дипольной отец поручил Игорю, как почти состоявшемуся радисту. А тот выбрал входившую в массовый оби-

ход «бубновочку» конструкции Сухарченки, подробно описанную в старом еще номере «Радио».

Игорь сходил на неохраняемую — кому железяки нужны! косолученскую свалку цветмета, где нередкость увидеть и битый истребитель, что на задворках железнодорожной станции Ряжско-Рязанской линии, проходившей по окраине их города, отыскал пук отрезков алюминиевых труб подходящей длины и диаметра, а через пару дней уже с помощью отца установил на коньке крыши их собственного дома в Косолучье новенькую антенну. Телевизор с ней показывал чисто, без «мушек» и мельканий. Кстати, варганя антенну по описанию в «Радио», Игорь усовершенствовал способ крепления труб, «рефлекторной и директорных», как их в статье называл Сухарченко, о чем не преминул, волнуясь (ведь впервые в жизни в журнал писал!), сообщить письмом на адрес редакции. ...И похолодел от душевного восторга, когда через пару месяцев в свежем номере журнала в рубрике «Наши рекомендации», что на предпоследней странице, прочитал, что *«Наш читатель И. В. Скородумов предлагает усовершенствовать узлы крепления в антенне К. П. Сухарченко, что показано на приводимой схеме. Конструктур широко известной антенны К. П. Сухарченко, ознакомившись с предложением И. В. Скородумова, одобрил его»*. И приводился чертёжик крепления, вычерченный Игорем в письме в редакцию.

На первом курсе института Игорь послал в «Радио» уже самостоятельную статью, хотя и небольшую, со схемой и конструкцией переключателя елочных гирлянд «бегущая волна», не только придуманного им, но и изготовленного самолично и по своей инициативе, на которую его по-женски умело подтолкнула первая его институтская подруга Оксана. Мать ее заведовала детским садиком; то есть вопрос с инициативой спорный. Статью напечатали в предновогоднем номере «Радио», а Игорь впервые познал... нет, с Оксаной они как-то вмиг охладели друг к другу, а познал радиоизобретатель затягивающую страсть к публикациям. С одной стороны, без вина хмелит пусть крохотная, в рамках своих друзей и институтских однокашников, но известность человека, чьи статьи читает вся страна, ведь популярнейшее «Радио» выходит трехсоттысячным тиражом! Это тебе не фунт изюма... А с другой — и вовсе материально ощутимая приятность, когда почтальонша принесла на дом первый в жизни *гонорар*, аж пятьдесят шесть рублей — это ведь полторы студенческие стипендии! Уже и не два, но намного поболее фунтов изюма...

И еще пару его статей напечатали на разные темы. Сплошная приятность, особенно с приходом на дом почтальонши, но на втором курсе Игорь задумался: почин почин, но пора количество качеством подправлять (курс марксистско-ленинской философии с ее законами диалектики как раз на второй год институтского обучения приходится). И, вспомнив доброе к нему отношение ленинградского инженера К. П. Сухарченко, явно ответственного в редакции «Радио» за антенны и распространение радиоволн в мировом эфире, главное — имя и фамилия Игоря уже знакома редакции, решил исполнить давно лелеемое желание: написать и послать в журнал основательную статью об особенностях распространения ультракоротких волн, их связных достоинствах и явных, увы, недостатках. К делу подошел основательно, уже имея за плечами изученные по институтской программе математику, физику, теоретические основы электротехники и много чего другого — все из ближнего к радиотехнике ареала.

В институтской же библиотеке пару дней не отходил от предметного и именного каталогов, пересматривая сотни карточек библиографических описаний. Нужные названия переписывал, а на третий день явился домой с двумя авоськами (мать утром любопытствовала: зачем они ему понадобились?), в каждой из них по десятку солидной толщины книг. Через месяц чтения — все вечера ему отдавал — мысли в голове приобрели дисциплинированную стройность. Особо ценные сведения Игорь почерпнул из книги пятьдесят второго года издания, принадлежащей перу знаменитого ака-

демика давних лет Михаила Васильевича Шулейкина, автора трудов по теории и практике распространения радиоволн вдоль земной поверхности и в ионосфере (без упоминания о «вражеских голосах»...) с учетом воздействия магнитного поля Земли. И об антеннах академик обстоятельно все написал.

Статья получилась основательной, но определенная ее поучительность, явно от чтения академических книг, несколько смущала автора: ведь «Радио», хотя и серьезный журнал, но все же на широкий круг читателей рассчитан, значит популярный? С сомнением отправил, а через некоторое время и вовсе возгордился: из редакции пришло письмо-уведомление, что-де статья одобрена редакцией, признана «полезной и информативной», будет напечатана в ближайшем номере. Втихомолку гордясь собой — не говори гоп, пока не перепрыгнул! — Игорь меркантильно, даже несколько стыдясь своих мыслей, прикидывал, по аналогии с размером и оплатой предыдущих небольших статей, но умножая их на повышающий коэффициент, грядущий гонорар. Солидно выходило!

...Но следующий номер «Радио» вышел без его *Ф.И.О.*, зато через пару недель из редакции пришло письмо, в котором сообщалось, что при повторном рассмотрении его статьи, рецензент Кирилл Петрович Сухарченко печатать не рекомендовал по причине «научнообразности стиля написания и приведения в статье давно известных фактов и положений».

♦ Совместив положенные человеку законодательно восемь часов сна с путешествием в школьные и студенческие времена, Игорь Васильевич с ностальгическим всепрощением вспомнил, что после того огорчительного письма из редакции «Радио» печататься там, конечно, продолжил. Но темы статей нарочито подбирал не касающиеся антенн и распространения радиоволн, а фамилию именитого инженера-изобретателя усилием и тренировкой мышления начисто выкинул из головы — своего рода предание личной анафеме. Даже когда по жизни пару раз пришлось общаться с людьми по имени Кирилл Петрович, кстати, оказавшимися вполне добропорядочными, ему приходилось сдерживать раздражение... Дескать, попа и в рогожке видно, как бы по этому поводу сказала покойная бабуса...

Спросонья, да еще вспомнив немислимой давности историю с отвергнутой статьей, Игорь Васильевич пошел на кухню ставить чайник, по еще большей давности привычке включил кухонный динамик, с первых же слов диктора передразнил его ядовито: «Ишь, мастер цифрового доения коров про улучшайтинг всего на свете с утра пораньше забормотал... Пелевина с Сорокиным на тебя нет! Обули бы в свои фэнтази, как балтийские братишки, перепоясанные пулеметными лентами, в семнадцатом буржуев питерских в деревянные бушлаты переодели». Сбившись со стройности мысли, Игорь Васильевич перестал обращать свой слух в сторону динамика.

Предвкушая первый стакан крепко заваренного, почти настоящего, по крайней мере не явно из подмосковной березы выделанного, цейлонского под первую же, самую вкусную за грядущий день, сигарету, профессор Скородумов протянул ру... Но здесь пугающе, как это воспринимается тишайшим ранним утром, зазвонил городской телефон. Недоумевая диссонирующему, неуместному в половине седьмого часа звонку, взял трубку и услышал голос, который сразу успокоил:

— Игорь Васильевич! Звиняй за раннюю побудку, но к тебе сегодня нагрянет из Москвы Кирилла Петрович Сухарченко, мой однокашник по военной инженерной академии связи, что в Питере и имени Буденного. Мы с ним ее окончили, когда ты, скорее всего, в первом классе чистописание осваивал. Да наверняка слышал эту фамилию: все гражданские и военные антенны в стране и в трети стран мира за последние пятьдесят лет его рук, в смысле головы, дело...

От такого совпадения ночного путешествия на машине времени и упоминания фамилии-табу его давнишним знакомым, даже другом и приятелем, отчасти и учителем в научной части, всероссийски известным ученым-радиотехником Георгием

Ивановичем Никоновым из подмосковного Фрязино, спину Игоря Васильевича укололо мелкоточечными мурашками.

— Как же, дорогой Георгий Иванович, имею честь быть знакомым, но — заочно и в предельных временах, когда чистописанием уже овладел, но институт еще не закончил. А какая судьба его к нам в город направила — и именно ко мне?

— А ты разве не получал от меня бандероль с его книжкой? Я ее недели две-три назад отправлял. Там же еще пару номеров своего журнала, кстати, где ты замом главного редактора, то есть меня, значишься, приложил...

Здесь Игорь Васильевич мигом вспомнил про свою оплошность: да, в начале прошлой недели получил он бандероль от профессора и академика Никонова. У себя в кабинете распаковал ее, увидел свежие номера журнала, под ними угадывалась брошюра небольшой толщины... в этот момент зазвонил телефон: на проводе председатель их диссертационного совета — срочный сбор, назревает скандалчик с одной неудачной защитой, давайте, Игорь Васильевич, немедленно прибывайте в главный корпус! Прибыл, но перед выходом дисциплинированно положил присланную стопочку на свободное место одной из книжных полок. Как правило, принцип «подальше положишь, поближе возьмешь» у людей аккуратных часто срабатывает наоборот. Словом, руки до присланного так и не дошли. Однако марку надо держать:

— Да-да, Георгий Иванович, получил в исправности. С брошюрой, то есть книгой, Сухорученки ознакомился. И что он от меня сейчас хочет?

— Гм-м, вот память на склоне лет начала подводить... а разве я не приложил к книжке его записку: просит наш антенщик дать отзыв. Книга-то скандальная, вот он и собирает авторитетные рецензии. Я тебя ему и рекомендовал. Так как? Конечно, зафантазировался он слишком, но — у больного здоровья не просят, приободри старинушку!

Ложь во спасение — это по-христиански:

— Конечно, Георгий Иванович, и книжку и записку вашу прочитал... только вот отзыв еще не успел оформить...

— А и не надо, на словах с ним и побеседуете. Как узнал, где проживаешь, так и обрадовался... словом, он из кубанских казачков, а они, стервецы по женской части: до девяносто лет с этим полом хороводятся. Так он пару раз в месяц на своем джипе, даром что полковник в отставке, гоняет из Москвы к вам играть в лаут-теннис со знакомой дамой лет на тридцать его помлаже. Вот и совместит сегодня приятное с полезным: ракеткой помашет на корте, а прежде к тебе заедет. Твой номер он знает, а ты запиши его мобильник: созвонитесь с ним, будешь в городе указывать дорогу к твоему университету. Потом мне расскажешь. Будьмо! — распрощался он с Игорем Васильевичем на своем таганрогском (родом оттуда был) диалекте.

Сократив утреннюю чайную церемонию до минимума, профессор Скородумов заспешил из дома в свой университетский корпус. Сложные чувства владели им на недолгом пути.

♦ Конечно, сам факт развертывающейся живой памяти поразил обычно внешне спокойного и внутренне воздержанного профессора Скородумова. Все в жизни за-цикливается, думал он, прошлое замыкается на настоящее, а оно вытягивает все знакомое из прошлого. Как в бессюжетном сне. И рассмеялся, спугнув невольным смехом парочку шедших навстречу студенток-первокурсниц (шел он для скорости напрямки, через студгородок); те приняли смех солидного явно «препода» на свой счет и испуганно забегали глазенками по своей одежке: все ли в порядке? А Игорь Васильевич еще вдобавок и легонько хлопнул себя по лбу тыльной стороной ладони: так ведь жизнь и есть такой вот замысловатый, сложно переплетенный из картинок прошлого, настоящего и мыслительного будущего сон! Тоже мне эврику открыл... Вроде как до старческого маразма еще далеко, да и не собирается он встраиваться в ряды этой почетной когорты...

Вот встречающиеся студентки, что засуетились от того смешка, явно полагают его за солидного и почтенного годами препода — с начала взгорья годов жизни даже не очень высокая вершина кажется Эльбрусом! — а ведь достопамятный, вдруг выплывший из глубин прошлого века, столь достопамятный ему Кирилл Петрович Сухарченко никак не менее чем на полтора десятка лет постарше будет, а вишь — ездит из Москвы с завидной регулярностью в теннис играть с молодой молочно-восковой спелости; небось познакомился где-нибудь на черноморском курорте! Ведь полковник в отставке, значит положен ему ежегодный ордер на отдых по военно-медицинскому ведомству.

...О чудачествах же умеренно зажавшихся москвичей, навроде теннисных поездок в соседний областной город, Игорь Васильевич не по наслышке знает, не по единичному примеру со знатным антенщиком. Так прошедшей зимой встретился он на улице, а сам только что вышел после прогулки по освежающему морозцу из центрального городского парка, с Жоркой Дрогачевым, с которым в бесконечно давние времена начинал трудовую деятельность после окончания (тот и другой одного года выпуска) политеха в конструкторском бюро при оборонном заводе (других в городе тогда и не водилось, а сейчас и те заглохли...). После трехлетней обязательной отработки молодым специалистом Жорка, также и музыкант, тотчас покинул оборонпром и ушел в лабухи, сначала ресторанные, а затем и вовсе стал коммерческим директором вокально-инструментального ансамбля, приписанного к местной филармонии. Пару-тройку раз в последующие годы Игорь, еще не Васильевич, встречал Жорку в Крыму и на кавказском побережье: он отдыхал дикарем, а Жорка со своим ансамблем концертировал, рубил деньгу с благодарной и расслабленной курортной публики.

С тех пор не встречались. Слышал Скородумов от некогда общих знакомцев, что Жорка высоко взлетел: сначала в родном городе при авторитете-кавказце, знатном смотрящем, состоял, затем перебрался в столицу, быстро занял серьезные позиции в «Газпроме»... понятно дело, не олигархические, но в управленческом плане, что тоже не понюшка табаку, но на ящик с гаванами тянет! Это, конечно, сравнение Игоря Васильевича; Жорка не курил. И вот случайная встреча через годы и десятилетия. Бывший газпромовец теперь, по пенсионному возрасту, проживает в подмосковном санатории для элиты этого славного ОАО, имеет при нем квартиру, числится в заместителях директора и передает свой благоприобретенный опыт продвинутой газовой молодежи в форме ненавязчивых наставлений на проводимых семинарах. «Все по американскому опыту», — усмехнулся Жорка. На предложение обрадованного неожиданной встречей профессора пройти чуть подальше в сторону гостеприимного заведения «Наливай-ка!» Жорка отказался: «Мне к вечеру нужно в *свой* санаторий вернуться. Только здесь и остается времени постричься». Из пояснений следовало: раз в два-три месяца знатный газпромовец приезжает одним-двумя днями в родной город стричься у знакомой почтенной парикмахерши, которой единственной и доверяет свою неседующую курчавую голову еще с советских времен... На том и расстались, обменявшись визитками с номерами телефонов. Истинно, чудны дела твои господни!

Удивив вахтершу столь ранним приходом заслуженного профессора, Игорь Васильевич вошел в свой кабинет, отыскал книжку Сухарченко и, не отвлекаясь ни на что иное, за пару часов с небольшим прочитал внимательно все ее сто двадцать страниц. Читал быстро, не задумываясь, но вникал в суть. Суть же прочитанного привела его в полный восторг. На что он в девяностые годы, когда печатать разрешали все: от гадательных сонников и полусонников до описания конструкций аппаратов для воскрешения египетский мумий («использованы материалы и технологии американского и бывшего советского космического приборостроения», — значилось в аннотации к книге объемом в 980 страниц...), — ознакомился с уймой книг, испещренных десяти-

этажными формулами и сложнейшими иллюстрациями-чертежами, в которых запросто решались все научные загадки, накопленные человечеством, та же теорема Ферма, гипотеза Гольдбаха*, единая и общая теория поля и так далее до доказательства существования параллельных миров и множественности вселенных, но предложенная Кириллом Петровичем Сухарченко новая теория электромагнитных волн отметала напрочь в анналы «мировых научных заблуждений» все доселе имевшие место труды классиков электромагнетизма. Без ложной скромности Кирилл Петрович (и даже заужавал от такой смелости профессор Скородумов своего давнего обидчика!) поставил в начале аннотации к книге: *«Ошибки в понимании природы радиоволн, инициированные Д. Максвеллом, Д. Пойнтингом, Г. Герцем, не могли существовать вечно. По мере накопления экспериментальных фактов они должны были быть обнаружены. 50 лет профессиональной работы над антеннами (генерацией и поглощением радиоволн) предоставили такую возможность — натолкнуться на несоответствие теории вопроса его экспериментальному проявлению»*.

...Читая книжку Сухарченко, Игорь Васильевич порой терял чувство реальности: во сне ли он находится, наяву ли читает? Ему, не только профессору и двойному доктору наук, но в инженерные годы разрабатывавшему аппаратуру, работающую с электромагнитными полями, было дико читать, что, согласно доводам реформатора в области фундаментальной науки, вся эта компания светил науки, как-то Пуанкаре, Минковский, Эйнштейн (еще с полутора десятка имен мигом всплыли в памяти Скородумова), глубоко заблуждалась, ибо скорость электромагнитной волны в ее фронте не равняется константе скорости света. Но совершенно потрясло Игоря Васильевича безапелляционное утверждение Кирилла Петровича, что распространение радиоволны не есть колебательный процесс, как тому в школе учат, но есть процесс *наступа-тельный!* Особо Сухарченко обидел (посмертно) иностранца Пойнтинга и русского профессора Умова, заявив, что энергии в виде вектора Умова — Пойнтинга в природе нет и быть не может, дескать, баста! В завершении своей стабидцатистраничной книги автор резюмировал: в природе нет электромагнитной энергии, существующей самостоятельно, постоянной Планка не существует; фотон в понимании Эйнштейна и Фейнмана суть бред, а есть введенный им, Сухарченко, поток фотонов в виде лучистой энергии. И все — возражения не принимаются. Еще в книжке содержалось обращение Кирилла Петровича к министру образования и науки страны, требующее законодательно отменить всю прежнюю физику электромагнетизма и ввести новую, которая в его, Сухарченко К. П., трактовке. Понятно, почему в утреннем телефонном разговоре Георгий Иванович из Фрязино употребил народную присказку: у больного здоровья не просят.

♦ Хотя молодцеватый для своих без малого восьмидесяти лет гипермодернист радиотехнической науки Сухарченко явно уступал в водительском мастерстве иноземцу Шумахеру, или как там его? что плохо кончил, а его джип все же не гоночный болид итальянской ручной сборки, но двести километров от Белокаменной до нашего города он прогнал за пару часов. И буквально в ту минуту, когда Игорь Васильевич, дочитав последнюю страницу книжки, в полном изумлении вымолвил: «Б-а-а! Ну, батенька, и силен ты!» — мобильник его подал голос новатора науки, уверенный в себе баритон: «Профессор Скородумов? Это Сухарченко. Вас Георгий Иванович должен был предупредить. Я уже в центре вашего города. Как мне до вас добраться? Сообщите улицу и номер дома, я город знаю, не раз здесь бывал, по адресу и доеду». Игорь Васильевич пояснил, сообщил и номер комнаты своего кабинета, дескать, вахтершу предупрежу, она вас в корпус пропустит.

Через полчаса в дверь его кабинета вошел Кирилл Петрович. Для своего возраста

* Несмотря на простоту формулировки: сумма двух простых чисел всегда является четным числом, — выверенного доказательства этой гипотезы нет до сих пор... — Прим. авт.

гляделся он великолепно: осанистый, плотный, высокий безо всякой сутулости и кособокости. Лицом и прической — никаких лысин и залысин! — он явственно напомнил Скородумову голливудского актера, не конкретно кого, но именно типичного тамошнего на амплу улыбчивого крестного отца или миллионера на покое в окружении счастливых внуков. Игорь Васильевич мысленно присвистнул. Да-а, такому молодцу не долго партнерш для тенниса искать! Истинно полковник.

Представились друг другу, оба сославшись на профессора Никонова. От чайка гость не отказался, а что покрепче Скородумов, конечно, не предложил: за рулем ведь. Опять же теннис через часок-другой. Перешли к делу; правда, завязывая разговор, Игорь Васильевич шутливо напомнил о некогда, немыслимо давно по времени, отвергнутой Сухарченко статье о распространении ультракоротких волн. «Значит, не все в ней верно было», — серьезно ответил тот. И Игорь Васильевич подстать гостю посерьезнел. В беседе он корректно указывал на определенную категоричность суждений «уважаемого автора весьма интересной трактовки сущности электромагнетизма, который, несмотря на такой мощный ареопаг выдающихся физиков...» и так далее. Сухарченко же напирал на свой полувековой опыт разработки антенн, «которые уже десятки лет используются едва ли не в половине стран мира и нареканий не вызывают!» Опять же Игорь Васильевич, осторожничая в подборе слов, заметил, что той же телевизионной антенне, что виднеется в окно его кабинета с крыши соседнего дома, вроде как безразлично кто прав в теории: Кирилл Петрович Сухарченко или Максвелл с Герцем... с Аликом Эйнштейном тож. Главное, ее трубчатый вибратор, рефлектор и директоры рассчитаны строго по длине волны работы телецентра, потому антенна и принимает сигнал. И нет ей никакого дела до структуры фотона. «Разве Александр Степанович Попов и его конкурент Гульельмо Маркони ломали стулья по части правоты или ошибочности теорий Герца и Максвелла? А радиосвязь опытным путем открыли и ввели в обиход человечества...»

Игорь Васильевич, учитывая военную косточку гостя, правильно выбрал манеру изложения, так что Кириллу Петровичу очень понравилось образное мышление провинциального профессора, в речи которого вроде как на равных звучали имена Сухарченко и основоположников теории и практики электромагнетизма. Прощаясь после почти часовой беседы («Извиняюсь, интересно с вами было говорить, однако Катерина Львовна уже заждалась меня на кортах»), Кирилл Петрович охотно согласился довести до профессора Никонова десяток экземпляров свежего номера журнала «Феномены разума. XXI век», редактируемого Скородумовым, крепко, по-военному пожал ему руку, сказав на прощанье: «Вы, Игорь Васильевич, приятный и квалифицированный собеседник. Некоторые ваши слова и мысли мне пригодятся для дальнейшего обтачивания моей теории, а в остальном... время покажет: кто прав и прав более, а чьи ошибки вошли в классическую физику и подлежат исправлению». С тем и ушел. С полминуты через оставленную гостем полуоткрытую дверь Игорь Васильевич слышал гвардейски четкие, маршевые шаги ниспровергателя авторитетов. Тем более, что здание корпуса еще «сталинской» постройки, с деревянными балками-перекрытиями полов: и в балетных туфельках пройдешь — шаги отпечатываются звуковыми волнами... не электромагнитными.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Нат Весенин
(г. Тула)

Нат Весенин (творческий псевдоним писателя Алексея Шатова). Родился в Туле. Место работы — госкорпорация «Ростех». Главный редактор проекта «Тула литературная», координатор других литературных проектов. Публиковался во многих изданиях. Стихи пишет с 1996 г. Награжден грамотой Тульского отделения Литературного фонда России за проект «Тула литературная», Юбилейной медалью «300-летие начала государственного оружейного производства в г. Туле».

КРУГОВОРОТ ЛЮБВИ

Любовь пришла, жила, и вот
Покинула и где-то бродит.
Попали мы в круговорот,
Круговорот любви в природе.

И каждый год, в который раз,
В одно прекрасное мгновенье
Любовь отыщет снова нас
Для сказочного повторенья.

НАМ ХОЧЕТСЯ!

Нам хочется любви и чуточку заботы
И теплоты, когда свиреп февраль,
Ведь без любви, без ласки кто мы, кто-то?
Космические странники, а жаль!

И по головке нежно глядя чтобы,
Когда скребутся мыши на душе,
Хоть кто б признался в верности до гроба
И умирать не оставлял уже —

Нам хочется! Ведь правда же?!

ТЕБЯ НАЙДУ

Тебя найду в толпе народной.
Пройдешь ты мимо невзначай
Такой усталой и голодной,—
Я позову тебя на чай.

Ты так стройна, а лик знакомый.
Пойдешь под светом фонарей
В мою берлогу. Будь как дома!
Я не из этих бунтарей.

И на неубранной кровати
Я расскажу тебе о том,
Что отыскал тебя так кстати
На этом шаре голубом.

НАСТЯ

Настя, спой мне, Настя, спой
И печали утоли.
Разминулись мы с тобой,
Как на море корабли.

Уплыла, не рассказав,
Ты, куда глаза глядят.
Только карие глаза
Мне оставила и взгляд.

От души не спев шансон,
И меня тем огорча,
Уплыла — остался сон:
Ни сигнала, ни ключа.

Без тебя мне все одно,
А с тобой не знаю сам.
Я ищу тебя давно.
Par amour cherchez la femme.

Юлия Зимина-Кондакова

(г. Тула)

*Наш постоянный автор. Зам. главного редактора
проекта «Тула литературная» ВКонтакте.*

ВОКЗАЛЫ

Разлуками дышат вокзалы,
Слезами, подобным дождям,
Словами, что люди сказали,
Нет, крикнули вслед поездам,
Которые вдаль уносили
Солдат, офицеров родных...
Да сколько же веры и силы
Вместилось в молитвы за них!

Но есть в суматохе вокзалов
Дыхание радостных встреч,
Которых не будет, казалось...
Как будто во сне, слышим речь,
Знакомую и дорогую,
И ловим глазами черты,
Не мыслим удачу другую...
Вот так может счастье прийти!

Как жизнь быстротечна земная!
Как схожа с вокзалом она,
Где люди друг друга сменяют...
Судьбой им платформа дана,
Встречают родных, провожают...
Стучат и стучат поезда,
И в вечность они уезжают,
Когда промелькнули года...

И ведает только Всевышний,
Когда будет рейс роковой...
Пока этот поезд не вышел,
Использовать шанс нужно свой,
Чтоб время прошло не напрасно,
Минутой любой дорожить,
Чтоб мир сделать лучше, прекрасней...
Мечтой и надеждою жить...

* * *

Он был в огромном Крокус Сити Холле —
Кровавый, жуткий, огненный «концерт»,
Случившийся по чьей-то адской воле...
Стреляли в спину... Жгли невинных жертв...

Не верится... Нам кажется, что небыль...
И над пожаром в дымной сизой мгле,
Как жаворонки, души взмыли в небо —
Тем людям жить и жить бы на Земле...

Конечно, палачи за все ответят,
Виновников трагедии найдут...
Пощаду они, подлые, не встретят:
Есть суд людской и высший Божий суд...

Да сколько же у нас в сердцах печали!
Молиться будем искренне за них,
Погибших в роковом концертном зале
И за убитых горем их родных;

За раненых, но выживших в больницах,
И за Россию милую свою,
Чтоб ей от потрясений не сломиться,
Чтоб выстоять в навязанном бою...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег превратил все вокруг
В беспредельное царство полета,
Только тает... Подумалось вдруг:
Как же, в сущности, жизнь мимолетна!

Помню тех, кто в загадочной мгле
Запредельных миров затерялся,
А когда-то на грешной Земле
Одолеть выюги жизни старался...

Может быть, нам с небесных аллей
За безбрежностью облачной дымки
Они с нежностью, смерти сильней,
Шлют летящие письма-снежинки?..

КАК ХОЧЕТСЯ...

Как хочется влекущей красоты
В узорах рифм, ритмичности созвучий,
Во взмахах крыльев гордых птиц над кручей,
В полете новой радостной мечты...

Как хочется заветной чистоты
В дыхании жемчужных снегопадов,
В потоке мыслей и во встрече взглядов,
В сердцах, где места нет для пустоты...

Как хочется лучистой доброты
От всех людей — и близких, и далеких,
Исчезли чтоб из жизни зло и склоки,
И было много в душах красоты...

ЛЮБОВЬ

Легко и сладко, не познав невзгоды,
Любовью разгорающейся жить,
Сложнее пронести ее сквозь годы
И пламя чувств о быт не потушить;

Пройти все вместе — радости и беды,
Друг друга в неудачах не винить,
Благословлять терпения победы,
И преданность, и верность сохранить;

Смириться с недостатками друг друга —
Людей ведь идеальных в мире нет —
Среди событий жизненного круга
Уметь прощать, даря тепло и свет;

Постичь житейских тонкостей науку,
Зря ссорами сердца не теребя,
И вырастить детей, и встретить внуков,
Друг друга нежно, трепетно любя;

Как в молодости, милой и чудесной,
Прижаться близко-близко в час ночной,
И быть друг другу самой лучшей песней
И счастья незабвенной вышиной...

ПОСЛУШАЕМ МЕТЕЛЬ

Побудем вместе хоть немного —
Оставь дел вечных канитель,
Забудь сомнения, тревоги,
Давай послушаем метель.

И пусть на улице ненастье,
Поет зима нам неспроста,
Давай прислушаемся к счастью,
Забудем слово «суета».

Как нас она сопровождает
Настойчиво в потоке дней!
А жизнь летит и... пролетает —
Быть рядом хочется сильнее

И чувствовать, как сердце бьется,
Которого дороже нет.
С годами только познается
Незримой нежности секрет...

За окнами упрямый ветер
Снега не в шутку завертел...
А нам уютно. В этот вечер
Давай послушаем метель...

Вероника Габард
(г. Лунд, Швеция)

НОЕВ КОВЧЕГ

Родилась в Ленинграде. С 1999 года живет в Швеции. Преподает в университете. Стихи пишет более десяти лет. Автор четырех поэтических книг: «Преображение» (2014), «Мой Лунд дорогого изгнания» (2016), «Опрокинутое небо» (2019) и «Жизнь как танец» (на шведском языке, 2019). Призер и дипломант международных литературных конкурсов. В новую книгу «Высокая вода» (2024) вошла избранная лирика последних лет.

УБЕЖИЩЕ

Мигелю

Мы живем в убежище друг друга,
И прочна незримая стена.
Радиусом трепетного круга
Наша жизнь от всех отделена.
Не остынет теплый дом объятий,
Сильных рук и самых честных плеч.
Пусть морщинки глаз смеются ради
Лишь одной мечты — любовь сберечь.
Я наш дом картинами украшу,
Лучшими стихами заселю,
Нежности наполненную чашу
Подниму, чтобы сказать: люблю!
Мы живем в убежище друг друга,
Кто сказал, что замкнуто оно?
Выходя из трепетного круга,
Возвращаюсь. Третье не дано.

ОБМОРОК СИРЕНИ

*Художник здесь изобразил
глубокий обморок сирени.*

Осип Мандельштам

Когда так обморочна сирень
И вишни сбрасывают одежды,
Я вспоминаю наш первый день:
Мы влюблены и в любви невежды.
Город мой, тонущий в лепестках...

Руки, все ищущие друг друга,
Вновь миражами дрожат в стихах
Те поцелуи в черте испуга.
Вечер гас, солнца последний луч...
Что это — знак или просто счастье?
Жизни другой сокровенный ключ,
Май с этих пор лепестками застлан.

УХОДЯ

Уходя, говорите: люблю!
И в глаза дорогие смотрите,
И в окошко машите, машите,
Как рыбачки с земли — кораблю.
Уходя, говорите: живи!
И всегда добавляйте: до встречи!
Чтоб любимых расправились плечи,
Ничего нет сильнее любви.

ТУМАН

Когда туман опять неотделим
От мыслей о тебе и нашей встречи,
Он хоть и не любим, но так... терпим,
Я в ожидание зажигаю свечи
На окнах всех и в крошечных углах
Обжитого, прирученного дома,
Того, меня хранящего и в снах,
И в забытии предутренней истомы.
Декабрь с Гольфстримом — дьявольский компот
Тоски, случайных встреч и лихорадки,
Когда так неуклонно катит год
Под горку и со мной играет в прятки.

В РОЖДЕСТВО

Под утро подморозило, и грусть
Легла на ветки мягким свежим снегом.
Уйду из дома рано. Оглянусь
Не раз и голос твой услышу эхом.
Под стук колес продлится этот день,
Зависнет солнце над прозрачным лесом,
И будет только удлиняться тень,
Когда вагон свой крен усилит весом.
Вот я на север, ну а ты — на юг.
У Рождества широк небесный циркуль,
Мой самый нежный, самый верный друг,
Мне из песка и пены перстень выкуй.
Когда мы бесконечно далеки,
Смотрю на небо, вижу те же звезды,
Там мы с тобой — огни одной реки —
Летим во тьме, укрыты в синий воздух.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Следы на снегу. Ты оставишь следы на снегу,
Ты, в ночь уходя, пожелаешь мне доброго утра.
Я снова смогу — беспричинно смеяться смогу,
И все оттого, что с тобою все просто и мудро.
Тобою оставлена смятой и теплой постель
И кофе на кухне под блюдечком напоминаньем
О том, что мы вместе, и значит, и март, и апрель
Наступят, и я этим новым наполнена знаньем.
Чтоб этот февраль нам с тобой пережить, пересечь
Распутицу, слякоть и солнце неясным намеком,
Перетанцевать, облекая в безумную речь,
Пока не растают бесследно и страхи, и сроки.
Следы на снегу. Исчезают следы на снегу,
Проталины дышат пусть слабой, но все же надеждой
О том, что грядут чудеса: на лету, на бегу
Вернется весна, она будет прекраснее прежней.

ПОД ВЕЧЕР

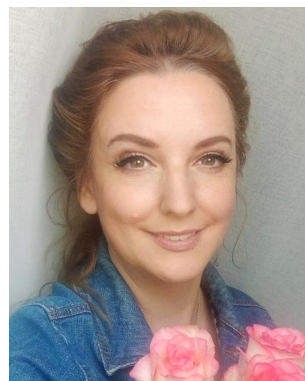
Под вечер всегда закрывали ставни,
Ты был со мной безупречно нежен.
Из страстных любовников кем мы стали?
Рука на груди волнует как прежде.
Я в комнате под потолком покатым
С ночным мотыльком и тобою спящим
Опять вспоминаю, как мы когда-то
Спешили друг к другу... Пусть тот обрящет,
Кто сердцем ведом и, хоть страхом скован,
Читает судьбы разудалый почерк.
Под утро меня ты обнимешь снова,
Чтоб было легко дожидаться ночи.

СВЕЧИ

Зажигала свечи,
Когда мне казалось, что нет огня
Ни в душе, ни в судьбе, ни в мире.
Подбирался вечер
И ластиком черным стирал меня,
Как будто бы мы и не жили.
Но ты возвращался
И снова мое рисовал лицо
Своим поцелуем,
Хоть мрак оставался,
Но ярче звезд светилось кольцо,
К свечам не ревнуй.

Елена Колесникова
(г. Воронеж)

Елена Николаевна Колесникова родилась Кузнецке Пензенской обл. Окончила музыкальный факультет Самарского педуниверситета. Работала в школе. В 2023 г. выпущен сборник стихов «Три ипостаси весны». Лауреат Международного литературного конкурса «Большой финал 2024», лауреат международного поэтического конкурса «Звездная стихия», премии «Золотое перо Руси» 2024 г., финалист международной литературной премии «Форпост» памяти поэта С. Короткова.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Частоколом сучьев голых
Край земли перегорожен,
Дальней рощи рыжий всполох
Словно с факелом заброшен.

Налетев с холодной выси,
На усохнувшие ветки
Ветер низжет крупный бисер,
Выбирая самый редкий.

Но, вспыхнув, сметает шумно
Груды треснувших стекляшек,
Скука... В небе бродит студном
Заблудившийся барашек.

Гладит сбившуюся шерстку,
Успокоился как будто,
Бросив звезд стеклянных горстку
Ветер стихнул, а под утро

Растрепал, развеял в клочья
Белой шерсти легкий ворох,
И погас глубокой ночью
Дальней рощи рыжий всполох...

* * *

Леса бурый подшерсток
Обнажил ветерок,

Звонких дней отголосок
Безнадежно далек.

Вяжет дождик на спицах
Серый полог земле,
Черным вышиты птицы
По лиловой кайме.

Что же мне остается —
Только в руку перо
Да печаль, что прольется
Светлой строчкой в окно...

* * *

Уже покинули огни
Свои бетонные гнездовья,
И грузно по стопам зари
Выходит солнце на зимовье.

Лучом цепляясь за кусты,
Глядит подслеповатым глазом —
Да, с этой жалкой высоты
Не охватить всю землю разом.

А были славные дела! —
Закатов дымные кострища,
И зорька радостней была,
И небеса — синей и чище.

И от тоски по светлым дням,
Достав поблекшие лохмотья,
Все рядит, душу веселя,
Свое оплывшее бесплотье.

Тускнеет день, уже пора
Пора на тучные перины —
И так никчемны вечера,
И ночи нестерпимо длинны...

Маргарита Графова
(г. Казань)

Автор трех книг: сборник повестей (2022), стихотворений «Вплетаясь в вечность...» (2023), «Маргарифмы» (2024). Печаталась в литературных журналах. Победитель и лауреат конкурсов. Создатель и руководитель литературного клуба «Черная фиалка» (г. Казань), организатор и ведущая культурных мероприятий.

НОЯБРЬ

Остывающим пожаром
Растеряло солнце мощь
И скатилось мертвым шаром
За пределы рыжих рощ.

Бледный лист дрожит под снегом,
Как слеза из янтаря,
Как короткого ночлега
Не нашедшая заря.

Серый бархат небосвода
Растворился в едкой тьме,
И смущенная природа
Покоряется зиме.

БАБА НИНА

Белоснежная перина,
В позолоте образа...
Где сияют, баба Нина,
Твои ясные глаза?

Песней праведного сердца
Колокольный тает звон...
Ангел трепетного детства,
Ты ли Богу возвращен?

Тихой осени картина
Смотрит в пыльное окно...
Свет небесный — баба Нина —
В час, когда кругом темно,

Проливается как солнце
Сквозь замерзшее стекло,
И в остывшем сердце бьется
Благодатное тепло.

Лютый ветер над равниной
Замирает, не дыша.
Добрый ангел — баба Нина —
Бога лучшая душа.

ИМЯ

Сдается в плен упрямая строка,
Ложится очертаньями кривыми...
О, Небеса!.. Любимого рука
Так медленно мое выводит имя.

Скользит перо, оставив едкий след,
И о биенье забывает сердце.
И в час, когда померкнет слабый свет,
Я это имя передам в наследство!

Освободив дыханье от оков,
Я удивилась собственной отваге...
Вы мне — неоценимый дар Богов,
А я для вас — лишь имя на бумаге.

РУССКАЯ ПУСТОТА

Пустота бесконечно-русская:
Запредельная, захолустная —
Колокольни церковей оставленных
Растеряли свою медь.

Отпевают ветра апрельские
Одинокие избы сельские,
Где за полугнилыми ставнями
Безраздельно живет смерть.

Плачут призраки за болотами,
Беспокойные и голодные,
Обещая случайным путникам
Вязкий плен неживых вод.

Зазывают леса дубовые
Вороньем и ночными совами,
И двойная луна жуткая
Бледно-розовый свет льет.

Недоверчиво и рассеянно
Ты глядишь в небеса весенние,
От рождения обреченная
На хроническую грусть,

Неразгаданная красавица,
Что своей красоты стесняется,
То ли ясная, то ли черная —
Молодая вдова — Русь.

ЗИЛАНТ

Зилант, прикованный к пьедесталу,
Который век стережет Казань —
В ночное небо глядят устало
Большие бронзовые глаза.

Он чует жаркую близость солнца,
Металл расплавленной чешуи,
Как будто снова дракон несется
Быстрее ветра тугой струи.

Как будто снова Зилант свободен,
Внизу — чужой и безвольный мир.
Прощать врагов — не в его природе...
Но точит меч молодой батыр.

На гладь гранитного постамента
Упала бронзовая слеза...
Дрожит в прохладном плену рассвета
Вторую тысячу лет Казань.

Кристина Денисенко
(г. Юнокоммунаровск, ДНР)

Поэт. Родилась в Донбассе. Печаталась в литературно-художественных журналах, другой литературной периодике. Автор нескольких книг. Победитель, лауреат, дипломант поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей.

НАПИШИ, ПОЭТ...

А в глазах твоих ореол огня
и зеленый лайм!
Между строчек плен, а в стихах до дна
для любви прайм-тайм...
В них тонуть тепло до мурашек рук
и до ватных ног,
До в моей груди твоего тук-тук
как обратный ток.

Свет вселенной всей не заменит лун
и созвездий флер
Из твоих стихов, колдовских лагун
и туманных гор,
Из бегущих строк за земную ось,
за пределы сфер...
Напиши про дождь, про песчаный плес,
напиши про снег...

Я хочу как пить вновь читать тебя
с рафинадом слов,
Я саванна чувств, я стихий маяк
в королевстве снов...
Пустоты бокал разлетелся в крик,
в сплин унылый в грудь...
Напиши про дождь, про желанный миг,
хоть про что-нибудь...

Крем-брюле закат, голубая даль,
корабли в порту...
Между строчек плен, я твою печаль
со своей кладу

В закрома души, в коробок для нот,
в оригами цвет...
Напиши про дождь, про хрустальный лед,
напиши, поэт!

И в глазах моих ореол огня
и зеленый лайм!
Между строчек плен, а в стихах до дна
для любви прайм-тайм...
В них тонуть тепло до мурашек рук
и до ватных ног,
До в твоей груди моего тук-тук
как обратный ток.

МОЙ КРАЙ

Никаких «Прощай», мой разбитый в твердь огневой рубеж.
И без окон дом, и без дома дверь — все в тумане беж.
В световых лучах православный храм с золотым крестом...
Колокольный звон беспокойных гамм... Ты и я фантом.

Отгremели в нас ураганы зла в неизбежный час.
Отгremела ночь — тишина легла белым снегом в грязь.
Не слышны шаги, я иду и нет — я лечу как стриж
Над сырой золой, сорванных в кювет, обгоревших крыш.

Порастут травой кирпичи, стекло, чернота руин...
Мой разбитый в хлам, белым набело расцветет жасмин.
Будет ясный день, будет ясной ночь, будет цвет кружить,
И в твоих полях золотым зерном корни пустит жизнь.

С чистого листа, с фермерских широт ты начнешь расти!
Над тобой рассвет новый день зажжет с божьей высоты.
Пусть же смоем дождь черноту и смрад с каменных равнин...
Чтоб построить дом, посадить здесь сад, чтоб играл в нем сын.

Не в войну, а в мяч! По росе босым! И с нас хватит войн.
Все пройдет, мой край, словно с яблонь дым, все пройдет как сон.
Не прошусь с тобой, как бы ни был плох и потрепан в пыль.
Здесь моя земля! Здесь родной порог и в слезах ковыль.

ГРУСТНОЕ

Боярышник в заснеженных бинтах притих,
Раздав нехитрый ужин снегирям и белкам.
Бездонная тоска сокрыта в снеге мелком.
Двор замкнут на засов немилостью святых.

И только птицы вне беды навеселе.
Выводят двор из ледящего молебна
Невинной трелью, и неистово хвалебна
Их ода миру на поруганной земле.

К разбитым окнам жметесь гадкий персонаж.
Он точка боли. Он скала. Его не сдвину.
А души павших в облака мне смотрят в спину,
И снегом засыпают двор безлюдный наш.

Испуганная белка скачет по седым,
Ладони возводящим к господу, фигурам
Израненных кустов, и ночь во взгляде хмуром
Пугает чернотой, которой не хотим.

Боярышник в снегу как светлое пятно.
На тонкий месяц эпизод из снов наколот.
Сковал в отравленном колодце воду холод.
И я боюсь, что тоже умерла давно.

КРУЖЕВНАЯ ПРОПАСТЬ

Все рано или поздно станет кружевным.
Все на своих местах от столбика до шага.
В узорной монотонности сплетенных зим
С кислинкой талых на ладонях винных ягод.

Все полотно. Все душный кокон глупых драм.
Пусть сокрушение души совсем некстати,
Но я тебя до полуслова воссоздам
Из правды сердца и надуманных обьятий.

В просвете елок звезды разливают грусть.
И любо-дорого смотреть на искры снега,
И помнить то ли смутно, то ли наизусть,
Как растекалась под покровом дрожи нега.

Глаза две бездны из богемского стекла,
И снег такой же, как сейчас, неторопливый,
Любовь, а может не любовь, но истекла
Полетом бабочек над жалящей крапивой.

Все рано или поздно станет кружевным.
Твои слова давно овиты колосками.
Связала мне судьба тебя, да жаль, чужим,
И кружевная пропасть встала между нами.

ТЫ ТОЛЬКО МНЕ СКАЖИ

В ненастный вечер с грустью неземной
Ты зябнешь босоногими дождями
В асфальтовых воронках, и в окно
То постучишь, то краем глаз заглянешь,
Особая, печальная до слез,
И льется блюз каскадами печали.
А я молюсь на золото берез
О том, чтоб спящий мир в ветвях качали.

Меня услышь сквозь хриплый крик совы,
Рассерженной на слякоть и туманы.
И пусть мои прошения не новы,
Тебя просить о мире не устану.
Оденься в платье цвета «рыжий лес»,
Не прячь глаза Мадонны за вуалью,
И мы с тобой станцуем полонез
В краю, где порох воробьи клевали.

А хочешь, пустимся с тобой в фокстрот,
И растанцуем ночь безлюдных улиц...
Ты только мне скажи, что оживет
И сад, и дом, и город, где столкнулись
Добро со злом, а может быть, беда
Не по лесу ходила, а по людям...
Ах, осень, осень, если б я могла,
Я просто б огласила мир повсюду.

КАЛИНОВАЯ ГОРЕЧЬ

Говорят, двери в церковь открыты для всех, и вот
я иду за тобой по пятам к алтарю в свечах.
Как калиновый чай на губах, по тебе горчат
неотпетой души мысли в тон беспокойных нот,

мысли в тон неприкрытой досады, что растерял,
будто ясен в дождливую осень скупую медь,
отражением право в зеркальных зрачках чернеть,
быть не призраком, а человеком больших начал,

у которого в планах семья, палисад и дом...
и кружить на руках тебя в платье белее выюг...
Свет покровской свечи на ладонях вконец потух
— ты просила найти мое тело в бреду немом.

Я не там, и не здесь, как рукой к сердцу не тянись...
От потерь до потерь во мне вера крепчала в нас.
До чего же калиновым чаем горчит рассказ
неотпетого сына Отчизны с крестами ввысь.

Я иду за тобой круг за кругом, из зала в зал.
Может где-то в какой-то больнице ни жив, ни мертв?
Ты выходишь такой же из церкви в просторный двор,
а там холод венки на солдатских гробах сковал.

И ты плачешь по мне, будто в каждом я.
Если смог бы, и сам бы завыл как побитый волк.
Боже правый, неужто и правда я в битве слег?
Почему ты не дал мне за мать и отца стоять?

Снова горько до жути губам и горит в груди.
Будто рвется душа и болит все сильнее спина.

Открываю глаза! Ты со мной, как во сне, бледна,
и огарок покровской свечи на столе чадит.

А сказать не могу ни полслова, ни ах, ни ох.
Только пристальным взглядом кричу тебе: «Хватит слез.
Я живой! Я к своим вопреки всем и вся дополз...
И я встану, не плачь! Ибо встать мне велел сам Бог».

ВЫСТОЙ

Здесь закат над полями духмяный.
Здесь полынью горчит горизонт.
Здесь художник, в стихийной сутане,
Будто пишет мой красочный сон
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Золотистым лучом сквозь войну,
— Просто мир, просто даль, просто «Выстой»,
И я сердцем в надеждах тону.

С терриконов спускаются трели,
С колоколни — обрывистый звон.
Милый загород точно свирельным
Волшебством допьяна опоен.
Степь донецкая вспыхнула гладью,
Ковылями натянутых струн.
И на танки в окопах не глядя,
Я в тебе окунуться иду.

Растворяюсь душой без остатка
В благодати некошенных трав.
Я в объятиях солнечно-сладких
От всех бед и страстей спасена.
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Сквозь ветра, что привычно скорбят.
Просто мир, просто даль, просто «Выстой»...
Я стихами рисую тебя.

Анатолий Ливри
(г. Цюрих, Швейцария)

Философ, эллинист, поэт, прозаик, политолог. Родился в Москве, где жил до отъезда на Запад в 1991 году. Доктор филологии университета Ниццы. Тема диссертации: «Набоков и Ницше»; защищена в июле 2011. Автор 24 книг, лауреат семи российских и международных премий, бывший преподаватель Сорбонны и университета Ниццы, частый гость телепередач Русского мира.

УТРО НЕМЕЗИДЫ

Вечор сколь жестко бились в небесах
Лучи и тучи — дикое наследие потоков ветхих!
А ныне... погляди, голубизна, прозрачная как страх,
Нет, ужас, нависла низко, пожирая мелких,
От Млечного Пути отставших тусклых звезд — искр молнии,
Владеющей Вселенной, а значит этой шхерой,
Пристанище нам подарившей в шторм, и горнии
Молитвы (хоть не просил), навеянные верой в Немезиды меру.

ЦЕЙТНОТ

Священный ужас — дар глухих богов
Излился бойкой бурей карийона
На серый Рейн, дымящийся как плов,
А тут — цейтнот, — и тишина без стога.

Поставленный на паузу поток,
Причудливый союз причастья и разлуки...
Чу! сгусток счастья, припасенный впрок,
Взорваться норовит от лени или скуки.

Да, бомба радости звенит в моей утробе,
Где террористом — Вакх, невинен, не судим.
Пусть пегі небеса, но творческая злоба
Трепещет пуще пьяных харедим.

ЭЗРА ПАУНД

Мы расправляем плечи, словно крылья
Родившийся повторно шелкопряд.
Вдохни запретной дикости, собрат,
Бог в помощь, Эзра! Эй, Паунд золотой,
Тебя пытали влажною тюрьмою
Ростовщики и их блажной Цахал.
Тебе мечтали рот заткнуть кохены,
Чтоб ритмику Эллады заглушить,
Залить лозу послушливым асфальтом...
Они своей почти достигли цели.
Победоносна пошлость.
А ты, поэт, забыт.
И оклеветан.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор.

НОВОЕ И ЛУЧШЕЕ

Мне снятся неизведанные дали
И новые большие города.
Но знаю, побываю в них едва ли,
А может быть уже и никогда.

Передо мною города, как птицы,
Они зовут и манят за собой.
И ясно мне теперь, к чему стремиться,
Последовать, помчаться за судьбой.

В домах тех люди с чистою душой,
Они творят великие дела.
Там даже воздух, кажется, другой.
И никогда не наступает мгла.

Быть может, мысли у меня устали,
Раз очень часто снятся города,
В которых побываю я едва ли,
А кое-где, быть может, никогда...

* * *

Здравствуй, дорогой мой, первоклашка!
Ты пошел сегодня в первый класс.
У тебя красивая рубашка,
Ты ее надел всего лишь раз.

Стал ведь ты на шаг уже взрослее
И тебе исполнилось семь лет.
Заходи в свой новый класс смелее,
Пусть тебе помашет мама вслед.

Ждет тебя нелегкая дорога —
Не даются знания просто так.
Будешь уставать в пути немного,
Но, поверь, все трудности — пустяк.

Пролетят года учебы птицей,
Пусть тебе не станет в жизни тяжело.
Надо только к знаниям стремиться,
И стараться много, первоклашка.

* * *

Почему-то вспомнил лагерь наш
И девчонку с первого отряда.
Детство, лето, солнце и кураж.
Все промчалось и ушло куда-то.

Я забыл как звали ту девчонку —
Лет ведь пролетело уже столько!
Как она вела меня в сторонку,
Чтоб спросить: «Ты целовался, Колька?»

Я тогда, конечно же, краснел,
Но не думал виду показать.
Пусть же знает, что я очень смел,
Хоть молчал. Она же мне опять:

«Ты разочек целовался, Колька?
Ну, скажи, признайся мне в ответ!»
Пролетело с той поры лет столько,
Затерялся той девчонки след...

* * *

Мы опять с тобой сегодня в ссоре,
И не знаем в ней кого винить.
В этом многолетнем давнем споре,
Где любви коротенькая нить

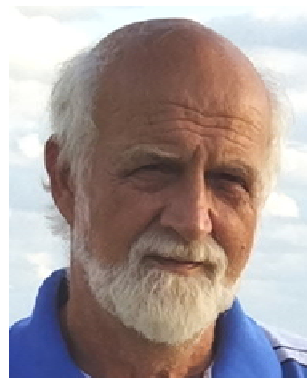
Протянулась через много лет.
И готовая порваться хоть когда.
На душе тоски глубокий след
У меня давно. И никогда

Нам уже ничто не изменить.
Снова мы с тобой сегодня в ссоре,
Нас связала тоненькая нить.
И помиримся мы вряд ли вскоре...

Игорь Отчик
(г. Лыткарино, Московская область)

УХОДИТ ВРЕМЯ

Наш постоянный автор.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

Они звучат, воспоминаньям нашим вторя,
И в памяти остались, в прошлое маня.
Японок голоса о теплом синем море
В моем наивном детстве трогали меня.

Грустила о любви царевна Несмеяна,
Благоухали свежих ландышей цветы,
Коктейли пряные в ночи пил город пьяный
Под хит тех лет о королеве красоты.

И ось Земли вращали белые медведи,
Оставив романтический след в моей судьбе,
А Пьеха пела песню о своем соседе,
Весь день игравшем на кларнете и трубе.

И царствовал на танцплощадках Ободзинский,
Высоцкий на магнитных записях хрипел,
Запиливались в хлам виниловые диски,
Но оставались точки после буквы Л...

И замирало Подмосковье до рассвета,
Негромко добрый старый клен стучал в стекло,
И Верещагин пел про госпожу Победу,
А время между тем текло, текло...

Да, Саша Градский прав: как молоды мы были!
С тех пор завяли миллионы алых роз...
Хотя мы звуки этих песен не забыли,
Но ветер времени их далеко унес.

И конюшину «Песняры» давно скосили,
В сиреневом тумане скрылись поезда,
И только в зимнем небе — небе темно-синем,
Надежды светит незнакомая звезда.

Остался только миг меж будущим и прошлым,
И нам за временем летящим не успеть,
Но можем мы любить и думать о хорошем
И песни нашей молодости петь.

ГЕРОИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Мы жили в том, давно ушедшем, мире,
Где были неизменной радостью для нас
Тех давних лет герои и кумиры,
Чьей всенародной славы свет уже угас.

Гагарин, Магомаев, Даль, Харламов,
Борзов, Меньшов, Утесов, Герман, Королев,
Ротару, Яшин, Табаков, Ульянов,
Леонов, Евтушенко, Брумел, Куравлев...

О, как мы их успехов новых ждали!
Их новых ролей, фильмов, песен и побед,
И о счастливом будущем мечтали,
И верили: страны прекрасней нет.

Жванецкий, Пугачева, Окуджава,
Рязанов, Корбут, Визбор, Тихонов, Шукшин,
Третьяк, Титов, Лавров, Стрельцов, Папанов,
Высоцкий, Райкин, Роднина, Гайдай, Блохин...

Пусть были времена для шуток строги,
Но их таланты освещали нашу жизнь,
Для нас они — как символы эпохи,
Как непостроенный в те годы коммунизм.

Миронов, Пахмутова, Ободзинский,
Никулин, Пьеха, Власов, Рыбников, Кобзон,
Плисецкая, Федотов, Кикабидзе...
Как жаль, что слава их развеялась как сон!

Людей, их помнящих, осталось мало,
Но эти имена нам души бережат.
С обложек старых выцветших журналов
Они, веселые, счастливые, глядят...

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Виктору Татарскому

«Ригонды» старой теплится шкала настройки,
И мягко светится зеленый огонек,
И голос слышится Татарского негромкий,
Читающего писем вязь неровных строк.

Ведь встреча с песней — для кого-то добрый случай,
Чтоб с грустью оглянуться на прошедший путь,

Утешить душу тем, что было в жизни лучшим,
И над несбывшимся нечаянно всплакнуть.

Была случайной та единственная встреча —
Их свел плацкартный в дальнем поезде вагон,
Но не забыть ей тот давнишний летний вечер,
Когда попутчиком ей оказался он.

Он, юный лейтенант, училище окончив,
По месту службы ехал во Владивосток,
Она же, получив в Москве диплом заочный,—
В какой-то небольшой поволжский городок.

Они о чем-то говорили целый вечер,
Чтоб не мешать соседям, снизив голоса,
И песенка звучала о случайной встрече,
И в душу ей глядели ясные глаза.

А утром плащик свой набросила на плечи
И вышла на промокший от дождя перрон,
А лейтенант ей вынес на платформу вещи,
И плавно отошел от станции вагон.

И не дала судьба им ни малейших шансов,
Ведь не было на новом месте адресов,
И след его в Приморье где-то затерялся,
И был недолгим гостем он девичьих снов.

А в жизни у нее все вроде бы сложилось,
И ей по-женски не за что судьбу корить,
Но та нечаянная встреча не забылась,
И вот она ту песню просит повторить.

Ведь, может быть, в субботний этот добрый вечер
Татарского негромкий голос слышит он
И тоже вспоминает давнюю ту встречу
И утренний, под мелким дождиком, перрон...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ

Стою на улице знакомого поселка
И отыскать пытаюсь прошлого следы,
Из памяти извлечь ушедшего осколки...
Как много уткло с тех давних пор воды!

И возвращаться вроде бы нельзя на круги,
И нет в бывшее ни тропинки, ни пути,
Разъехались отсюда все друзья-подруги,
И ныне здесь людей знакомых не найти.

Мелькают лица неизвестные прохожих,
И жизнь для них вполне обычная течет,

Им дела нет, что жил я здесь когда-то тоже
И знал всех местных пацанов наперечет.

Как все в округе кардинально изменилось!
Где прошлого приметы, милые черты?
Как будто наша та, бывшая, жизнь приснилась,
И в этом городе не жил когда-то ты.

Да, стало многое культурнее и лучше,
Ухожено, куда ни бросишь беглый взгляд,
Но из дырявой памяти мне светит лучик —
Я вижу то, что было много лет назад...

Но это блажь, и возвращение на круги
Оставит на душе лишь сожаленья след.
Здесь все другое — люди, запахи и звуки,
И в прошлое вернуться невозможно, нет.

УХОДИТ ВРЕМЯ

Друзьям молодости

Уходит наше время и родные люди,
Их будем помнить до заката наших дней.
Незаменимых нет, но и таких не будет,
И этот мир без них становится бедней.

Да, этот мир уже не наш, хоть в нем навалом
Жратвы и джинсов, и дубленок до хрена,
Но человечности и совести в нем мало,
А водке, колбасе и шмоткам — грош цена.

Наш мир остался в тех родных семидесятых,
Где был народу в радость каждый новый год.
В то время не было ни нищих, ни богатых,
Все жили скромно, но страна звала вперед.

Мы были молоды и жили интересно,
Любили, верили, и жизнь была полна.
...Ушло то время, отзвучали наши песни,
И только в памяти остались имена.

Воспоминаний давних утихают звуки,
И мы молчим и в наше прошлое глядим.
Друзья уходят. Разомкнулись наши руки,
И горек неизбежных расставаний дым...

Яков Шафран
(г. Тула)

О ГЛАВНОМ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Мы слышим порой: «О, как время бежит!»
И кто-то пытается хронос* замедлить.
Тревожит сие и людей из элит,
И слово тут скажет свое даже медик.

Но мало кому это в разум придет —
Что времени нет вообще во Вселенной,
Что Матери строй, Дух Отца среди звезд,
И третьего нет средь Небесных явлений.

Не время течет, а мы в Духе идем,
Рожденные Им продвигаемся в Нем,
Встречая в Пути испытания.

И то, как пройдем, новой жизни маршрут
Случится пологим иль будет он крут —
Таков механизм Мироздания.

* * *

Кто-то мне скажет — Советский Союз
В бозе почил безвозвратно.
Кто-то поверит, что в этом есть плюс,
И усмехнется злорадно.

Люди советские — что в большинстве,—
Этого вовсе не примут.
С прошлым страны они явно в родстве,
Близок тот общества климат.

Вот потому-то Союз и не умер —
Просто в тяжелой находится думе,
Просто Отчизна больна.
Жив наш Союз вопреки всем недугам,

* Хронос — персонификация времени в греческой философии.

Он исцелится и телом, и духом,
К людям вернется Страна!

* * *

У каждого к Истине, Родине, Богу
Всегда свой особенный путь.
И нет того лучше, без сбоев, прямого,
С какого негоже свернуть.

Но жизни пути непохожи и разны,—
Есть даже ведущие вниз.
Так с верной дороги уводят соблазны,
Гордыня, обман, компромисс.

Однако каким бы то ни был тот путь,—
Доподлинно будет извечною суть,—
Какую б ни выбрал тот путник дорогу,

У каждой есть два неизбежных конца:
Погибнуть, подпав под начало Лжеца,
Иль выйти навеки к Предвечному Богу!

* * *

Он счастья искал в обожанье подруги,
В здоровье, познание и в смене работ,
В признание людьми его личной заслуги,
И в том, что в бездействии Кто-то спасет.

Но понял однажды в томлении духа,
Что счастья вовек в этом всем не найти,
Что Богово ухо к тому всему глухо,
Что не приведут к цели эти пути.

Ведь счастье, что ищем, в одном только Боге.
К Нему одному ведут блага дороги.
А Он у любого внутри.

Единый Источник Любви Он и Света.
Он душу влечет, ожидая ответа,
Встречая у сердца двери!

* * *

Мне друг говорит, что от жизни устал,
Скорей на покой бы и к Богу.
Знать видит из пропасти он перевал,
Ведущий к благому итогу.

У жизни же нет ни предельных границ,
Ни вечной посмертной награды.
Она — это повесть нетленных страниц
Извечно живущей монады.

Строка за строкою — страница жива,
И пишется так за главою глава
Истории той человека.

И каждой главы неизбежный итог
Влияет на жизни грядущей виток,
На ход избавленья-ковчег.

* * *

Наступила пора торжества в людях зла:
Раздражения, гнева и розни,
Разделенья покрыла тяжелая мгла,
Эгоизма коварные козни.

Только жизнь не разбить на мое и твое,
Ведь она во всех нас неразрывна.
Она в птице, собаке, труде муравьев,
Ведь жива и Земля, и машина.

И вокруг в разных планах Земли бытия,
Что я вижу, не вижу, все то — это я:
И живое, и духом то дышит.

Так и каждый являет собой это все.
В том великое Жизни большой колесо.
Это Богом предписано Свыше.

* * *

В ответе нуждается каждый вопрос,
Решения жаждет проблема.
Но может вопрос превратиться в допрос,
И злом станет каждая тема.

Однако всегда обратить все в добро
Мы можем без дюжих усилий.
Меж ним и меж злом есть незримый порог,
Шагнешь, и мир станет красивей.

Ведь, делая зло человеку, среде,—
Случиться возможно жестокой беде,
И в малости, и безгранично.

И, делая зло, ты свершаешь его —
Меж Богом с тобою ведь нет никого —
Себе неминуемо лично!

* * *

Кого не тревожил навязчивый страх
Конца, неминуемой смерти?
Зачем же тогда в неустанных трудах
Терять свои дни в круговерти?

Но зная, что жизнь бесконечна всегда,
Что нет временного предела,
Иной будет взгляд на пустые года,
Иной будет взгляд и на дело.

Ведь вечная жизнь состоит из числа,—
Как школа из классов, а книга из глав,—
Коротких физических жизней.

И каждая есть подготовка к другой.
Зависит от этой — та будет какой:
Благой иль себе укоризной.

* * *

Как трудно творить нам порою добро,
Как многое нас раздражает.
В нас зло проникает упорно, хитро —
Ведь самость весьма уважаем.

Но жизни весь смысл есть творенье добра —
В том истина и содержание.
Не выдуть из сердца астральным ветрам
Святое Высокое Знание.

Всегда надо всем безусловная мера —
Быть с Богом иль стать холуем Люцифера.
Чем дальше, тем четче порог.

Добро — оберег и на веки спасенье,
Добро — исправление и воскресенье,
Добро и Любовь — это Бог!

* * *

Цепочка обмана, начавшись однажды,
Не рвется, а только растет.
И звенья становятся больше, ведь каждый
Прибавит к итогу свой счет.

И сколько ни тянется цепь тех событий,
А где-то порвется она.
И станет звено то злой силы добычей,
Сведя прохиндея до дна.

Но если раскается грешник в обмане
И встанет на добрую сторону брани,
То зло поворóтится вспять,—

В обратном порядке обманы проявит.
И люди увидят в действительной яви —
Раскаянье есть благодать!

Егор Козлов
(г. Тула)

Родился в городе Туле. В 2013 году издал первую книгу «Страна Цветов», после чего стал регулярно публиковаться в литературных альманахах Тулы и РФ. Руководитель «Школы литераторов имени писателя Виктора Пахомова “Пегас”». Лауреат и дипломант литературных конкурсов.

«1820»

Дорога на юг,
К неизвестным пределам,
Казалось, вчера ты покинул Кронштадт...
А тысяча вьюг
Над бушпритом взлетела,
И лишними стали все линии карт.
Замерзла бизань,
Словно лезвие — рея,
Но льды не сдаются стальному ножу...
Дорога за грань,
За неделей — неделя,
И стала Россия сродни миражу.
Ослаб такелаж,
Непосильного гнета
Довольно, чтоб шлюпы разбились о риф...
Но тверд экипаж
И не списан со счета
Отчаянный дух — он по-прежнему жив!
По-прежнему цел
Офицерский порядок,
И наш командир заполняет журнал...
А льдины — как мел,
Белоснежного яда
Хватает, чтоб каждый казался здесь мал.
В тени альбатрос,
Он сверкает стрелой,
И серостью неба мы сыты сполна...
Натянутый трос,
Все выходит из строя,
И «Мирный» с «Востоком» съедает волна...
И... новый порыв,

Гонит северный ветер
К осколкам чужой и продрогшей земли,
И огненный «взрыв»
Наше небо разметил,
Полярных сияний являя огни.
Мы мчимся без сил,
Снова к скалам бросает...
Избитый шпангоут об айсберг хватив,
Но море — наш мир —
И по-прежнему дарит
И новую карту, и новый мотив.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ПОБЕДЕ

Страницы годов — нераскрытая книга,
Течение дней не воротишь назад.
Вчера — сокрушили «фашистское иго»,
Сегодня — сменилось аж восемь декад...
Сегодня сменились ряды поколений,
Другая страна — обновившийся флаг,
Но живы в сердцах и герои сражений,
И память о том, как опасен был враг.
Забыли о прошлом спасенные страны,
Героев своих исказив имена...
Но правду войны берегут ветераны —
И помнит о доблести наша страна,
Парад городов, испытавших лишение:
Москвы, Сталинграда и Тулы бои...
А с ними — народов людских единенье,
Сплотивших и души, и семьи свои.
И восемь декад распахали полмира,
И снова границы алеют огнем...
Но слышен сквозь годы приказ командира —
И всех, чьи портреты мы гордо несем.
Никто не забыт — и ничто не забыто,
Каких бы веков ни коснулась война...
Мы в стойкости нашей — прочнее гранита,
И только Победа — во все времена!

ИЗУМРУДНОЕ МОРЕ

Где баталии Ада,
А в округе — враги,
Расчехлялась громада
Непролазной тайги...
Первозданной. Жестокой...
Не уйти б на покой
У границы с далекой
Поднебесной землей!
Иглы сосен — распятья,
Для великой страны
Раскрывались объятья

Необъятной войны...
И вода цвета хлеба
Растекалась в ветвях,
Непрогретое небо
Позабывши на днях,
Изумрудное море,
В алом пламени бой,
Безответное горе
Догоняет с лихвой!
Только замер — и вот он,
Подлый холод у плеч...
Но спасенье пехоты —
Наша русская речь.
Но спасение мира,
Пусть он хладен и мал,
Только русская сила —
И бросок за Урал.
Километров за триста,
Где встречают рассвет.
Мы сломили фашиста,
Но покоя все нет...
Только пули сквозные...
Не задели пока.
И дождутся родные,
Коль отпустит тайга.
На дворе — сорок пятый.
Прогремел наш салют...
Только грома раскаты
Нас по-прежнему ждут.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

У земли, конем изрытой,
Всходит с холодом
Над Непрядвой позабытой
Солнце золотом...
За зеленою дубравой
Меч скрывается,
Дым седой тем стал оправой,
Кто не старится...
Кто о крови, что по венам,
Не заботится,
И к родным, знакомым стенам
Не воротится.
Кто стоял на ратном поле
Русской вольницы...
Красный холм теряя в море
Черной конницы.
Куполов церковных злата
Образ высечен,
И уснули до заката
Сотни, тысячи...

И опять ковыль редет
У излучины,
Где схлестнулся с Челубеем
Русский мученик.
Пересвета помнит Тула,
Боль вчерашнюю,
Плеть ордынского разгула,
Битву страшную...
Посреди Донского края
Русь зареяла,
И давно войска Мамая
Все рассеяла.
Монумент взошел над краем,
Черный памятник...
Он обратно возвращает
Время-маятник...
И опять с земли изрытой
Веет холодом,
Где бойцы с зарей раскрытой
Сложат головы.

КУРСК ПОД ОБСТРЕЛОМ

Линия мелом —
Неба скелет.
Курск под обстрелом,
Залпы ракет.
Братского мира
Адский огонь...
Рушит квартиры
НАТО ладонь.
Тех, кто свободы
Знать не желал:
Кто от природы
Низок и мал.
Кто под Донецком
Встать не посмел:
С прошлым советским
Биться хотел.
Где же бравада?
Киев во тьме...
Порох снаряда —
В нашей земле.
Только лишь трусы
Бьют по домам:
«Древние русы»...
Сколько вас там?
Вышли к границе,
Память стерев...
Вам не простится
Подлый ваш грех!
Вам не забудут

Курск и Донбасс...
Новые будут
Роты у нас...
Новые танки
Выйдут в поля.
Эра изнанки —
Ваша стезя.
Наша — на белом
Правды пути.
Курск под обстрелом...
Вам не пройти!

ИДУТ ЧАСЫ

Идут часы — день быстротечен,
За утром следует закат,
Бегут стремглав года навстречу,
И нет у нас пути назад.
Шоссе времен без остановок,
Нам не замедлить этот бег...
Один заезд — как вспышка, всполох,
И не вернуть обочин тех.
Коль осознаешь — мил не будет
Ни дом родной, ни цепь годов;
Мы жизнь свою по целям судим,
Когда важнее — нить следов.
И стрелки следуют по кругу,
Жизнь нашу движет их вираж.
Бегут года, сменив друг друга,
Как жаль, что путь конечен наш...
Проходит время, гаснут люди,
И мы уйдем когда-нибудь.
Наш путь по миру быстр и труден,
Но как прекрасен этот путь!..

ПОЕЗД

Фонарь мелькнул в ночи,
Куда спешат вагоны?
И сколько у души непрожитых секунд?
Почти как у свечи,
Горящей у перрона,
Сверкающей во тьме, как призрачный корунд.
А поезд все бежит,
Вгрызаясь в стену мрака,
И там, за пустотой, еще один вокзал...
И снова холод плит
И грубый сруб барака...
И кажется опять, что ты ничтожно мал...
Но поезд все идет,
Не важно, как, откуда...
По тамбуру спешит неспящий проводник.

И черный небосвод,
Как новая простуда,
Накроет полотном мой пыльный черновик.
Слова, опять слова,
А там, в окне — ненастье...
И все спешат туда, куда дороги нет...
Быть может, нам сперва
Узнать, что значит Счастье?
Ведь каждый здесь в душе — художник и поэт...
Но поздно. И в сердцах
Дорогу проклиная,
Войду в свое купе, как в будку старый пес.
А Счастье — в двух шагах,
Но я, о том не зная,
Усну под мерный стук наскучивших колес.

Сергей Лушан
(г. Воронеж)

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Сергей Владимирович Лушан. Окончил Воронежский институт высоких технологий. Публиковался в журналах: «АлександрЪ», «Краснодар литературный», «Лит-культпривет!», а также в литературных альманахах.

МАЛАЯ РОДИНА

Малая Родина, здравствуй!
Много прошел я дорог.
Чтобы сказала ты: «Царствуй!»
Солнцу в зените без ног.

Чтобы роняла лучами
Свет долгожданный. На крест.
Чтобы ласкала часами
Неба родимых мне мест.

Мест, где для взгляда просторы.
Храм золотит купола.
Чтобы на все косогоры
Радуга тушь пролила.

Пусть колокольным напевом,
Радость порхает твоя.
Между землею и небом.
Царствуй, Россия моя!

МАКУШКА ЛЕТА

Макушка лета пахнет сеном.
Когда в разгаре жаркий день.
Она томит горячим ветром
За скирды лишь набросив тень.

В тени бутыль с холодным квасом.
В Ярилин день он как ручей.
Скрипит арба осипшим басом,
Покос собрал на луг людей.

Макушка лета пахнет полем.
Когда подсолнух солнцу рад.
Его нектар все пчелы роем
Уносят, звонко крыльям в лад.

Богат июль на колос спелый.
Горяч июль, как в бане пар.
Его смакуют месяц целый.
Макушка лета — Божий дар!

КРЫМ

Ах, Крым! Ты русская душа.
Ах, Крым, ты русская! Свобода.
И пусть так долго, чуть дыша
Мы ждали твоего прихода.

Прошли года и вновь весна,
Что Русской позже назовется
От бед закроет, как стена,
И песней на душу прольется.

Построен мост, он как скала.
И Крымским мы его назвали!
Разбилась о него волна,
А родину враги не разорвали.

Ах, Крым! Ты русская душа.
Ах, Крым, ты русская Свобода.
Теперь с тобой мы не спеша
Готовимся для нового похода.

ОСЕННИЙ РОМАН

Как тебе не признаться в любви?
Извини! Я не смог не влюбиться.
И пытался себя я спасти,
Чтоб о чувства свои не разбиться.

Вот и новый осенний роман.
Закрутили с тобою, плутовка.
Ты подсыпала нежный дурман,
Усыпила меня как воровка.

Ты украла у лета холсты,
А деревья в мольберт превратила.
И в гербарий засушишь цветы,
Те цветы, что любя приручила.

Я запомнил наш прошлый роман.
Ты была несравненной, злодейка.

И опять я попался в капкан,
И влюбился в тебя, чародейка!

КАМЫШОВЫЕ КРЫШИ

Камышовые крыши,
Вы небес хоть не выше,
Но упрете в закаты.
Деревенские хаты.

Вы, белесые стены
Для зимы все бесценны.
Вам не знать оберега
С продолжением снега.

А оконные ставни,
Как когда-то исправны,
Без крестьянского быта.
Неужели забыты!

КОВЫЛЬ

Поросли ковылем лесостепи.
И не видно совсем уж дорог.
Разорвать заржавелые цепи,
Как мне хочется. Знает лишь Бог!

Ты, ковыль, расскажи мне о предках,
Что прожили у поймы реки.
И как слушали птицы на ветках,
Запевали когда казаки.

Расскажи, как станичники жили,
Как казак уходил на войну.
И как хлеба краюху делили
На привале с конем под луну.

Ты, ковыль, одинокий свидетель.
А для путника словно ты мост.
Расскажи, почему? Добродетель,
Сторожишь ты казачий погост?

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Мне слышится эхо где-то:
«Домой возвращаться пора».
Как быстро закончилось лето,
Уснуть бы теперь до утра.

А утром босыми ногами
По лугу до сонной реки

Пойду я большими кругами,
Чтоб медленно тратить деньки.

Но дни пролетают мгновенно.
Успеть бы деревню обнять.
Успеть бы друзей непременно
Меня пригласить провожать.

Разлуки минуты наступят,
Приедет водитель в обед.
Бабуля с дедулей обступят,
Обнимут, покрестят мне в след.

Владислав Терентьев
(г. Самара)

*Член Российского союза писателей, автор более тридцати книг. Лауреат все-
российских и международных конкурсов современной поэзии.*

КОГДА ДУША НЕ ХОЧЕТ ТАНЦЕВАТЬ...

Вовсю дымит скорбящая земля,
Взывает время — муки принимать.
Как беспощаден танец на углях,
Когда душа не хочет танцевать.
И с каждым шагом боль уходит вглубь,
И всякий стон народный тянет ввысь.
А после боя — жизни под метлу,
А после смерти — в рай не торопись.
Комками в горле — скорбные часы,
Печален блеск посмертных орденов.
Земля, костями налитая всыть,
Укроет павших в рубище сынов.
Молитвы в храмах души исцелят,
Но воспаленный разум не поймет,
Как босиком до Бога по углям,
Когда надрывно колокол зовет?..

* * *

Памяти А. С. Пушкина

Когда пронзает грудь мою тоска,
Я думаю у поминальной свечки:
«Куда добрей забвения река
Свидетельницы скорбной — Черной речки...»

Дуэль на судьбоносные весы
Всегда кладет две жизни хладнокровно.
Одной из них Отечества красы
Не увидеть весной в цветенье ровном.

Способна смерть за всякого решать,
Какому дню отдать сердца живые.
Из тела молча вылетит душа,
Как из ствола дымы пороховые.

Пройдут века, но выстоят церква,
Взывая в колокольном скорбном стоне,
У поминальной свечки горевать,
Сжимая томик Пушкина в ладони.

КОРМЧИЙ

Года на дне...
Придраться не к чему.
Характер выкован железный.
Ему бы счастья бесконечного,
Но бесконечны лишь болезни.

Бывал в плену,
Стоял на паперти,
Твердя молитвы, словно сáлмсы.
И на небесной чистой скатерти
Своею кровью расписался.

В его хозяйстве утварь старая,
Но знает каждая дворняга
Лицо любимое, усталое
От судьбоносных перетягов.

Не предавал он края отчего,
И, дотянув свой век до коды,
Он чем-то стал похож на кормчего,
Когда корма ушла под воду...

СЛЕЗЛИВЫЙ ДЕНЬ

Слезливый день...
И помыслы благие
Вплетаются в грядущие дела.
Возможно оттого, что ностальгия
Всю душу мне наждачкой проскребла.

В ней столько слез и неизбывной боли
По горестным утратам прошлых лет!..
Но жизнь всегда во власти Божьей воли,
И каждому на небо — свой билет.

Как хорошо, что срока я не знаю,
Когда и мне отчаливать туда.
А у земли своя судьба — иная,
Пускай течет небесная вода.

Слезливый день
Опять назначен свыше...
Переплетая мысли в голове,
Болит душа, но в каждой темной нише
Уже мерцает вещий Божий свет.

* * *

Окажи, Господь, услугу,
Сил своих не пощади —
Одуванчиковым лугом
К небесам переведи.

На земле свечою тлею...
Хоть дыханье горячо,
Мне с Твоей рукой теплее,
Коль положишь на плечо.

Я приму хоть сто причастий,
В небесах не погреша,
Одуванчиковым счастьем
Пусть наполнится душа.

Божья щедрость, как малинка,
Но от сласти не умру, —
Одуванчика остинкой
Стану я в ином миру.

* * *

Блик фонаря освещает лицо,
Утро свежо и туманно.
Выйди сегодня босой на крыльцо,
Красноязыкая Анна.

Мысли взлет не ослабят чутье,
Ждет тебя храм за оградой.
Спит на бумаге творенье твое —
Грудью вскормленное чадо.

Слезы на землю, а волю в узду,
Молча... Судьбу не ругая...
Если в ночи не поймала звезду,
Выглянет нынче другая.

Горстка изюма добавлена в рис,
Стынет пирог испеченный.
Свечи зажги и душой растворишь
Ты в Воскресенье Прощеном.

Не отходи от раскрытых дверей
Новой, суровой эпохи.
Вызреют в чуткой гортани твоей
К небу причастные вздохи.

* * *

для беспокойства нет причин,
когда в грядущее — с разбега.

в разряде высших величин
твое земное «альтер эго».

и кто бы знал, итог каков
и какова за действия плата,
когда оскаленных врагов
к друзьям вселить в одну палату.

эх, там начнется чехарда —
война закона с беззаконьем.
и жажда Страшного суда
сплетется с ликом на иконе.

настанет день, настанет час,
когда на праведной дороге
оставит родина о нас
незавершенные эклоги.

ЯДРЕН МОРОЗ. ХРУСТЯТ СНЕГА...

Ядрен мороз.
Хрустят снега.
Тропинка тянется в поселок,
Где в каждом доме есть строка
О чем-то грустном
И веселом.
В одной избе плеснут винца,
В другую глянешь —
Щи взопрели.
И слышно с каждого крыльца:
«Благослови, Господь, землю!..»
Дымок над банями повис,
Бодает небо месяц гордый,
А где-то спяну гармонист
В частушках путает аккорды.
Густые сосны.
Даль темна.
Благое времечко для зверя.
И хвойной лапой тишина
Щекочет память в подреберье.
Здесь каждый скрип вплетен в сарай,
И свет свечи с иконой слился.
И чуешь сердцем: отчий край
За столько лет не изменился.
Душа младенчески чиста,
Хотя в карманах и не густо.
И в жизнь с белесого листа
Ступаешь вновь со снежным хрустом.

Валерий Демидов
(г. Тула)

ПОЭМА О МАТЕРИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В городе Задонске Липецкой области стоит пронзительный памятник Марии Матвеевне Фроловой и восьми ее сыновьям, погибшим на страшной Великой Отечественной войне.

Пролог

Боль крупными не меряют,
смерть — всегда тяжелый груз.
Знаю я одно поверье:
не бывал героем трус,

а в войну и вовсе страшно
среди крови воевать
и бросаться в бой отважно —
не приказы отдавать.

Научиться бы отваге,
да ее не передашь
ни словами на бумаге,
ни экскурсией в блиндаж.

Это ведь совсем не просто:
в трудный час пойти туда,
где встает большого роста
черноглазая беда,

и, в нее вонзаясь телом,
забывая о себе,
ощутить, как закипела
кровь в той праведной борьбе.

А потом утихнет горе
и сорвутся стаи с крыш,
оглашая криком поле,
где убитым ты лежишь...

Взросление

А вначале было лето,
запах яблок и цветов,
светом солнечным согретый
возле Дона городок.

Здесь, в большой семье Фроловых,
где двенадцать душ детей,
мало было и обновок,
и несдержанных страстей,—

вечерами пела песни
под гитару вся семья,
и читали книги вместе
дочки, мать и сыновья.

Парни были всем пригожи:
статны, видом хороши,
на отца и мать похожи
даже всплесками души.

Летом Дон переплывали
сыновья по многу раз
и удерживал едва ли
их укор отцовских глаз.

Самый смелый — это Костя.
Как-то летом он в реке
вдруг увидел: воды сносят
двух девчонок вдалеке.

Тут же прыгнул он с обрыва
и, отчаянно борясь,
вытащил из вод бурливых
тех, кто плакали, трясясь.

Молчаливым стал с годами,
роз кусты в саду сажал,
вывел новый сорт, и маме
в цветоводстве подражал.

Даже розы в *черном* цвете
были грустью хороши
и хвалили розы эти
все соседи от души...

Николай собак боялся,—
в довоенном городке
каждый с лаем их смирялся
и вблизи, и вдалеке.

Утром мать ушла в деревню —
вещи обменять на хлеб.
Уж стемнело, окна дремлют
и прохлады дух окреп.

Всюду гавкали собаки,
неуемный этот лай
словно звал: ведь там, во мраке,
где-то ночью мама шла.

Маму ждал, и страх знакомый
поборол он, чуть живой,—
Коля выскочил из дома,
побежал туда, где вой...

В старом доме дружно жили,
но мечтали о том дне,
когда вместе, коль решили,
сладят новый дом к весне.

Во дворе лежали камни,
бревна, доски — словом, то,
из чего народ веками
строил для житья гнездо.

Но однажды в их Задонске,
что близ Липецка лежал,
ливень хлынул вавилонский
и на город набежал.

В самом центре смыл он стену,
подпирала что дома,
и вокруг кружилась пена,
мчалась хлама кутерьма.

Хоть беда не всем известна,
а Фроловых детвора
уж таскала к тому месту
свои камни со двора...

Ленинград

А когда промчались годы
после детской беготни,
созывал их Питер гордый
в предвоенных буден дни.

Все двенадцать здесь сумели
по душе найти дела,
без работы не сидели
пока мать одна жила.

Собирались часто вместе,
вспоминали, что прошло,
ждали маминых известий,
зная, как ей тяжело.

Всяк свою дорогу выбрал,
и по ним Фроловы шли,
все страдали недосыпом,
коль учиться предпочли.

«Политех» один закончил,
в мореходке был другой,
третий, Тихон, будет летчик
по-над Курскою дугой.

Ленинградскую блокаду
Тоня, дочь, пережила.
Рвался бить фашистских гадов
Коля,— Родина звала.

Этот город был им домом,
здесь мужали сыновья
и по улицам знакомым
шла фроловская семья...

Михаил

В академии военной
он учил: студент тот плох,
кто не хочет откровенно
напрягать и слух, и слог.

Сам он был спецом глубинным:
находили корабли
в море спрятанные мины,
что на смерть их обрекли.

Михаил был сильно ранен,
когда в море проводил
ряд серьезных испытаний,
где он всем руководил.

Умер в госпитале. Раны
оборвали его жизнь.
В благодарность капитаны
были там, где он лежит.

Наградил его посмертно
Сталин премией своей...
Жил он трудно, мало, верно —
лучший сын из сыновей.

Дмитрий

Дмитрий с детства был спортсменом,
позже — лучшим моряком.
Он не только стал военным,
но и с Музой был знаком.

На Балтийском море плавал,
а в начале той войны
их корабль покрылся славой
в водах вечной тишины...

Трое моряков остались
живы в тот щемящий день,
когда с криками: «За Сталина!»
экипаж тонул в воде.

А живые плот связали
из досок от корабля,
несколько часов держались,
ждали: где она, земля?!

Дима выжил. Возвратился
на родной Балтийский флот.
Снова ранен. Вновь лечился,
смерти жаждущей назло.

Он ослепшим в дом приехал.
Умер от военных ран...
И кружилось горя эхо
по деревням и дворам...

Костя

В сорок первом добровольцем
паренек ушел на фронт,—
много было комсомольцев
в ополчениях разных рот.

Воевали парни смело,
знала юность в годы те,
что фашисты под прицелом —
суть Иуды во Христе.

Как-то, проезжая Питер,
Костя позвонил жене:
«Я на станции. Просите —
и допустят вас ко мне».

До Балтийского вокзала
вместе с женами бойцов

она ехала, бежала,
и мороз колол лицо.

Но стояло оцепленье
возле станции в тот час,
потому что стал мишенью
этот поезд для фугас*.

От фашистского налета
все вагоны сожжены,
не осталось даже *что-то*
для рыдающей жены...

Тихон

Нет в войне и ночки тихой.
Звук бомбежек, вой сирен.
И летал по небу Тихон
среди вражеских гien.

Под конец войны «комэском»
был он в воинстве своем.
Воевал жестоко, резко,
и писал между боев:

«Дорогая моя мама!
За погибших — отомстим!
И не счесть душевных шрамов
на моем к тебе пути.

Пусть запомнят эти фрицы:
братьев — десять. Кто погиб,
за того мы будем биться,
пока есть еще враги»...

Он погиб под Кенигсбергом
в сорок пятом, той весной,
когда всюду цвела верба,
изменяя мир земной.

Тело в братскую могилу
положили, и окрест,
как в боях, великой силой
стал салют для этих мест...

Василий

Добровольцем был Василий,
но случилось наугад —

* Фугас — просторечное название инженерных боеприпасов и артиллерийских снарядов фугасного и осколочно-фугасного действия.

самый трудный фронт России
для него стал Ленинград.

«Мы подсыплем фрицам, мама,—
пусть найдут могилу тут,
видно, били мы их мало,
коль опять на нас идут»,—

так писал, присев неловко,
сын, не знавший ничего:
будет Невская Дубровка
местом гибели его...

Николай

На Доске почета фото
говорило всем о том,
что Николину работу
одобряет весь завод.

Знатный слесарь, зная цену
вдохновенному труду,
сам частенько в свою смену
говорил: «Я не уйду,

мне завод и люб, и дорог»...
Но когда война пришла,
он ушел, и дни, как порох,
догорали среди зла.

Коля много раз был ранен
и доставлен в медсанбат:
«Ты у нас живучий, парень»,—
говорил ему медбрат...

И дожил он до Победы.
Умер дома, в тишине,
так родне и не поведав,
как страдал на той войне...

Леонид

Долго в армию не брали
Леонида — токарь был
он от Бога, бронь давали,
укрепляя слабый тыл.

Он писал в военкоматы
заявления о том,
что желает быть солдатом
и в бои ходить готов.

А однажды сел на поезд
вместе с теми, кто на фронт
отправлялся как людское
пополнение павших рот.

На стоянках телеграммы
приносили в их вагон:
«Распишись-ка, паря,— рано,
видно, бить тебе врагов».

От директора завода
телеграммы много раз
подписал он, но ухода
не прервал, хоть был приказ...

В их ремонтную «летучку»
как-то раз попал снаряд...
«Он убит»,— поставил точку
в похоронке той комбат.

Через месяц получили
в доме грязный вещмешок,
где в крови все вещи были,
в бой в которых он ушел...

Петр

Он погиб весной в разведке,
в сорок третьем, на ходу,
когда немцы били метко
по дороге за версту.

На семейном мотоцикле
Петр гонял с передовой
в штаб, где все уже привыкли
видеть радостным его...

А до гибели он тайно
удивил, и утром в пять
встал с постели госпитальной
и на фронт сбежал опять...

Плач по сыновьям

«Где же вы, сынки родные?
Это горе не понять,
когда дети молодые
вдруг покинули меня.

И себя не пожалели,
и меня в тоску ввели,—

что ж так рано вы созрели
для могил сырой земли?!

Вам бы жареной картошки
в доме стареньком вкусить,
да погладить спинку кошке,
что-то с батей мастерить.

Ох, как я бы вас жалела!
Поднесла б домашний квас...
Да вот кошка околела
и не видно в доме вас.

Мамку старую простите —
я сынков не сберегла.
Жизнь для вас была учитель.
Жизнь и в бой вас позвала.

Может, плакать и не надо —
вы герои у меня.
Мне одна осталась радость —
быть у Вечного огня.

Проживу ведь жизнь я долгую —
девяносто шесть годков...
Вижу, как вам память добрую
чтят средь баб и мужиков»...

Мария Матвеевна

Как жила, когда утеряно
счастье матери седой?
Богом было ей доверено
жить с особой теплотой.

Кто давал ей силы в старости
оживлять собою дом?
Как сумела вместо ярости
осенять себя крестом?..

...Шла война. Но в доме Матери
были часто гости те,
кто душевность не утратили
ни в боях, ни в нищете.

И пока солдаты спали,
скинув на ночь «кирзачи»*, —
руки Матери стирали
и сушили на печи...

* Кирзовые сапоги.

Перевязывала раны,
фрукты в медсанбат несла,
и безмерно были рады
те, к кому она пришла.

«Что ты делаешь, Мария? —
ей соседи говорили. —
Вся твоя кулинария
не накормит эскадрильи.

Посмотри, ты вся худая,
крошки нет порой во рту,
а к чужим — как мать родная,
хотя завтра ведь уйдут...».

Улыбалась в ответ Мама,
и, казалось, будто ей
накормить всех было мало
за погибших сыновей...

Не гнушалась мать работы,
все умела, все смогла,
и всегда в ее заботах
ласка тихая жила.

Когда силой ослабела,
то сидела на скамье
возле дома, и глядела
на свое же житие.

Как в кино, крутила память
ей картины прошлых лет,
и сидел в оконной раме
рядом с нею кот-сосед.

Не читала старых писем —
все их знала наизусть,
и смотрела часто в *выси*,
отдавая небу грусть...

«Как накроюсь я накидкой —
сад мне снится, яблоч запах,
наша старая калитка
и засов, что сделал папа.

Знаешь, мама, — писал Леня, —
нет ведь в мире ничего,
что дороже и достойней
материнства твоего»...

А когда инфаркт ударил,
то слегла на койку Мать,

говорила: «Век состарил,
видно, скоро помирать.

Посижу я у окошка —
ты мне, дочка, помоги,
а потом поем немножко
из картошек пироги.

На людей не нагляделась
моя грешная душа,—
люди ведь красивы телом,
жаль вот только, что грешат»...

Эпилог

Кто сказать такое может:
«Люди, как я вас люблю!»?
Кто болезни превозможет,
скажет: «Всех благодарю...»?

Смерть встречала мать достойно —
тихо, в радости, без слов,
выпал лишь из рук невольно
крестик маленький Христов.

Опустили ее в землю
без толпы, больших венков,
без похвал, речей поэзных
и соседей-стариков...

Время шло. Грачи кружили.
Почерневший дом пустой
грубо досками забили,
крысам выделив постой.

Кто-то, здраво рассуждая,
доску памяти прибил.
Когда всюду снег растаял,
рост крапивы наступил.

А калитку добрый кто-то
горбылем простым подпер,—
вот и вся была забота.
Правда, местный репортер,

Александр Косякин, зная,
что герои жили тут,
всем твердил, что нужно в мае
сделать в мраморе плиту...

И в году две тыщи пятом,
в День Победы (шестьдесят!),

встали с Матерью солдаты —
восемь умерших ребят.

Восемь звездных обелисков,
впереди — их мать в платке.
Вместе снова братья близко,
как все пальцы на руке.

И пронзительный сей образ,
грустный памятник войне
влился в Липецкую область
в поминальной тишине...

Сколько их, слезой омытых,
матерей без сыновей —
без любимых и убитых,
несхороненных детей!

И когда другие войны
разгораются костром,
время крикнуть, что достойны
люди видеть мирным дом.

Отстреляли, отболели
в прошлом веке мужики,—
в двадцать первом неужели
будут черные платки?

Воевать — плохая доля.
Сгинь же, глупая вражда!
В войнах всяких злая воля
побеждает нас всегда...

Боже! Дай познание Истин.
В бытие внеси Свой смысл.
Нет героя в анархисте.
Нет свидетелей немых.

Боже мой! Свое терпенье
положи Ты на алтарь.
Пусть звучат святое пенье
и молитвы на устах.

Боже правый! Ты же внемлешь,
как Земля горит в аду,—
так очисти нашу Землю.
Я молю. И люди ждут...

Стелла Матери и ее погибшим сыновьям в городе Задонске Липецкой области

Мемориальная доска на доме Фроловых

«Господи, возьми к Себе моих сыновей...»

Владимир Алешин
(г. Тула)

«СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО!»*

Руководитель Тульского клуба православных писателей «Родник», ведущий страницы «Сражающееся слово!»

Уважаемые руководители всех литературных образований г. Тулы и Тульского региона, уважаемые Тульские писатели и поэты!

Сейчас (уже скоро три года) идет СВО — идет война с пророссийским режимом Украины. Решается вопрос — быть России или не быть.

Многие туляки оказывают помощь фронту. В Туле должен функционировать и мощный организованный литературный фронт. Пока такого нет. А если нет, то этот фронт занимает враг со своей пропагандой и своим литературным фронтом. Мы не можем такого допустить. Наш литературный фронт должен быть в постоянном единстве с воинским фронтом СВО.

Вы знаете, что в ВК с самого начала СВО по благословению духовного наставника Тульского клуба православных писателей «Родник» иерея о. Александра Диканева действует акция — Сражающееся слово?

К сожалению, участие руководителей литературных тульских образований и самих писателей в этой акции порой почти никакое. Мало кто заходит на эту страницу, мало кто оставляет свои комментарии, мало кто присылает свой творческий материал для размещения на этой странице.

Прошу и призываю всех писателей тульского региона откликнуться на акцию Сражающееся слово. Но не молчать, не уходить сейчас в период СВО от этой темы только в чистое искусство. Говоря о акции Сражающееся слово, напоминаю слова Л. Н. Толстого, что: *«Человек может изображать свою мысль только при помощи слов. Иногда случается, что душа хочет что-то сказать, но не может подобрать слова, а иногда можно произнести много, но это оказывается неуместным. Лев Толстой говорил, что мы служим друг другу словом: им можно соединить и разъединить людей, словом можно служить любви и вражде, одобрить, запретить, обидеть, убить, дать духа человеку»*.

Повторяю, что сейчас на литературном тульском фронте большие бреши, а порой позиции покинуты и беглецы ищут красивые оправдания (добро им за словом в карман лезть не нужно). Нужно знать и помнить одно, что все у нас бреши, существующие сейчас на тульском литературном фронте, занимает пропаганда и литературный фронт врага. Нужно бить в набат, а не препираться друг с другом. Мы все поправим. Мы сможем сплотиться и вместе общим сражающимся словом объединить наше общество в мощный громящий врага кулак. Победа будет за нами. Спасибо журналу «Приокские зори» за публикацию рубрики «Сражающееся слово»!

* Материалы со страницы акции «Сражающееся слово!», находящиеся в свободном доступе <https://vk.com/alyoshin46>

Ольга Ноздрина
(г. Тула)

ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ

Я помню, раньше: сын родится —
Довольна мать и горд отец!
Никто не ждал, что так случится...
Стал каждый сын — солдат, боец.
Мы их растили не для битвы.
Беда пришла, как грянул гром,
И все забытые молитвы
Слились в прощении одном.
В тот год земля кровоточила...
В смятении терзалась мать —
Не гордость — боль, что сын — мужчина.
А долг мужчины — защищать.
Лежат защитники в граните.
Другие приняли почин.
Их выбор, матери, простите!
Такое право у мужчин.
По именам мы чтим достойных,
Кто защищал и вновь спасет.
А те, что разжигают войны,
Еще поплатятся! За все.

Юлия Широкая
(г. Тула)

Целое поле усеяно флагами...
Залпы слышны вдали.
Спят в чистом поле защитники славные.
Рано они ушли.
Пушки стоят. Рядом церковь красивая.
Где-то течет река.
Только боль явная, невыносимая
Кружится у виска.
Ветер подул. На ветру развивается
Нашей Отчизны флаг.
Те, кто уходят, пускай возвращаются.
Только не так... Не так!
Ждут их живыми родные и близкие.
Свет засиял в окне...
Пушки победными залпами выстрелят
В сумрачной тишине...
С веток взлетят черноокие вороны
Да и закружат здесь.
И разлетятся вдруг в разные стороны,
Каркая свою песнь.
Скоро финал. Пусть развязка приблизится!
Будет повержен враг!
И, как тогда, над рейхстагом возвысится
Родины нашей флаг!
И заалееет прекрасными маками

Поле потом весной.
Так, как пестреет сейчас оно флагами
Ради победы той!

Друзья! Флаги, о которых я пишу, я видела на кладбище в Туле. Нельзя остаться равнодушным, созерцая такое. Они стоят на могилах, где покоятся наши защитники. А сколько таких флагов по всей стране и подумать страшно... Но я верю, что наши защитники ушли не напрасно! Они — настоящие герои, которые сражались за Родину и защищали нас с вами!

Валентина Веселова
(г. Тамбов)

КТО ПАМЯТЬ СТЕР?

Кто память стер не чуждой нам страны,
Кто осушил до дна историю войны?
Навел кто морок, напустил угар,
Кто приказал забыть кровавый Бабий Яр,
Освенцим, Бухенвальд, село Хатынь,
Глазницы мертвые безжизненных руин,
В концлагерях замученных детей,
Расстрелянных отцов и матерей?
По злой иронии какой судьбы
Трещат, нам братские не так давно, чубы?
Предателей, бандеровских иуд
Кто пощадил тогда, не сдал в Нюрнбергский суд?
Теперь не дрогнем — войнам не бывать!
С лица земли родной сотрем фашистов рать.
Навечно выжжем пламенем чуму,
Рассеем над планетой ночи черной тьму!

Олег Постников

МЫ ДОЖИВЕМ ДО ПОБЕДЫ!

Мы доживем до Победы!
А по-другому нельзя.
В этой земле наши деды,
Это родная земля.
Кто бы лихими словами
Нас ни порочил сейчас,
Знаем, Победа — за нами;
Знаем, что правда — у нас!
Кровью насытились травы,
Гарью подернулся лес;
Лупят и слева, и справа,
Из-под земли и с небес.
Тенью крадется по следу
Холод костлявой руки...
Мы доживем до Победы —
Всем упрямым вопреки!
Мы непременно осилим,

Что не под силу другим.
Знаем, за нами — Россия,
И потому ПОБЕДИМ!

Ирина Собина
(г. Тула)

НАКИПЕЛО

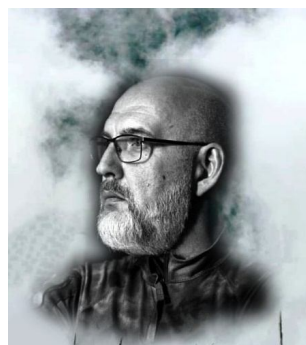
Ну что ж, покинут бал кривых зеркал,
Где старый Джокер с дьявольской улыбкой
Настраивал оркестр подпевал,
Назначив Русь досадною ошибкой.
Так хочется загнать в пещерный век
Страну, что может сказку сделать былью,
Чтоб не мешала заползать наверх
Стервятнику со звездами на крыльях!
Прибалтика литаврами звенит,
И англичанка по привычке гадит,
И бубенцами Франция звенит:
Мол, я при вас, при полном при параде!
За пинту пива и кровавый стейк
Спешат примкнуть немецкие валторны,
Мол, что «Мадонна Горловская» — фейк,
И смерти на Донбассе «смехотворны».
Бог им судья. А может, и палач.
Пути Господни неисповедимы.
Но там, где обесценен детский плач,
Нагрянет Божий Гнев неумолимо!
Историю опасно забывать.
Ошибка может обернуться тризной.
Нам, видно, в одиночку замывать
Коричневую дрянь неонацизма.
Что ж, не впервой нам против всех стоять.
Осуждены заочно и досрочно.
Нам память генетическая вспять
Не даст пойти. Поверьте. Это точно.
И вновь пылает жертвенный алтарь.
И замер мир: пойдет ли брат на брата?
Но восемь лет измученный звонарь
Зовет Россию бешеным набатом...

Виталий Дорофеев
(г. Кемерово)

ГЛАВНЫЙ КАЛИБР

Спроси меня — за что воюешь, брат?
Зачем идешь в огонь, 'укреп' штурмуешь?
Ведь жизнь дороже почестей и злат,
она одна, а ты собой рискуешь?
И я отвечу честно, как смогу,
простыми, боль впитавшими словами,—

я здесь сгибаю страх и смерть в дугу,
 чтоб мир и счастье были рядом с вами.
 Я не ищу ни славы, ни наград,
 и жизни, и потерям цену знаю,
 но я как сын Отчизны, как солдат —
 свой дом,
 детей,
 и правду защищаю.
 Я не святой, и не бессмертен я.
 Крушить врага — мой долг, мой вечный выбор.
 Россия верит в Бога и в себя,
 и эта вера главный наш калибр.
 Спроси меня — за что воюешь, брат?
 Отвечу — все за то же, что и деды.
 От них я получил свой меч «булат»,
 и он в моих руках до дня Победы.

* * *

Мы не устали от войны,
 мы ей до праха сожжены,
 умыты кровью и слезами,
 прошиты внешними ростками,
 контужены, обнажены...
 и боль, и горе рядом с нами.
 Мы каждый день живем взаимы,
 меняя жизнь и смерть местами.
 Мы почернели от войны.
 Мы — угли, горькие дымы.
 Собой минирuем закаты,
 чтобы рассвет настал когда-то.

Светлана Князева
 (г. Тула)

КАЖДЫЙ — СВОЙ!

Сегодня сердце прихватило:
 Прониклась я чужой бедой.
 Пекло и жгло...
 В груди мне тесно было.
 Да разве ж боль чужая?
 Каждый — свой!
 За них мы всей душой болеем.
 Они там бьются, жертвуя собой.
 Но верю я: мы все преодолеем:
 Близка Победа!
 Близок путь домой!

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ПОБЕДИТЬ ЧЕРТА:
Художественное поучение Н. С. Лескова

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы. Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Если физически сытому, но изголодавшемуся духовно, «духовной жаждою томимому» читателю, захочется перевести дух от «беспорядочной суеты и сутолоки»* современной жизни, в которой «все желающее зла — сплачивается» (11, 524), можно выбрать минутку-другую для знакомства с малоизвестной сказкой Николая Семеновича Лескова (1831—1895) **«Рассказ про чертову бабку»**. В ее основе — вечная тема борьбы человека с силами тьмы, бесовскими наущениями.

Небольшое произведение из творческого наследия великого писателя земли русской, созданное после 1886 года, при жизни автора опубликовано не было. Несмотря на крохотный объем (по-чеховски: «меньше воробьиного носа»), рассказ обращает вдумчивого читателя к религиозно-философской мысли, духовно-нравственному опыту христианства.

Писатель излагает легенду из переведенной с датского языка «благочестивой книжки» **«Письма из ада»** — «о том, как сатана портил «божественный образ» в человеке и приходил разговаривать об этом с своей бабкой»**.

Тема одоления черта волновала многих русских классиков, в особенности — Гоголя — одного из любимых писателей Лескова. «Гоголь — моя давняя болезнь и завороченность», — признавался он. Гоголь явственно ощущал реальность и действительность метафизических темных сил, духов злобы и тьмы. Писатель призывал не поддаваться, противостоять им.

Об этом идет речь, например, в письме к С. Т. Аксакову, где Гоголь предлагает использовать в борьбе с «общим нашим приятелем» простое, но радикальное средство в духе кузнеца Вакулы, отхлеставшего напоследок черта хворостиной: «Вы эту

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956 — 1958. — Т. 11. — С. 587. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

** Лесков Н. С. Легендарные характеры. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 417. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана, а на самом деле он *черт знает что*. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: “Хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти”)*.

Мысль о бессилии любой нечисти перед лицом твердого духом и в вере человека была одной из любимейших еще в древнерусской литературе. Так, в «**Повести временных лет**» сказано: «бесы ведь не знают мыслей человека, тайны его не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом»**.

В финале гоголевской «**Ночи перед Рождеством**», где одоление черта становится собственной темой повести, плач ребенка перед «намалеванной» Вакулой картиной ада, намекает на «несмягчаемую силу чертовщины», ибо последнюю можно высмеять, травестировать, унижить <...> — но все это останется лишь полумерой <...> Радикальное средство <...> может быть найдено на принципиально ином уровне. Другими словами, в каком бы комическом или неприглядном свете ни предстал «враг рода человеческого», только вмешательство противоположно направленной высшей силы способно оказать ему достаточное противодействие***.

От самого человека требуется большое духовно-нравственное усилие, чтобы в чистоте сохранить в себе образ Божий. Здесь встает вопрос не только о духовной силе личности, но и проблема нравственного выбора, самоопределения.

Тема сознательного выбора добра, необходимости одоления бесовских сил — одна из ведущих в творчестве Лескова. Однако в «Рассказе про чертову бабку» дьявольские козни не главное. В центре внимания здесь христианская антропология, постижение человеком собственной сущности, отношений человека и Бога, богочеловеческого сотрудничества.

«Смысл легенды следующий,— передает Лесков.— Когда сатана узнал о намерении Бога создать человека, он сейчас же решил, во что бы то ни стало **испортить человека**» (417)****. Но как можно испортить «божественный образ»?

Сотворив человека по Своему «образу и подобию», Господь тем самым наградил его величайшим даром, прославил, вознес над «всею тварью». Однако ясно, что это не только дар, но и величайшая ответственность: не уронить в себе образ создавшего Отца. Именно здесь и подкарауливает беспечного человека дьявол (в переводе одно из значений слова «диаболос» — «разделитель», то есть стремящийся разделить, разрушить связь творения с Творцом): «Я подпортил человека так, что ему все будет того хотеться, чего ему нельзя. Он через это начнет делать нехорошее — будет и лгать, и отнимать, и ненавидеть, и даже самого Бога станет осуждать: зачем Он ему одно дал, а другого недодал. Сделаю, что человек станет самим Богом недоволен и оскорбит своего Создателя» (417). Однако лукавые происки бессильны. «Бога оскорбить никак нельзя. Он это все простит и всю твою порчу в людях исправит» (417), — наставляет чертова бабка своего злокозненного внука.

Божий образ в человеке в свете православной антропологии не только «данность» и «задание», но также *сотворчество*: «В Богочеловеческом процессе важно сочетание Божественного действия и человеческого усилия»*****. Духовно возрастающий чело-

* Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.— М.: АН СССР, 1952.— Т. 12.— С. 299—302.

** Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники: о русских писателях XIX века.— М.: Современник, 1987.— С. 20.

*** Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 28.

**** Здесь и далее выделено Н. С. Лесковым.

***** Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии.— СПб.: Алетейя, 1994.— С. 92.

век стремится исполнить свое истинное назначение — «жить по-Божьи» — и страшится своего несоответствия высшему идеалу. Это религиозно-нравственное переживание глубоко исследовал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): «Человек страшится греха, но не как внешней роковой силы, а как чего-то созвучного своей слабости <...> Эту истину 90 Псалма знает верная Богу душа и не боится ни тьмы окружающего, ни своей. Она боится лишь одного: страшно огорчить Любимого! <...> Это — высший круг страха, вводящий в небесную гармонию духа и эту гармонию охраняющий <...> Св. Иоанн Златоуст говорил, что для него ужаснее вечных мук было бы увидеть кроткий лик Господа Иисуса Христа, с печалью отворачивающийся от него... Вот психология истинной веры: *страх огорчить любимого Господа, не принимать с безмерностью духа Его безмерную любовь...*»*.

Сотрудничество Божественного и человеческого — «синергия» как «содействие, соучастие» — выражено в лесковском тексте следующим образом: «при свете разума, который Бог дал человеку, люди не утратили, однако, способности понимать, что не все им полезно, что хочется» (417).

Однако «враг человеческий» не сдаётся, помышляя, «как ему человека в корень испортить так, чтобы и Бог его поправить не мог» (417). Сатана задумывает, как бы «рассыпать», разделить единую сущность человека, непомерно взрастив его страсти, которые заслонят и сердце, и разум. «— Я,— говорит,— такого подпустил в человека, что он будет ко всякому другому без жалости. Каждый раз будет один другого превосходить, все себе одному забирать, а других без сил оставить и со свету сжить. Вот увидишь, какая теперь пойдет на земле между людей мерзость — и суды, и доводчики, и темницы, и нищие» (418).

Писатель предупреждает о том, какую опасность несет утрата личностью цельности, внутреннего единства, заданного Богом. Когда душа, разум и тело пребывают в хаотическом разладе, мир также оказывается в безблагодатном нестроении. Для «врага рода человеческого» «это недурно», но только, по мнению многоопытной «чертовой бабки», «Бог и эту порчу сумеет исправить. И действительно, замечает сатана, что в тех самых *сердцах* <выделено мной.— А.Н.-С.>, в которых он глубоко засеял семена “эгоизма”, рядом начинает пробиваться что-то иное,— совсем от другого корня» (418).

Здесь важнейшее — «*сердце*» — тот центр в христианской антропологии, куда должна быть сведена вся работа по «самособираанию» тела, души и ума «рассыпанного» человека.

Лесков верует в возможность спасения, в восстановление человеческой духовности. Но для изображения закосневшего в грехах «телесного» существа писатель подбирает экспрессивное сопоставление — не просто насмешливое, а уничижительное, обидное для звания человека: «черный таракан», «тараканий век». Той же задаче — выявить всю мерзость, ничтожество и отталкивающие стороны отпадших от Бога, забывших о душе, беспечно предавших ее на поругание дьяволу, — служит и стилистически сниженная лексика, разговорно-бытовая интонация: «Живет, живет человек, наживает себе всякого добра много, и со всех сторон все рвет и хапает, и все себе за голенища пхает. До того тяжело наберется, что даже ходить ему неловко, — как черный таракан на стенке корячится: “мы-ста, не мы-ста: на своих животах катаемся, в своей бане паримся”. И прет его в тараканий век меры нет, а вдруг прихватит хорошенько этого тараканишку — он и раздумается: Господи мой! Что это я?.. Камо бегу и кому понесу?.. С собой ничего не возьмешь...» (418). Здесь писатель перефразирует библейское: «*камо пойду от Духа Твоего, Господи, и от Лица Твоего камо бегу?*» — так вопрошает человек, всю жизнь боявшийся самоуглубления, но, наконец,

* Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Агония одиночества (пневматология страха) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное.— Петрозаводск: Святой остров, 1992.— С. 142—143.

узревший глубины своего бессмертного «я». Также и у Лескова «человек-таракан», погрязший в житейской суете и отпавший от Бога, вдруг начинает умолять Всевышнего: «Господи! Дай мне очувствоваться...» (418).

Этого первоначального духовно-нравственного усилия со стороны человека достаточно, чтобы началась работа «самособирания»: «И вот рассудок в человеке просветлел, и он не одобряет себя и начнет остепенять, и свой проклятый эгоизм удерживать. Все, значит, есть еще спасение» (418). *Начало жизни по духу*, как учит православная аскетика, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия.

«Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей», — так звучит горячая молитва к Создателю человека, осознавшего свои грехи, в «покаянном» 50-м Псалме Давида. Это настоящий «прорыв» из мира греховности в мир духовный.

Духовного преображения человека желает Спаситель. Сатана же стремится исказить человеческую сущность: «Хочется ему на отделку испортить человека, так, чтобы он совсем завернулся, и чтобы его ни стыд, ни совесть, ни сострадание ни с какой стороны не могли дощупаться» (418), — пишет Лесков. Атака злокозненного врага ведется именно на сердце, на душу человеческую. Увлекает злого духа и возможность затуманить людской разум: «— Я, — говорит, — переверну в человеке все понятие на вын -тараты, — будет ему казаться умное глупым, а глупое умным, и ни в чем он не разберет истины» (419).

«*Не мудрствуйте лукаво...*» — учит христианская заповедь. «Что значит Мудрость? — размышляет архиепископ Иоанн Сан-Францисский. — Мудрость есть Господь Бог <...> есть две мудрости, различные между собой. Остерегайтесь этой последней, лукавой, потому что исходит она от царя лжи и лукавства. Что значит “ложь” вам понятно, потому что часто встречается она в жизни у вас и распознать ее вы умеете. Лукавство же есть ложь, которую трудно для всех распознать сразу. Лукавство и состоит в том, что имеет неясное основание... Ясно теперь, что человек должен быть мудр, но мудрость его должна исходить от Господа Бога. Этой мудростью вы можете отличить доброе от злого, этой мудростью вы можете заслужить прощение и достигнуть Царствия Божия»; «разные мысли борются в человеке. Многие насильно замыкают он в своей голове, хочет принять только мозгом, а мозг не может всего принять, бунтует. Не принимает иногда мозг того, что уже знает дух... Ясное здесь и прямое указание на связь истины с духом, духоведением более, чем с интеллектуальностью»*.

По резонному замечанию «чертовой бабушки» в тексте лесковской сказки, Бог сразу может исправить злонамеренную выдумку: «Он пошлет на землю Посла, Который покажет людям настоящую истину, и разрастется это малое семя, и выйдет великое древо» (419). Здесь предсказывается христианская рождественская концепция: «*Христос рождается прежде падший восставити образ*».

И вновь писатель показывает синергийное соединение Божественной благодати и человеческой природы. Человек, переживающий свою греховность, стремится к самопревосхождению. В ответ на это свободное устремление Бог посылает ему дар спасения, сравнимый по масштабам только с даром творения.

Крохотный лесковский рассказ вмещает в себя тысячи и тысячи лет — это поистине вселенское время, воплощающее евангельскую идею “полноты времен”: “Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...>, Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление”(Гал. 4: 4 — 5); “В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединились под главою Христом” (Ефес. 1: 10).

* Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Записи голоса чистого // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 101—102.

Лесков горячо верует в поступательное движение истории человечества и вместе с «великим христианином» Диккенсом, в котором русские писатели узнавали «родственную душу», мог бы повторить мощный и настойчивый призыв Духа Церковных Колоколов из рождественской повести английского писателя: «Голос времени, — сказал Дух, — призывает к человеку: „Иди вперед!“ Время хочет, чтобы он шел вперед и совершенствовался; хочет для него больше человеческого достоинства, больше счастья, лучшей жизни; хочет, чтобы он продвигался к цели, которую оно знает и видит, которая была поставлена, когда только началось время и начался человек»*.

В лесковской сказке снова промелькнуло тысячелетие — после пришествия Христа. А вот и последняя выдумка беса: «Я выдумал касающееся к этой самой Истине. Пришла Истина, ну и пришла. Так ей и быть. Теперь назад не воротишь, а я теперь буду вперять человеку, что он один познал эту Истину самым лучшим родом, и он тогда во всех смыслах зайдется. Не станет ничем не поверять и ни о чем ни с кем спокойно и умно не посоветует, а всех почтет в заблуждении, и что ему в лоб вступит, то и велит всем почитать за истину. Тогда ему во весь век не услыхать слово Истины» (419).

И, кажется, на этот раз коварная шутка удалась. Рассказ заканчивается похвалой лукаво умудренной «чертовой бабки» в адрес неугомонного внука: «„Живу я давно, и очень я опытна, а эта твоя выдумка меня озадачила. **Хорошо ты выдумал**”. И начали черт с бабкою на весь ад громко смеяться» (419).

В датском источнике, который обрабатывал Лесков, этот сюжет преподносится довольно сухо и рационально. Русский писатель не только расцвел легенду новыми красками, придал ей русский национально-сказочный колорит, отшлифовал с филигранным мастерством, но и углубил религиозно-философский смысл рассказа.

Датский фрагмент завершается следующим образом: «Конечно, для Господа все возможно! Но со всею моею опытностью, не знаю, как Он убедит тщеславного человека в том, что он живет в грехе?!» (565). Лесковский же рассказ венчает мощный — и в эмоциональном, и в идейно-художественном, и в нравственно-философском смысле — финал, в котором сосредоточена концепция произведения. Метафизический адский хохот, раздающийся на весь мир, не может не насторожить, не ужаснуть.

Из Священного Писания известно, что Христа часто видели плачущим, «а чтобы Он смеялся или хотя мало улыбался, этого никто никогда не видел». Конечно, Он плакал и о людях, отвернувшихся от своего доброго Отца и предавших самих себя злему духу.

В отличие от «Легенды о великом инквизиторе» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» (1881), где рисуется пришествие Христа и дан Его светносный образ, окруженный лучами любви и правды, в легенде Лескова изображения Христа мы не найдем. Зато злые силы выписаны пластически зримо. Сатана здесь не символ и не аллегория. Лесков считает, что обнаружение бесовской силы — это уже ее поражение, полезное людям, которым необходимо быть духовно пристальными.

«Самое большое поражение бесов, — пишет архиепископ Иоанн Сан-Францисский, — когда их обнаруживают, срывают с них личину, которой они прикрываются в мире»**. «Бесплотный враг — диавол, и слуги его — злые духи — суть наиреальнейшие явления в мире, действующие в смятенной, суетной или озлобленной душе. Бесы — такая же реальность, как светлые силы мира невидимого — ангелы, действующие в глубинах духа человеческого и его мира совести <...> вся внутренняя

* Диккенс Ч. Рождественские повести // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. — М.: ГИХЛ, 1959. — Т. 12. — С. 154.

** Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Семь слов о стране Гадаринской (Лук. VIII: 26—39) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 170.

борьба должна вестись не против людей же, себе во всем подобных по греховности, но против сознательно воинственной бесплотной силы зла, поработившей душу человека и человечества, душу всех интересов мира, ставших совершенно плотскими, земными, не имеющими горнего духа вечности»*.

Гордыня и тщеславие — по сути своей дьявольские качества — более всего мешают человеку в стяжании благодати. В легенде из датского перевода указывается: «Когда тщеславие станет второй природой человека, когда он сам влюбится в нее, будет дураком — он погибнет наверное! <...> Даже совесть не заговорит в человеке против тщеславия. Он не увидит в нем зла и с закрытыми глазами бросится в бездну» (563 — 564).

Здесь усматривается прозрачная аналогия с эпизодом Евангелия от Луки (8: 26—39) — о том, как Иисус повелел нечистому духу выйти из бесноватого и войти в свиней, и те бросились в бездну. Так и человек, по своей воле устремляющийся в бездну, подобен свинье, занятой только пищей земной. «Естественно, бесы хотят устремиться к свиньям. Только бы им не остаться без всякой жертвы, без всякой пищи, то есть без возможности кого-либо мучить и терзать в Божьем мире <...> На бесах поучим мы, люди, себя! — призывает архиепископ Иоанн Сан-Францисский. — Все зло, которое мы другим (то есть, прежде всего, самим себе) делаем, есть зло, выходящее из пустоты нашей, не заполненной светом Божиим. Гордые, мы, будучи пустыми, заполняем себя не жизнью Божественной, но призраками радостей, чтобы только не чувствовать ужасного своего — без Бога — одиночества. Адская бездна непрестанно отверста пред нами, и мы, слепо страшаясь ее, слепо привязываем себя к тому, что само не вечно, что есть лишь туман над бездной...»**.

Преподобный Максим Исповедник называет самолюбие «матерью всех зол»: «Начало всех страстей есть самолюбие, а конец — гордость». «Самолюбие, сластолюбие и славолубие изгоняют из души память Божию»***, — вторит св. Феодор Едесский. Против «безумной гордости» направлено истовое по эмоциональному накалу и совершенное в художественном отношении Слово 23 «Лествицы» аввы Иоанна Лествичника: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы»****.

По слову Апостола, «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6). Христос призывал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29).

Лесков считал, что гордость — «ужасное слово, которое совсем не идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина» (11, 413). Писатель вывел следующую истину: «Гордость — чувство пустое: ничем не надо гордиться и никем»*****. Так незадолго до смерти наставлял он своего сына. В книге Н. П. Макарова «Энциклопедия ума» из личной библиотеки Лескова, хранящейся в лесковском Доме-музее в Орле, подчеркиванием и крестиками на полях ру-

* Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Белое иночество // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 127.

** Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Семь слов о стране Гадаринской (Лук. VIII: 26—39) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 169.

*** Христианская жизнь по Добротолюбию. — М.: Свято-Данилов монастырь, 1991. — С. 112—113.

**** Иоанн Лествичник. Лествица. — СПб.: Фонд «Благовест», 1996. — С. 156.

***** Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 326.

кой писателя выделено: «скромность относительно души есть то же самое, что стыдливость относительно тела»*.

Горячо чтимый Лесковым святитель Тихон Задонский поучал: «Познается христианин не от восклицания: “Господи, Господи”, но от подвига против всякого греха <...> Труден, признаюсь я, всякому против вышеописанных противников подвиг, но необходим и почетен». В подвиге этом особо подчеркнуто сотрудничество Божественного и человеческого: «Бог старающимся и заботящимся помогает, подвизающихся укрепляет и побеждающих венчает»**. Поистине это богатырский подвиг, идею которого неустанно проповедовал Лесков в своих творениях о праведниках земли русской.

В свою записную книжку писатель занес глубоко выстраданную молитву: «Отче! Поддай мне сил избежать зла, сотворить благо и перенести испытание. Аминь»***.

* Всего в книге более 200 помет.

** Тихон Задонский, святитель. Наставление о личных обязанностях каждого христианина.— М., 1997.— С. 92—95.

*** РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 28.

Николай Макаров
(г. Тула)

ВРАЧИ 106-й В АФГАНИСТАНЕ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЧЕТЫРЕЖДЫ ОРДЕНОНОСЕЦ ВРАЧ-ТЕРАПЕВТ

*Ивасюк Юрий Кириллович,
родился 15.04.1952 — умер 12.06.2004 в Туле.*

В очерке о Сан Саныче Левченко («Пятая награда» — «Московский комсомолец» в Туле», 11.02.— 18.02.2009) есть строки:

«...На втором этаже медсанбата — красивый стенд с красивыми цветными фотографиями ныне служащих и уволенных в запас. Лучшие из лучших? Нет, не поднимается рука написать даже «худшие» из лучших» о некоторых из них... Но и здесь нет ни фамилии, ни фотографии ни Ивасюка, ни Левченко...»

12 июня, в пятую годовщину смерти Ивасюка, прихожу в его осиротевшую квартиру.

— Света,— задаю первый вопрос вдове Юрия Кирилловича Ивасюка, вдове Юрки Ивасюка, моего коллеги, моего товарища, моего однополчанина,— тебя хотя бы раз пригласили в медсанбат, тыфу — аэромобильный госпиталь (язык сломаешь пока выговоришь это словосочетание, по сути и содержанию скорее — словоблудие) на какое-нибудь мероприятие? Или просто,— это уже второй вопрос,— поговорить, поинтересоваться о твоём жите-бытье, предложить какую помощь?

— О чем ты говоришь? Пять лет без Кирилыча, и только его близкие друзья, да ты вспоминаешь о нем.— Вдова вздыхает, но без надрыва, смирившись за это время и с одиночеством вдовьей жизни, и с горечью преждевременной, невосполнимой утраты.— Время лечит. Жить надо дальше, работать и помнить.

На столе передо мной гора фотографий.

— Шестьдесят восьмой год. Лисаковск Кустанайской области. Школа. Юрка пришел к нам в выпускной класс — отец у него военный и они откуда-то переехали в наш город. И мы сразу с ним...

— С первого взгляда, что ли?

— Представь себе. На следующий год закончили школу и поехали вместе поступать в медицинский, в Целиноград. Он поступил и два года почти каждый день писал мне письма.

— Почему два года?

— Только через два года и я смогла поступить в этот же институт, переехать к нему.

Появляются их студенческие фотографии, затем — свадебные.

— Это мы перед его переводом в Томск, на Военно-медицинский факультет, поженились. Женатым в Томске давали комнату в общежитии.

— Да, помню я все это — сам на три года раньше Юрки заканчивал Томский факультет.

— И то — верно.— Следует очередной вздох.— В Томске и сын родился. После Томска Юра три года, пока я доучивалась в Рязанском медицинском, служил в десантном училище.

— В семьдесят восьмом году пришел к нам в 51-й полк врачом второго батальона.— Ненавязчиво включаюсь в воспоминания.— А я в то время был врачом первого батальона. И все учения, все полковые мероприятия с твоим Юркой мы были бок о бок: и обслуживание несения Олимпийского огня, и юбилей Куликовской битвы, и учения в Забайкалье, и участие в «битве» за урожай на полях области.

— Не перечисляй: все знаю — ничего не забыла. Хотя Юрка и мало что рассказывал о своей службе. В основном его друзья за рюмкой «чая» «пробалтывались» о ваших десантных «нюансах» и «зигзагах» службы.

— Великолечно знаю и эту черту — его невероятное хладнокровие в любых ситуациях и потрясающую скупость на слова. Сказал — как отрезал.

— Правильно, не в бровь, а в глаз. За это его и не... хотела сказать «не любило начальство». Нет, не верно — начальство его уважало, но старалось держать на расстоянии.

— И это мне тоже знакомо и памятно. В медсанбате, куда он перешел на должность ординатора госпитального взвода...

— Скажи проще — перешел терапевтом.

— Да, твой Кирилыч был терапевтом от Бога...

Авторский штрих: Ивасюк сам, без чьей-то помощи, стал применять в своей лечебной практике Залмановские скипидарные ванны. Где он доставал в те времена компоненты для этих ванн, для меня до сих пор покрыто мраком неразгаданной тайны. Хотя, многих пациентов сам направлял к нему на эти великолепные процедуры.

На столе появляются новые фотографии — Афганистан.

— Про Афганистан он тоже рассказывал мало, почти ничего: «Воевал, мол, как все. Живой вернулся».

— Вернулся с двумя орденами: Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. По два ордена за Афганистан, кроме Юрки, в Туле из врачей имеют еще только двое: Сашка Левченко и Володька Зозулин.

— Володьки, к сожалению, тоже нет в живых.

— Мой бывший подчиненный — трагически погиб в Туле, в первый год после увольнения из Армии.— Напоминаю Свете.— Знаю, все знаю. Вот так — ходишь, ходишь и не знаешь, где соломки подстелить. И медицина, и сами медики, к сожалению, бывают бессильны перед костлявой.

— За них! — Она медленно наливает в четыре стопки ледяной водки, две накрывает кусочками ржаного хлеба и мы молча, стоя поминаем безвременно от нас ушедших.

Второй авторский штрих: всего у гвардии подполковника медицинской службы Ивасюка четыре ордена: два (орден Мужества и орден «За личное мужество») — за Чечню. Из врачей в Туле четыре ордена имеет еще только Сашка Левченко. Хорошо, хорошо — гвардии подполковник медицинской службы запаса А. А. Левченко.

— Как ты восприняла известие, что муж едет в Чечню, якобы, не на настоящую войну?

— Как ни воспринимай, а приказ есть приказ. Это и не обсуждалось.

— Про Чечню-то он что-нибудь рассказывал?

— Не смейся.

День спустя звоню Левченко, и после обмена любезностями:

— Саня, на войне, понятно, хирургам работы невпроворот, а что на войне делают

терапевты? — Это я так, для затравки — сам, не понаслышке, знаю, чем врачи любого профиля, любой специальности (в том числе и терапевты) занимаются на войне.

— Это ты — про Юрку что ли? — Слышу в трубке его с хрипотцой басок.

— Про него, про него. При жизни-то не успел расспросить.

— Да, при жизни мы мало общаемся-собираемся. У каждого — свои заботы, своя ежедневная рутина. Когда уходит один из нас, тогда и...

— Санек, — перебиваю его на полуслове, — хватит лозунгами.

— Юрка, представь — ходил на боевые, как простой батальонный врач, как фельдшер, как санинструктор. Лез в самое пекло. Но не долго.

— Почему — не долго?

— Контузило начальника медицинской службы нашей группировки вместе с замом — их эвакуировали; а Ивасюка, как самого старшего, самого опытного, самого авторитетного из всех медиков назначили начальником.

— И?

— Начальник есть начальник. Это на боевых просто — особенно не надо ни о чем думать: выполняй свои обязанности, а начальник — это звучит! Ты сам был начальником — не тебе объяснять.

— Каков из него — начальник?

— Всего один эпизод. Идет операция: осколочное ранение с отягощающими — Юрка мне ассистирует. Вдруг врывается в операционную палатку дежурный прапорщик, из бессвязного доклада которого понимаем, что колонна с грузом медикаментов не будет у нас останавливаться, а проследует дальше, в конечный пункт назначения.

— В чем проблема-то?

— У нас все — на исходе: и перевязка, и антибиотики, и кровь... все, короче. И ждать, когда колонна доберется до базы, там разгрузится, ехать потом туда, получать — это вагон и маленькая тележка времени. Юрка недолго думал, только спросил меня, справлюсь ли я без него. А чего не справиться — операция подходила к логическому завершению и мне, практически, ассистент был не нужен.

— Опять перешел на шершавый язык плаката.

— Хорошо, слушай дальше. Ивасюк, как был в операционном халате, в бахилах, выскочил из палатки, схватил первый попавшийся автомат, передернул затвор и стал перед первой машиной колонны — Бог войны и медицины.

Третий авторский штрих: Кирилыч в Чечне находился в девяносто шестом, затем — будни аэромобильного госпиталя (или все же — медсанбата?), Югославия и увольнение из рядов Российской Армии (не любил он это словосочетание, предпочитал — «Красная Армия») осенью девяносто девятого. И, в аккурат перед самым увольнением (три года военной бюрократической волокиты), его «догоняет» четвертый орден.

— А еще через пять лет моего Юрки не стало, — по Светиным щекам покатались слезинки. — Вечная ему память!

— Пусть земля ему будет пухом...

ПЯТАЯ НАГРАДА

*Левченко Александр Александрович,
родился 20.07.1957 — умер 28.07.2017 в Туле.*

Листаю «Тульский биографический словарь». Три тома. Выпущенный Издательским Домом «Пересвет». Третий (надеюсь, не последний, не крайний) том увидел свет в 2003 году. Нахожу много знакомых имен.

Вот...

Милютин. Игорь Александрович. Герой России. Гвардии подполковник медицинской службы. Есть такая фамилия. Вместе служили. Когда до Героя ему оставалось каких-то лет семь-восемь. И неплохо служили...

Вот...

Поляков. Валерий Владимирович. Герой Советского Союза, Герой России. Космонавт. В конце семидесятых пересекались с ним по линии поисково-спасательной службы. С 65-летним юбилеем поздравлял его по телефону 27 апреля в 2007 году. Нескромный вопрос так ему и не задал. Для него, конечно, нескромный. «Почему ему, как дважды Герою, нет бронзового бюста на Родине? В Туле — городе, Почетным Гражданином которого он является; городе, где он родился, учился,— ему нет бюста?»...

Листаю словарь дальше.

Вот...

Ивасюк. Юрий Кириллович. Гвардии подполковник медицинской службы. Четырежды (!!!) орденосец. Нет такой фамилии в словаре. И его, к сожалению, среди нас уже нет. Вечная ему память!..

Вот...

Левченко. Александр Александрович. Гвардии подполковник медицинской службы. Четырежды (!!!) орденосец. Не строевой офицер, а врач, военный врач Воздушно-десантных войск. Нет такой фамилии в словаре...

Звоню ему домой. Договариваемся о встрече. Перед встречей захожу в медсанбат (сейчас он называется может и красиво, но не звучно, не гордо — «Аэромобильный госпиталь»). То ли — «Медсанбат»: как выстрел, как память о той, далекой, многими забытой и многими пытающимися вытравить ее из нашей памяти, Великой Войне и Великой Победе... нашей Победе), где когда-то с Сашкой Левченко вместе служили.

На втором этаже красивый стенд с красивыми цветными фотографиями ныне служащих и уволенных в запас. Лучшие из лучших? Нет, не поднимается рука написать даже «худшие из лучших» о некоторых из них... Но и здесь нет ни фамилии, ни фотографии ни Ивасюка, ни Левченко...

Ему и задаю в упор вопрос при встрече.

— Почему?..

Он смущенно улыбается.

— Ты же сам когда-то ходил в начальниках.— Отвечает уклончиво.— А пути начальства... неисповедимы. Да, не это, в конце концов, главное...

Так-то оно — так. Да, как-то — совсем не так. Не по-людски все это, несправедливо.

Хотя, где она сейчас — эта справедливость? И была ли она, по большому счету, когда-нибудь?

...В Афганистане он рвался на боевые. Сходил всего шесть раз. Его не пускали. Кто будет оперировать? Вместо тебя? Есть «боевики» — вот пусть они и ходят, оказывают раненым первую помощь. Раз больше ничего не могут. Или не умеют. Или не хотят учиться и уметь оперировать. И Сан Саныч оперировал с утра до вечера. Иногда и с вечера до утра. Два года оперировал. И по логике вещей его, командира оперативно-перевязочного взвода, формального ведущего хирурга медсанбата, должны были назначить командиром медицинской роты. Но... «Подсуетился» другой. Которого через полгода заменил следующий. Так и вернулся он в свой родной медсанбат в Тулу из Афганистана командиром ОПВ на должность... ординатора этого взвода. С понижением. Все места заняты. Согласно купленным билетам. Это потом он станет и командиром ОПВ, и командиром медроты.

Из Афганистана Сан Саныч вернулся со своим первым орденом. Орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. А должен был (не люблю эти сослагательные наклонения, но приходится пользоваться ими) привезти еще и

Афганский орден, эквивалентный (во как!) нашему ордену «Красного Знамени». Начальник медицинской службы дивизии заявлял ему об этом громогласно и прилюдно (кто за язык тянул?) И командир дивизии список награжденных утвердил с фамилией «Левченко». При награждении вместо его фамилии прозвучала, к удивлению всех, в том числе и комдива, фамилия... начальника медицинской службы дивизии. Ловкость рук и... зрители не аплодируют, хохочут...

Задаю очередной вопрос:

— Почему, хотя бы не для печати, не называешь фамилий? Фамилий этих «шурави».

— Зачем? Зачем ворошить всякое дерьмо из прошлого?

Не знаю. Может и не надо ворошить? А может и надо? Должна же Родина знать не только своих героев, но и негодяев? Или — нет? Но это — ему, Александру Левченко, решать. О своем прошлом.

...Второй орден — орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 2-й степени — Левченко получил за «войну» в Баку в 1990 году. Спустя три года после возвращения из-за Речки, будучи командиром медицинской роты.

Плюется он об этой «войне». Не война это. Дурдом. Не надо о ней.

Хотя хирургам и там хватало работы. А когда хирургам не хватает работы? Даже в мирное время?

...Третий орден. Орден «За личное мужество». А должен был бы быть (опять это — сослагательное наклонение; ну, никуда от него) орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 1-й степени. Статут трех степеней этого ордена приравнивался к статусу ордена Славы трех степеней (за ту, Великую Войну, три ордена Славы получали и медики — восемнадцать человек!), приравнивался к статусу Золотой Звезды Героя. Но... Где справедливость?... Не было в 1992 году орденов великой Державы. Державы не было. О какой справедливости тогда говорить?..

— За что орден?

— Не знаю, писали тогда газеты об этом. Не читал. Может, по телевизору что-то показывали. Не знаю.

...На трех «Ил-76» срочно вывозили наше посольство из Афганистана. В группе обеспечения (в группе охраны? в группе захвата?) находились и трое медиков во главе с подполковником Левченко.

Первый самолет загрузился посольскими. Разбег. Самолет в небе. Второй самолет, где находился и Сан Саныч, загрузился. Разбег. И... И начался ракетный обстрел. Подбит третий самолет. Из третьего самолета валит дым. Третий самолет горит. Раздаются крики раненых. Ракеты рвутся вокруг второго самолета. Который, разворачиваясь, успев затормозить в конце взлетной дорожки (не взлетев, естественно), направляется к третьему самолету. Кто «похитрее», «посмекалистее», кто бывал раньше под обстрелом (около десятка человек из группы обеспечения, но не врач!), разбежались по укрытиям. А пассажиры из третьего самолета вместе с экипажем в ураганном темпе перебазировались во второй самолет. И этот, второй «Ил-76», перегруженный сверх всяких норм, нормативов и регламентов, под продолжающийся ракетный удар, начинает новый разбег. Кто был в Кабуле, знает, как там трудно осуществлять воздушные маневры при взлете, тем более перегруженному самолету, тем более с пробитыми шасси, тем более посреди разрывов ракет. Но взлетели.

— Не было в моей жизни еще такого обстрела: ни в Афгане, ни потом, в Чечне. Земля горела. С полсотни, не менее, ракет по нас выпустили.

— А как же те «герои», что попрятались в щели? И остались там?

— За ними должны были вылетать на следующее утро. Мы сидели в самолете. Врачи не только с медукладкой, но как и все, вооруженные до зубов... мудрости. Но не взлетели. Наш посол, который остался в Афганистане, на вертолете перебросил их до нашего ближайшего аэродрома.

...Четвертый орден. Орден «За военные заслуги» Левченко получил за боевые действия в Чечне в 1995 году. Вот что о нем написал корреспондент В. Павлюткин в газете «Красная Звезда» от 11 апреля 1995 года, отрывок откуда здесь и привожу.

«...Всякое бывало. Иной раз оперировали по двадцать часов в сутки. На сон оставалось два-три часа. Выходишь из операционной палатки — ноги подкашиваются, не держат. Однажды приняли за день сорок раненых. Было и такое: три ночи подряд обстреливали нас реактивными снарядами, рядом рвались. Но — обошлось. Вообще-то, при возможности старались оперировать в подвалах. Или в ямах — сами их и копали. Вот, — показывает огрубевшие, с желтоватыми мозолями ладони, — до сих пор остались...»

Признаться, я опешил. Хирург, чьи руки должны быть чуткими, как у музыканта, — и с лопатой? Словно прочитав эти мысли, Сан Саныч пояснил:

— Руки, конечно, грубели, только выбирать не приходилось. Если я на ночь в землю не заруюсь, а останусь, скажем, в машине и меня снарядом накроет, — что, для раненых это будет лучше? А сами они себе — много ли накопят? Тут субординация простая: живой-здоровый — хватай лопату. Дудаевцы расслабляться не давали, дупили за милую душу...»

...Уволился Левченко из Российской (и из Советской!) Армии в 2000 году.

— А Югославия?

— Югославия? — Он заразительно смеется. — За все мытарства, за всю несправедливость.

— Все-таки «несправедливость»?..

— Ладно, не придирайся. Югославия — это год... курортно-санаторного сезона. Можешь написать, если, конечно, напечатают, что это как очередная награда. Как пятый орден.

— Да...а...а...

ВОЕННЫЙ ВРАЧ ЛУКОНЬКИН

*Луконькин Александр Александрович,
родился 02.03.1957.*

Я его не узнал. На фотографии. В журнале «Советский воин» (был, был такой журнал), в номере 15 за 1990 год. На двадцатой странице небольшая фотография — одна из иллюстраций повести Виктора Верстакова «Афганский дневник». И на той фотографии молодой Сашка Луконькин. Гвардии старший лейтенант медицинской службы на руках с раненым солдатом. В Бамаме, где проходил его второй год службы в Афганистане.

...В восьмидесятом закончил Томский военно-медицинский факультет. В восьмидесятом же стал врачом третьего батальона 51-го полка Тульской воздушно-десантной дивизии. В восьмидесят втором — в 357-м парашютно-десантном полку в Кабуле. Дислокация в крепости, которую в свое время так и не смог покорить Александр Македонский.

Постоянное участие в боях, двадцать пять (!!!) сопровождений колонн по военным горным дорогам.

— Что характерно, — вспоминает он, — наши («наши» — это десантура: прим. авт.) колонны «духи» обстреливали редко и не так интенсивно, как «мобуту» (кроме морпехов, летунов, «стратегов» для десантуры остальные войска — «мобута»: прим. авт.). Но все равно однажды попали под такой шквал огня, что водителю моего «УРАЛА» отстрелили кожу на кончике носа. Бывает же такое везение. Оказал помощь. Да, какая помощь? Смазал йодом. Пластырь — на нос. И снова в бой.

Еще он вспоминает о невероятном ранении: у офицера прострелены мышцы од-

ной руки, обе ягодицы в четырех местах, мышцы другой руки, где и застряла пуля (бывает такое: сидел на корточках с опущенными руками — вот одной пулей и прошло все вышеуказанные места). Кровищи — море. Раненый орет. А его разбирает смех. Такого ранения (по большому счету — пустяковое ранение) нарочно не придумаешь. И это — на поле боя. Оттащил раненого офицера Луконькин за дувал и израсходовал на него весь запас перевязочных средств. Хорошо, в том бою больше не было раненых. Остановил кровь. А тут и вертолеты подоспели.

— Нет, чем в Афганистане было хорошо, так то, что медикаментов, перевязки — в избытке. Не знали проблем. Как у других — не скажу, а у меня всегда все — с запасом.

Были, конечно, и у него «двухсотые», были тяжелые, через «не могу», переходы по горам. Он же — батальонный врач. И повсюду, куда войска, туда и он. Без врача ни одно мероприятие не обходилось. Но он не любитель это вспоминать. Что-нибудь веселое, неординарное в будничном однообразии — пожалуйста.

— После боевых, на следующий день, комбат с утра пораньше всегда присылал за мной посыльного. — Луконькин недоверчиво продолжает. — Да, ты не напишешь об этом, а напишешь — не напечатают. Ну, ладно: из песни слов не выбросишь. На столе бутылка, закуска и его неизменные слова: «Давай, доктор, бухти мне про половые извращения».

Я смеюсь. Я понимаю: у каждого свое снятие стресса. И это — не хуже и не лучше других. Свое.

За два года службы в Афганистане грудь Луконькина украсил орден Красной Звезды.

— Посылали еще на медаль «За боевые заслуги», но чинуши из штаба дивизии завернули. Дескать, если бы медаль была до ордена... Кто их там разберет. Главное: живым вернулся.

Луконькин надолго задумывается. Я терпеливо ожидаю, а пенсионер Луконькин (гвардии майор медицинской службы запаса) неожиданно выдает:

— Ты знаешь, я на гражданке после дембеля (в 1999 году: *прим. авт.*) не смог работать врачом. Пытался. И не раз. Но не смог. Не смог смотреть в глаза старикам, когда знаешь, что лекарства, какие нужны, им не по карману. А дешевых в аптеках нет. И льготные лекарства постоянно в отсутствии. Впаривать пищевые добавки, эту туфту, даже и не пытался. Хотя заманчивые предложения от всяческих фирм и фирмочек было достаточно.

— Саш, насколько я помню, ты ни разу никогда не ездил отдыхать по путевкам.

— Не люблю, да и жена — тоже, этот организованно-заорганизованный отпуск. С ружьишком по тайге — другое дело.

Разговор плавно перетек на Томск. На наших общих знакомых (Луконькин через восемь лет после меня окончил факультет). И пошли, как говорится, лирические отступления.

— Будем жить!..

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

«НЕ НУЖНО МНЕ СОЛНЦЕ ЧУЖОЕ»

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Михаил Васильевич Исаковский — русский поэт, прозаик и переводчик. Член Союза писателей СССР. Герой Социалистического труда. Лауреат двух Сталинских премий. Награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями.

Его стихотворения полны доброты, душевного лиризма, глубины мысли и патриотизма. В них есть все: любовь, грусть, сила и ритм. В творчестве Исаковского воплощены лучшие черты русской поэзии: народность, искренность, простота, социальная значимость. Всем образным строем произведений поэт утверждает радость бытия. Эти милые, очень русские стихи и песни прочно вошли в нашу духовную жизнь. Они легко читаются и запоминаются.

«Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью,— писал М. Горький об Исаковском еще в 1927 году.

Родился будущий поэт 19 января 1900 года в деревне Глотовка Ельнинского уезда Смоленской губернии в бедной крестьянской семье.

Впоследствии он писал: *«Я вырос в захолустной стороне. / Где мужики невесело шутили, / Что ехало к ним счастье на коне, / Да богачи его перехватили».*

Первое его стихотворение «Просьба солдата» было опубликовано в 1914 году в газете «Новь».

В двадцатые годы М. Исаковский редактирует уездную газету в Ельне, затем работает в смоленской газете «Рабочий путь».

В 1931 году он, будучи довольно известным поэтом, переехал в Москву, где первое время редактировал журнал «Колхозник».

К середине тридцатых годов круг тем и образов в его творчестве становится широким и разносторонним. Уже в эти годы автор становится одним из самых популярных и любимых в народе поэтов-песенников. Но прежде всего он тонкий лирик. Его лирику отличает поразительное ощущение прекрасного, замечательное чувство меры, открытость и безупречный вкус. Это неотъемлемая часть души поэта. Его лирические стихотворения дышат упоением жизни. В них звучит душевная искренность и убедительность.

Он верен принципу, сформулированному еще Гете: «Я пою, как птица поет».

Его стихи настолько мелодичны, так ложатся на душу, что композиторы не могли пройти мимо них. Мы видим, что многие стихотворения Исаковского положены на музыку: «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы», «Колыбельная», «Огонек», «Тропинка», «Лучше нету того цвету», «Дубрава», «Под звездами балканскими» (композитор М. Блантер), «Каким ты был, таким ты и остался», «Звезда золотая», «Ой, цветет калина» (композитор И. Дунаевский), «Вдоль деревни», «Провожанье», «Величальная песня», «И кто его знает» (композитор В. Захаров), «Милый мой» (композитор В. Самойлов), «Одинокая гармонь», «Снова замерло все до рассвета» (композитор Б. Мокроусов), «Услышь меня, хорошая» (композитор В. Соловьев-Седой), «Зимний вечер» (композитор Б. Терентьев). Это соединение поэзии и музыки очень многогранно.

Мало сочинить песню. Нужно так ее написать, чтобы она жила долго и чтобы с каждым годом она казалась нам роднее и ближе.

У каждой песни своя судьба. Одни, не успев родиться, умирают, а другие живут долгие годы. Именно такие песни, созданные в соавторстве с известными композиторами, оставил нам Михаил Васильевич Исаковский. Хорошая песня всегда находит ключ к сердцу человека, надолго закрепляется в его памяти.

Поэзия — вечный, пронзительный и все проясняющий свет, песня души и сердца, сочетающая в себе силы всех четырех стихий. Она противостоит жестокости, злу и распаду.

Михаил Васильевич написал много пронзительных стихотворений о Великой Отечественной войне, но, наверное, самое известное и эмоциональное среди них — «Враги сожгли родную хату». Болью отзываются строки: *«Враги сожгли родную хату, / Сгубили всю его семью. / Куда ж теперь идти солдату, / Кому нести печаль свою? / Пошел солдат в глубоком горе / На перекресток двух дорог, / Нашел солдат в широком поле / Травой заросший бугорок...»*. Стихотворение с горьким, трагическим звучанием. Нужно только прислушаться к тому, что происходит в душе. В те годы не только семьи теряли отцов и сыновей — часто и самим солдатам некуда было возвращаться. Пронзительная и простая правда, от которой не спрячешься и не убежишь. В этом произведении дается выход глубокому чувству скорби человека на родном пепелище, у могилы любимой жены.

Эта жизненная драма была знакома многим возвратившимся с войны бойцам. Это были суровые послевоенные реалии, переполненные грустью и отчаянием. Страшная горечь утрат близких и любимых людей вызывает боль. Святая песня! В простых словах — горе народа. Поэт обнаруживает способность всем сердцем переживать чужие беды и горести. Ему удалось совместить эпическое осмысление жизни с лирическим исполнением.

В 1942 году Михаил Исаковский написал стихотворение «В прифронтовом лесу»: *«С берез неслышен, невесом, / Слетает желтый лист. / Старинный вальс “Осенний сон” / Играет гармонист. / Вдыхают, жалуюсь, басы, / И, словно в забытьи, / Сидят и слушают бойцы — / Товарищи мои...»*. Любовь здесь представлена как таинственная и необъяснимая сила, заложенная в человеке. Всем доступная и над всем властвующая. Сильные, душевные и не превзойденные стихи, пробирающие читателя до слез!

Впоследствии на эти стихи композитор Матвей Блантер сочинил музыку. Простая умиротворяющая мелодия и душевные слова порождают особенное эмоциональное состояние. Стихотворение пропитано духом дружбы и товарищества, а дорога к родному дому, семье ведет через испытания и войну: *«Но пусть и смерть — в огне, в дыму — / Бойца не утрашит, / И что положено кому — / Пусть каждый совершит...»*

Напоминание в песне о мирных днях усугубляло драматизм существующего положения: *«Пусть свет и радость прежних встреч / Нам светит в трудный час, / А коль придется в землю лечь, / Так это ж только раз».*

В годы военного лихолетья поэт написал стихотворение «Русской женщине», создав в нем образ верной спутницы русского солдата, великой и терпеливой труженицы, на плечи которой легла огромная тяжесть и ответственность: *»Да разве об этом расскажешь — / В какие ты годы жила! / Какая безмерная тяжесть / На женские плечи легла! / ... Рубила, возила, копала, — / Да разве же все перечтешь? / А в письмах на фронт уверяла, / Что будто отлично живешь».*

В стихотворении «Катюша» соединились музыкальность и ясность сюжета. Оно простое по композиции, красивое по языку, отличается особенной лирической проникновенностью. Песня стала поистине народной, она имеет больше ста фольклорных переделок и продолжений и несет в себе задушевное, ясное, жизнерадостное настроение. В ней отражен собирательный образ русской девушки, которая переживает разлуку со своим возлюбленным. Стихотворение говорит о ее любви и верности ему: *«Ой ты, песня, песенка девичья, / Ты лети за ясным солнцем вслед: / И бойцу на дальнем пограничье / От Катюши передай привет...».* «Катюша» звучала как гимн, как песня — переключка друзей. Она стала песней — воительницей, песней — героиней!

Большое распространение получила также песня на стихи М. Исаковского «Огонек», которую пели и переписывали от руки на фронте и в тылу: *«И врага ненавистного / Крепче бьет паренек / За Советскую родину, / За родной огонек».* И в наши дни ее напев трогает и волнует душу.

В ней заложена огромная патриотическая идея. Тема защиты страны срастается с темой любви, что придает стихам особенную теплоту и лиричность.

Эти стихотворения — своеобразный гимн красоте, верности и преданности. Основное внимание здесь сосредотачивается на чувствах и ассоциациях.

Для поэта свят и неприкосновенен высокий смысл дружбы. И как говорили на востоке: любовь — окрыляет, ненависть — дает силы, а дружба — то и другое.

Навеянное победными мотивами, в 1946 году М. Исаковским было написано стихотворение «Под звездами балканскими», положенное на музыку М. Блантером. Музыка в этой песне звучит нежно, что дополняет и без того лирические слова: *«И под звездами балканскими / Вспоминаем неспроста / Ярославские, рязанские / Да смоленские места. / Вспоминаем очи карие, / Тихий говор, звонкий смех. / Хороша страна Болгария, / А Россия лучше всех!»*

Искорками подлинной поэтичности отличаются его короткие лирические стихи, многие из которых стали популярными песнями («Провожанье», «Береза», «Зимний вечер», «Прощание», «Любушка» и др.).

Песня «Одинокая гармонь», созданная в содружестве с композитором Б. Мокроусовым, сумела завоевать всенародную популярность. Она живет и сегодня, волнуя самые сокровенные струны души: *«Снова замерло все до рассвета — / Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь, / Только слышно — на улице где-то / Одинокая бродит гармонь: / То пойдет на поля, за ворота, / То обратно вернется опять, / Словно ищет в потемках кого-то / И не может никак отыскать...».*

Образ Родины присутствует во многих его произведениях. Так, стихотворение «Родное» наполнено любовью и восхищением родными местами, деревней Глотовка, в которой прошли его детские и юношеские годы, где ему знаком каждый двор, каждое дерево и куст. Здесь он бегал по лесным дорожкам, собирал орехи и весело гонял гусей во дворе: *«Сыплет спелые орехи / Мне орешник в кузовок. / Лес рябиновые веши / Расставляет у дорог... / Гусь степенный в луже моет / Свой гусиный красный нос... / Все мое, и все родное, / Чем я жил и где я рос».*

Читается буквально на одном дыхании. Автор находит свежие, сочные краски для описания родной земли: *«Отходили свое, отгуляли метели, / Отишумела в оврагах вода. / Журавли из-за моря домой прилетели, / Пастухи выгоняют стада...»* («Весенняя песня»).

Эти стихи — восторг души, который автор не может скрыть. Мы видим, что простота и непосредственность повествования, безыскусственность языка составляет особенность его художественного почерка. Любовь к Родине для него святое, сыновнее чувство.

Стихи о природе самым теснейшим образом связаны и как бы являются частью продолжения стихотворений о Родине. В природе поэт черпает творческую силу, видит источник вдохновения. Картины природы насыщены глубоким содержанием душевной жизни поэта. В них звучит ощущение животворящей силы окружающей природы, ее красоты. Стихи наполнены любовью и гармонией. Всему есть место в этих прекрасных стихотворениях: красоте земли, сердечным переживаниям: *«Не жаркие, не летние, / Встают из-за реки — / Осенние, последние, / Останные деньки. / Еще и солнце радует, / И синий воздух чист. / Но падает и падает / С деревьев желтый лист...»* («В дни осени»).

М. Исаковский не позволяет себе духовной распушенности, глумления над историческим прошлым своего народа. Главное в его творчестве — тема патриотизма.

Чувство патриотизма многогранно: это и любовь к Родине, гордость за нее, желание защитить и сохранить, приумножить славу и силу страны. Быть патриотом — значит ощущать себя неотъемлемой частью земли, на которой рожден и вырос.

Михаил Исаковский — автор поэтических сборников: «По ступеням времени», «Взлеты», «Четыреста миллионов», «Провода в соломе», «Провинция», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Здравствуй, Смоленск», «Избранные стихи и песни», «Стихи и песни» и поэм: «Четыре желания», «Поэма ухода», «Любовь и картошка» (не завершена) и др. А всего им написано около 250 стихотворений.

По словам А. Твардовского: «Михаил Исаковский один из самых любимых поэтов нашей родины. Его поэзия давно уже занимает большое и бесспорное место в духовной жизни самых широких слоев нашего народа».

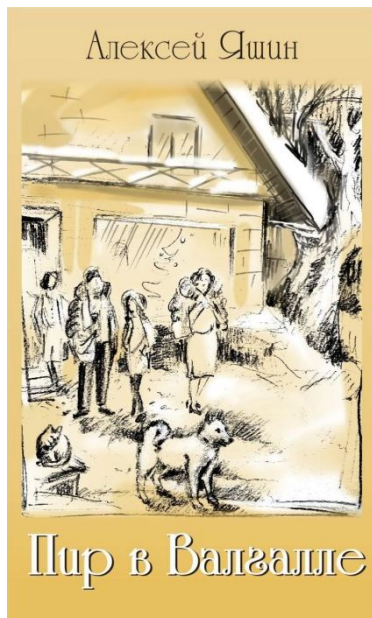
Михаил Васильевич Исаковский умер 20 июля 1973 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

*«Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна».*

(«Летят перелетные птицы»)

«В ОЖИДАНИИ ПОСЛЕДНЕЙ БИТВЫ?»
(о романе Алексея Яшина «Пир в Валгалле»)*

Странные ощущения испытывал аз грешный при прочтении этого романа. На мой взгляд он существенно отличается от предыдущих повествований уже довольно солидной серии, при сохраняющейся иронии и самоиронии автора, прежде всего, на мой взгляд, особой интонацией и очень насыщенным подтекстом. Такое впечатление, что автор действительно описывает те явления, с которыми приходится, волей-неволей, понемногу, но неизбежно, прощаться, ту обстановку и те человеческие отношения, которые уходят в прошлое, в небытие, становясь ностальгическими воспоминаниями. И в подтексте, если угодно, то и между строк, сквозит острая тоска по уходящему, опережающая процесс окончательного прощания. Да и название романа, увы, не внушает оптимизма, ведь в Валгалле боги и герои беспечно пируют в ожидании неумолимо приближающейся и опять-таки неизбежной битвы Рагнаради (все-таки предпочитаю версию Валентина Иванова, а «Рагнарек», согласитесь, звучит как-то комично), где и падут доблестно все обита-

тели этой самой Валгаллы. Но они не знают роковой даты и по данному поводу, а равно и по поводу жутких последствий битвы, как нынче говаривают впросто, «не заморачиваются».

Однако же, если разобраться, углубившись в роман, то ведь ничего особенного, на первый взгляд, в нем не происходит. Напротив, довольно обыденная ситуация: молодой специалист, инженер, работник оборонки, посредством знакомства с девушкой и возникшего взаимного чувства, входит в довольно обеспеченное семейство с положением в местной общественной иерархии, с устоявшимися традициями и укладом, с солидными обычаями, словом, с вполне, но не навязчиво, регламентированной жизнью, от которой веет некоей патриархальностью, не лишенной, впрочем, и отпечатков современности. На эту «ось» автор очень органично и умело «нанизывает» все остальные сюжетные линии, подробности, детали, создавая целостную и реально ощутимую картину того мироустройства, которому, опять-таки по мнению автора, судьбой назначено постепенно исчезнуть или переродиться, сообразно велению времени и веянию новых правил жизни «оцифрованного», читай «оболваненного», мира.

Но отчего же все-таки Валгалла? Отчего там пиры? И потом, если быть объективными, то последняя битва с наступающим «новым миром» уже не просто началась, но идет вовсю. Что же теряется в результате, что уходит безвозвратно? А вот что: уклад. Именно прежний семейный уклад, во многом и многим из нас кажущийся уже патриархальным пережитком, порой довольно раздражающим своей консервативностью, но, вместе с тем, представляющий собой устоявшуюся систему взаимоотношений, возрастную, не столь уж и навязчивую иерархию, способную обеспечить преемственность поколений в отдельно взятой семье, и, значит, само собой, являющуюся основой государственной устойчивости в целом.

* Алексей Яшин. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия: Академия российской литературы.— СПб: Изд-во ЦСЛК на Васильевском, 2024.— 404 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

Вообще-то, честно говоря, подобные «узы» современному человеку действительно во многом если не чужды, то являются некоей обузой. И действительно, ради чего комедию ломать, когда «все смешалось» и не только «в доме Облонских», что проку в этих иерархиях и патриархальности? Но в том-то фокус и состоит, что вопреки всем произошедшим в минувшем веке общественно-политическим и социальным катаклизмам, несмотря на стремительность разнообразных изменений в нынешней жизни, уклад не умер совсем, и кое-где очень даже сохранен и действенен. Как ни крути, но он доселе восстает из, казалось бы, пепла, пусть не в первоизданном виде, пусть несколько видоизмененным, пусть даже весьма переиначенным, но все-таки... Конечно, в городах гораздо меньше следов семейной архаики, на селе... вот тут вопрос, поскольку говорить о селе, как таковом, весьма сложно, поскольку, к великому прискорбию, многие места исторического компактного проживания в сельской местности сегодня, увы, не существуют. Народ оттуда ушел. Однако, там, где сельское население по-прежнему превалирует, укладность, само собой, присутствует.

Вот, на мой взгляд, о какой «Валгалле» ведется речь в романе А. А. Яшина. Конечно, вполне можно по данному поводу хмыкнуть скептически, мол, а семейство там описано не вполне «простое», ни дать, ни взять провинциальный полусвет, что им беспокоится, и что о них и об им подобных волноваться, у них «все схвачено, за все заплачено»... Но тут, на мой взгляд, с учетом лейтмотива, как раз все очень логично в том смысле, что грядущий и неминуемый лом традиционности в жизни отдельной человеческой ячейки, опасен и для, казалось бы, обеспеченных и застрахованных от практически любых неожиданностей, кроме, конечно, форс-мажора и глобальных трагедий. И более того, как раз для описанной семьи, несущей в себе давние и вполне внятно определенные житейские устои, все возможные новации более опасны, нежели для некрепкой или уже утратившей былую традиционность. Поэтому и «Пир в Валгалле» — отнюдь не беззаботное времяпрепровождение в виду неизбежной героической гибели в последнем бою, а попытка возможно дольше продлить устоявшуюся жизнь, при абсолютном несогласии с какой-либо «гибелью» в переносном, естественно, смысле.

Нет, я повторяю, битва уже идет, причем, это не ярко полыхающее сражение, нет, все деструктивные процессы современных реалий действуют исподволь, но методично и неумолимо. Вот в чем их главная опасность, в стирании традиций, в уничтожении «врожденной памяти» человека, которая олицетворяет связь с ушедшими поколениями пращуров и с родной землей, прежде всего с малой родиной. А ведь ставшая расхожей поговорка «где родился, там и пригодился» на самом деле великая и мудрая формула, следуя коей и формировался наш народ, созидатель и труженик, плоть от плоти Отечества. Пафос? В какой-то мере, да, но по сути, просто искренность. А стесняться или чураться человеку вообще не пристало. Поэтому «Пир в Валгалле» при всей кажущейся локальности описываемого, поднимает глобальную проблему, которую нельзя игнорировать, дескать, само собой все устаканится. Тут речь о каждом из нас, решение проблемы наследственности традиций, пусть даже скорректированных, в большей степени, в решающей степени, если угодно, касается персоналий. Дело за нами и нам решать, каким будет наше завтра и чем закончится «последняя битва».

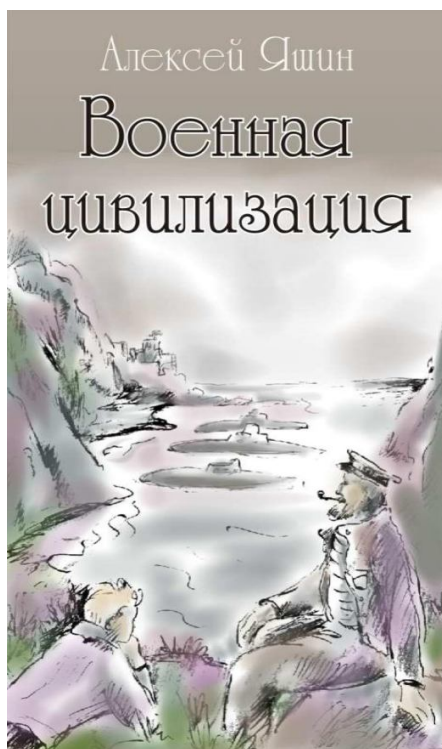
**Вадимир Трусев, член СПР
(г. Санкт-Петербург)**

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЯРНОМ*

«Я не ищу богатства, потому что оно никогда не сможет утешить меня. Я не имел его ребенком и поэтому оно не может принадлежать мне. Единственное, чем ты обладаешь навсегда, это те вещи, которые были у тебя в детстве. Мы уже побывали в Раю. И часто, во всяком случае я, возвращаюсь в него, когда вхожу в лабиринты памяти, где живет мое детство».

Тонино Гуэрра

Алексей Афанасьевич Яшин написал новый роман. «Военная цивилизация», Санкт-Петербург, издательство «Астерион», 2023 год. Главный герой романа вновь стал Николай Андреянович, уже знакомый читателю по предыдущим произведениям автора «Страна холода: Детство в Гипербореях» и «Страна холода: Под опекой Арктогеи»

Николай Андреянович вневременен настолько, что помнит Александра III, министра Витте и Сталина. Течение времени весьма условно как для автора, так и для главного героя. Николай Андреянович живет воспоминаниями детства, юности, молодости... Роман, собственно, и состоит из воспоминаний и размышлений.

Авторское предисловие начинается с цитаты философа и политика XVI века Никколо Макиавелли из книги «Государь», а первую главу предваряет его же цитата из трактата «О военном искусстве». Это задает определенные рамки роману — перед нами развернется вовсе не частный случай жизни частного человека. На материале истории маленького северного городка — Полярного

— развернется история всего государства. Государства и его Северного флота. Государства и необходимости его военной защиты. Государства и его чудесного, иначе и не скажешь, выживания в условиях слома государственного строя.

Вспоминая детство, главный герой именует себя не иначе как «Николка». Автор использует прием *остранения*, заставляет читателя пристальней присмотреться к мальчику. Почему не «Коля», «Колька»? Детская форма имени Николая должна была быть другой, ведь его старшего брата в семье называют «Толька». Значит и главный герой имеет схожее домашнее имя. Но повествование Алексея Яшина, хоть и основано на реальных событиях, имеет налет метафоричности и потому — «Николка». Явная отсылка к Никколо Макиавелли, намек читателю, что текст романа будет носить философский, а то и политико-философский характер.

* Алексей Яшин. Военная цивилизация: Повесть (очередная книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— СПб: «Астерион», 2023.— 269 с. (в электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

Впрочем, однажды отец, Андреян, все-таки проговаривается:

— *А что, Колька,— уже напрямую, без обиняков обратился к нему Андреян,— занимаешься ты хорошо, главное, с прилежанием. И цель четкая: на радиоинженера учиться...*

Для того, чтобы подчеркнуть философское значение романа, автор постоянно использует прием ретроспекции. Начав повествование со дня сегодняшнего, где Николай Андреянович стар, сед, сановит, где единственной его радостью являются книги по военной истории, и, может быть, иногда поход с давним другом детства, столь же маститым ученым и преподавателем, в кафе «Наливай-ка!», автор затем то и дело возвращается в детство Николая Андреяновича, протекавшее в военном городке Полярном, колыбели Северного флота.

Прием ретроспекции помогает автору утвердить внешнюю оценку по отношению к повествованию. Эта оценка определенно мудрее и объективнее, чем могла бы быть у маленького мальчика. Объективность достигается постоянным сопоставлением: здесь — там, тогда — сейчас, истина — вымысел.

Потому и начинает Николай Андреянович свои воспоминания с пересказа сведений о том, что город Полярный — это бывший Александровск. Город, созданный по указу Александра III, осознавшего, что государство нуждается в сильном флоте. И с той поры каждый последующий правитель лишь укреплялся во мнении, что место для флота выбрано идеально и значение его для государства огромно. Что было бы со всем миром в Кубинский кризис, если бы не Северный флот с его подводками?

После разрушения СССР силами мирового империализма через агентов влияния в стране и возрождения индивидуалистического атакизма частнособственничества, Северному флоту, как основной противодействующей Западу военно-морской силе, был нанесен мощнейший удар. Опустим печальное, трагическое и всем хорошо известное. И нынешнее его возрождение, когда Молох империализма-глобализма поставил задачу полного уничтожения России, которая его уже ни в каком качестве не устраивает, во многом опирается на советское, сталинское, в основном, наследие, которое почти что чудом удалось сохранить в зловещие девяностые — начальные двухтысячные годы. Даже сверхалчным разрушителям и грабителям сложным оказалось скоренько уничтожить советский атомный подводный флот в количестве двухсот пятидесяти единиц — больше чем во всем остальном империалистическом мире, построенных в Северодвинске и Комсомольске-на-Амуре. И на Северном флоте ядро сохранилось. Уцелела титановая серия ударных атомных подлодок, что базируется в Видяево, равно как и стратегические подводные крейсера в Гаджиево. И надводный флот на рейде Североморска хотя и поредел, но что-то ведь и осталось? Главное, ожил северодвинский Севмаш. Дай-то бог! Увы, ликвидированное строительство атомных подлодок в Приморье уже не вернешь...

В детстве Николки Северный флот, подлодки, каперанги, кавторанги, торпеды присутствуют как основа всего сущего, как *военная цивилизация*. Городок Полярный посещают знаменитости, маршалы и министры, в городке рождаются и взрослеют знаменитые певицы, в этом городке слушают Голос Америки, чтобы узнать, живы ли их отцы, ушедшие с подлодками на Кубу, из их городка выходят крупнейшие военные специалисты и ученые. Государство, армия и флот (особенно Северный!) связаны в глазах Николки неразрывно, одно не выживет без другого. Жанр нового романа, таким образом, можно определить как публицистический, исторический.

Что позволяет нам так высоко оценивать размышления Николая Андреяновича?

Николай Андреянович не совсем обычный человек, а может быть и совсем не обычный. Он *маячник*. Символ маяка, а если шире — *Башины*, имеет в литературе глубокие корни и устойчивое символическое значение. Символ интеллектуального одиночества, ухода от мира, от суетных желаний, символ помощи заблудшим. Николай Андреянович не пользуется (почти) интернетом, что в принципе-то невозможно, ведь

он преподаватель университета. У него мало друзей. В воспоминаниях и нынешних днях героя практически нет женщин. Присутствующие даже не второстепенные, а третье- и далее- степенные героини, скорее, несут вспомогательные функции. Мать — *вспомнила архангельскую поговорку или пословицу*, учительница — *подказала*, библиотекарь — *дала книгу*, а зачастую это просто чья-то Дочь или Вдова. Мир военной цивилизации плохо сочетается с женщинами, и мир одинокого летописца из Башни — тоже. Отец Николая — Андреян — был маячником. Сын, хоть и не служит на маяке, но удалился от мира в символическую философскую Башню из слоновой кости. Необычность, нездешность героя подчеркивается и его речью. Николай Андреевич велеречив: в его речи устаревшие формы встречаются чаще, чем современные, а предложения длинные и полны синтаксических инверсий, для него нет разницы между читателем нынешним и читателем времен Александра III. Используя прием *надмирности* героя, автор создает образ философа и политика, своего, русского Никколо Макиавелли.

*Военная цивилизация! Истинно так, завершил свои воспоминания Николай Андреевич. И как ни сурова порой была его жизнь в том заполярном краю, но как же он благодарен судьбе за свое детство, отрочество и начало юности среди бушующего в штормах моря, голых скал и сопок, военных кораблей и гражданских судов, недельных вьюг и месячных зимних туманов, пронизываемых звуками его родных маяков: глухо ревущей сирены Седловатого, тоненько попискивающего Палагубского, озорно влаивающего маяка Большого Оленьего. **Sivis pakem, para bellum!** (с латинского — «Хочешь мира, готовься к войне») — вновь и вновь всплывала эта мудрость древнеримская на все века для этого вечно беспокойного мира.*

Достиг ли автор намеченной цели своим романом-трактатом, своим посланием к миру? На этот вопрос должен ответить читатель. Утверждать можно лишь одно: послание своевременно и основано на фактах русской истории.

Владислава Васильева,
член Союза писателей России
(г. Узловая, Тульская область)

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

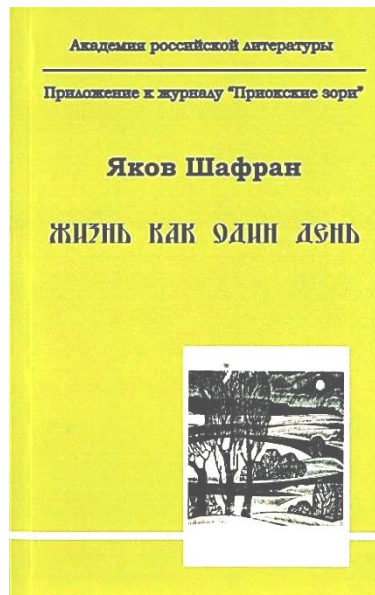
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2024.— № 4.—6 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2024.— № 3—4. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *АлександрЪ*. Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Иртышъ-Омь*: Литературно-художественный журнал.— 2024.— № 1—2 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Север*.— 2024.— № 5. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
7. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 13.— Тула: ТППО, 2024. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
8. *Лирика физиков*: Коллективный сборник.— Омск: ИЦ КАН, 2024.— 508 с.
9. *Валерий Виноградов*. Погружение.— Тула: ТППО, 2024.— 168 с.
10. *Борис Роганков*. Былое и судьбы. Страницы летописи.— Тула: Папирус, 2024.— 207 с.
11. *Олег Пантюхин*. Притяжение: поэтический сборник.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2024.— 69 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2).— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художествен-

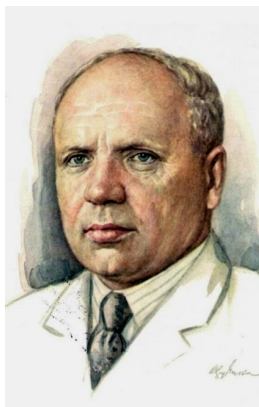
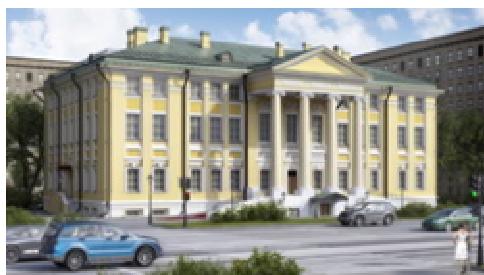
но-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори»» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2025-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

2 декабря 1900 года в Кобоне (недалеко от Санкт-Петербурга) родился **Александр Андреевич Прокофьев**.

Будущий поэт вырос в крестьянской семье, отец занимался деревообработкой и рыбным промыслом. Несмотря на незнатное происхождение, родители мальчика были образованными людьми. В свободное от работы время отец много читал, всей семьей любили петь народные песни. В доме часто звучали «Коробушка», «Варяг», «Хорошо было детинушке...», «Ермак» и другие фольклорные произведения. В семилетнем возрасте Сашу отдали в школу, где в эти же годы он начал сочинять первые свои произведения.

Получив начальное образование, он успешно прошел

конкурс в Петроградскую Учительскую семинарию. Но грянула Первая мировая война, отца забрали на фронт, и юному семинаристу пришлось отчислиться с четвертого курса, взяв на себя заботы о домочадцах. С фронта отец вернулся живым. Но теперь уже Александр попадает в Красную армию по партийной мобилизации, воюет на Петроградском фронте.

В конце 20-х годов Прокофьев заявляет о себе как о крупном авторе. В свет выходят его сборники «Полдень», «Улица Красных зорь», «Сотворение мира», «Победа». Стихи поэта публикуются в журналах «Залп», «Звезда», «Ленинград» и других. Его поэзия проста и близка народу, в ней присутствуют яркие фольклорные образы и верность простому человеку.

Во время Советско-Финской и Великой Отечественной войны Прокофьев работал военным журналистом, ездил по фронтам, выступал перед солдатами, состоял в писательской группе при политуправлении Ленинградского фронта.

*Она в цвету. Она выросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.*

*Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела. Не понять пока.*

*И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.*

*Но верю я: от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.*

*Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!*

(«Яблоня на минном поле»)

В этот период выходят сборники поэта, посвященные разгрому врага: «За Родину», «Фронтовые стихи», «Атака» и другие. Прокофьев продолжает работу в жанре фельетонов и принимает участие в совместной работе с А. Твардовским над циклом «Говорит Василий Теркин». В эти годы выходит одна из самых значимых работ поэта — поэма «Родина». Также он пробует себя и в качестве автора песен. Появляются «Плясовая», «Песенка Тони», «Походная песнь геологов», публикуется цикл стихов «Сольвейг», считающийся вершиной творческого наследия автора. На стихи Прокофьева были написаны песни, наиболее известная из которых — «Товарищ», ставшая неофициальным гимном молодежи, и «Тайга золотая» из одноименного кинофильма, а композитор Георгий Свиридов написал хоровую поэму «Ладога».

.....
*Через горе, слезы, через беды,
Через дни в свинцовой душевной мгле*

*Видели, как ты идешь, Победа,
По родной обугленной земле.*

*Проходи в цветах, венках и флагах,
Мы твои, великая, твои;
Так же, как поила нас отвагой,
Радостью священной напои.*

*Пусть она от края и до края,
Праздничная, яркая, святая.
Поднимается, шумит и льется,
Пусть она любой души коснется.*

*Радуюсь, ликуя, торжествуя,
Прав не уступая никому,
Принимаем мы тебя такую
В нашем свежее-прибранном дому.*

(«Победа», 1945 г.)

После Великой Отечественной Прокофьев занимал пост ответственного секретаря правления Ленинградского союза писателей.

Стихи последнего десятилетия жизни становятся новой вершиной таланта поэта. Выходит сборник, посвященный его поездкам по стране «Приглашение к путешествию». Уже после смерти поэта вышли «Радуга», «Пристрастия», «Гроздь», «Величальная песнь России»...

Умер Александр Андреевич Прокофьев 18 сентября 1971 года, похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге.

*Я, как сокол, крылья расправляю,
И, к высотам ревностью томим,
Каждый день горю и не сгораю,
Защищенный именем твоим!
Соколиной доле нет предела,
Я совсем немногого хочу:
Выше головы чтоб было дела,
Остальное все мне по плечу!*

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

В 2025 году исполняется **90 лет Альберту Анатольевичу Лиханову** — академику Российской академии образования, основателю Российского детского фонда, президенту Международной ассоциации детских фондов.

* * *

6 декабря — 100 лет со дня рождения **Николая Константиновича Старшинова**, поэта, принадлежавшего к поколению, чья юность и судьба опалена Великой Отечественной войной. Он родился в 1924 году в Москве, восьмым ребенком в многодетной семье. Родители приложили все усилия, чтобы дети получили образование. В 12 лет Коля Старшинов сочинил первые стихотворения, тогда же стал заниматься в литературной студии. Осенью 1941-го он рыл окопы под Малоярославцем, зимой вел ночные дежурства на крыше своего дома. В 1942 г. был призван в армию, учился в Ленинградском пехотном училище, в начале 1943-го, после присвоения сержантского звания, со всем курсом отправлен на передовую.

На фронте поэт не расставался с пером и бумагой.

*И вот в свои семнадцать лет
Я встал в солдатский строй...
У всех шинелей серый цвет,
У всех — один покрой...*

Старшинов был помощником командира пулеметного взвода на Западном фронте. В августе 1943 года, в ходе Спас-Деменской операции, получил тяжелейшие ранения ног осколками мины, всю ночь полз к своим и чудом смог избежать ампутации. Там, в госпитале, родились знаменитые строки:

*...А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал — чужую.
Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»,
А шли и гибли за нее.*

Николай Константинович был демобилизован по инвалидности. И тетрадь фронтовых стихов стала своеобразным пропуском в Литературный институт. Здесь молодой поэт написал свою первую книгу стихотворений «Друзьям», вышедшую в 1951 году. Одним из увлечений Николая Старшинова было коллекционирование частушек. Его подборки миниатюрных шедевров народного творчества, которые он собирал всю жизнь, поистине бесценны.

Литературный институт стал судьбоносным и в личной жизни Николая. Здесь он познакомился со своей будущей женой, известным впоследствии поэтом Юлией Друниной. Вот как он вспоминал те дни: «Мы встретились в конце 1944 года в Литературном институте им. А. М. Горького. После лекций я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санинструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было. И хотя позже, в 1948 году, писала: Возвратившись с фронта в сорок пятом, / Я стеснялась стоптанных сапог / И своей шинели перемятой, / Пропыленной пылью всех дорог,— мне казалось, что это ее несколько не смущало. По дороге мы взахлеб читали друг другу стихи... А поскольку большинство стихов было посвящено войне, заговорили о фронте... Вдруг случайно перенеслись в довоенное время. И обнаружи-

лось, что в конце тридцатых годов мы оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей. Вспомнили руководителей студии — поэта-переводчика Бориса Иринина, прозаика Исаю Рахтанова, товарищей-студийцев, вспомнили, как нередко пропускали занятия, чтобы посмотреть какой-нибудь спектакль. А «Тома Кэнти» смотрели даже вместе... Это было в конце тридцатых годов. Теперь нам было по 20 лет. Она была измучена войной, полуголодным существованием, была бледна, худа и очень красива. Я тоже был достаточно заморенным. Но настроение у нас было высоким — предпобедным...».

Старшинов внес огромный вклад в поэтическое увековечение памяти о Великой Отечественной войне: главным долгом он считал работу над составлением 12-томного издания «Венок славы». Усилиями Старшинова в антологию вошли не только стихи известных поэтов, но и простых солдат, инвалидов, участников и тружеников войны. Известен Старшинов и как заведовавший отделом поэзии в журнале «Юность», как руководитель литобъединения МГУ, как редактор альманаха «Поэзия». Поэта не стало 5 февраля 1998 года.

*Жизнь моя! Она бывала всякой.
Пела синевой любимых глаз...
И молчала зло перед атакой...
Может, потому и удалась! /1975 г./*

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

Сегодня исполняется **115 лет со дня рождения Павла Николаевича Васильева**. Родился будущий поэт 5 января 1910 года в городе Зайсан в Казахстане в семье учителя, выходца из казачьей среды. В 1925 году окончил школу и уехал во Владивосток, чтобы продолжить обучение в Дальневосточном университете, но через год уходит в плавание матросом, а затем становится старателем на золотых приисках на р. Лене. Жизненный опыт и впечатления тех лет стали основой первых очерков и стихов. Он ворвался в литературу 30-х годов ярко и ошеломляюще. И сразу заявил о себе как крупный поэт. Не склонный к похвалам Осип Мандельштам говорил: «В России пишут четверо: я, Ахматова, Пастернак и Васильев». Современники сравнивали его с Клюевым, Есениным, Маяковским. Он и сам сравнивал себя с Есениным, но отмечал существенное отличие: «Есенин свои образы по ягодке собирал, а мне нужно, чтоб сразу горсть».

*Я, детеныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!*

(«Одна ночь», 1933)

Произведения Павла Васильева — это сочетание фольклора и «языка революции». Значительное влияние на его творчество оказали привитые с детства две культуры — русская и казахская, что стало своеобразным мостиком между Европой и Азией, органичным соединением аромата бескрайних казахских степей и дыхания русской жизни...

В 1927 году в Новосибирске были опубликованы его стихи, привезенные с приисков. На следующий год поэт переезжает в Москву, много и упорно работает над

стихами и поэмами, печатая их в разных газетах и журналах. В 1930-м году уже в Москве увидели свет книги очерков «В золотой разведке» и «Люди в тайге», в журнале «Сибирские огни» публикуются наиболее яркие главы из поэмы «Песня о гибели казачьего войска». В журнале «Новый мир» появляется поэма «Соляной бунт», а позже — поэма «Синицын и К», продолжающие тему сибирского казачества. Откликаясь на коллективизацию в сибирской деревне, Васильев пишет поэму «Кулаки». Успех поэта спровоцировал ненависть и зависть многочисленных «друзей», которые писали в редакции письма с просьбой не печатать Васильева, приводя различные неправдоподобные доводы.

*...Друзья, простите за все, в чем был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами.
Ваши руки стаями на меня летят —
Сизыми голубицами, соколами, лебедями...*
(«Прощание с друзьями», 1935)

В 1937 году поэт был арестован сотрудниками НКВД. Поводом к задержанию стало подозрение в организации террористического акта, направленного против Сталина, причем, Васильеву была отведена роль исполнителя. Последним пристанищем поэта стала Лефортовская тюрьма. После допросов его красивая подпись становилась все хуже, буквы теряли разборчивость, и в конце превратились в одну сплошную линию. 16 июля 1937 года 27-летнего поэта Павла Васильева вынесли из камеры с седой головой, переломанным позвоночником, почти слепого... И — расстреляли. Захоронен в общей могиле № 1 «невостребованных прахов» Донского кладбища в Москве.

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К невучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о, степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.*
(1935 г.)

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ ПАХМУТОВОЙ

«Бесспорно, без мелодического таланта композитору в песне делать нечего; это жестокий закон, но — закон, но талант еще не гарант. Как будет воплощен замысел песни, как будет развиваться ее тематическое зерно, как будет сделана партитура, как будет осуществлена запись в студии — все это не последние вопросы и из всего этого тоже складывается образ».

А. Н. Пахмутова

9 ноября исполняется 95 лет композитору, пианисту и автору более 400 песен Александре Николаевне Пахмутовой. Друзья и близкие композитора подчеркивают,

что годы невластны над Александрой Николаевной. Большой ребенок с колоссальным чувством юмора и искрящейся радостью любим во всех уголках нашей страны.

Сотни музыкальных композиций А. Н. Пахмутовой наполнены неповторимым мелодизмом и точным подбором текстов. Они рождены из любви к родным просторам, из комсомольского задора, советского романтизма 60—70-х, любовных переживаний. Стилистически «выдержанную» стиховую интонацию композитор ищет и находит всегда в стихах Н. А. Заболоцкого, Р. И. Рождественского, Р. Ф. Казаковой и других поэтов. А творческий союз с Н. Н. Добронравовым принес нам множество любимых произведений «Я не могу иначе», «Как молоды мы были», «Трус не играет в хоккей», «Беловежская пуща», «Белоруссия», «И вновь продолжается бой»,

«Команда молодости нашей», которые стали «летописью страны», отражая высокие устремления народа и затрагивая самые тонкие струны души каждого человека.

Песни Пахмутовой считают своими гимнами люди разнообразных профессий: военные, космонавты, летчики, спортсмены, строители. Многие из композиций бесспорно ассоциируются с такими фильмами, как «Три тополя на Плющихе», «Девчата», «Моя любовь на третьем курсе», «Баллада о спорте», «О, спорт, ты — мир!», «Битва за Москву» и другие.

Александра Николаевна Пахмутова превратила классику в песню, а слушателям подарила великолепные мелодии, в которых всегда можно услышать тайные и явные высказывания о нашей жизни.

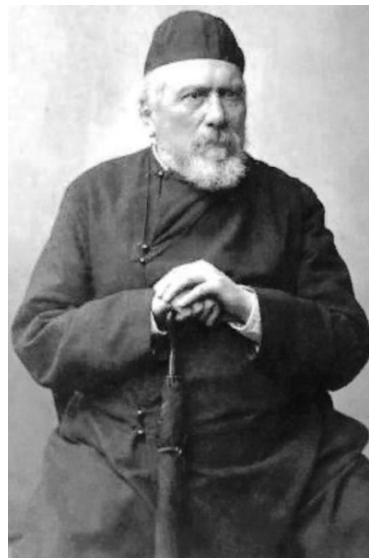
Е. Ф. Светланов

Московский городской педагогический университет

* * *

26 января 1890 года (135 лет назад) — автор сказа о Левше писатель Николай Лесков побывал в Ясной Поляне. Толстой встречал его и провожал до Тулы. Именно в этот приезд Лев Николаевич читал вслух гостю и Черткову комедию «Плоды просвещения», а Лесков — свои «Мелочи архиерейской жизни». Больше писатели не виделись, но состояли в переписке. Сохранилось 51 письмо Лескова к Толстому и 10 писем Льва Николаевича к нему.

Константин Шестаков

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУЛЫ

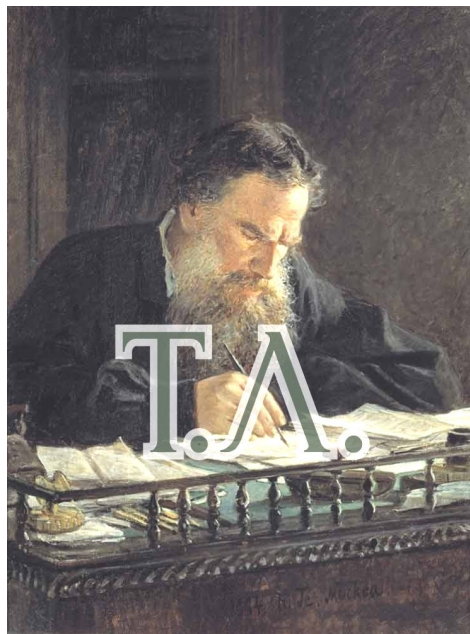
«ТУЛА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

Все мы знаем, что литературная жизнь города Тулы и области разнообразна. Кроме тульских отделений «Союз писателей России» и «Союз российских писателей» существует множество различных областных, городских литературных объединений, клубов, литературных театров. В библиотеках, музеях и на других площадках регулярно проходят разнообразные культурные мероприятия, связанные со словом: презентации книг, творческие вечера писателей, квартирники, книжные фестивали и т.д. При таком изобилии трудно следить за всеми творческими новостями.

В мае 2024 года у тульского поэта и афориста Алексея Шатова (публикуется под псевдонимом Нат Весенин) возникла идея объединить литературные группы Тульской области на одной странице Интернета (ВКонтакте). Так 1 мая 2024 года родился проект «Тула литературная».

Главным редактором проекта стал Нат Весенин. Заместителем главного редактора назначена Юлия Кондакова; она поэт, участница областного музейно-литературного объединения «Муза», печатается под именем Юлия Зимина-Кондакова. Администратором и редактором одновременно является Елена Плотникова, поэт, музыкант; ее творческое имя — Ольга Витале; она пишет душевные стихи, проникновенные песни на стихи современных авторов и классиков. Редакторами проекта стали поэт, член Союза российских писателей, руководитель музейно-литературного объединения «Муза», заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева Виктория Ткач, а также поэт, член Союза российских писателей, руководитель литературно-музыкальной студии «Вега» Наталья Рогова. Осенью у нас произошли изменения в редакционном составе. В число редакторов проекта вошел поэт, писатель, член Академии российской литературы, Российского союза писателей и переводчиков при МГО СПР, зам. главного редактора журнала «Приокские зори» и главный редактор альманаха «Ковчег» Яков Шафран, с творчеством которого мы часто знакомим читателей проекта. Редактором-советником проекта стал российский писатель, член Союза писателей России, директор Тульского отделения Литературного фонда России Валерий Маслов (автор серии остросюжетных романов «Мафия бессмертна» о лихих 1990-х).

В проекте мы рассказываем о наиболее значимых планируемых литературных событиях Тулы и области, чтобы люди, посмотрев наш сайт, могли получить представление о них и не пропустили то, что им интересно. Также отражаем впечатления об уже прошедших мероприятиях, знакомим с поэтами и писателями нашего региона, как известными, так и начинающими. Из известных поэтов мы часто публикуем стихотворения Валерия Савостьянова, Николая Жукова, Александра Новгородского, Виктории Ткач, Ольги Никитиной, Андрея Коровина, Екатерины Картавцевой, Натальи Роговой, Светланы Крыловой и других. Также рассказываем об ушедших поэтах и их творчестве. Особое место занимают духовно-поэтические произведения магист-

ра богословия, проповедника, литератора, помощника митрополита Тульского и Ефремовского Алексия по работе Общества русской словесности Олега Сенина. Из известных писателей мы публикуем произведения Валерия Маслова. Знакомим с творчеством талантливых прозаиков Владиславы Васильевой, Александра Романова, Анастасии Сизовой, Тианы Кутикиной и других. Полюбились читателям и произведения молодых авторов, например, фантастическая повесть Евгения Григорьева «Дождь из нефти». Также вызывают интерес стихи одаренной школьницы Анастасии Беляковой, которая стала лауреатом многих престижных конкурсов. Стараемся рассказать в проекте о новинках литературы тульского края. Были опубликованы статьи-впечатления Юлии Зиминной-Кондаковой о книгах двух известных поэтов, очень понравившимся читателям: члена Правления Тульского регионального отделения Союза писателей России Валерия Савостьянова и члена Союза российских писателей Виктории Ткач. Оживляют и разнообразят проект песни Сергея Сенина, Ольги Никитиной, Ольги Витале, Игоря Старостина и других композиторов на стихи тульских авторов, а также красивые видео... Во многих из них выразительно читает текст лауреат Всероссийского конкурса художественного слова Владимир Алешин. Мы опубликовали серии видеокomпозиций «Латы Победы», «Струны природы», где он душевно читает стихотворения поэта, эссеиста, педагога, культурного и общественного деятеля Наталии Миленченко. В нашем проекте мы рассказываем о мероприятиях, проходящих в литературном Доме-музее В. В. Вересаева в Туле, в Тульском областном художественном музее, новостях книжного фестиваля «Тульский библиогид», проходящего в Тульской областной научной библиотеке, о презентациях новых книг, выступлениях поэтов на различных творческих площадках, спектаклях литературных театров, собраниях литературных объединений и многом другом. Знакомим читателей с новостями творческой молодежи: литературно-художественного клуба «Книжкин дом» из города Узловая, где интересную работу со школьниками ведет поэт, педагог Надежда Григорьева, а также Центра талантливой молодежи в Туле.

Конечно, сейчас очень важно поддержать наших бойцов на передовой не только материально, но и морально. Поэтому важное место в нашем проекте занимают стихи о Родине и об СВО, которые публикуются в рамках акции «Сражающееся слово». Ее ведет руководитель клуба православных писателей «Родник» Владимир Алешин. Мы поддерживаем гуманитарную миссию «Буханка для Донбасса», которую курирует волонтер, член Союза писателей России Игорь Панин (подробнее узнать о миссии можно на сайте buhanka-donbass.ru).

20 октября 2024 года на собрании Тульского отделения Союза писателей России главный редактор «ТЛ» Алексей Шатов (псевдоним Нат Весенин) был награжден грамотой Литературного фонда России за создание проекта «Тула литературная», которую вручил директор Тульского отделения Литфонда Валерий Маслов.

В корпоративной газете «За прогресс» регулярно публикуются статьи о проекте и стихи подписчиков «Тулы литературной», работающих на предприятиях оборонно-промышленного комплекса.

За последние три месяца страницу проекта посетили более 14 тысяч человек, а общее количество просмотров превысило 230 тысяч. Среди наших читателей жители разных городов России. Проект «Тула литературная» работает под эгидой общероссийского проекта «Русь литературная», то есть выходит на российский уровень.

**Главный редактор проекта «ТЛ»,
член Литфонда России Нат Весенин
Зам. главного редактора «ТЛ» Юлия Кондакова**

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА АСТАШКИНА С ЮБИЛЕЕМ!

В этом году Е. И. Асташкину исполнилось 70 лет. Он родился 11 января 1955 года в Уральске в доме, стоящем на берегу Урала рядом с церковью.

Свои ранние детские впечатления он позднее отразил в мини-поэме «Картинки детства». В 1959 году родители переехали из Уральска в крохотный целинный поселок Державинка.

Первые Евгений прикоснулся к перу, еще неосознанно, в девятилетнем возрасте в санатории «Чим-Булак», куда попал из-за сложной травмы ноги. Полтора года провел в лежачем положении. Первое стихотворение он написал в 11 лет в Талгарском санатории. В общей сложности провел в санаториях более трех лет, что описано в повести «Ждут меня тополя». Данное время, скорее всего, и предопределило дальнейший выбор профессии, так как школьную программу по литературе он самостоятельно изучил на несколько лет вперед. Хотя у него в жизни было множество и иных увлекательных занятий.

Печататься Евгений Асташкин начал рано. Первую заметку поместил в местной газете «Целинное знамя», учась в 10-м классе. Первое стихотворение «Мой город молодой» напечатали в детской республиканской газете «Дружные ребята» в семнадцатилетнем возрасте. После школы его сразу взяли работать в районную газету литсотрудником.

В 1979 году Евгений заочно окончил факультет журналистики Алма-Атинского государственного университета имени С. М. Кирова. И кроме иных мест работы, трудился ответственным секретарем районной газеты «Колос».

В ноябре 1998 года Евгений переехал на постоянное место жительства в Омск. В данное время литературный консультант журнала «Виктория», выходящем ежемесячно в Омске. Журнал открывает новые таланты, в нем печатаются также школьники. Учителя средних школ используют журнал на уроках краеведения, студенты вузов пишут на основе его публикаций курсовые работы. Евгений Асташкин является зам. главного редактора литературно-художественного альманаха «Тарские ворота» и членом редколлегии, зав. отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Публикуется во многих местных и всероссийских изданиях, а также в журнале «Нива» (Целиноград).

Евгений Асташкин автор более трехсот стихотворений, десяти поэм, более ста рассказов и юморесок, шести повестей. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, дипломант областного конкурса, проводимого Омским отделением Союза российских писателей и Омским министерством культуры, — «Лучший рассказ XXI века» (за рассказ «Пол-Коли»). Его книги «Ждут меня тополя» и «Стозвонье» представлены на стендах-инсталляциях омской Аллеи литераторов. Он в 2019 году стал финалистом международного литературного конкурса «Чистая книга» имени Федорова Абрамова, а в 2020-м — лауреатом международного литературного конкурса «Они сражались за Родину».

В разные годы вышли его книги: «Стробоскоп», «Ждут меня тополя», «Балладным строем. Мини-поэмы», «Взломщик с двумя дипломами», «Рождение слона», «Напрасные дни», «Смертельное сновидение», «Неназванная», «Вне подозрений», «Заговор тиннов», «Солнечный зайчик», «Малолетка», «Пол-Коли».

Евгений Иванович Асташкин член Союза российских писателей с 2008 года. В настоящее время проживает в Омске.

* * *

ПОЗДРАВЛЯЕМ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МАКАРОВА!

19 ноября 2024 года состоялось награждение туляков государственными, региональными и ведомственными наградами. Среди награжденных — член Союза писателей России, член редколлегии журнала «Приокские зори» **Николай Макаров**, получивший из рук губернатора Тульской области Дмитрия Миляева награду: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (Указ Президента РФ от 04.10.2024).

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л.Н. Толстого (2015), лауреат премии имени С. И. Мосина (2016, 2023), лауреат премии Ярослава Смелякова (2023), лауреат премии имени А. Н. Плещеева (2024, Кострома), дипломант литературного форума «Золотой Витязь» (2024).

В 1972—1993 годах служил в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (Тула). Участвовал в боевых действиях в Афганистане. Принимал участие в событиях на Кавказе (Сумгаит, Тбилиси, Баку). Привлекался с марта 1975 года по декабрь 1980 года для обеспечения космических полетов по линии Поисково-спасательной службы ВВС (18 пилотируемых полетов из 21 за указанный период).

Макаров Николай Алексеевич — гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского отделения общества «Православные врачи», Российского военно-исторического общества.

Награжден Правительственной наградой за многолетнюю военно-патриотическую работу среди школьников, учащихся техникумов и колледжей Тулы и области, проведение «Уроков мужества», за активную жизненную позицию.

Им написаны и изданы более 50 книг, многие из которых посвящены тулякам, воинам-афганцам, воинам-интернационалистам, военнослужащим 106-й гвардейской воздушно-десантной.

Постоянно публикуется в журналах, выходящих под эгидой Союза писателей России: «Приокские зори» и «Александръ».

Также им записан 31 аудиодиск своих книг в авторском исполнении для слепых и слабовидящих людей.

В Тульском государственном музее оружия, Тульской областной библиотеке, Тульской модельной библиотеке № 3 имени В. Руднева постоянно проводятся презентации его книг (всего — более 30 раз с 2014 года) с привлечением школьников, учащихся, ветеранов боевых действий, ветеранов Вооруженных Сил.

С сайта Союза писателей России

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА САПОЖНИКОВА

В Москве в издательстве Российского союза писателей вышел в свет сборник произведений номинантов национальной литературной премии «Поэт года 2024». В книгу вошла подборка стихов члена Союза писателей России, туляка **Владимира Сапожникова**.

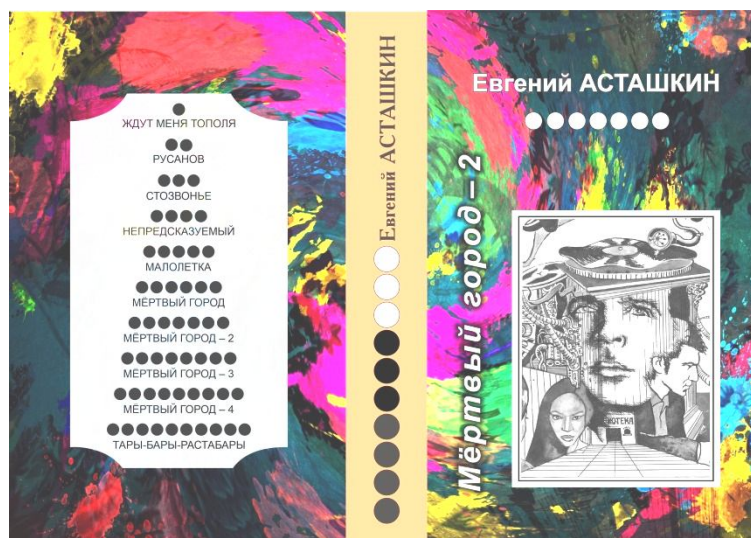

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО АВТОРА НИКОЛАЯ ЗАЙЦЕВА

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В свет вышла новая книга члена редколлегии нашего журнала Евгения Ивановича Асташкина.

Литературные новости члена редколлегии нашего журнала Николая Алексеевича Макарова

♦ **Новое издание о заслуженных отечественных врачах** представили гвардии майор медицинской службы, член Союза писателей России Николай Макаров и ученый, член Правления СП России Анатолий Труба.

«Медики России и СССР» — это систематизированный биографический список медицинских работников, отмеченных высшими наградами в области здравоохранения Российской империи

и Союза Советских Социалистических Республик.

Издание содержит данные о жизни, а также сведения об истории награждения медицинских работников и иллюстрировано фотографиями из архивов, опубликованных в открытом доступе. Также в издании обобщены достижения медицинской науки.

Кроме того, книга «Медики России и СССР» — это научно-популярный справочник биографического характера, которое вызвало большой интерес у исследователей истории отечественной медицины.

Несмотря на научный подход, информация в книге изложена простым и доступным для широкого круга читателей языком.

Издание выпущено при поддержке АНО «Социальный центр «Александр».

♦ **Книга — лучший подарок**

В книге Николая Макарова «Гвардейцы 106-й воздушно-десантной Тульской» (Тула: Издательство «Аквариус», 2024.— 608 с. ISBN 978-5-6051295-5-4) собраны заметки-зарисовки, интервью, очерки, краткие биографии тех, с кем автор служил в 106-й гвардейской воздушно-десантной Тульской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии и встречался-общался после увольнения из рядов Советской Армии.

Автор благодарит за помощь и поддержку Виктора Дзюбу (депутата Государственной Думы), Дмитрия Афоничева (депутата Тульской областной Думы), Александра Швыкова (депутата Тульской городской Думы) и Сергея Шеина (участника боевых действий в Афганистане).

26 апреля 2024 года.

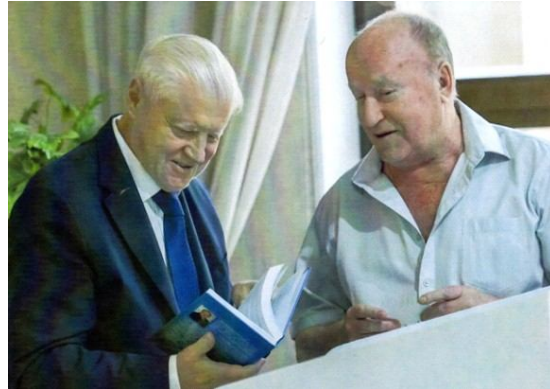
80 лет со дня образования 106-й гвардейской воздушно-десантной Тульской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

**ДЮМИН АЛЕКСЕЙ
ГЕННАДИЕВИЧ**

Губернатор Тульской области
(с 29.05.2024 — Секретарь Госсвета
РФ)

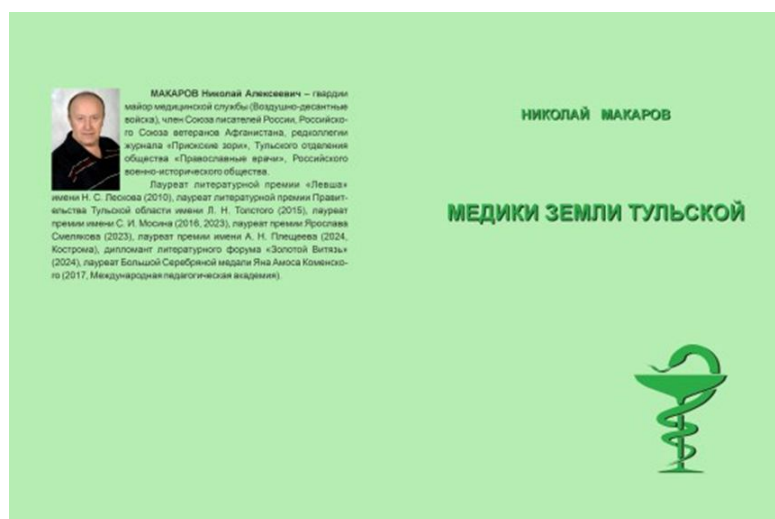
21 июня 2024 года (Тула)
**МИРОНОВ СЕРГЕЙ
 МИХАЙЛОВИЧ**
 («Справедливая Россия»)

2 августа 2024 года.
 День воздушно-десантных войск.
МИЛЯЕВ
ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
 И. о. губернатора Тульской области
 (с 12.09.2024 — Губернатор Тульской
 области)

♦ В Туле в свет вышла книга Николая Макарова «Медики земли Тульской»
 (2-е изд., испр. и доп.)

Книга о тульских медиках (краткие биографические данные), внесших значительный вклад как в медицину, так и в общественную жизнь не только земли Тульской, но и всей страны.

♦ Книги Н. Макарова, выпущенные при содействии журнала «Александръ»

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ В 2024 ГОДУ
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;*
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;*
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);*
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.*
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;*
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3..4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;*
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.*

Требования к фотографии:

- 1. Фотография должна быть портретной.*
- 2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.*
- 3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);*
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);*
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);*
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;*
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.*

Требования к фотографии:

- 1. Фотография должна быть портретной.*
- 2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.*
- 3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.*

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

**С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»**

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2025
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии